Остап Вишня

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ 2

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК». ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА. 1967

Издание выходит под редакцией
И. Собчука.

Иллюстрации художника
И. Семенова.

Прошлое и Настоящее

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМФЛЕТЫ
ВРЕМЕН
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ

Великомученик Остап Вишня

Будучи во Львове, я узнал, что украинско-немецкие националистические газеты подняли шумиху вокруг того, что якобы меня, Остапа Вишню, замучили большевики. Так вот слушайте, как это было на самом деле.

Очень сильно они его мучили. И особенно один: сам черный, глаза белесые, и в руках у него кинжал, из чистейшего закаленного национального вопроса выкованный. Острый-преострый кинжал.

«Ну,— думает Остап,— пропал!»

Поглядел на него тот черный и спрашивает:

— Звать тебя как?

— Остап,— говорит.

— Украинец?

— Украинец,— говорит.

Как ударит он рукояткой в святая святых его национального «я» — Остап только вякнул. И душа его чирик-чирик и хотела вылететь, а тот черный его душу за душу, придавил и давай допрашивать.

— Признавайся,— говорит,— что хотел на всю Великороссию синие штаны надеть.

— Признаюсь,— говорит Остап.

— Признавайся,— говорит черный,— что всем говорил, что Пушкин — не Пушкин, а Тарас Шевченко.

— Говорил,— отвечает.

— Кто написал «Я помню чудное мгновенье»?

— Шевченко,— говорит Остап.

— А «Садок вишневый коло хаты»?

— Шевченко,— говорит Остап.

— А «Евгений Онегин»?

— Шевченко,— говорит.

— А-а-а! А что Пушкин написал? Говори!

— Не было,— говорит,— никакого Пушкина. И не будет. Один раз,— говорит,— что-то такое будто появилось, а когда присмотрелись — женщина оказалась. «Капитанская дочка» называется.

— А Лев Толстой? А Достоевский?

— Что ж,— говорит Остап,— Лев Толстой! Списал «Войну и мир» у нашего Руданского. А Достоевский — подумаешь, писатель! Сделал «Преступление», а «Наказание» сам суд придумал.

— А вообще,— спрашивает черный,— Россию признаешь?

— В этнографических,— говорит,— границах.

— В каких?

— От улицы Горького до Покровки. А Маросейка — это уже Украина.

— И истории не признаешь?

— Какая,— говорит,— там история, если Екатерина Великая — это же переодетый кошевой войска Запорожского низового Иван Бровко.

— А кого же ты,— кричит,— признаешь?

— Признаю,— говорит,— «самостийную» Украину. Чтобы гетман,— говорит,— был в широких штанах и в полуботковской сорочке. И чтобы все министры были только на «ра». Петлюра, Бандера, Немчура. Двоих только министров,— говорит,— еще могу допустить, одного на «ик», а другого на «юк»: Мельник и Индюк.

— Расстрелять! — кричит.— Расстрелять, как такого уже националиста, что и Петлюру перепетлюрил и Бандеру перебандерил.

Ну и расстреляли.

Такого писателя замордовали! Как он писал! Бож-же ж наш, как он писал! Разве он, думаете, так писал, как другие пишут? Думаете, он писал обыкновенным пером и чернилами? И на обыкновенной бумаге? Да где это вы видели? Он берет, бывало, шампур — заостренную палочку для галушек,-в черную сметану обмакнет и на тонюсеньких-претонюсеньких пшеничных коржах пишет. Пишет, лепешкой промокает и все время напевает: «Дам лиха закаблукам, закаблукам лиха дам». А в случае не очень уж смешно выходит, тогда

как гаркнет на жену: «Жинка! Щекочи меня, чтоб смешнее выходило!»

И такого писателя расстреляли!

Попервоначалу ему было очень скучно.

Пока был жив, забежит, бывало, к Рыльскому или к Сосюре, опорожнят одну-другую поэму, ассонансом закусывая. Или они к нему заскочат, жена, смотришь, какую-никакую юмореску на сале или там на масле поджарит — жизнь шла!

А расстрелянный — куда пойдешь?

Одна дорога — на небо!

А там уж куда решат: в рай или в ад.

Первые сорок дней душа поблизости моталась. А когда она уже собралась в «обитель горнюю»,— увязался и он за нею.

В небесном отделе кадров заполнил анкету.

Зав посмотрел.

— Великомученик?

— Сильный,— говорит,— великомученик.

— За Украину?

— За нее,— говорит,— за матинку.

— В рай!

Перед раем, как водится, санобработка. Ну, там постригли, побрили.

— Не брейте,— просит Остап,— ус запорожский, а то потом,— говорит,— трудно будет национальность определить, поелику (вспомнил-таки, хвала богу!), поелику,— говорит,— оселедец сам вылез...

— Так в какой же вас,— спрашивает завраспред,— рай? Общий? Или, может, в отдельный предпочитаете?

— А разве у вас теперь,— спрашивает,— не один рай?

— Нет. Прежде был один, общий для всех, а нынче разные раи пошли.

— Слава тебе, господи!— говорит Остап.— Наконец-то! А я,— говорит,— боялся, что придется в одном раю с россиянами быть. Мне,— говорит,— в наш рай. Самостийный. Автокефальный.

— Пожалуйста! — говорит завраспред.

Приводят Остапа в самостийный рай. Взглянул — и сердце забилось-затрепетало. Сплошной вишенник и весь в цвету. Любисток. Рута-мята. Крещатый барвинок.

Васильки. Чебрец. Евшан-зелье. Течет речка-ручеек. Стоит явор над водою. Над яром дуб склонился. По ту сторону гора, по эту другая. Камыши. Осока.

И в том раю на вишневой веточке соловушка щебетал.

— Курский? — спрашивает Остап.

— Кто курский?

— Соловей,— спрашивает,— курский?

Райская гурия в кубовой плахте сразу же подбоченилась:

— Что вы, пане, трясця вашей матери, с ума спятили, что ли? Какой-такой курский соловей? Чтобы в украинском раю да курский соловей... Да тысячу чертей в душу тому, кто только подумать так может!.. Да повылазили б у него глаза, кто это увидеть может! Да триста ему на пуп болячек-пампушек! Да...

Подбегает вторая, в китайчатой паневе, красным поясом перехваченной.

— Ой, лышенько мое, не умею так лаяться, как моя кумася...

— Наш рай,— сразу же убедился Остап.

— Да ты знаешь, бешиха [1] тебе в живот, что мы, как только отавтокефалились, всех курских соловьев изничтожили. Да ты знаешь, что в нашем раю имеет право петь только тот соловей, который вылупился не далее пяти верст от Белгорода? А ты — курский! Да сто...

— Так это я,— Остап говорит,— не с национальной, а с орнитологической стороны...

— То-то оно и есть!

Ходит Остап по раю, осматривается.

— Ну до чего ж рай! Просто тебе рай, и баста!

Все в украинских нарядах, играют на бандурах, лирах, на сопилках, в бубны бьют.

Танцуют гопак и метелицу.

Гурии живут в кладовушках; чуток какую полюбил, так и в кладовушку.

Едят галушки, вареники, сало, колбасы, капусту, лапшу, путрю из ячменя сладкого.

Пьют оковитую, варенуху и мед...

Ездят только на волах. На конях — только всадники-казаки.

---

[1] Бешиха — рожа, воспаление.

Панов простолюдины в ручку чмокают. Паны простой люд канчуком вытягивают.

Национальность — только украинцы да украинизированные немцы.

— И как же это вы так,— спрашивает Вишня,— устроились? Кто вам помог?

— А это,— говорят,— друзья наши, гестаповцы. Потому как это наш рай, самостийный и ни от кого не зависимый...

— А кто ж директором у вас?

— Вакансия. Ждем нашего дорогого потомка старинного казацкого рода Гитлеренко.

— А-а, ну тогда и я здесь останусь,— говорит Остап.— Всю жизнь мечтал панам руки целовать. На земле не довелось, хоть в раю натешусь.

И живет теперь Остап Вишня в раю, в карты играет и дикую редьку-свербигу ест.

Вот самая что ни на есть правдивейшая правда о подлинном Остапе Вишне.

* * *

А что ж это за Остап Вишня, который и теперь в большевистских газетах пишет?

— Ну, ясно, это большевистская фальшивка.

По паспорту настоящая фамилия теперешнего Остапа Вишни «Павел (через ять) Михайлович Губенков». Из Рязанской области, хотя некоторые утверждают, что он в действительности из Вильнюса и что мать его — польский ксендз, а отец — знаменитый еврейский цадик. Последние сведения не проверены. Внешне он выглядит так: рыжая бородка клинышком, весь в лаптях, три раза в день ест тюрю и беспрестанно бренчит на балалайке, припевая «Во саду ли, в огороде».

Как напишет что-нибудь в газету, сразу бежит к Днепру и пьет из Днепра воду: Днепр хочет выпить.

Вот кто такой нынешний Остап Вишня.

...Выпьем... извиняйте... помолимся, господа, за упокой душеньки великомученика Остапа Вишни.

Да будет ему земля пером!

Самопишущим.

1945

Брехней свет пройдешь, да назад не вернешься...

1

Давненько родился я на свет. И с той поры живу себе да поживаю.

Дышу, хожу и смотрю, слушаю, а то ем, чихаю... Словом, поступаю, как все живые люди.

С разными знакомыми встречаюсь, с товарищами и друзьями. И все они при встрече спрашивают меня, как других:

— Живы? Здоровы?

— Жив-здоров,— говорю.— В общем, все в порядке. И дышу, и работаю, даже покашливаю. А вас как земля носит?

— Спасибо, помаленечку прыгаем!

— Ну, вот и прыгайте,— говорю,— на здоровье!

И так вот всегда. Представьте, что еще ни разу не пришло мне в голову ответить на вопрос: «Как здоровье, как поживаете?»— веселенькой фразой:

— Спасибо, я, слава богу, уже умер!

— Как это — умер?

— А так: взял да и умер. Как в песне:

Ой, мой милый умер, умер,
А в чулане дуду запер...

— Что значит — умер? Ведь вы живой!

— По-вашему живой, а на самом деле — мертвец!

— Не может быть! Какой же вы мертвец! Стоите,

разговариваете. Само собою дышите. И даже цигарка в руке!

— Э, то по-вашему — стою, разговариваю, дышу. И даже курю. На самом деле я уже мертвый, безнадежный покойник. В гроб меня положили и землицей присыпали. Лежу себе, и происходит со мной то, что с каждым покойником...

— Шутите!

— Тут не до шуток! Я ведь сам про себя уже некролог читал.

— Где? Какой некролог?

— А вот где! В «Украинском слове». Полюбуйтесь!

И показал я друзьям газету с некрологом. Читали его мои друзья. И я перечитывал.

Как же там жалобно было обо мне написано! Хороший, мол, человек, и такой несчастный. Уж так меня большевики мучили... так мучили, да глумились, да издевались. Ясное дело: не мог я вынести такие мучения, тяжко вздохнул, закрыл глаза, подрыгал правой ногой и — помер...

Еще никогда не испытывал я такого веселья, как в ту минуту, когда впервые прочел о своей собственной смерти.

И друзья мои до колик смеялись. Потом допытывались:

— Как же там, на том свете?

— Ничего,— говорю.— Можно сказать, что даже хорошо. Васильки цветут, вишни растут, любисток развивается. И как у Тараса Шевченко: «Хрущи над вишнями гудят...» А под ними, на том свете, которым гетман Скоропадский заведует, Петлюра комендантом служит. Сала да колбас там полно. Так что неплохо и на том свете живется...

Да, позабавились мы с друзьями известием о моей смерти. Ведь никто не опровергал его. Более того, не только «Украинское слово», но и «Краковские вести» сообщали, что большевики меня до смерти замучили. Жалкая газетенка, издавалась она на гестаповские средства в Кракове, когда там еще фашисты хозяйничали, и та некролог мне посвятила.

И в разном другом бумажном хламе, именовавшем себя «украинскими газетами», похоронили меня...

Не думайте только, что я один превратился в покойника с их помощью. Есть еще люди, которые ходят себе по советской земле, работают, смеются, а украинско-немецкие прихвостни занесли их в мартирологи и служат по ним панихиды...

Какие, дескать, звери большевики! Видите, что они натворили?

Да, товарищи, на примере моей личной жизни вам легко убедиться, как нагло врут, стараясь затуманить, задурманить головы легковерным землякам, как запугивают их националисты типа «ктобольшедаст», чтобы продолжать свое каиново дело, выклянчивая у новых хозяев кусок гнилой колбасы....

Такова их «правда».

2

Давайте, однако, оглянемся немножко назад...

Вспомним, как орудовали всякие националистические главари начиная с 1917 года.

Центральная рада...

Она оглашала «универсалы» про «самостійну Україну», а на деле продавала ее, продавала свой народ немецким империалистам.

Гетман Скоропадский...

Этот провозгласил «независимое» украинское государство, а сам сидел на троне под охраной немецкого фельдмаршала Эйхгорна...

Петлюра...

До чего ж это был «самостийный самостийник». Он такую «независимую» державу строил, такую «самостийную», что независимее и придумать невозможно.

А на деле-то продал Украину Пилсудскому да польским магнатам, привел на Украину князей Радзивиллов, графов Браницких да Потоцких, которых охраняла польско-шляхетская армия Пилсудского...

И разве мы не знаем, как продавались всякие атаманы и атаманчики таким царским генералам, как Краснов, Деникин, Врангель, Колчак...

Кому только не продавались они за медный пятак! И кому только не продавали они многострадальную Украину!

И все время кричали:

— Мы создаем самостийную, ни от кого не зависимую державу!

Все это была брехня. Сплошное предательство!

3

Украинский народ с помощью великого русского народа вышвырнул с родной земли всех «самостійницько-незалежницьких» гетманов и гетманят, атаманов и атаманчиков. И начал Советскую Украину строить.

Ой, мать родная, чего только не говорили тогда про нас разные панские холуи! Мы строили новую, по-настоящему народную жизнь, а они, притаившись, проливая слезы по гетманятам и атаманчикам, с мироедами-кулаками да подкулачниками якшались...

Когда же украинский народ решил по-новому жизнь перестроить, на социалистической основе общественные хозяйства — колхозы — создать, чего только не измышляли враги!

— В колхоз записались?

— Непременно!

— Матерь божья! Спаси и помилуй!

— А что?

— Там же все на общей кровати спят. И одним одеялом укрываются. Да на что мне это? Чтоб моих бедных детишек, моих крошек от родной матери отрывали и в детский питомник отдавали? Не приведи царица небесная! Что это вы мудрите?! И что это вы надумали?! Опомнитесь, кум, пока не поздно. Опомнитесь!

И катятся по щекам такого «кума» крокодиловы слезы от жалости к деткам-крошкам. А на самом деле за твоими крошками он видит триста десятин черноземной земли, на которой до революции якобы сам «надрывался». И встают перед ним утраченные закрома золотой пшеницы, «и прудок, и млинок, и вишневый садок»... Да и кони, что, как ветер, несут! И волы крутorогие! И вечно потные, согнутые в три погибели спины замордованных батраков!

Не поверил украинский народ в крокодиловы слезы!

И зацвели на свободной украинской земле общественные хозяйства. Широко разрослось великое социалистическое хлеборобство!

Без помещика, без пана, без кулака-мироеда...

4

Но не только вишневыми садами, озерами да бескрайними нивами, не только золотой пшеницей гордится Советская Украина.

Задымили на ее просторах заводские трубы, понесся по проводам ток от электрических станций, покрыли Донбасс — всесоюзную кочегарку — глубокие шахты, оборудованные по последнему слову техники. А около Запорожья пересек Днепр знаменитый Днепрострой. В Криворожском бассейне расширились карьеры и рудники, углубились марганцевые копи...

Уголь, железо, сталь, алюминий, чугун, марганец...

Отсталый сельскохозяйственный край превратился в передовую индустриальную республику...

Академия наук, университеты, индустриальные и сельскохозяйственные институты, техникумы, школы...

Больницы, клиники, курорты, санатории, дома отдыха...

И все только за три пятилетки...

А там, за границей, спрятавшись за спины гестаповцев и польской шляхты, ноют и воют, как шакалы, всяких мастей националисты, предатели:

— Нет Украины! Нема! Пустыня там! И народ гибнет!

Брехня! Какая брехня! Да они, предатели, только и умеют брехать!

Грянула Великая Отечественная война...

Разоряют фашистские орды Советскую Украину. И, не жалея ни крови, ни жизни своей, украинский народ вместе со всеми народами Советского Союза защищает Отчизну...

А что делает националистическое отребье — бандеры, мельники, левицкие, донцовы, шмуляки и им подобные?

Ну, что они могут делать, кроме как продавать и предавать?

Работают в гестапо, организуют дивизию СС — «Галиция», шпионят... Они стали палачами своего народа!

Из фашистских пулеметов и автоматов стреляют они в советских солдат. И расстреливают стариков, старух, детей; родных матерей расстреливают!

А в то же время кричат:

— Мы строим самостийную Украину!

Палачи, брехуны!

Советская Армия разгромила немецких фашистов, освободила Украину, вызволила порабощенные гитлеровскими варварами народы.

И воссоединились все украинские земли в единую великую Советскую социалистическую Украину...

Осуществилась вековая мечта украинских тружеников.

А панским холуям, предателям никогда не увидать больше отчизны. Их «родина»— лакейская прихожая в господских покоях!

Там они и околеют. И осиновые колья станут «памятниками» на их могилах.

1945

Иван Явор

Жил да был на свете один человечина.

Звали того человека Иван, а по фамилии он писался Явор.

Родился Иван Явор на Львовщине, недалеко от самого города Львова.

Где именно родился Иван Явор, доподлинно мы не знаем: может, в Перемышлянах, а может, возле Перемышлян, может, в Раве-Русской, а может, неподалеку от Равы-Русской.

Родился он еще в те времена, когда украинская земля Галичина была в ярме у Франца-Иосифа Габсбурга, апостольского цесаря и императора с баками.

И украинская земля Буковина тоже в те времена в ярме была у того же таки цесаря и императора Франца-Иосифа Габсбурга.

И Закарпатьем, тоже украинской землей, правил тот же Франц-Иосиф Габсбург.

В панском ярме Иван Явор родился да так, стеная и кряхтя, жил.

А когда подрос Иван Явор да за крейцер в сутки пас у пана гусей, то очень и очень дивился всему, что вокруг него творилось.

Пана, чьих гусят пас маленький Ваня Явор, звали Вильгельм Шмидт, а мальчишки с девчонками как, бывало, завидят его, так сейчас же и приговаривают:

— Немец-перец-колбаса...

Тихонечко приговаривают, чтобы, не дай бог, не услышал, а то бить будет.

Как-то встретил он Ваню Явора, когда Ваня пригнал гусят к панскому двору.

— Чей ты? — спросил пан Шмидт.

— Явора! — дрожащим голосом промолвил Ваня.

— Звать как?

— Ваня!

— Ваня Яворов? — с каким-то яростным презрением передразнил Ваню пан Шмидт.— Кто тебя так назвал?

— Папа с мамой! — промолвил Ваня.

— Не Ваня ты, а Йоганн! Не Явор ты, а Яворман! Вот кто ты! — ударив стеком по голенищу, сказал пан.— Мужлан!

Ваня испугался, заплакал и, плача, прибежал домой.

— Мама! Пан сказал, что я не Ваня, а Йоганн, и не Явор, а Яворман. Почему так, мама?

— Подрастешь — узнаешь, почему так, Ваня! — горько молвила мать.

Рос Ваня и все время удивлялся...

Пан немец хотел, чтоб он звался не Иваном, а Йоганном, и не Явором, а Яворманом, а пан ксендз из костела подзывал иногда к себе Ваню и говорил ему, чтоб ходил в польский костел молиться богу и что зовется он не Иван Явор и не Йоганн Яворман, а самое что ни есть настоящее его имя Ян, а по фамилии он Яворский...

После первой империалистической войны порвалась лоскутная австро-венгерская монархия на отдельные лоскутья.

Очутился Иван Явор в другом уже государстве, в шляхетской Польше.

Вот тут уже сильно нажимали на Ивана Явора и паны и ксендзы, что никакой он не Иван Явор, а такой уже из него Ян Яворский, что янейшего и яворскейшего, чем он, не было в мире и нет.

— Да я ж украинец! — отзовется, бывало, Иван Явор.— Какой же из меня Ян, когда я самый что ни есть настоящий Иван!

А паны ему:

— Какой такой украинец? Что за украинцы такие нашлись?! Были когда-то русины, или руснаки, а теперь и русинов с руснаками нет!.. Какая такая Галичина, какая

такая Украина? Малопольска, проше пана, а не Украина и не Галичина! И не украинцы, а малополяки! И ты, Ян Яворский, не украинец, а малополяк! Разумеешь?

— Да какой же я, проше пана, малый, когда я больше вас? Ничего себе малополяк!

Не любили польские паны таких Ивановых разговоров: испробовал за такие разговоры Иван Явор и панских кнутов и панских тюрем.

А тут еще и свои панки да подпанки:

— Пляши, Иване, як хцэ пани! Кланяйся, Иван, пану, пан шеляга[1] даст! Вон, видишь, какие у меня хоромы, какое у меня поместье, а и я украинец! Кланяйся, Иван! Хай живе самостийна Украина!

Не очень Иван пану кланялся, хотя было Ивану горько: ни коровенки, ни лошаденки, хибарка-сараюшка.

Да еще большое-большое панское ярмо.

Такое ярмо, что влезал Иван Явор в него со всеми предками, семьей и потомками.

Сородичи Ивановы жили на Буковине и в Закарпатье.

Как начало хозяйничать на Буковине румынское панство, так и оно взялось Ивана Явора да Ивановых родичей в румын перелицовывать.

Так и в Закарпатье.

Когда хозяйничало там чешское панство, то все Яворовы сородичи были не кем иным, как чехами.

А как заскочили было туда мадьярские паны, так те по-своему крестить начали:

— Вы и не чехи, вы и не украинцы. Вы мадьяры!

А панки и тут:

— А что вам такого, кто вы?

Лишь бы деньги! Кланяйтесь пану, Ивановы сородичи, кланяйтесь! Хай живе самостийна Украина!

Панам и подпанкам безразлично, что им дают: или злотый, или лею, или крону, или марку,— все равно деньги!

А Ивану Явору и его сородичам — ярмо! Только ярмо! А ярмо одинаково тяжело — и шляхетское, и румынское, и мадьярское, и немецкое, и свое украинское, так как оно — панское.

---

[1] Шеляг — грош, самая мелкая монета.

* * *

Ах, как хотелось Ивану Явору сбросить ненавистное, тесное и тяжелое панское ярмо!

Временами гнев переполнял чашу терпения, и он восставал против своих извечных врагов — пылали тогда панские поместья и экономии, и летели головы с цесарских наместников и шляхетских воевод...

Но его борьбу за лучшую жизнь, за волю топили паны в реках крови...

Не раз во время лихолетья подходил Иван Явор к пограничным рекам — к Збручу, к Днестру, всходил на высокие карпатские полонины и глядел на восток, где рабочие и крестьяне без пана и капиталиста строили новую, свободную, социалистическую жизнь.

Глядел Иван Явор на восток, слушал новые, свободные песни, на обновленной земле петые, прислушивался к стуку молотков и топоров нового, в электрическом сиянии индустриального и колхозного строительства, к шуму и рокоту тракторов на необозримых колхозных полях Советской Украины.

Глядел, боролся и надеялся...

Надежды Ивана Явора сбылись.

Освобождение пришло 17 сентября 1939 года.

Народы Советской страны во главе с великим русским народом, большевистской партией руководимые, протянули братскую руку порабощенным братьям — западным украинцам и белорусам.

Украинский народ воссоединен в единой Украинской Советской Социалистической Республике.

На родной советской земле, в родном советском доме стал Иван Явор Иваном Явором — Человеком с большой буквы.

Какая же светлая теперь Родина у Ивана Явора!

И какая она безграничная!

Счастлив Иван Явор в единой, великой семье свободных советских народов.

Без пана!

На веки вечные!

1949

Челом

Я никогда не забуду деда Матвея.

Когда мы друг с другом встретились и познакомились, деду было уже, наверное, под семьдесят, пас уже дед Матвей гусей и уже жаловался:

— Глаз уже у меня, черт бы его побрал, не очень острый! И слеза забивает! Гуску еще вижу, а как за иголку берусь или за гвоздик, чтоб куда забить, то оно уже мне только мельтешит! Но ничего, вот Олена, внучка моя, крашанку [1] мне принесет, я крашанкой глаза вымажу, оно и пройдет! Мелашка, кума моя, крашанку посоветовала. Кум уже давно помер, а она еще скрипит понемногу, как и я... Так это она про крашанку мне говорила... Как языком слижет, говорила. И гноиться не будет, и слеза не будет забивать... Да это она знает! У нее и мать такая была, что и от рожи, и от глаза, и от падучей — все, бывало, знает. И ее вот научила... Да...

Встретились мы с дедом Матвеем в первые годы Октябрьской революции. Дед Матвей в комнезамах был и на все заседания, на все митинги ходил.

— Бо я еще смолоду панов не любил! Двадцать же и пять годов у пана пробатрачил! И не покорялся! Пану не покорялся! В глаза ему правду говорил! А пан, бывало, осатанеет да ко мне:

— Сгною! В тюрьме сгною, Матвей!

А я ему:

---

[1] Крашанка — яйцо.

— Что ты меня тюрьмой пугаешь?! Тюрьма наша! Разве тюрьма для панов?! Для нас тюрьма! Так пан, бывало, аж из себя выходит. И что вы думаете, не сидел я в тюрьме? Сидел! Сразу после японской войны, как поднялась революция, запроторил-таки меня пан в тюрьму!

— А пан,— спрашиваю я,— сидел?

— Пан?! Разве ж тюрьма была тогда для панов?! Для нас тогда тюрьма была,— смеется дед Матвей.

* * *

Вспомнил я деда Матвея, который и вырос и состарился в тюрьме народов, в бывшей царской России.

Царская Россия была тюрьмой народов.

Не одного какого-то народа, а всех народов, населявших царскую Россию.

И очень метко говорил дед Матвей:

— Не для панов тюрьма, а для нас!

Тюрьма была для рабочего люда, для незаможного селянства.

И без различия национальностей.

Сидел по тюрьмам рабочий и бедняцкий русский народ, сидели украинцы, белорусы, грузины, армяне, узбеки, таджики, татары, казахи, башкиры, киргизы, и т. д., и т. д.

Самая что ни есть одинаковая судьба была у всех рабочих да крестьян всех национальностей.

И когда теперь не доеденные вшами, в «самостийных дырках» разные бандеренята да бульбенята, вылизывая вместо немецко-гестаповского другие панские сапоги, разглагольствуют: «Русский народ угнетал и угнетает другие национальности!», нам хочется сказать им, если они еще не совсем забыли человеческую речь:

— Приравняли что-то к чему-то! Приравняли царя и царское правительство с помещиками да капиталистами к великому русскому народу!

А великий русский народ, как видите, не очень приравнивал себя к царю да к панам, а настал подходящий момент — полетели головы и с царя и с панов!

Русский народ?!

Когда нужно было вызволить великого нашего Тараса из крепостной неволи, кто это сделал?

Русский художник Брюллов и представители интеллигенции великого русского народа!

Когда нужно было «показать» Михайла Коцюбинского широкому русскому читателю, кто это сделал?

Великий русский писатель Максим Горький.

Кто из наших писателей так любил и так понимал Коцюбинского, как любил и понимал его великий русский писатель Максим Горький?

А дружба Марка Вовчка с Тургеневым?

А кто познакомил русский народ с произведениями Франка, Стефаника, Мартовича, Кобылянской?

Передовая русская общественность! Марксистский журнал «Жизнь».

А как относилась Леся Украинка к русскому народу и к его культуре и литературе?

Кто на весь мир воскликнул могучим голосом в 1918 году:

— Украина освобождается! Спешите ей на помощь!

И, наконец, кто помог украинскому народу соскрести со своего тела разных «чужеедов»: петлюр, скоропадских, врангелей, деникиных, немцев, пилсудских, гитлеровцев и украинско-немецких националистов?

Великий русский народ и все другие народы Советского Союза во главе с большевистской партией и великим Лениным.

И бьет челом им за это свободный украинский народ!

* * *

Украинский народ никогда не смешивал царя и царенят, пана и подпанков с великим русским народом и никогда не смешает.

Для нас великий русский народ — знамя свободы, а не угнетения, знамя братства и дружбы народов!

А гестаповские недобитки, бывшие украинско-немецкие, а теперь украинско-ктобольшедаст-националисты, смешивают.

Почему?

1. Потому, что им это выгодно.

2. Потому, что у них уже все перемешалось: они уже не знают, чьи сапоги они лижут, кого и куда целуют,— как же они в этом могут разобраться?!

Лижите и целуйте далее:

...Может, ударят
Или дулю дадут,
Хоть полдули,
Лишь бы только
Под самую морду...

1946

Концепция ограниченного разума

В основе концепции историка Грушевского лежало то, что, как он ни присматривался к историческому прошлому Украины, он не смог заметить ни малейшего намека на то, что Киевская Русь была колыбелью культуры трех братских народов: русского, украинского и белорусского.

Более того: по Грушевскому, никакого русского и никакого белорусского народов никогда не было и не будет, а те народы, которые объединились около Москвы и Минска,— это все украинцы, которые или изменили «неньке Украине», или были насильно от нее оторваны и русифицированы и белорусифицированы.

Таким образом, остается только одно: дерусифицировать и дебелорусифицировать эти народы,— и будет повсюду Украина.

Для этого жил и писал историю Грушевский.

Все это накрепко усвоили его последователи.

Но на этом они не остановились.

К этой концепции они добавили немало и своего.

Кое-кто из них доказывает, что чистокровно арийская немецкая раса народилась на острове Хортица и уже оттуда переселилась в Германию, основав по дороге город Лемберг, теперь Львов.

Когда арийскую расу скапустили, у грушевченок появились исторические доказательства, что и английская и американская оккупационные зоны тоже возникли на бывшей Украине, и поэтому, мол, с исторической точки зрения совершенно естественно, что бывшие украинско-

немецкие, а теперь ктобольшедаст-националисты в последнее время обосновались в вышеназванных зонах и усовершенствуют профессию Иуды Искариотского.

Далее историки-грушенковцы реконцептируют свою концепцию так.

Украинцы уже за четыре столетия до нашей эры владели Византией, и Александр Македонский на самом деле был украинский гетман Александр Македонченко.

Он вскочил на коня своего Буцефала и крикнул:

— Хлопцы, за мной!

Хлопцы сели на коней, и гетман Александр Македонченко повел их на Персию, где изрубил в капусту персидского царя Одария.

Тогда Украина расширилась далеко на восток и сукраинизировала Индию, Индонезию и остров Целебес.

В это время сечевики-запорожцы проскочили на «чайках» через Баб-эль-Мандебский пролив, вырыли Суэцкий канал и ударили прямо вперед, чтобы захватить Сингапурские хутора.

А дороги не знали.

Выскочили они из Суэцкого канала, встретили туземца:

— Куда тут на Сингапурские хутора?—спрашивают.

А туземец по-украински не знает.

Что-то такое на пальцах показывает, а казаки-запорожцы не понимают.

Атаман скомандовал:

— Возвращайтесь, хлопцы, в Великий Луг, потому что тут все янычары! По-нашему ни мур-мур! Ко всем чертям Сингапурские хутора! Еще заблудимся!

Сингапурские хутора тогда захватила Англо-Саксония.

Изрубив в капусту персидского царя Одария, украинский гетман Александр Македонченко украинизировал, как уже было сказано, Азию и повернул к Египту.

В Египте украинцы построили Хеопсову пирамиду и решили было основать на Ниле Нильскую Сечь, но испугались крокодилов и не основали.

Кое-кто из украинцев остался в Египте фараонить, а кое-кто погнал на Черкасщину египетского бугая Апи-

са, от которого и пошла порода серых украинских волов, которыми-то и «пахал мужик край дороги»...

Так и шла история Украины, вплоть до того времени, пока настоящие украинцы обосновались в американской и английской оккупационных зонах, где и основали свою самостийную державу с государственным бюджетом в сумме тридцать серебряных рублей.

Последний раздел своей истории Украины последователи Грушевского пишут на тему «Украинизация Алжира, и была ли у алжирского бея под носом шишка?»

1946

Самостийная свалка

1. «Пиль!»

Когда-то нам приходилось видеть, как егерь учил сеттера искусству охоты.

Свисток... Сеттер подбегает.

— Ложись! Куш! Пиль! Возьми! Тубо! Не трогай!

Сеттера учили, как охотиться на птицу.

А вот как учатся украинско-немецкие выродки в СС-школе.

Время от времени свисток дежурного.

— Смирно! Налево! Направо! В шеренгу становись!

Приказы чередуются с приказами.

Украинско-немецких выродков учат, как убивать украинско-советских людей, которые не хотят быть немецко-фашистскими рабами.

А еще чему учат в той школе?

Ну, ясно чему!

Немецкому языку, истории, географии.

Украинскому языку, ясное дело, не учат, а только немецкому.

И это совершенно понятно: зачем тем украинцам украинский язык, если им на лекциях совершенно точно доказано, что Богдан Хмельницкий был родом из Бранденбурга, а Семен Палий — не кто другой, как родная тетка Фридриха Великого!

А география подтверждает, что Запорожская Сечь — это герцогство Саксен-Кобург-Готское, потому что и сам Т. Г. Шевченко писал:

А на Сечи хитрый немец
Картофельку садит.

Вероятно, и лучше, что украинско-немецкие выродки, выучившись в той школе, будут называться Иван Передериматы — Иоганнесом Передеримуттер, а Петро Переверниплляшка — Петром Умдряньфлаш.

2. «Поберегись!»

«Может бы, вы, кум, и мед ели, так где его взять?»

Сидит цыган на опушке и говорит:

— Эх! Запряг бы я в тачанку пару вороных жеребцов — не кони, а ветер! — да посадил бы свою жену и детей, щелкнул бы батожком, да как бы помчал! Ехал бы и кричал: «Поберрегись! Поберрегись!»

— Ну и запряги,— говорю.

— Так нет жеребцов! И тачанки нет! И жены нет! И детей нет!

— А что же у тебя есть?

— Есть у меня только «Поберрегись! Поберрегись!»

Так и с украинско-немецкими холуями, которые подались за своими хозяевами.

Скулят они теперь:

«Найти себя в новой ситуации — это залог всякой дальнейшей позитивной работы и успеха в ней».

«Найти себя»...

Пойди найди, когда и сами хозяева уже не знают, как и где себя найти. Находили они себя и на Висле, и на Одере, и на Бобере... Да снова везде себя потеряли.

Вряд ли, господа, вы себя найдете, а вот что вас найдут, нет никакого сомнения.

И недаром вы вопите:

«Поэтому самое важное наше задание — в первую очередь взнуздать разум...»

Именно так, как у того цыгана. Взнуздал бы, так нет у цыгана лошади, а у вас разума.

У цыгана хоть «Поберрегись!» было, а у вас и этого закричать некому.

3. «Национальное правление»

Заседает так называемый украинский центральный комитет.

Где такой комитет, украинский да еще центральный, может заседать?

Ясно где: в Видине.

Кто заседает в таком комитете, украинском да еще центральном?

Ясно кто: президент отдела внутреннего правления фон Кравзгар, комендант дивизии группенфюрер Фрайтаг и другие представители правительства генеральной губернии.

Одни, словом, потомки рыцарей — сечевиков славных.

4. «Праздник соединения»

И до чего же трогательным был праздник соединения немецкого народа с украинским...

Сам генерал-губернатор немецкий с украинским народом говорил.

Да как! В каком оформлении!

«Генеральный губернатор в окружении своей свиты появился на балконе, чтобы держать речь к украинцам...» «Слава вам!» — окончил свою речь пан генеральный губернатор.

Через два дня после трогательного праздника Михаил Кибец, крестьянин из Подлиповки, говорил немецкому полицейскому:

— Да куда же ты сало тянешь? Сам генеральный губернатор говорил нам: «Слава вам!»

— А я разве славу тяну? Я — сало. Слава вам, а сало нам!

5. Не устояли...

Когда делегация украинско-немецких очень самостоятельных националистов пришла к господину губернатору Варшавы Фишеру с очередным поклоном, она заявила пану губернатору:

«С немецким народом будем стоять до полной победы».

Через некоторое время после такого твердого «стояния» побежал сначала губернатор Фишер, за ним пока-

зала пятки украинско-немецкая очень самостоятельная делегация.

Украинско-немецкий поэт Герась Соколенко бежал позади и на ходу писал стихи:

В золотом ореоле
Ты веками горишь.
Я смотрю — мчат по полю
Казаки, казаки...

6. «Где украинская женщина?»

На невеселые картины натыкаемся, проглядывая клочки бумаги, которые называются газетами украинско-немецких прихвостней.

Вот одна картина:

«Молодая двадцатилетняя беременная женщина, около нее полуторагодовалый ребенок. Ее муж гибнет, как воин немецкого войска. Двадцатилетняя мать в чужом переполненном городе, без крова над головой, без надежды в сердце. Куда, какими дорогами поведет ее с двумя младенцами в дальнейшей жизни одиночество?»

И вторая картина:

«Муж, бандеровец, гибнет во время бегства с родины. Его жена с двумя детьми школьного возраста останавливается в лагере для перемещенных лиц. Она заболевает, ее берут в больницу. Дети остаются одни, дети просят, чтобы им разрешили проведать маму. В это время их мать лежит уже мертвая. Дети остаются под опекай бога».

Нарисовав такие картины, украинско-немецкий газетчик, проливая крокодиловы слезы, вопит:

— Где украинская женщина, которая от имени нации стала бы опекуном и матерью обездоленных детей?

Видите, какой тонкослезный, какой святой да божий!

А кто довел тех матерей до такого положения?

Кто осиротил маленьких детей, погибающих в лагерях и чужих переполненных городах?

А теперь ищете для них украинскую женщину-опекуна, убийцы!

Украинская женщина там, где ей надлежит быть: она вместе со своим отцом, своим мужем, своим братом уничтожает фашистского зверя. Она вместе с ними восстанавливает разрушенное фашистскими бандитами и их

агентами, украинско-немецкими националистами, хозяйство.

Ее, советской украинской женщины, дети не погибают от холода и голода в чужих городах и лагерях и не нуждаются в опеке, потому что их опекают все народы великого Советского Союза.

Ее дети растут веселыми, счастливыми и свободными.

7. «По возможности яйца и сыр...»

Ничего не будем добавлять, потому что и добавлять нечего. Мы только процитируем несколько документов из тех клочков бумаги, которые называют себя газетами и отражают общественную мысль разных украинско-немецких «группировок» и отдельных личностей.

Ну вот, например:

«Украинское национальное объединение при участии и помощи украинского центрального комитета и УАТ[1] «Сечь» устраивает в ресторане «Zum goldenen Kreus» общий праздничный вечер, на который приглашаются все украинские граждане Видина и окрестностей. Каждый участник вечера должен внести 200 граммов белого хлеба, 20 граммов масла и денег 5 РМ[2]..., а также по возможности яйца и сыр. Обращаться и т. д.

Управа УНО».

Как видим, украинско-национально-немецкий праздничный вечер недорогой: 5 марок, 200 граммов хлеба и 20 граммов масла. Яйца и сыр по возможности.

А если нет этой возможности?

Ну что же, значит, праздничный вечер будет без сыра...

8. Не заберете — я и украду

И еще объявление:

«Украинское национальное объединение просит всех, кто хранит свои вещи в доме УНО, забрать их до 31/XII. За вещи УНО не несет никакой ответственности».

Самый лучший способ дать объявление за несколько дней до назначенного термина. Никто, ясное дело, ве-

[1] УАТ — Украинское Автономное Товарищество.
[2] РМ — рейхсмарка.

щей не заберет, потому что забирать некуда — потом продавай и пропивай!

Дело, как видите, целиком государственно-национальное.

9. Кругом Украина

Вот она, их «территория»:

«Центральное бюро Украинского национального объединения в Берлине перенесло свои отделы в Berlin, Weissensee, Scharlottenburger Strasse, 59, im Hof, rechter Seitenflügel».

Вот и вся их держава: rechter Seitenflügel!

Гуляй около Weissensee и пой «Ще не вмерла Украина!».

Вся государственная работа.

10. Пропадай моя бандура...

«Профессору» Барбаруку не до пения:

«Бандуру художественного изготовления вместе со школой — нотами продам: проф. Михайло Барбарук, Wien, 10. Randhartingerg, 17, 8/III». Одним словом:

Взял бы я бандуру,
Взял бы и загнал,
Потому что сдуру
Эмигрантом стал...

Загнал бы... Да кто купит? С такой жизни не заиграешь...

11. «Права бесправных...»

А интересно было бы прослушать такую лекцию:

«Правление УАТ «Сечь» в Видине ставит в известность, что дня 15/XII состоится лекция д-ра О. Фединского на тему «Правовое положение бездержавных». Гостям рады».

Вы гостям рады... А рады ли гости вам?

Не очень-то они вам рады, потому что они бездержавные, а значит, и бесправные.

Чему же здесь радоваться?

1945

Украинско-немецкая националистическая самостийная дырка

В некоторых селах украинско-немецкие банды прячутся в убежищах, сделанных в виде выкопанных в земле больших нужников.

(Факт.)

И потянули Ивана Темного строить украинскую, самостийную, даже от разума не зависящую державу.

Побрел Иван Темный на государственную работу.

Пришел, смотрит: стоит государственное помещение, такое же, как и у царей и у цесарей бывало,— в такие помещения и цари и цесари пешком ходили.

Удивился сперва Иван Темный, что нужно в такую державную дырку лезть, но, подумав, полез: ведь вся самостийная держава в нее лазит, потому что другого государственного хода нет; к тому же очень уж ему эту самую самостийность нахваливали.

И недаром нахваливали, потому что такой самостийной державы, у которой для всего населения вместе с правительством государственными границами была бы только дырка, свет еще не видал.

Полез Иван Темный в державу.

Навстречу ему на четвереньках лезет глава державы.

Иван говорит:

— Здоровеньки булы!

А глава украинской державы на государственном языке отвечает:

— Гутен таг!

— Как поживаете? — спрашивает Иван.

А глава украинской державы:

— Вас?

— Да нет, это я вас спрашиваю!

Подошло к Ивану державное население — человек пятнадцать, а может, и двадцать и показывают Ивану государственную территорию.

— Вот в этом углу,—говорят,—горы, а в этом углу—море! Да здравствует самостийная держава!

И начал Иван Темный строить свою державу, украинскую и самостийную.

Иван Темный от деда-прадеда крестьянин, всю свою жизнь с хозяйством дело имел, верно и скотину выхаживал.

Появились и тут у Ивана целые табуны блох, стада вшей. Оброс Иван вместо ржи и пшеницы волосами и на лице, и в носу, и в ушах.

Пришел как-то он темной ночью домой, насмерть перепугал детей, настрашил жену.

Так и жил в самостийной украинской державе Иван Темный, почесываясь да из немецкого автомата в честных своих земляков постреливая.

Жил до тех пор, пока пришла жена, схватила его за свалявшиеся космы, вытащила из державной дырки, привела к представителям Советской власти, поклонилась и сказала:

— Простите, товарищи, моего Ивана Темного! Позвольте ему жить дома и честно работать. А я хоть украинско-националистических вшей у него из головы вычешу да ржавой косой шерсть на нем обрежу! Простите, может, из него еще человек получится!

Простила Советская власть Ивана Темного, обманутого, забитого агентами гестапо — украинско-немецкими националистами.

Живет теперь Иван Темный не в державной дырке, а в своей собственной хате.

Живет, работает...

Только детки Ивановы иногда ночью просыпаются, вспоминают, как их батько украинско-немецкую державу строил, начинают дрожать от ужаса и крепче прижимаются к своей маме.

1945

Министерство финансов

(Безусловно, самостийное)

Сидел как-то в своей самостийной державной дырке около села Скваряги, Краснянского района, суверен Будивничий и вздыхал горько.

В голове после вчерашней государственной работы сильно шумело, во рту было так, словно там всю ночь проветривались портянки всего самостийного населения, и очень крепко, кисло и трезубисто икалось.

Разрывало суверена и с головы и с желудка, а не было ни сыровца, ни кислиц, ни даже свекольного кваса.

В углу на гнилой соломе захлебисто храпел помощник суверена, он же и подсуверен, Оверко Блиспятка.

Суверен толкнул носком подсуверена.

Тот замукал и заморгал глазами.

— Му!

— Оверко! Нет ни капельки?

— Все выдули!

— А финансы наши как?

— Одна немецкая марка, да и та разодралась, хлебом склеена.

— А с государственными налогами как? Поступают?

— Вчера давил на картофельном поле одну старую бабу. Все выдавил, кроме денег.

— Кризис, получается?

— Кризис!

— Слушай, Оверко, государство мы или не государство?

— Государство!

— Заем нужно объявить.

— Какой заем?

— Внутренний. Державный!

— А кто же нам и что одолжит?

— Одолжит. Только напугать нужно.

Темной ночью через подсолнечные поля и огороды продрались суверены в село.

По крайней мере в трех хатах им посчастливилось объявить внутренний государственный заем на строительство самостийной и ни от кого не зависящей державной дырки.

Прицеливаясь из обреза и ободранного немецкого автомата, «сагитировали» в одной хате бабу Евдоху подписаться на облигации этого займа на шестьдесят одну копейку, баба Горпина во второй хате бросила рубль, а дед Яков в третьей хате дал рубль двадцать, пожелав самостийной державе: «Берите! Три черта вам в печенку!»

Государственный фонд был найден.

Основные траты, само собой разумеется, на первачок и на соленые огурцы.

— Надевай, Оверко, юбку да чеши на базар, потому что в штанах не проскочишь!

— Да от той юбки одни обрывки остались. Прошлый раз баба Вивдя узнала, ухватилась за юбку с криком. «Вот он, этот вурдалак из дырки! Держите,— кричит,— добрые люди!» Насилу вырвался.

— А ты осторожно. Ну, иди. Да не задерживайся, потому что нужно государственный бюджет выполнять... Так мутит, так уж мутит...

Подсуверен Оверко все-таки принес пол-литра: долго торговался, пока незаметно сунул в карман и исчез в толпе.

К вечеру у суверенов не так уж гудело в голове и не так уж их мутило.

Выполнив главные статьи государственного самостийного бюджета, суверены запели державный гимн:

Ой, гакнем[1] из гаковниц
И покажем пятки...

А наутро снова думали, в какой хате и у какой бабы еще объявить внутренний государственный заем на восстановление самостийной и ни от кого не зависящей державной дырки.

1946

---

[1] Гакнем — выстрелим.

Предки и потомки

Попал в наши руки журнал «Летопись красной калины», издававшийся в Западной Украине задолго перед войной.

Что же этот журнал давал своему читателю, какой духовной пищей он кормил земляков наших, на западных землях тогда сущих?

Из номера в номер вы читаете славословие бывшей — не в доме будь помянута —«атаманщине», всяким этим погромщикам и разбойникам «атаманам», которые темными ночами с буйным свистом вылетали из густых лесов на дороги, резали и грабили пешего и конного, заскакивали в города, вырезали дотла еврейское население, устраивая «пуховую зиму» из перин и подушек перепуганного и обреченного, ни в чем не виноватого народа.

И все это «во имя самостийной и ни от кого не зависящей неньки Украины».

То есть во имя того же самого лозунга, которым теперь оперируют гестаповские агенты — бандеры, бульбы, мельники...

«Знаменитых предков» они, эти бандеры и бульбы, имели, нечего и говорить!

* * *

Вот вам Юрко Тютюнник:

«В комнате, в которой случалось задерживаться Тютюннику, над столом, рядом с зеркалом, он всегда вешал в бронзовой оправе полуметрового размера портрет Наполеона I. Зеркало имело какое-то волшебное свойство внушать ему уверенность в некотором его сход-

стве с Наполеоном. Если зеркало изменяло, он звал своего «джуру»[1] Василя.

— Скажи, Василь, только говори правду, на кого я похож?

Вышколенный Василь знал, как отвечать.

— На того енерала, что висит на стене. Посмотрю это я на вас и на енерала, то совсем как близнецы. И что это за чудасия такая?»

Более умный слуга в более умной притче, когда его хозяин спрашивал, похож ли он на льва, отвечал:

— Очень похож!

— А где же ты видел льва?

— А на рисунке! Христос на нем в Ерусалим ехал!

Тютюнник мечтал быть Наполеоном. В одном он все-таки похож на Наполеона:

«В бою с Красной Армией под Миньками он, бледный, беспомощный, с расширенными от страха глазами, первым бросился бежать с поля боя».

Именно так, как Наполеон из-под Москвы.

«Тютюнник среди повстанцев имел очень большую популярность»,— пишет «Летопись».

Доказательства? Вот они:

«Перейдя Днестр, став ногой на другой берег, Тютюнник сказал:

— Жребий брошен. Рубикон перейден.

Кто-то из толпы повстанцев ударил его по голове железной дубинкой».

Все-таки очень большая популярность. Не больше, не меньше, как у Наполеона!

* * *

А вот украинский кандидат в Муссолини атаман Семесенко.

«В Проскурове он приобрел широкую, мировую известность как организатор еврейского погрома». Когда его арестовали, он сидел в одном вагоне с евреями. «Летопись» пишет:

«Вероятно, никто из евреев не поверил бы, если бы не видел собственными глазами, как герой недавнего погрома хлебал суп из одной миски с евреями».

Хлебая суп, «герой» говорил:

[1] «Джура» — ординарец.

«Если бог поможет мне освободиться и выйти на волю, я найду в себе силы взять в свои руки верховную власть и счастливо закончить борьбу».

Бог не помог Семесенку. Расстреляли Семесенка.

«Летопись» плачет:

«Возможно, при других революционных обстоятельствах Украина имела бы своего Муссолини в образе этого железного диктатора».

Так и не вышло украинского Муссолини.

* * *

Посмотрите еще на одного претендента на пост «верховного вождя» украинского народа.

Атаман Ангел:

«В стороне от дорог, в непролазных дебрях, в дикой пуще, сидел он недалеко от бога, на высоком дубе, ожидая своих людей, которых послал в разведку. Получив нужные сведения, Ангел звал своего начальника штаба Голуба, который, держа в руках ведерный бочонок с самогоном, сидел на соседнем дубе и велел ему писать приказ о выступлении.

— Куда я дену эту посудину? — волновался начальник штаба.— Позовите Дудку, он хорошо составляет приказы!

Есаул Дудка вылазил из дупла какого-то великанского дерева и составлял приказ...»

Гетманский престол: на дубах и в дупле. А вместо булавы ведерный бочонок с самогоном.

Не выперся Ангел в гетманы. Крестьяне показали, где находится его престол. Поймали Ангела и расстреляли.

* * *

Может, хотите познакомиться с «обновителем» Запорожской Сечи атаманом Божко?

Пожалуйста!

«Сформировав курень в Екатеринославе, атаман Божко написал гусиным пером, как когда-то писали запорожцы, письмо профессору Яворницкому, директору музея, чтобы тот прислал ему запорожское евангелие и другие запорожские реликвии. Профессор Яворницкий

евангелие не прислал, но тем не менее Божко Сечь сформировал».

Если бы вы знали, как убегал Божко со своей Сечью от украинских крестьян!

Оказался он прямо в Румынии, откуда пробрался в Галицию, к Петлюре. У Петлюры Тютюнник бахнул в него из револьвера, выбил ему глаз, но все-таки не убил.

Выздоровев, Божко просил Петлюру:

«Я покорнейше прошу об одной милости: когда освободим Украину от врага, правительство должно подарить в собственность моей Сечи земли за порогами, которые принадлежали когда-то запорожцам».

Петлюра обещал!

Обещание, говорят, игрушка, а дураку радость.

Успокоился кандидат в кошевые Запорожской Сечи от пули из собственного нагана, которую пустил в атамана его собственный джура, «казак» Чайковский.

Не выдержал и собственный джура!

* * *

А сколько их еще было, тех «атаманов», которые терзали тело Украины нашей! И Шепель, и Волох, и Волынец, и Болбачан, и Козырь-Зирка, и Ляхович...

Чего только не вытерпела Украина от этих паразитов. До тех пор, пока с помощью великого русского народа не выжгла их раскаленным железом народного гнева.

Вот таких-то предков имели теперешние бандеры, бульбы да мельники...

Судьба их такая же, как и других бандитов-предшественников.

Такая же судьба ждет и их союзников, которые шатаются в Германии по «самостийным» мусорным ямам, у которых теперь:

И день голодный, и ночь без сна,
И хлеб для нищих, хлеб чужой...

Такие они.

1924—1945

«Премьер-министр»

На те самые три дня, на которые гестапо позволило Степану Бандере основать украинско-немецкую самостийную и ни от кого не зависимую державу, Степан Бандера назначил премьер-министром своей трехдневной державы известного (ой, да еще как известного!) самостийно-политико-гражданского деятеля Стецька.

После смерти прославленного украинского писателя Григория Квитки-Основьяненка, который сватал своего Стецька в Харькове на Гончаровке, Стецько, получивший «гарбуз» от Ульяны Шкуратовой, пошел со Слобожанщины прямо на львовские земли, там поселился и стал родоначальником всех теперешних Стецьков, к роду которых принадлежит и трехдневный премьер трехдневной самостийной украинско-немецкой державы пан Стецько.

По известному закону атавизма премьер получил в наследство все особенности и таланты своего прославленного Квиткой-Основьяненкой прапрапрапрадеда.

Эти особенности и эти таланты прекрасно охарактеризовала Одарка Шкуратова, мать Ульяны,— именно к ее дочке сватался Стецько.

Одарка:

Всякий знает:
У вашего сына
Клепки не хватает...

Отец Стецька:

То есть как?

Одарка:

Да вот так.
Прибитый во цвету!

На такую характеристику отец Стецька ничего больше и не смог сказать, как только: «Тю-тю!»

И еще: «Фить, фить!»

«Не хватает клепки», «прибитый во цвету» — какой же еще нужен премьер-министр для самостийной и ни от кого не зависящей украинско-немецкой державы?

Бандера сразу же объявил манифест о назначении Стецька главой ни от кого не зависящего правительства.

Прибежал к Стецьку дипкурьер:

— Вас назначили премьер-министром!

— А что у вас сегодня варили?

— Кашу.

— Ги-ги-ги-ги! Каши хочу, каши, каши! — гаркнул премьер-министр и сразу же пустился в танец от радости, что и премьер и каша есть.

Так, пританцовывая и напевая:

Идет Стецько — нос вперед,
Бежит свинья в огород.
Подай ты мне, милая,
Свою ручку белую!

— и прибыл Стецько в пивную «Гальба», где была резиденция верховного правительства самостийной украинско-немецкой державы.

— Катай,— говорит Бандера,— правительственную декларацию!

— Ги-ги-ги! Сейчас накатаю! — говорит премьер.

— Катай!

— Господа! — начал премьер.— Напечем коржей, натрем маку, перемешаем с медом, сядем и поедим! *(Аплодисменты.)* Это — основное задание. А что касается государственной промышленности и финансов, так тут я уже не сумел пальцев пересчитать! До черта много их на руках! Станешь считать, обязательно запутаешься. На какого дьявола так много пальцев? Эге! А я знаю! Видишь, Бандера! Как же ты из одного пальца да сложил бы себе дулю? Эге! Нельзя! Хоть как, а нельзя! О!.. Да пойдем в гестапо (Бандера: «Правильно!»), а там всего надают: кто сукна для шапки, кто поясок,

кто рейнского, кто платок! *(Аплодисменты!)* Да своего батьку Бандеру будем уважать, потому что он все-таки батько — «хоть и плохонький, как лыком шитый, а все ж таки батько!» *(Аплодисменты!)* Что касается просвещения, так пусть оно себе будет, чтобы мы весь мир узнали:

Этот мир,
Такой мир,
Очень он уж длинный.
Целый день ты пройдешь
И конца не найдешь!
Если б он,
Если б он
Да был покороче.
Чтоб тут поле,
А тут лес,
Невдалеке черт бы нес.

Я кончил. *(Бурные аплодисменты всего украинско-немецкого правительства.)*

И стали править.

Хоть и недолго, всего только три дня и правили, но такого правительства, такой правительственной декларации, как мир стоит, еще не было.

Державное самостийное правительство утвердило резолюцию:

Тара, мара, бара, делержан!
Туру, муру, буру, акерман!
Бендер, кардаш,
Дюпень, марьяж,
Йок, пшик! Йок, пшик!

Так и получилось: пшик!

Значит, резолюция правильная!

Такого правительства, такого премьера, я же говорю, еще нигде не было.

Одним словом, Стецько как раз такой, каким и должен быть премьер-министр украинско-немецкой самостийной и ни от кого не зависящей державы.

1945

Самостийная экономика

В каждой державе есть государственное и частное имущество, которое составляет так называемое национальное богатство.

Создается оно, как мы знаем, разными способами: и производством, и торговлей, и разработкой земных недр.

Самостийная и ни от кого не зависящая державная дырка — тоже «государство» и тоже имеет свое государственное имущество.

Приобретается это государственное имущество только одним способом — грабежом.

Сперва, значит, это государственное имущество награбят, а потом распределяют.

Как грабят? Очень просто.

Комендант боевки СБ [1] Петр Иванюк, по кличке Дубрава, делал это очень остроумно, как и полагается каждому коменданту СБ, а именно: он убивал мирных крестьян, а имущество забирал себе, то есть в самостийную и ни от кого не зависящую державную дырку.

Да не только Дубрава так делал, так поступали все коменданты, это, так сказать, типичнейший способ приобретения национального богатства самостийной державой-дыркой.

А как же это богатство распределялось среди самостийно-дырчатого населения? Тоже очень просто.

Когда другие коменданты увидели, что у Дубравы больше награбленного добра, чем у них, они ухайдакали его кольями, а имущество забрали себе.

---

[1] СБ — бандеровская «служба безопасности».

Это так называемый «кольевой» способ распределения государственного имущества.

Когда при таком распределении добра большую его часть загреб комендант Корова — потому, что у коменданта Коровы был в руках самый большой кол,— тогда ночью задавили поленом коменданта Корову и распределили имущество между еще живыми комендантами.

И при «поленном» способе распределения государственного имущества очень трудно распределить его поровну.

Потому что у какого-нибудь коменданта Задрипанного оказалось в руках самое большое полено, и ему имущества досталось на одни штаны больше.

Но и эта ошибка легко исправима.

В следующую ночь на осиновом суку бьется с предсмертным хрипом комендант Задрипанный, а его имущество делится между теми, кто мастерил петлю для Задрипанного.

Это «петельный» способ распределения.

Вот и имеем типичную для самостийной державной дырки экономику с приобретением-грабежом и с разными способами распределения: кольевым, поленным, петельным...

Способов распределения много: есть еще способ ножа, способ топора, способ обуха, и т. д., и т. д.

А вот для приобретения имущества другого способа, как грабеж, в державной дырке еще не придумали.

Вот такая-то державная самостийно-бандеровская экономика...

Впрочем, и та уже обанкротилась.

Потому что нашлись на опостылых этих самостийников у честных крестьян и колья, и поленья, и топоры.

А у Советской власти — другие способы дератизации [1].

И сейчас воздух западных земель Советской Украины стал значительно свежее, так как давно уже не слышно ядовитого хрипения бандеровских крыс.

1946

---

[1] Дератизация — борьба с крысами, мышами и другими «самостийниками».— *О. В.*

Кто за кого?

Когда-то, я уж и не знаю, когда именно, один пан Рачкевич говорил другому пану Рачкевичу...

Впрочем, может, я и ошибаюсь, возможно, это не пан Рачкевич говорил другому пану Рачкевичу, возможно, это пан Арцишевский говорил другому пану Арцишевскому, или, может, князь Радзивилл графу Потоцкому, или граф Шептицкий графу Бадену, или граф Тишкевич князю Сапеге...

Одним словом, какой-то пан говорил какому-то графу, или какой-то граф какому-то князю:

— Ох, и люблю же я народ! А особенно, когда народа много.

А князь спрашивал у графа:

— Какой же народ вы, ваша ясность, любите?

— Рабочий я люблю народ! И рабочих, и крестьян, и чтобы этого народа было много-много. И на земле, и на фабриках, и на заводах!

— А зачем же это так, чтобы было много-много народа?

— А затем,— говорит граф,— чтобы тот народ землю населял. И чтобы фабрики и заводы были переполнены народом. И, знаете, чем больше народа, тем больше фабрик и заводов. И так мило, так приятно моему сердцу, когда много земли и фабрик, а на них масса народа! Глаз от такой картины не оторвешь!

— Вот как, значит, вы любите рабочий народ?

— Вот так, значит, я его люблю!

— И чтобы он на земле и на фабриках был?

— Обязательно, чтобы на земле и фабриках.

— На какой земле и на каких фабриках?

— На моей земле и на моих фабриках!

— А-а-а! — ахнул князь.— И я за такой народ, за рабочий!

И разве это не верно, что и господин Рачкевич с господами арцишевскими и квапинскими в Лондоне, и все князья радзивиллы и сапеги, графы шептицкие и потоцкие, и все гитлеры и гиммлеры со своими бандерами и бульбами и мельниками — разве они все не за рабочий народ?

Разве они не за рабочих и крестьян, работающих на их фабриках и заводах?

Предложите кому-нибудь из них:

— Вот тебе имение, вот тебе ...надцать тысяч рабочих людей, и забудь про Польшу, про Украину! Не поднимай шума! Не реви! Все это твое!

И, ей-богу, забудет о том, поляк ли он из Галиции или украинец, будет ездить четвериками, да чтобы возле него управители с нагайками и кнутами носились, как это было когда-то на западных украинских землях.

Снится им до сих пор эта земелька. Беспокоит их, что дядько на этой земле для себя сеет. «Не позволям!» — кричат они и руками размахивают.

Вот какие они «народные».

А если приложить ухо к земле и спросить ее:

— Земля! За кого ты? Кого ты любишь?

Земля ответит:

— За того, кто собственными руками меня обрабатывает, за рабочий народ на рабочей земле и за того, кто меня, землю, на веки вечные трудящемуся народу отдал.

1924—1946

Самостийная вылупливается

Ну как же тут не воскликнуть:

— Радуйся, сорока, радуйся, ворона, радуйся, воробей — великий чудодей!

До того уже близко рождение настоящей, самостийной и ни от кого не зависящей державы, что только — стук-стук! — скорлупа—тресь!—и вот она, голубушка, такая уж самостоятельная, такая уж ни от кого не зависящая, желто-голубым пушком припушенная:

— Пи-пик! Смотрите, мол, я вылупилась.

И на это весь мир, все державы, все дипломаты хором как гаркнут:

— При-и-изна-а-аем!

Вы только подумайте! Сам пан гетманич (его ясновельможность!) Данило, преемник и наследник ясновельможного гетмана Павла Скоропадского, выехали прямо в Канаду с дипломатической целью: «Подайте христа ради»!

Слышали о гетманиче Даниле?

Не слышали!

Ну, слушайте. Очень интересно!

Павел Скоропадский от державно-немецких самостийных трудов, говоря государственным языком, «дали дуба» и оставили после себя своего сынка Данила, который и взошел на гетманский престол пока что под титулом «гетманича».

Что такое «гетманич»?

Как бы вам объяснить?

Вот если взять воробья, так это еще не совсем воробей, а, так сказать, желторотик.

А гетманом их будут короновать потом, когда они уже завоюют древнюю украинскую столицу — Киев.

Тогда, значит, как они Киев завоюют, тогда уже, значит, станут гетманом.

Все ведьмы с Лысой горы усердно готовятся к этому празднику.

В Канаде пан гетманич Данило ходят с сумой от Монреаля до Виннипега и поют под окнами, как те старцы-бандуристы:

Я на гетманство иду,
Вот, ей-богу, буду гетманом.
О, дайте, дайте доллар мне,
Дайте доллар, хоть один...

Выходит, верховный правитель есть!

Тут только не совсем ясно, что делать с Бандерой.

Бандера как будто бы тоже рванул в Швейцарию создавать самостийную державу.

Там и безопаснее и швейцарский сыр легче украсть, потому что еще не все швейцарцы раскусили, что за субъект этот Бандера.

А он оттуда присылает приветы в самостийную державную дырку:

«Приветствую, мол, всех, кто за самостийную борется! Держитесь, хлопцы! Когда посчастливится хапнуть кусочек сыра побольше, пришлю и вам. Ох, и вкусный же! Ваш фюрер Бандера».

Получается, что верховных даже два: гетманич Данило и фюрер Бандера.

Помирятся ли они?

Максим Рубан (был такой в дырке верховный главнокомандующий всем вшивым войском) принялся за дипломатическую работу, потому что послов, послов для самостийной державы нужно, и еще послов!

А как же!

Держава же, да еще и самостийная...

Так вот Рубан не на министра ли метит?

Опять же, не получится ли и тут катавасии, потому что и пан Мудрый (интересно, в каком именно месте у

него мудрость сидит) тоже стремится заграничным министром стать. Это же он подписал договор с заграничными поляками об общих действиях.

Тоже, значит, будет орать:

— Почему Рубану быть министром, а не мне? Рубан в дырке все время сидел, какой из него министр? А я за границей все время был. Все передние у начальства знаю, где лизать и кого лизать, знаю, где целовать и кого целовать — я все знаю.

Как они помирятся, ума не приложишь.

Вот такие-то дела самостоятельные и независимые...

1945

Очень самостийный гимн

Разве есть на свете такое государство, да еще не какое-нибудь государство, а самостийная и ни от кого не зависящая держава, у которой не было бы государственного гимна?

Нет на свете такой державы!

Поэтому и бандеровской, самостийной и ни от кого не зависящей дырке тоже нужен свой, самостийной дырки самостийный гимн.

И она его получила.

Очень долго велись в самостийной дырке разные совещания, трения, прения и дискуссии, пока наконец пришли к соглашению, и в самой дырке и даже вокруг нее зазвучали полные самостийной гордости и величия слова самостийного хорала, в которых отражались и самостийно-дырчатая традиция, и самостийно-дырчатая гордость, и цель, и стремления самостийно-дырчатого существования.

Это была незабываемая минута! Это был торжественный момент!

Сперва было хотели для гимна реставрировать побитое молью «Ще не вмерла Украина».

Очень долго обсуждали, как это сделать.

Думали так:

— «Ще не вмерла»... Что это значит: «Еще не умерла»..? Значит, может умереть... Не годится! «Еще нам, братья козаки, улыбнется доля»... «Улыбнется»... Будущее!.. Как это «улыбнется», когда уже улыбнулась? Не годится! «Захозяйничаем, братцы, мы в своей сторон-

ке»... «Захозяйничаем»... Тоже будущее! Как «захозяйничаем», если мы уже хозяйничаем? Не годится!

«Ще не вмерла» не прошло. Отбросили.

Атаман Недобитый предложил знаменитое:

И ты из яра,
И я из яра.

Сначала было крепко ухватились за это «из яра», потому что оно вроде подходило.

Подходило-то оно действительно подходило, да, впрочем, не очень, так как яр не дырка, а дырка не яр.

Один из дискутирующих предложил на этот же мотив переделать гимн так:

Ты из дырки,
Я из дырки.

Понравилось. Но дальнейшие трения, прения и дискуссии отклонили и этот вариант.

— «Ты из дырки, я из дырки»... Где же здесь традиция? И где цель? Потом и последовательности нет. Прежде чем из дырки, нужно в дырку. Если уж быть последовательным, то нужно так:

И ты в дырку,
И я в дырку.
Ты из дырки,
Я из дырки.

Смысл был очень по вкусу, а вот торжественной хоральности не получилось. Какая же здесь хоральность, когда все время только: «Дыр-дыр! дыр-дыр!»

Дыркалка какая-то, а не хоральность.

Отклонили. Взялись за:

За опенками ходила,— тише!

Очень понравилось прекрасное слово «тише»!

Слово действительно очень хорошее и как раз для такой самостийной державы подходящее, только окружение у него какое-то не очень самостийное: «опенки».

Самостийные опенки.

Как-то не очень торжественно.

Отклонили.

Много дискутировали по поводу текста державного гимна, предложенного атаманом Перебитым:

Сидит УПА[1] на стерне
И штаны латает.

Хороший гимн и всем понравился, но и он вызвал сомнения.

Во-первых, не у всех УПА есть штаны, так что гимн будет противоречить исторической правде. Во-вторых, в дальнейшем тексте, которого мы по цензурным соображениям не приводим, сказано, что «стерня кого-то куда-то колет». Это тоже внесло беспокойство в массы: почему стерня именно туда колет, лучше бы она колола в другое место, так как в противном случае нечем будет бандеровцам думать.

Пришлось отклонить.

Огласили перерыв, чтобы провести конкурс на лучший текст самостийного и ни от кого не зависящего гимна.

Первую премию получил сам фюрер самостийной дырки Степан Бандера.

Текст он представил действительно знаменитый. Вот он:

Ой, гакнем из гаковниц
И покажем пятки!

Тут есть все: и традиции, и цель, и торжественность.

«Гакнем из гаковниц»... Еще славные запорожцы гакали из гаковниц.

Правда, у запорожцев были настоящие гаковницы, а у бандеровцев за гаковницу сходит другое приспособление, символ, так сказать, гаковницы, но ведь для гимна не обязательны материальные вещи, можно обойтись и символами!

Важно, чтобы они гакали!

Значит, имеем традиции (гаковницы), торжественность (гакнем!), и цель, и стремление (покажем пятки!).

Музыку писал бурый медведь из Восточных Карпат.

Вышел очень хоралистый гимн!

1946

---

[1] УПА — бандеровские банды.

Прошлое и настоящее

Знаменитое (ох, и знаменитое же!) правление знаменитых украинско-немецких националистов и их знаменитые (ох, и знаменитые же!) идеологи системы Донцовых, Маланюков и других донцово-маланюковатых и губами, и зубами, и перьями голосили:

— Назад! В XVII столетие! Вот там наши рыцарские, наши национальные, там наши такие-сякие традиции! Что теперешнее? Что современное? Вот тогда были рыцари, а мы их наследники!

Чьи они наследники, мы уже знаем. И вы все хорошо знаете!

Прапрапрапрадур их — пан Иуда Искариотченко. Это их, как бы сказать, родоначальник.

От него все и пошло.

Тридцать сребреников — это их идеология и философия.

Мы сейчас не об этом.

Хочется поговорить о прошлом и настоящем.

Ясно, что никто прошлого не зачеркивает и никто прошлого не перечеркивает.

Прошлое прошло. Было и отошло.

Было прошлое славное, о нем вспоминаем с гордостью.

Было прошлое плохое — за него краснеем.

А вот наряжать настоящее в одежды XV или XVII столетия... Давайте подумаем, что из этого выйдет.

Возьмем, например, трактор.

Может, и найдется где-нибудь неполного ума человек, который станет кричать:

— Не хочу трактора! Хочу соху!

— Такого человека лечить нужно,— скажет каждый. Мы за трактор! Да и вы тоже все за трактор.

Так вот и представьте себе тракториста в широченных, как море, синих штанах, в высокой бараньей со шлыком шапке и с трубкой в зубах.

Подходит такой тракторист к трактору и поет:

Ой, пахал мужик у дороги,
Да волы у него крутороги,
Гей, цоб, цабе — рябой,
Тр-р-р-р!

Правда, здорово получается?

Но это еще не все!

На первом же шагу будет авария.

Как только возьмется такой тракторист заводить трактор, нате вам: мотор — «г-р-р-р!» Пускатель (или как его там?) цепляется за широченные, как море, штаны и вырывает мотню. Трактор стоит, работы нет.

Вот вам и попробуйте нарядить современное в старую традицию!

Даже для самостийной державной дырки широкие штаны не подходят, цепляться же будут, если в ту дырку прятаться или, оглядываясь, из нее вылезать.

Много можно привести подобных примеров.

Каждый нормальный человек понимает, что «всякому овощу свое место»... Но это же нормальный человек понимает...

Прошлое прошло.

В настоящем живем и работаем.

А думаем о будущем. О нашем будущем, счастливом, свободном, в свободной семье советских народов, в Советском Союзе.

1947

Куриный смех

Все, вероятно, знают, что жил когда-то на свете один очень храбрый человечина, которому нужно было идти через лес.

А тут как раз завечерело.

А человек был очень смелый и отважный.

На один кулак он нацепил картуз, на другой — шапку, идет лесом, поднял вверх руки и дрожащим голосом вопит:

— Не боюсь! Я не один! Нас трое! Трое нас! Ей-богу, трое! Не подходи! Не боюсь!

А навстречу ему старуха.

— Тю! Что это за химера? — тюкнула старуха.

Как услышал храбрый человек старухино «тю», как бросил картуз, отшвырнул шапку и побежал напролом орешником, только зашелестело!

На Станиславщине, в державных самостийных дырках живут два бандеровских «руководителя» Моцный и Довбуш.

Моцный живет в одной дырке, то есть на одной державной территории, а Довбуш — в другой дырке, то есть на другой державной территории.

Только, я вас прошу, не подумайте, что Довбуш — это тот настоящий Довбуш, народный герой; нет, это бандеровский щенок такой псевдоним себе выбрал (и мы, мол, Химо, люди!), а действительная его фамилия не то Козак, не то Кизяк. Скорее, наверное, Кизяк, чем Козак.

Вот значит, живут в дырках и Моцный и Довбуш.

У Моцного войско из целых пятнадцати человек!

У Довбуша войско из целых четырнадцати человек!

В один прекрасный день все Довбушево войско было сметено народным гневом.

Остался «руководитель» один-одинешенек на всю самостийную дырку.

Узнал об этом Моцный и пишет своему товарищу по уничтожению украинских младенцев письмо:

«Друг мой, Довбуш! Я очень встревожен великим горем, которое вас постигло, и сердечно сочувствую вам. Не отчаивайтесь, что не осталось в живых никого из ваших испытанных помощников».

Но одного сочувствия мало. Нужно же еще чем-нибудь помочь.

Вот Моцный и помогает Довбушу советом, как увеличить свое грозное войско.

«Вам,— пишет Моцный,— нужно передвигаться как можно чаще из села в село и в каждом селе или через село, называть себя все новой и новой сотней, тем самым создавая впечатление у советских крестьян, что вас много».

Правильно!

А чтоб создать впечатление, что вас еще больше, мы с охотой дадим вам несколько практических советов, помня того дядьку, который в сумерках через лес шел.

Почему, собственно, только в каждом селе или через село называть себя новой и новой сотней?

Чаще нужно.

Нужно как можно чаще передвигаться с улицы на улицу и на каждой улице называть себя новой сотней.

Подсчитайте: сколько сотен будет?

А то еще лучше из хаты в хату!

В одной хате одна сотня, в соседней — уже вторая сотня.

В селе пятьсот домов — пятьсот сотен.

Разве мало?

А если еще поднять кулаки да на один кулак немецкую каску, а на другой — немецкий картуз,— вот вам уже полторы тысячи сотен!

Целое войско колоссаль! Да найдите бузины, сделайте из нее хлопушки — вот и артиллерия!

Мы когда-то в детстве такую стрельбу из бузинных пукалок поднимали, что об нас баба все веники переломала!

Кавалерии нет?

Пустяковое дело!

Кони же у вас все подохли. Освежуйте их, расправьте шкуры. Один «воин» пусть натянет на себя перед, другой «воин» — зад, вот и конь! А третий «воин» пусть вроде садится на этого коня. Вот и конник!

А «руководитель» пусть командует:

— Поэскадронно! Рысью! Марш-марш!

А пушки из бузины:

«Пук-пук»!

И если бы еще кто-нибудь заиграл на том петушке, которому в хвост дуют, такой парад бы получился, что и не опишешь!

С таким войском можно не только свою самостоятельную дырку охранять, но и чужую завоевать, то есть увеличить свою державную территорию!

Одно страшно, как бы случайно какая-нибудь баба не встретилась и не закричала «тю!».

Нужно, значит, умело маневрировать, потому что украинская баба — весьма существенная штука. Да еще если у нее в руках есть кочерга, то бабино «тю!» — страшная вещь для бандеровской дряни!

1948

Тристан на Крещатике

(Неожиданная встреча с легендарным немецким рыцарем)

Как говорили в старину: «Дело было вечером, делать было нечего» — пошел я как-то на Крещатик...

Там, как известно, «высшая арийская раса» землю копает, кирпичи носит и вообще делает все то, что полагается делать «высшей расе», которая была «призвана дать миру новый класс господ», уничтожив при этом «прежде всего все славянские народы: русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов»...

Ну, копают, носят...

По правде сказать, копают и носят они, как и полагается «высшей арийской расе», плохо, вяло копают и носят. Как мокрое горит.

Уничтожали они славянские народы и в Майданеке, и в Бабьем Яру, и в Минске, и в бесчисленных других местах значительно более энергично и ловко...

Ну, пришел... Смотрю, среди арийской аристократии что-то такое, как будто знакомая фигура.

Присматриваюсь повнимательнее.

Фигура тоже на мне взгляд остановила.

Подходит поближе.

— Узнаете? — спрашивает.

— Да, что-то,— говорю,— действительно вы мне кого-то напоминаете.

— Я Тристан, немецкий легендарный рыцарь.

— Это,— говорю,— не из тех Тристанов, что «Тристан и Изольда», музыка Рихарда Вагнера?

— Я — я! Не из тех Тристанов, а именно тот самый Тристан и есть. Читали, значит?

— Да, читал,— говорю,— читал! И музыку Вагнера слушал. Узнать,— говорю,— тяжеловато!

— Я — я! Вы видели меня в латах?

— Видел в латах, теперь вижу в заплатах. Изменились,— говорю,— сильно. А где же Изольда?

— О, майн гот! Я ринулся на Восток латифундии завоевывать, новых рабов добывать, а Изольда, как и каждая настоящая немецкая патриотка, в походную офицерскую виллу — «Смотрите здесь, смотрите там!» — пошла. На вилле рейхсфельдмаршал Геринг подмигнул, она у него седьмой штатной женой устроилась. Теперь с золотыми чемоданами в Мадрид вылетела, чтоб оттуда в Аргентину! О, майн гот!

— Сильная,— говорю,— драма! Такая драма, что и сам Вагнер вряд ли бы музыку подобрал!

— О, майн гот!

— Крепитесь,— говорю.— Вы же старинный,— говорю,— рыцарь тевтонский! Рыцарский,— говорю,— дух...

— Их габе кайн дух!

— И духа нет?

— Ист нихт! Первую порцию духа под Днепром выбили, а потом перехватил Ковпак и такого духа всыпал, что тем духом вырвало у меня последний рыцарский дух. Теперь у меня духа — ни на дух!

— Что ж,— говорю,— может...

— О, майн гот! Что же дальше будет, скажите мне, мой бывший читатель?

— Что же дальше,— говорю,— будет? Будете,— говорю,— и дальше «втыкать». Хотели латифундий, хотели рабов — теперь «втыкайте»!

— Вас ист дас «фтыкать»?

— Дас ист дас «фтыкать»— это когда берете лопату и «фтыкаете» ее в землю. А когда из земли вытягиваете, это будет «фитыкать».

— «Фтыкать!» и «Фитыкать!» Грустно!

— А чтобы было веселее, читайте «Майн кампф» Гитлера... Там здорово сказано: «Все другие нации будут рабами, которые работают по приказу тевтонских воинов». Прочитайте, и будет казаться, что «фтыкаете» не вы, а рабы ваши! Ауфвидерзейн!

1947

Освободители из самостийной дырки

I

Гетман Павел Скоропадский. Ясновельможный, безусловно. Сел на гетманский «престол» в киевском цирке в 1918 году. «Престол», так как он очень шатался, поддерживали со всех сторон немецкие штыки немецкого кайзера Вильгельма II.

Пробыв гетманом что-то месяцев, вероятно, шесть, а то и меньше и верный своей фамилии, скоро упал под ударами рабочих, крестьян и Красной Армии.

Умел воровать золото, на которое потом и жил в Германии, выдавая гетманские универсалы курам, свиньям и немецким бюргерам, которые возили ему пиво.

Одним словом, строил гетманскую Украину...

О нем пели такую песню:

Скоропадская Украина —
От Киева до Берлина...

II

Петлюра. Это тот «рыцарь», о котором пели:

Под вагоном территория,
А в вагоне Директория.

А потом — и очень скоро — не стало ни территории, ни Директории.

Где-то в Париже, на каком-то уединенном кладбище, запетлюрилась Директория вместе с двухметровой территорией.

III

А потом забандерилось в немецкой каске, выброшенной из гестапо...

Объединилась фашистская свастика с желто-голубым трезубцем.

В немецких мусорных ямах, в темных лесах и пущах «освобождались» самые «щирые» [1] самостийники.

IV

И пошли они к хозяину своему с докладом о своей освободительной на Украине работе.

А от хозяина остались только кости да картуз.

Хозяин «освободился»...

И осталась одна самостийная и ни от кого не зависящая державная дырка.

И каркает над дыркой черный ворон:

— Не тратьте, кум, силы, сидите уж на дне.

* * *

Освободилась Советская Украина от всех своих «освободителей»...

1948

[1] Щ и р ы е — здесь: яростные.

Хлюст

А Бандеру разве не арестовали немцы? Разве не сидит он в немецкой тюрьме?

(Вопль истого бандеровца.)

Стоит украинско-немецкая самостийная державная дырка.

Глухой ночью, на все стороны оглядываясь, приседая и подпрыгивая, как вспугнутый волк, приблизился к дырке человек.

— Тю! Кто ж это на дырку кучу костры высыпал?!

— Да какая там костра?! То моя голова, а не костра. Это я! Украинский фюрер всего Правобережья! Голову на прогулку выпустил! Духота в державе! Территорию расширять надо, а то воняет, хоть плачь! Негде населению распространиться. Оно к весне идет; горы растаяли, и моря вышли из берегов — некуда ногой ступить!

— А для меня место найдется?

— Да уж как-нибудь! А ты откуда?

— От батька!

— Ну, как оно там? Скоро ли уже Киев возьмем?

— Киев?! Какой там Киев, когда и самого батьку взяли.

— Как? Кто взял?!

— Немцы!

— Кого? Бандеру?! Батька нашего?!

— Да его ж!

— Куда?

— В тюрьму взяли!

— Да ну!

— Вот тебе и ну! Письмо вот дал мне, чтобы жене его как-нибудь передал!

— Вот тебе и на! Ну, залезай в дырку, поговорим!

Куча костры исчезла в дырке, а за ней, кряхтя, полез туда державно-самостийный дипломатический курьер от самого верховного фюрера украинско-немецкой самостийной и ни от кого не зависимой державы.

— Хлопцы! — промолвила костра.— Гость у нас! Возьми кто лопату да подгребите горы к стенке, ведь некуда человеку и ноги протянуть. Да канал бы от моря прокопали, вот там, за южной границей, а то видите, уже по всей территории море пошло. Да копай осторожней, чтоб солома в изголовье не подтекла! Копай поглубже, может, какой заграничный корабль приплывет...

— Копали уж...

— Копай, тебе говорят! То дело не простое, дело государственное, каналы копать!

— Говорили, что министром буду, а только и делаешь, что горы подгребаешь да каналы копаешь!

— Не болтай! Копай! Побольше дырку выкопаем, так и тебя министром на левый закут назначим! Ну, садись, курьер. Как же ж оно так? То говорили, что гетманом всей самостийной Украины будет, а то взяли да в тюрьму? Что же это такое?

— А мне откуда знать?!

— А кто же знает?

— Они знают!

— А нам разве не интересно знать? А о чем же он там в письме жене пишет? Не читал?

— Не читал, ведь запечатано! Мякишем заклеено и державным пальцем припечатано!

— А может, как-нибудь можно? Прочитаем, мякишем заклеим и пальцем припечатаем! А?

— Пальцы ж у вас не державные!

— Как то есть не державные?

— Да оно-то державные, так не верховные ж!

— Да кто присматриваться будет?

Уговорила костра державного дипломатического курьера, и письмо они распечатали...

Самостийный украинский фюрер самостийной украинской державы пишет своей самостийной фюрерихе:

«Гутен таг, майне либер Химка Калистратовна!

Во-первых строках моего к вам письма, хайль Гитлер!

Во-вторых строках моего к вам письма, хайль Гиммлер!

Во-третьих строках моего к вам письма, хайль Геринг!

Во-четвертых строках моего к вам письма, хайль Кох!

Теперь, после всех «хайлев», майн либер Химка Калистратовна, сповещаю я вас, что я — слава тебе, майн гот! — сижу в тюрьме. Позвали меня сам герр Гиммлер (хайль!) и дали сначала ручку поцеловать. Я поцеловал да и говорю: «Позвольте еще и ниже поясницы!» А они говорят: «Низзя, там же у меня,— говорят,— после Франкфурта-на-Одере чиряк сел!» Они с Одера на самоходном доте ехали и ниже поясницы в амбразуре завязли да и перестудились. «Поцелуешь,— говорят,— после Франкфурта-на-Майне, а теперь,— говорят,— в тюрьму садись,— говорят,— так надо сделать, что мы вроде с тобой поссорились и что вроде ты против нас! Ферштейн?» — спрашивают. «Ферштейнаю,— говорю,— ласкавый пане!» И снова их в ручку! «А ты,— говорят,— в тюрьме сидеть будешь. Советская власть и весь народ думать будут, что ты и все твои дер банды против нас! А раз против нас, то, значит, за них! Ферштейн?» — спрашивают. «Ферштейнаю»,— говорю и снова их в ручку. «А про тюрьму не беспокойтесь, будет неплохо. Кормить будут! Афидерзейн!» Поклонился я им низенько, еще раз ручку поцеловал, и они пошли... Так что, майне либер Химка Калистратовна, все хорошо! Кушать дают. Утром кофе, на обед вурст из пшенной каши, а вечером вурстхен из свиного кизяка,— в них, говорят, больше всего витаминов «Г». Живу, одним словом, неплохо (хайль Гиммлер!). Сидеть буду, пока везде прознают, что меня арестовали, а потом выпустят. Полатай подштанники да заплаты клади лучше из одеяла, скоро же на гетманский престол сяду, то чтоб не натирало.

Обнимаю тебя, майн либер фюрериха, будущая фюреро-гетманиха, Химка Калистратовна!

Твой фюреро-гетман Степан Бандера».

Поглядела костра на дипломатического курьера, а курьер на костру.

Костра и скажи:

— Так вот оно как! Хитрый, подлюга!

— Как ты сказал? — курьер к нему.

— Хитрый,— говорю,— наш пан фюреро-гетман.

— То-то же.

— Ну подгребай, подгребай, хлопцы горы! Да канал прокапывайте! Спать надо ложиться. На настоящую державу закандзюбилось! Гетману уже подштанники латают!

1950

И черт отказался...

В новогоднюю ночь собрались возле верховной схроны [1] все атаманы самостийной и ни от кого не зависимой дыры на большое совещание.

На совещание прибыли: Бандера, Мельник, Шмуляк, Мудрый, Левицкий, Чуйко, Базяк да еще человек около трех из государственных самостийной дыры мужей.

Перед совещанием приняли парад вооруженных дырочных сил.

Перед атаманом продефилировало одиннадцать человек немоторизованной пехоты, прогарцевали верхом на осиновых колах два человека кавалерии, а позади шел батареец с бузиновой пукалкой — то была самоходная артиллерия.

Парад принимал сам Степан Бандера, а командовал парадом сам Андрей Мельник.

Василь Шмуляк, как председатель национального в дыре комитета, стоял и качал головой:

— Так-так! Наша берет! С такими орлами да с такой техникой мы от Карпат до Дона всех и вся завоюем!

После торжественного парада спустились в верховную схрону на новогоднее большое совещание.

Совещанию предстояло быть программным.

Нужно было решить основной и главнейший вопрос: кому в наступающем году продаваться?

— Прошу слова относительно повестки дня! — прогнусавил Бандера.

---

[1] Схрона — тайник.

— Пожалуйста! — сказал председатель.

— Имею добавление к повестке дня!

— Пожалуйста!

Бандера откашлялся.

— Повестка дня, я считаю, должна быть такой: первое — «Кому в наступающем году продаваться?»; второе — «За сколько продаваться?».

— Кто по этому поводу хочет высказаться? — спросил председатель.

— Я! — крикнул Андрей Мельник.

— Пожалуйста!

— Я против дополнения к повестке дня. Не можем мы здесь назначать цену. По-моему, сколько дадут.

Проголосовали.

Второй пункт повестки дня отбросили. Сошлись на том, что продаваться за столько, сколько дадут.

Докладывал о том, кому в наступающем году продаваться, Андрей Левицкий, очень в этом деле опытная лиса, начавший продаваться еще со времен недоброй памяти Центральной рады... И кому только он в своей жизни не продавался!

Доклад он изложил в историческом аспекте.

— Господа! — начал он.— Продаваться — дело для нас не новое. Продавались мы и немцам еще вильгельмовым, и Келеру, и Скоропадскому, и Краснову, и Деникину, и Врангелю, и Геллеру, и Пилсудскому, и французам в Одессе, и румынам, и туркам, и японцам «Зеленый клин» продавали, и мадьярам, и гитлеро-гестаповцам; теперь вот новым господам за доллары продались. У меня просто голова трещит, кому мы еще не продавались!

— Как кому? — крикнул Бандера.

— Ну, а кому? — спросил Левицкий.

— Готтентотам! Вот кому!

— Готтентотам? Так готтентоты далеко! Аж на юге Африки!

— Лишь бы деньги! То ничего, что далеко!—пробурчал Бандера.

— Готтентоты—бедняки! Что они могут дать?—вмешался в спор Шмуляк.

Продаваться готтентотам не согласились.

— Ну, тогда только черту! — махнул рукой Левицкий.

Постановили продаться черту.

Не надо забывать, что действие происходило в англо-американской оккупационной зоне, а там черти есть.

Послали делегацию к Вельзевулу, самому главному черту.

Вельзевул как раз копыта чистил, в новогодний поход собирался.

Чертенок-слуга доложил Вельзевулу:

— Делегация из самостийной дыры к вам пришла продаваться!

— Это те продажные шкуры, предатели, мошенники, гестаповцы, что торгуют Украиной и сапоги всем, кто пятак даст, лижут? — спросил с возмущением Вельзевул.

— Ага! — говорит чертенок-слуга.

— Гони их, мерзавцев, в три шеи. Чтоб и духу ихнего здесь не было! Я не гестаповец. Я честный черт! Да мне на них плюнуть противно! Гони!

Прогнал черт делегацию.

...Верховные правители самостийной дыры решили и в наступающем году, если удастся избежать виселицы, лизать сапоги тому пану-хозяину, который больше заплатит.

1945

Два сапога – пара

Бывают, как известно, такие времена в жизни воров, когда в силу обстоятельств загонит их судьба в глухой какой-нибудь угол,— обжулить некого, украсть тоже не у кого,— тогда они давай один другого объегоривать.

Сначала один в карты другого обдерет,— другой сидит голый и на руки дышит, а потом другой первого обмишулит — первый сидит голый.

Так и живут!..

И все же есть такая вроде иллюзия, хоть и жульнической, а жизни.

Очутились за пределами Украины недобитки украинско-немецких националистов.

Слоняются по чужим задворкам и польские националисты.

У первых осталось на территории Советской Украины еще несколько снегом не заметенных самостийных державных дырок.

У вторых на территории демократической Польши темными ночами под заборами кое-где пробираются перепуганные фигуры так называемой АК (Армии крайовой).

У первых — украинско-немецких националистов — за границей попрошайничает некто пан Мудрый, который рекламирует себя в качестве вожака украинского самостийницкого «руху» (движения).

У вторых — польских националистов — где-то за морем есть «президенты» Рачкевичи и паны «премьеры» Арцишевские.

И те и другие (нам уже об этом приходилось писать) к кому только не обращались с разными умоляющими предложениями:

— Купите Украину! Ну, купите! Какой народ! А территория! А пшеница! А недра! Купите! Задешево отдаем!

— Купите польский народ! Хороший народ! И земля, и леса, и все, что на земле и под землей. Купите. Потом будет дороже!

Не идут покупатели!

Что делать?

Есть же надо!

И вот начинается взаимное обжуливание.

Пан Мудрый заключает договор с недобитками Армии крайовой о совместных действиях на территории Советской Украины и демократической Польской республики.

Совместные действия украинских подпанков с польской шляхтой!

Приходилось ли вам, люди добрые, когда-нибудь слышать подобное?

Украинско-немецкие националисты побратались с польскими националистами!

Мол, как завоюем мы сообща демократическую Польшу и Советскую Украину, тогда, значит, мы, украинские подпанки, запануем на Украине, а вы, польские паны, пановать будете в шляхетской Польше.

Со смеху лопнуть от такого побратимства можно!

Кому еще, как не нашему народу, знать, что означает господство польской шляхты на территории Западной Украины!

А вот же видите: к какой только подлости не прибегают жулики, когда судьба загонит их в темный угол, где нельзя ни чужого украсть, ни чужого продать.

Тогда один другого начинает объегоривать.

Украинский и польский народы знают, с кем они дело имеют, и поэтому говорят они панам и подпанкам:

— Не видеть вам ни Советской Украины, ни демократической Польши, как не видеть у вас и днем с огнем ни капли совести и чести.

1945

Слава, морген, бай!

Шел себе по Подкарпатью советский крестьянин.

Шел он по дороге из Нагуевичей в Дрогобыч, а может, шел наоборот — из Дрогобыча в Нагуевичи.

Идет себе и поет себе.

По дороге — лесок, а в лесу кусты, а из-за кустов что-то такое вышло, что и не поймешь сразу: две руки, две ноги, а чтобы на человека похоже — так не очень.

Одежда какая-то на нем непонятная: бутсы американские, штаны английские, мундир из дивизии СС, а на голове из шерсти шлык торчит.

Вышло да и говорит советскому крестьянину:

— Слава, морген, бай!

Крестьянин остановился.

— Что вы сказали? —спрашивает.

— Слава, морген, бай, говорю. Здороваюсь.

— А-а-а! Здоровы были!—ответил крестьянин.—По-какому же это вы здороваетесь?

— Как по-какому? По-украински.

— Что-то не слышал я,— говорит крестьянин,— такого украинского приветствия. По-нашему так, я знаю, здороваются: «Здоровы были» или просто «Здравствуйте». А чтобы говорили у нас, здороваясь: «Слава, морген, бай»,— такого еще не слыхал.

А то, что из-за куста вышло, посмотрело на крестьянина да и говорит:

— По-старому вы здороваетесь. Так здоровались, когда мы еще не были самостийными и ни от кого не зависимыми. Вот тогда так здоровались. А когда Бандера с Мельником нас к фашистской Германии присамо-

стийнили, тогда здоровались так: «Слава, морген». А теперь уже, когда Василь Шмуляк присамостийнил нас к одной из оккупационных зон в Западной Германии, теперь наше самостийное приветствие такое стало: «Слава, морген, бай!» Вот! Чтоб ты знал,— сказало советскому крестьянину то, что из лесу вышло.

— Так теперь, выходит, буду знать, какая такая у вас самостийность-независимость,— покачал головой советский крестьянин.— Одного только я не понимаю...

— Чего ты не понимаешь?

— Как вы будете здороваться, когда Василь Шмуляк или Василь Дужемудрый присамостийнят вас, например, к Сандвичевым островам?

— Найдем как. На то у нас и мужи такие государственные: они знают, как здороваться, лишь бы только самостийность кто дал. У нас теперь уже в Аугсбурге целый украинский самостийный центр.

— Вот как,— усмехнулся советский крестьянин.

— А ты думал! Уже и план наметили развития нашей самостийной державы. Через пару десятков лет, говорили в оккупационном штабе, дадут державе пишущую машинку. Тогда уже наше очень самостийное правительство на машинке печатать будет: «Подайте, христа ради!» И мы уже лизать будем не только сапоги, но и дальше нам лизать позволят. И платить будут не пенсами, а шиллингами. Вот! Да будет тебе известно.

— Ого, как вы там быстро движетесь. И до чего ж вы дойдете?

— А мы дойдем, что и сюда возвратимся.

У советского крестьянина в руках дубинка была.

— Сюда возвратитесь? — переспросил крестьянин да дубинкой по шлыку хрясь.

То, что из-за кустов вышло, упало и дышать перестало.

— Вот так и всем тем будет, кто с такими мыслями не расстанется,— промолвил советский крестьянин да и пошел себе своей дорогой.

Идет себе и поет себе.

А напевая, думает о том, как за пять лет расцветет и окрепнет его Родина.

Он думает о двухстах пятидесяти миллионах тонн угля, о десятках миллионов тонн чугуна и стали, о миллиардах киловатт-часов электроэнергии.

В народных элеваторах и зернохранилищах сто двадцать семь миллионов тонн зерна.

На его Родине тысячи школ, театров, кинотеатров, музеев, библиотек, сельских клубов...

Фабрики и заводы вырабатывают все, что для его счастливой жизни нужно.

А его покой берегут могучие советские вооруженные силы.

И он уверен в своем завтра, так как он знает, что ему помогают Москва, Урал, Сибирь, Минск и Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Кавказ, как помогли они ему своей грудью и своей самоотверженной работой в тылу во время немецко-фашистского нашествия.

Он идет и поет.

И каждому встречному говорит приветливо:

— Здоров будь, товарищ!

1947

Одни тебе румыны

Сегодня дед Свирид сидит на колодах и хохочет, аж заливается.

И так увивается возле Ониськи (молодица такая в нашем селе есть) — никак не подумаешь, будто деду уже восемьдесят девять.

Ониська отмахивается от Свирида, а сама от смеха заходится.

А дед, а дед... чуть-чуть не ущипнет.

— С чего вы,—спрашиваю,—веселый такой, дедусь?

— Рассказываю...

— Что же рассказываете веселое такое?

— Как я в румынах ходил.

— В каких румынах?

— В Антонесках!

— Антонеску — то ж румынский министр главный!

— А глупый!

— Кто?

— Антонеску!

— А умный кто?

— Я! И мыла набрал, и табаку, и соли.

— Какого мыла?

— Румынского.

— А табаку?

— И табаку румынского. Да еще и десять коробок спичек дали!

— Кому?

— Мне.

— За что?

— А за то, что я румын!

— Ну, извините, дедусь, что-то вы здесь, как тот сказал, бре-бре...

— А не встать мне с этого места!

— Да вы же, прошу прощения, рыжеватый, а румыны же черные.

— Так, может же, у меня «второй супруг» чернявый!

— Какой второй?

— А Лукерка!

— Так Лукерка ж — царствие ей небесное!

— То ничего! Разве в царство небесное чернявых не принимают?

— Да то уж как случится...

— То-то же! Да вы слушайте: здесь у нас при тех немецких румынах или румынских немцах такой казус приключился, что до сих пор в себя не приду. И по ночам хохочу. Румынские, значит, власти прислали в наш район целую делегацию выявить всех граждан румынской и молдавской национальностей. А я к тому времени как раз из лесу от партизан на разведку пришел. А тут приказ: всем старостам дать сведения уездному начальнику:

1. Которые жители в селе говорят или разумеют по-румынски;

2. Людьми румынского или молдаванского происхождения являются также и те, у которых один из супругов румынского или молдаванского происхождения;

3. Эти граждане получат подарок от румынских властей: 1 килограмм мыла, 1 килограмм соли, 5 пачек табаку и 10 коробок спичек [1].

Я, как прочел, так и подпрыгнул! У хлопцев в лесу, знаю же, ни мыла, ни табаку, ни спичек. Я — ко всем нашим, и к бабам и к мужчинам:

— Записывайтесь в румыны! Хлопцы же в лесу без ничего.

Повалили к старосте:

— Пиши всех в румыны!

Он ко мне.

---

[1] Дословно из циркуляра гайворонского уездного начальника от 3/IV 1943 г.—*О. В.*

— Какой же,—говорит,—ты румын, если испокон веков на скрипке не играл?! И рыжий?!

А я ему:

— Я-таки в самом деле, может, и не очень румын, дак моя Лукерка, «второй супруг», такая уж была румынка, что и самого Антонеску бы перевересчила. Чернявая, от мамалыги, бывало, и за уши не оттянешь, а как услышит, бывало, скрипку, то ее на скамье ажно подкидывает. Такой румынки и в Бухаресте не узришь.

Так вот и пошло: кто из мужчин на румына не схож, у того «второй супруг» — жена, значит,— чистокровная румынка, а кто из женщин украинка, у ней муж — просто хоть в румынские короли.

Принес я тогда хлопцам в лес и мыла, и табаку, и соли.

— Мойтесь,— говорю,— хлопцы, курите, светите, солите. А придет время, то и все народы свое место найдут: нам — наше, молдаванам — Молдавия, румынам — Румыния... Да думаю, что и Антонеску с Гитлером на одной виселице поместятся, а не поместятся на одной — две сделаем.

1944

И про веревочки и про атомную бомбу

Как хорошо на селе в ту пору, когда закрома полны отборным зерном, когда детвора бегает с полными руками и подолами золотых яблок и когда песня свободного народа плывет привольно и величаво от Днепра на запад, обнимает высокие карпатские скалы, шелестит листвою дубов и буков, заливает широкие полонины, перекатывается через Карпаты и нежной мелодией стелется до самых ужгородских садов.

Украина свободна!

И вся вместе, как никогда до сих пор не была!

Глубоко-глубоко дышит грудь воссоединенного украинского народа, и крепко, по-братски, жмет Украина дружественные руки своих пятнадцати советских сестер-республик.

Днепр течет спокойный и гордый, а на обоих его берегах уже белеют новые хаты. Вместо врагом разрушенных. И вот-вот расцветет веселыми огнями восстановленный Днепрогэс.

— Ох, и пшеницы той, пшеницы будет! Ох, винограду того, винограду будет!

То так дед Свирид мне ответил, когда я сказал ему:

— Здравствуйте!

Позвольте мне еще раз поговорить с дедом Свиридом, хотя я хорошо знаю, что не дед Свирид главная движущая сила в деле восстановления нашей Родины, да и он сам об этом прекрасно знает и на такую роль никак не претендует.

Вот сидит он, старенький дед Свирид, приложив ладонь к козырьку, чтоб не слепило солнце его дедовские глаза, сидит да и говорит:

— Дела идут! И у внучки моей Катерины новая хата на три комнаты, да еще и с кухней! А детей у нее еще только двое! Муж ее,— зять, значит, мой,— еще из армии не возвратился, но уже весточку имеем, что возвратится, и я так считаю, что детей на три комнаты хватит. Потому, видите, как у моей покойной старухи при одной комнате, без кухни, было девятеро. Так я уж внучке своей Катерине заявку, как теперь говорят, подал, что меньше как на двадцать семь я не согласный! Потому как арифметику мы хоть и не очень, а таки трошки знаем! О!

Ну как же с ним, с дедом Свиридом, не поговорить?

— Так говорите, дидусю, что меньше как на двадцать семь не согласны?

— Не согласный!

— А нянчить кто будет?

— Нянчить кто будет? Такое спрашиваете! Народ будет! Вот кто! Не видели вон там, над прудом, фундамент нового дома заложен? Знаете, что то будет? Детские ясли там будут! И детский сад там будет! Разве ж такие колыбельки там будут, в каких мы с бабой своих выпянчивали? Думаете, что заслюнявленный мякиш из тряпки ребенок там сосать будет, как мои когда-то сосали? Думаете, что колыбельки на гнилых и перепрелых веревочках качаться будут? Нет, голубь мой! Я теперь уже все понял! Пастеризованное молоко мои правнуки пить будут, а колыбельки на мягких резиновых шинах кататься будут. И, как золотые веревочки к тем колыбелькам, зазвенят колыбельные песни счастливых матерей и культурных воспитательниц! Вот оно как!

Да и запел дед Свирид тихонько:

Люли, люли-люлечки,—
Золоты веревочки,
Расписные рамочки...

А пропев, добавил:

— Эх, родиться бы заново!

— И что было бы, дидусю?

— А то было бы: панских свиней не пас бы? Не пас! Панскую скотину не пас бы? Не пас! Пас бы свою

да колхозную! И ни разу не бил бы меня нагайкой управитель графини Браницкой.

— А разве бил?

— Трижды! А я, может, еще и на инженера или на врача выучился бы! Вот оно что было бы!

— Да оно так!

— Так уж меня на тех моих правнуков завидки берут! Их еще и нету, а я им уже завидую! Даже дивно мне!

— Вторично, наверно, дидусю, нам родиться не удастся! А за внуков и правнуков надо лишь радоваться! Пусть счастливы будут! Да чтоб на пути ихнем жизненном таких войн не случалось!

— Не случится!

— Да видите ли, дидусю. Уже и бомбы новые придумали — атомные!

— Да слыхал, слыхал! Катерина недавно в газете читала и мне рассказала!

— Ну и как вы?

— А я не боюсь!

— Как же так, дидусю?

— А как видите. Разум и воля большевистской партии тоже из атомов состоят, и атомы те тоже атомную энергию имеют. Да как помножить ту атомную энергию на любовь народную к большевистской партии, то какая, по-вашему, — спросил дед Свирид, — атомная бомба выйдет?! А?! Так что не боюсь я ничьей атомной бомбы. Восстанавливать хозяйство побыстрей надо! Вот что надо!

Крепко пожал я руку деду Свириду.

1945

Наша земля! Советская земля!

Перемышляны — районный центр Львовской области Украинской Советской Социалистической Республики.

Это теперь.

А как долго (ох, как долго!) это были «Пшемышляны» — городишко Львовского воеводства Речи Посполитой Польской.

А как долго (ох, еще дольше!) это был городишко — я не знаю, как он себя называл,— австро-венгерской монархии.

Едешь по неплохому шоссе из Львова на Перемышляны, глянешь направо, глянешь налево и думаешь: «Почему это была Австро-Венгрия? И почему это Гитлеру хотелось, чтобы здесь была Третья империя? Почему? Ей-богу, люди с ума посходили!»

Посмотрите, прошу я вас, вон на тот лесок. Ну точнехонько такой же, как, скажем, под Лебедином на Сумщине. Мы хлопчиками в нем подснежники рвали, и фиалки, и белок ловили. Стоит вон там дубок. Точнехонько на такой дубок я когда-то под Вязовом на Полтавщине к гнезду кобчика карабкался.

А та балка... Разве не такая же точно балка возле Хмельника на Винничине? И у Ладанского монастыря на Прилуччине? И у Романовки на Сквирщине?

А пахота вправо и влево от шоссе?! Разве не на такой точно пахоте растет на Полтавщине пшеница? И на Харьковщине? И на Киевщине? И на Правобережье и на Левобережье?

А Австрия кричала, что это исконная ее земля! Шляхетская Польша — что это земля ее. Гитлер с пеной

у рта доказывал, что эта земля должна принадлежать ему.

Едут навстречу вам пароконные арбы. Сидят на этих арбах деды, сидят бабы, мужчины, женщины, хлопцы, девчата...

Если бы я тоже ехал на арбе и задремал, а потом проснулся, я бы, встретившись с такой арбой, непременно остановил бы лошадей и спросил:

— Тр-р-р! Здравствуйте! А далеко ли, скажите, будьте ласковы, до Лохвицы?

А мне целыми столетиями вдалбливали, что вон тот дед, который с трубкою в зубах на арбе сидит, что он, дед этот, австрияк!

Смотрю я на этого деда, и невольно смех меня берет:

— Действительно, Габсбург! Тютелька в тютельку!

А после мне и историческими, и географическими, и этнографическими данными, а более всего пушечными выстрелами и пулеметными очередями доказывали, что вон та бабка, в огромный теплый платок замотанная, что она — не сестра бабы Рындички из «По ревизии», а «уродзона» шляхтянка, прямой потомок Станислава Понятовского.

А потом Гитлер, напустив на эту землю «пантер», «тигров» и простых и «королевских» танков, моторизованной пехоты, начал доказывать, что вон та чернобровая молодка, кареокая и вишнегубая — не Оксана Пшеничная, а Берта или Герта Тринкенбринкен.

И почему именно тот гнедой конь может разводиться только в австро-венгерской монархии или шляхетской Польше и увеличивать количество конского поголовья вышеозначенных государств?

Видел я и корову, и гусака, и кур видел — нету в них венского шика и не нуждаются они каждое утро в кофе по-варшавски; такую точно корову я пас некогда на Полтавщине, таких же кур щупала каждое утро моя бабка, с яйцом ли они, и такой же точно гусак шипит нынче под Ахтыркой, гоняясь за моими внуками.

Земелька, братцы мои, земелька!

И то, что в земельке! Недра, братцы мои, недра!

И извечный рабский труд тех дедов, тех баб, мужчин, женщин, хлопцев, девчат! Этих вот отцов, братьев и сестер наших!

А из земельки той, и из недр, и из вековечного рабского труда отцов, братьев и сестер наших — и венский шик, и кофе по-варшавски, и толстые бедра у Берты или там Герты Тринкенбринкен.

За Перемышлянами есть село с типичным австро-венгерским или польским, а может, и немецким названием— Ладанцы.

В том селе есть школа—ну точнехонько такая же, как и та, в которой я начинал, как моя бабка говорила, «обучение» в одном из прекрасных сел благословенной Полтавщины.

Носятся возле школы хлопчики, девчатки. Точно такие же хлопчики и девчатки бегают и у нас в любом селе возле каждой советской школы.

И разве только австро-венгерско-польско-немецкая фуражка, которая накрыла тому хлопчику не только голову, но и уши и глаза, а козырьком касается подбородка,— фуражка неведомо какой части и какой завоевательной армии,— разве только она отличает того мальчишку от полтавского Ивана в отцовском треухе.

— Как тебя звать?

— Владко.

— А сколько тебе лет?

— Восемь.

— А в школе учишься?

— Да!

— А хорошо учишься?

— Да.

— А может, плохо?

— Нет!

— А учителей у вас много?

— Двое.

— Учительницы?

— Нет. Один учитель, а одна учительница.

— А учительница тебя бьет?

— Нет.

— А почему?

— Она хорошая!

— А может, нужно было бы иной раз за чуб дернуть?

— Нет!

— А почему нет?

— Я хороший!

В школе полно людей. Больше женщин. Мужской пол — в большинстве своем пожилые мужчины, старики.

Смотрите вы на них, смотрят они на вас...

На таких точно потомков Габсбургов и Янов Собеских смотрели вы и на Харьковщине, и на Полтавщине, и на Киевщине...

Вы на них, а они на вас.

И глаза те же и осанка та же, только взгляд печальный и фигуры какие-то понурые.

И вот выходит наперед человек, лет ему около тридцати пяти будет, сам чернявый, заросший, лицо бледное, взгляд растерянный.

Выходит и начинает говорить:

— Граждане! Вы меня знаете. Я «станичный» бандеровцев в нашем районе. Я призывал вас сражаться против Советской власти, призывал чинить отпор, убивать советских людей, наказывал вам прятаться по тайникам, по лесам. Наказывал жечь хаты и убивать тех, кто переходит на сторону Советской власти, и не только убивать их самих, но и уничтожать их родителей, жен, детей... И вот теперь я каюсь в том, что я, а со мной и бывшие мои дружки натворили... Теперь я понял, какую беду, сколько горя мы принесли своей работой. Теперь мне ясно, куда вели нас наши вожаки, на что науськивал Бандера. Ни для кого уже не секрет, что Бандера, а вместе с ним и все мы, бандеровцы, работали по указке немецкого гестапо, и правильно нас называют украинско-немецкими националистами. Я призываю всех тех, кто шел за мною, явиться к представителям Советской власти и сдать оружие. Я призываю всех тех, у кого есть родичи, какие еще не пришли к Советской власти, пускай выходят из своих «схронов», пускай идут и работают вместе с Советской властью и сообща со всем советским народом. Ведь вы все слышали воззвание Советского правительства, что никакой кары тем, кто добровольно явится, не будет. Вы ж видите — я жив, и ничего плохого мне Советская власть не чинила.

Сидят женщины, сидят мужчины. Сидят, слушают...

Слушают одного из тех, мозги которых в течение целых десятилетий отравляли националистическим чадом,

которых обманывали, запугивали, застили им свет, тревожили душу, загоняли в леса, в укрытия, в ямы.

Печальны их лица, суровы.

И чувствуется, что все они давно уже осознали, как им надлежит поступить, что они уже понимают, «чья правда, чья кривда, чьи они дети», но десятки лет запугиваемые теми же бандеровцами, опасались они за себя, за детей, за внуков.

Боялись тех же бандеровцев.

Сидит подле нас за столом восьмидесятилетний дед.

Сидит, а по лицу его слезы с горошину катятся.

И тихо-тихо шепчет нам:

— Мой внучек в лесу был. У них, у бандеровцев. Под самый праздник передал, что придет. Домой придет. Дознались они — упал мой внук. Нет у меня нынче внука. Восемнадцать ему минуло... Файный [1] хлопец был...

И горошины-слезы еще обильнее потекли по лицу восьмидесятилетнего деда.

А сколько таких слез пролилось из-за каиновой работы немецких прихвостней?

Кого они хотели отдать в фашистскую неволю? Этот прекрасный народ, который перед нами сидит и на нас своими прекрасными глазами смотрит?

Народ, что веками был оторван от великой Украины, но сохранил и язык, и культуру, и любовь к языку и культуре?

Ему сказали:

— К нам приехали такие-то и такие-то украинские советские писатели. Знаете вы их?

— Знаем! У нас их книги есть!

Народ, который в трудную минуту жизненной невзгоды, причиненной не сразу распознанными им врагами, способен на обыкновеннейшую человеческую шутку откликнуться таким веселым смехом,— такой народ не может не быть прекрасным, а значит, не может не быть советским, потому что так может, так умеет смеяться только советский народ!

А советский народ может жить только на советской земле!

Значит, земля эта — наша земля, советская земля!

1945

---

[1] Файный — хороший.

«Земельная рента»

В 1942 году в Киеве, как мы знаем, правили рейхскомиссар, гаулейтер Эрих Кох.

Так вот этот самый гаулейтер пригласили к себе пана министра восточных земель Розенберга проведать свои владенья.

Пан рейхсминистр торжественно прибыли и объехали с паном гаулейтером захваченные земли.

Объехали и вернулись в Киев.

На сей раз они вызвали в Киев на совещание всех генерал- и гебитскомиссаров...

Посовещавшись, пан министр с паном гаулейтером и со всеми генерал- и гебитскомиссарами устроили торжественную прогулку на Аскольдову могилу.

Пан министр стали в позу и торжественно провозгласили:

— Панове! Посмотрите на эту чудесную панораму! Все эти необъятные просторы земли урожайной теперь наши, германские. От Днепра и до Черного моря все эти поля бескрайние мы заселим немцами. Мы поделим эти земли на участки и раздадим немецким фермерам. Украинцы будут рабочей силой. А через двадцать лет здесь будет настоящая Германия.

Паны комиссары хлопали в ладоши и кричали:

— Хох! Хайль Гитлер!

Да, что вы там ни говорите, а государственный ум — это-таки государственный ум.

Он предвидит.

Не ошибся министр восточных земель пан Розенберг.

Что ему можно поставить в вину — так это лишь скромность.

Что же вышло?

Не только на бескрайних украинских полях, а и на Кубани, на Дону, на Северном Кавказе, в Крыму, в Бессарабии и даже до самых Карпат есть великое множество земельных участков с «немецкими фермерами», если не на них, то в них.

Получили эти участки немецкие фермеры в вечное владение.

Лежат немецкие фермеры в советских необозримых землях, лежат, «хозяйствуют».

И работы вроде бы немного: лежи себе потихоньку, догнивай. И польза с того немалая фашистским фюрерам, ибо, как публикует швейцарская газета «Базлер арбейтерцейтунг», фюреры эти уже имеют в иностранных банках кругленькие капитальцы наличными и в ценных бумагах.

Геббельс	имеет	— 4365	тысяч	долларов
Геринг	»	— 3575	»	»
Риббентроп	»	— 3165	»	»
Гесс	»	— 2045	»	»
Гиммлер	»	— 2000	»	»

«Детишкам на молочишко».

«Фермеры» лежат, земля, знай, вертится, денежки набегают...

Пока фюреры на виселицах качаться будут — гляди, еще по миллиончику набежит.

1944

«На пятке перстень»

Есть на свете такой себе небольшой зверек — ласка...

Прековарнейшая и хитрейшая зверюшка...

Подкрадывается незаметно к намеченной жертве и даже будто отворачивается от нее, а потом на жертву — прыг! — и укусила...

А если жертва зазевается, то ласка может ее и загрызть.

Ласка живет во многих странах — по дворам, в конюшнях, сараях и пр.

Летом она рыжевато-бурой масти, с белой грудкой, а зимой вся беленькая.

Это так называемая мимикрия — приспособляемость зверей и птиц к колеру окружающей природы.

А в Англии живет не ласка, а Ласки...

Это не зверек и не животинка, а профессор — Гарольд Ласки.

Водится он не в конюшнях или амбарах, а пребывает в лейбористской партии, где еще недавно был председателем исполкома.

Он тоже подвержен мимикрии и в случае надобности приобретает якобы рабочую окраску.

Дома, по вечерам, он становится перед зеркалом и критически осматривает фрак и цилиндр, затем зовет свою супругу:

— А ну-ка посмотри, миледи Пистинет, пышный из меня лорд получится или не пышный из меня лорд получится?

Миледи Пистинет со всех сторон его оглядывает, потом сдвигает цилиндр несколько набок:

— Вот так, Гарольдуша, будет, пожалуй, более лихо! А вообще такой лорд из тебя получится, такой лорд, что лордше на самом Пикадилли не выпикадиллишь! Бивербрукчее самого лорда Бивербрука!

А если нужно идти к рабочим, тогда вместо фрака и цилиндра надеваются одни подтяжки, супругу зовут уже не миледи, а просто миссис, себя же Ласки возбраняет называть не то что лордом или сэром, а даже мистером.

— Зови, миссис Пистинет, меня товарищем. Рук я сегодня мыть не буду, чтоб чернее выглядели, да мазника меня сажей под носом, будто я прямо с производства.

И только после этого отправляется к рабочим.

Примимикрился Гарольд Ласки и к Советскому Союзу, когда приезжал к нам во главе делегации лейбористской партии...

Прикинулся святым да божьим...

А по возвращении в Англию сразу же прыг на Советский Союз, на его жизнь, и давай кусаться...

Загрызть Советский Союз Ласки не удастся — не такие кусали, да не закусали, а суть свою Ласки проявил полностью, целиком доказав тождественность со своей тезкой — коварнейшей и хитрющей лаской.

Вернувшись в Англию, Ласки написал книгу о Советском Союзе.

Называется она «Размышление о революции нашего времени».

Вначале он пишет в своей книге о том, что миллионы людей получили доступ к культурным ценностям; отмечает колоссальный культурный уровень многочисленных национальностей Советского Союза, которые до Октябрьской революции не имели даже своей письменности; перечисляет огромнейшие достижения Советского Союза, о которых капиталисты не могут и мечтать...

Выходит, значит...

Для каждого логично мыслящего человека понятно, что все, что дала народам Советского Союза социалистическая революция, большевистская партия и Советская власть,— все это результаты народовластия, широчайшей и глубочайшей демократии и социалистической системы, которая всемерно поддерживает творческий почин и дерзания народного гения.

А что говорит Ласки?

А Ласки говорит, что все достижения народов Советского Союза — результат того, что Советская власть отменила все демократические учреждения.

Власть — народная. Народы достигли колоссальных успехов, потому что нет... народа.

Ибо, если, как утверждает Ласки, Советская власть упразднила все демократические учреждения,— значит, в тех учреждениях нет народа...

Народы достигли, и народов нет.

Надо полагать, что Ласки уже и до того додумался, что «демос» не народ, а одни только директора банков и правительство его величества...

Очевидно, когда Ласки путешествовал по Советскому Союзу, он услышал, как одна баба пела:

Потому я тебя полюбила,
Что на пятке — перстень...

Это песня шуточная.

А профессор Ласки принял ее за высшее достижение человеческой логики...

Лорд из профессора Ласки, пожалуй, и получится.

А вот демократа из него не выйдет...

Логика его уж больно на лордовскую смахивает...

1947

Радиореферат по-английски

Английское радио обогатило свои программы новым оригинальным содержанием: каждый вечер выступает какой-нибудь известный дезертир, бандит или спекулянт, который читает реферат по актуальнейшим проблемам своей «специальности», раскрывая ее теоретические основы, практические приемы и т. д.

Радиослушатели с увлечением обучаются этим полезным наукам.

«Воскресные новости». 1947 год, № 41, Чехословакия.

ДИКТОР. Внимание! Говорит Лондон! Радиостанция Ка-Ка-Си! Перед микрофоном известный доктор английских общественно-политических наук профессор сэр Джек Потрошитель Женщин! Леди и джентльмены, внимание! Профессор сэр Джек Потрошитель Женщин прочтет научную лекцию на тему «Потрошение женщин в Англии, как способ привлечения особ прекрасного пола к общественной жизни». Внимание! У микрофона профессор сэр Джек Потрошитель Женщин!

ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ ЖЕНЩИН. Леди и джентльмены! Эх, дружочки вы мои! Как саданешь ножище милой леди прямо в сердце! И не пикнет! И не ойкнет! А потом из сердца нож — хвать! Да и по животу р-р-рраз! — и потроха — прочь! Но я увлекся. Давайте спокойнее и по определенной системе... Лондонская улица. Вечер. Вы стоите либо в Гайд-парке, либо в Реджент-парке, либо на Пикадилли... Появляется очаровательная

миледи... Она идет медленно, неторопливо, глубоко вдыхая изумительный лондонский воздух, гордясь тысячелетней глубокой культурой самой что ни на есть демократической, могучей Великобритании. У нее прелестные золотистые волосы! А стан! А походка! А бриллианты в серьгах! А колье! Эх, браточки вы мои! Разве ж мыслимо выдержать?! Вы подскакиваете да за косы! Да кляп ей в зубы! А зубы, как жемчужины! И — прямехонько в сердце! А потом уже за потроха! А после — за серьги, за колье, за перстни, за бриллианты! Простите, я снова увлекся...

Ножом можно ударить, дорогие леди и джентльмены, не только спереди, можно и сзади. В таком случае нужно садануть под левую лопатку нож или кинжал сантиметров этак с двадцать длиной. Кляп в зубы не обязателен, можно левой рукой зажать рот, а правой — всадить нож. Важно следующее: делать это все надлежит молниеносно, чтобы шухера не было.

А какое вас охватывает блаженство, когда вы подстерегаете свою жертву возле Вестминстерского аббатства. Вы потрошите прелестную леди, а вас окутывают тени великих Теккерея, Генделя, Шекспира, Диккенса! Р-р-рраз! — и вата!

Эх, елки-палки, леди и джентльмены.

Простите, опять не совладал с собой, увлекся!

Неплохо подстерегать жертву и в Парламентском сквере. Особенно когда в палате общин идут дебаты о внешней политике английского правительства... На основании многолетнего своего опыта, леди и джентльмены, я пришел к определенным выводам.

Когда в Англии консервативное правительство, тогда можно бить прямо в лоб! Без всяких там фиглей-миглей. Просто подходи, хватай за горло, бей в сердце, потом в живот — и блин!

А вот если правит королевством лейбористская партия — тут уж тактика должна быть иной: тут уж надо с оглядкой, петлять и заметать следы, стараться заманить свою леди в кусты, подходить даже к ней, расшаркиваться, источать комплименты. А затем, когда она убедится в том, что вы человек порядочный,— вса-

дить ей нож непременно под левую лопатку. И одновременно изречь:

— Пардон, миледи! Простите, что я вас выпотрошил!

На этом, дорогие леди и джентльмены, я свою лекцию заканчиваю. Желаю вам успехов в деле потрошения женщин в Англии!

ДИКТОР. Мы передавали лекцию сэра Джека Потрошителя Женщин. Читал автор. Леди и джентльмены, о результатах лекции просим известить нас по такому адресу: Лондон, Радиостанция Ка-Ка-Си! Слушайте музыку Генделя.

С английского перевел *Остап Вишня.*

1948

Дела не наши — дела монаршьи

Кроме бубнового, червового, трефового и пикового королей, на свете есть еще бывший югославский король Петр, бывшие короли Румынии Кароль и Михай, теперешний король и будущий некороль Греции Павел.

Существуют еще некоторые будущие бывшие короли.

Как передавало телеграфное агентство Домей Цусин или Цуцумей Досин, короли бубновый, червовый, трефовый и пиковый царствуют в карточных колодах, а бывший югославский король Петр прибыл на постоянное жительство в Бразилию.

Прибыл не один, а вместе со своей супругой — бывшей греческой принцессой Александрой.

Прибыл, говорят, благополучно, чего мы желаем всем бывшим королям.

В Бразилии, в ее столице Рио-де-Жанейро, уже немало времени проживает и бывший король Румынии Кароль.

Вот, значит, уже в Рио-де-Жанейро не один бывший король, а целых два бывших короля...

Уже им не так скучно.

Ясное дело, что без государства, без государственных дел, без верноподданнического населения не больно, пожалуй, и весело, но все же при известных государственно-организаторских способностях понемногу можно уже и «закоролевствовать».

На какую-никакую виллу, думается, денежки найдутся.

Виллы нужно приобретать рядом: вот так югославская, а так румынская.

На югославской вилле написать: «Югославия», а на румынской — «Румыния».

И уже вечером можно будет налаживать государственные отношения через лаз.

Здорово пригодятся в королевской жизни знаки монаршей власти — скипетры.

Если воткнуть скипетр на огороде у курятника, до чего будет великодержавно удобно на скипетре королевам крынки сушить.

И корона пригодится.

Весной в короне удобно клушку на яйца посадить.

Одна курица даже интервью в херстовские газеты давала.

— Нигде,— говорит,— так цыплята не вылупливаются, как в королевской короне. Из восемнадцати яиц только два болтуна...

А осенью коронами сподручно воробьев ловить.

Короной воробьев ловят так же, как у нас решетом...

Под один край короны подставляется палочка, к палочке привязывается длинная веревка, под корону насыпается зерно. Король сидит на троне, держит в руке веревочку и следит. Как только воробьи под корону набьются зерно клевать, король за веревочку — хлоп! — корона воробьев и накрыла.

Тогда бежит королева к короне и вылавливает из-под нее воробьев.

А если королю нужно куда-нибудь выйти по государственным делам, тогда королева садится на трон и за веревочку дергает.

Так можно, не скучая, даже в чужом государстве королевствовать.

А там, со временем, глядишь, и еще подъедут монархи.

А когда насобирается в Бразилии порядочно монархов, тогда уже всамделишная монаршья работа пойдет.

Не грех и в картишки перекинуться: с утра до вечера можно будет в «трыньки» играть...

1949

Сутана и тиара

I

За два приблизительно столетия до нашей эры на Апеннинском полуострове Европы, на крутом берегу реки Тибр, произошла такая история.

Албанская весталка Рея-Сильвия полюбила волка и родила двух сыновей — Ромула и Рема. Весталки — это когда-то были такие женщины, которые предназначались богу, то есть, собственно, не богу, а его жрецам. Рея-Сильвия была девушка умная, она сразу сообразила, что жрец и волк — существа характером одинаковые, и... выбрала волка.

Жрецы подняли шумиху, хотели Рею-Сильвию убить, но ее спас бог реки Тибр — взял себе в жены.

Младенцам Ромулу и Рему было хуже — их просто посадили в корыта и бросили в реку Тибр.

Поплыли корыта с детишками по течению, а за ночь вода спала, корыта и прибились к берегу.

Ребята — в плач...

А тут как раз одна волчица пришла к реке напиться водички. Услышала волчица детский плач, подошла, посмотрела, понюхала — пахнут волком. Ребята ей понравились, она взяла, перенесла их в глубоконькую на бугре яму, обогрела и накормила их своим волчьим молоком.

Волчица была характера доброго, она так и осталась ребятам вместо мамы: кормила их своим молоком, птички — дятел и чибис — приносили ребятам из тогдашнего «Гастронома», глядишь там, то сосиски, то слад-

кий сырок. Яичный порошок в тех местах появился значительно позже, когда вместо волков и волчьих сынков там начали управлять де Гаспери и Сфорци.

Ромул и Рем подросли и основали на семи холмах над рекой Тибром город Рим. Строил Рим, собственно, Ромул, так как Рема ему вскоре пришлось убить. Играли они в подкидного — и то ли Рем припрятал козырного туза, то ли Ромулу «генеральского» нацепил — точных сведений не имеем. Знаем только, что за картами подрались.

На месте той волчьей ямы, где выросли братья, позже был построен так называемый Ватикан, где поселились и до сих пор живут так называемые римские папы.

Почему именно «папы», а не «мамы» — неизвестно, история, к сожалению, очень путает насчет происхождения названия «папа». А одежда пап — сутана и тиара — и внешний вид (папы не носят ни усов, ни бороды) больше придают им вид мам.

Внешне, таким образом, римский папа нечто среднее — полупапа, полумама.

Вот так началась история римского папства.

Мы не будем тут рассказывать всю эту историю: во-первых, она очень длинная, во-вторых, очень противная и очень грязная, и у нас нет никакого желания копошиться в горах трупов, в реках крови, в море огня, в длинной цепи звериных «святых» дел, которые через край заполняют эту историю...

II

Что делают на земле римские папы? Для чего они живут на белом свете?

Сами папы говорят, что они не больше и не меньше, как наместники Христа на земле после святого апостола Петра.

Якобы, когда апостола Петра распяли на кресте на тех же римских холмах, он простонал:

— Погодите немножко, не забивайте последний гвоздик, дайте же кому-нибудь наследство оставить! Кто тут есть?

Подскочил к Петру какой-то шелудивый подпатриций, который кончал курсы распинателей и проходил как раз практику.

— Я! Что вы хотели, господин апостол?

— На... вот... ключи... от царства... Будешь... наместником...— простонал Петр и умолк.

Подпатриций схватил ключи и спросил:

— А как я себя должен называть, господин апостол?

Петр поднял очи:

— Па... па...— папкнул дважды и затих.

— Папа? — вскрикнул подпатриций.

Но Петр уже ничего ему не ответил.

Вот отсюда, говорят, и пошло название «папа», хотя некоторые авторитетные источники утверждают, что эти два «па», «па» и еще раз «па», вовсе не составляли одного слова «папа», а что то была просто недоговоренная фраза — римский вульгаризм, который якобы означает:

— Паа-шел ты...— и т. д. и т. п.

Несмотря на то, что историки по-разному истолковывают эти события, папы, однако, всякими правдами и неправдами утвердились как наместники Христовы на земле... А самое главное — ключи от царства небесного и от всех небесных благ в их руках...

Ну и пошла торговля!

Ключи — вещь неплохая; вот тебе царство небесное: хочешь — замкнул, хочешь — отомкнул!

А кому не хочется в царстве небесном побывать?! На земле не очень весело: голод, холод, налоги, рабство, безработица, нищета, а на небе, говорят папы, для католиков — сплошной рай... В раю за квартиру платить не надо, работы никакой — только лопай! — налогов никаких. Да еще, глядишь, и лето сто раз в течение месяца!

Выдаст папа энциклику, ключами побренчит:

— Царство небесное! Кому? Отдельный лавровый куст с непрерывным солнцем, с исправным дождем! По вечерам заслуженный соловей с легким тьох-тьохтуаром. Куст обслуживают гурии — блондинки не старше двадцати лет. В местном театре — гастроли Марии Магда-

лины и Марии Египетской. Райские песни. За роялем — святая Цецилия. Сверх программы — пророк Илья! Гром! Молния! В колеснице пара гнедых жеребцов. Высшая дрессировка. Конферансье — Иван Златоуст.

Не сто, а сто раз по сто можно дать за такую программу царства небесного.

И дают!

Надавали за царство небесное. За индульгенции на отпущение грехов.

И немало надавали!

Папа римский (или мама римский) имеют капиталы:

в промышленности — пятьсот миллиардов лир (довоенных);

в банках — четыреста миллиардов лир (довоенных);

в имуществе — триста восемьдесят миллиардов лир (довоенных).

Как видите, есть за что купить кубометр чистополенных дров и коробочку спичек, чтобы разложить костер и живым сжечь своего противника.

Чтобы у римских пап было уж очень много работы, сказать нельзя — больше всего работает в Ватикане папская туфля: зацеловывают эту туфлю до дыр.

Самые торжественные в Ватикане дни — это когда папа выходит на эстраду, садится, протягивает ноги, а его поклонники по очереди подходят, становятся на колени и целуют туфлю. Самая прочнейшая кожа выдерживает, говорят, не больше пятисот поцелуев, потом начинает коробиться, трескаться, и из дырки вылезает папин палец. Чтобы этого не допустить, меняют туфли. Целыми часами сидит папа, а поклонники чмокают в туфли. Когда у папы начинает зудеть большой палец, тогда дежурный кардинал объявляет:

— Перекур! Десять минут!

Поклонники идут в буфет, папа ложится в боковой комнате на кушетку, курит, а кардиналы ему палец чешут.

После того как один поклонник в припадке экстаза прокусил туфлю и грызнул папу за палец, начали в носок прокладывать стельку из старой туфли... Теперь не прокусывают...

III

С 1939 года после папы Пия XI апостольский престол в Ватикане занял Пий XII, бывший кардинал Пачелли.

Пий XII с нетерпением ждет Нового «святого» года: Ватикан через каждые двадцать пять лет празднует такой год особенно торжественно. В Риме в такой год устраивается большая ярмарка — с каруселями, «петрушками», «тещиными языками» и т. д.

Пию XII мерещится, что на «святой» Новый год съедутся на площадь св. Петра в Риме все народы, что станут все народы перед ним на колени, подымут руки вверх и будут молить:

— Отче святый! Есть не хотим, забастовок не хотим! Только молиться, только тебе поклоняться! Веди нас, отче святый, на коммунистов, на страны народной демократии!

И взмахнет Пий XII рукой, а в небе загудят самолеты: и «летающие крепости», и истребители, и бомбардировщики, и транспортные! Как туча! Как туча!

А за ними танки, пушки, пулеметы, минометы, автоматы...

А кардинал американский Спеллман выгребает из самолета доллары, и все золотые, и все золотые...

И благословляет широким крестом Пий XII и генералов, и адмиралов, и маршалов:

— Крестовый поход! На Москву, на Киев, на Варшаву, на Прагу, на Софию, на Бухарест, на Будапешт!

Разливается крестовый поход по всем непокоренным странам, падают тысячами убитые коммунисты, падают демократы, а кто живой — падает ниц перед Пием XII.

— Мы твои, мы твои! О святый отче!

А на улицах Москвы, Киева сутаны, сутаны, сутаны...

И колокола, колокола, колокола! По всем костелам колокола, по всем церквам...

— О чем звонят колокола? — встрепенулся Пий XII.

— Панихиду по Муссолини...

С Муссолини вышла неувязка: бог послал его в Италию ногами вниз, а вернулся он обратно к богу — ногами вверх...

1949

«Страдания молодого Вертера»

Лишь небольшую часть сведений собрал я о жизни на Украине молодого Вертера и предлагаю теперь вам, зная, что вы не будете благодарны мне за это. Вы не можете не возмущаться его подлостью и зверствами и не откажетесь от проклятия на его бандитскую голову. На его фашистскую натуру.

И если ты, мой дорогой друг, встретишь кого-нибудь, похожего на моего молодого Вертера, убей его!

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Июль 1941 года

Как же я рад, что уже приехал! Дорогой дружище, ну, ясно же, насколько ты прав, что не все люди созданы так, как мы с тобой, мы — отмеченные самим богом, мы — представители высшей арийской расы. Я на Украине! Как прекрасно я себя чувствую! Я стою и любуюсь: вот идут, скрежеща и громыхая, наши танки, сверху пикируют и швыряют бомбы наши самолеты, горят города и села, корчатся в предсмертных судорогах мужчины и дети, женщины и старики, я вижу кровь и раздробленные кости, я слышу вопли и стон, и кровь, ручейком журчащую из оторванной от детского тельца ножки,— драгоценнейший бальзам для моего изболевшегося сердца. Будь добр, передай моей дорогой муттер, что ее поручение во что бы то ни стало я исполню: в своем рюкзаке я уже имею дюжину чайных и восемь столовых ложек, че-

тыре дамских сорочки и два бюстгальтера, но это еще лишь начало. Скажи моей доброй муттер, что я до сих пор не могу забыть ее лучистых глаз, какими смотрела она на меня при расставании! Ах, эти глаза, эти материнские глаза! Но даже лучистые материнские глаза не могут расширить моей походной сумки: не влезает в нее ни перина, ни подушка, ни тем более шифоньер! Пусть потерпит моя дорогая мамочка, может, мне дадут машину, а на машину можно будет погрузить и рояль и буфет! Ах, какое наслаждение — нынешнее, а прошлое пусть будет для меня прошлым!

Август 1941 года

Друг мой! Когда в этот час все словно туманится перед моими глазами, и весь мир вокруг меня, и все небо оседает в душе моей, тогда охватывает меня грусть, и я думаю: «Ах, если бы можно было все то, что вокруг меня: и кур, и гусей, и свиней, и коров, и коней, и овец, и яблони, и груши, и вишни, и сливы, и все трактора, и молотилки, и все речки,— а если не речки, то хотя бы всю рыбу из речек! — и всю землю, чтобы все это можно было запихать в мою походную сумку, чтобы все оно стало зерцалом души моей, как моя душа — зерцало бесконечного божества! Друг мой! Я теряюсь, я побежден могуществом и грандиозностью всех этих явлений и крохотностью моей походной сумки! Ах, как я завидую танкистам, как я завидую мотористам и мотоциклистам! Я не переживу этого! Сегодня мимо меня торжественно проехал наш танк, и из его башни выглядывала скульптурная голова чистопородного симментальского быка! Мое сердце затрепетало, как раненая птица, и я забочусь о нем, как о больном ребенке! Не рассказывай об этом никому! Есть люди, которые мне никогда этого не простят. Подумай сам: у них симментальский бык, а у меня бюстгальтеры! Мои слезы высохли! Прощай, дорогой!

Сентябрь 1941 года

Какое счастье, что я попал в эту страну! Она создана именно для таких душ, как моя! Какая краса! Вокруг меня над чудесной долиной волнами стелется туман, а солнце колышется над зарослями сада, не в силах про-

никнуть лучами в его святилище. Я лежу в высокой траве возле журчащего ручейка и вижу на земле тысячи разноцветных травинок, и чувствую возле моего сердца копошащийся на стебельках маленький мир из червячков и мушек, и ощущаю присутствие всемогущего творца, сотворившего нас по образу своему! Каждый куст—букет цветов и море запахов! И заклокотал гнев в душе моей: «Как?! В этом раю живет и наслаждается всем этим украинец?! Славянин?! Не бывать этому!» Я схватил топор и под корень вырубил сад, я передавил всех червячков и мушек и повырывал с корнями кусты-букеты! Я засыпал землей и забросал камнями журчащий ручеек! Я нагадил в чудесной долине и парализовал запахи, и после этого душу мою охватила удивительная ясность, подобная чудесному весеннему утру, усладе моего бедного сердца.

Октябрь 1941 года

Село, где я гебитскомиссаром, очень живописно. Оно над рекою, все в садах. Сразу за селом — поля пшеницы. Среди села — парк с прекрасной липовой аллеей. Както я зашел сюда под липы. Под одной из лип сидел мальчик лет четырех и держал на руках своего братика, месяцев около шести. Дети играли одни, так как мать была в поле. Я сел напротив них на скамью и смотрел на детей. И вдруг мелькнула у меня мысль: «Вырастут, снова их завоевывай!» Я никогда не думал, что детские головы так легко разбиваются об обыкновеннейшую липу! С одного раза! Это укрепило меня в намерении впредь быть ближе к природе! Лишь одна она бесконечно богата, лишь одна она подчеркивает наше величие и мощь! Прошу передать моей дорогой матери, что у меня прибавилось две простыни, две пары женских панталон и часы-ходики.

Май 1942 года

Я сегодня пережил сцену, которая, если ее хорошо описать, будет напоминать чудеснейшую идиллию. Но что значит сцена, идиллия? Разве обязательно точно описывать каждое явление в природе, в котором мы участвуем? Иногда и слов не хватает! Представляешь себе, друг мой, когда все село рыдает?! Рыдают девушки,

женщины, старухи, дети! Это я со своими рыцарями СС сгоняем изо всех хат на площадь девушек, женщин и подростков для отправки нах Дейчланд! Какая музыка! Где найти краски, как уловить грустную мелодию отчаяния «низшей расы» и буйную, радостную музыку нашей победы?! Это еще торжественнее, нежели рев скотины, крики кур, гусей, уток, индеек, визг поросят! Передай моей дорогой матери, чтобы не трудила своих рук, которыми меня благословляла: пусть из присланных девушек выберет себе одну.

Август 1942 года

На днях я увидел ее! Боже мой, как затрепетало мое сердце! Я никогда — слышишь, никогда! — не встречал такого прекрасного создания! Какая стать, какая походка! Как гордо она мимо меня прошла, в мою сторону даже не поглядев! Но, друг мой, она принадлежит другому! Все равно это не остановит меня! Пусть другому, пусть третьему, пусть принадлежит она тысячам,— она будет моей! Ты помнишь, как я с моей старенькой доброй матерью долгими зимними вечерами мечтал о ней?! Это было наше излюбленнейшее желание — иметь именно такую, стройную, прекрасную. Она будет моей! Я пойду на все, но эта коза будет украшением нашего дома! Сегодня под вечер, когда солнечные лучи золотили верхушки вековых лип, я заарканил ее. Она блеяла, она упиралась своими стройными ногами, но я, счастливый и радостный, приволок ее домой. Это была настоящая рыцарская борьба! Вокруг нас прыгала местная детвора, выкрикивая:

Вертер козу ведет,
К Вертеру коза не идет,
Вертер ее вожжами,
Она его ножками.

Я застрелил четверых детей и одну старуху, но победил. Теперь она у меня! Громки были вопли детей и рыдание старухи! О чем плакать?! Разве не звучат песни, чтоб растревожить душу? Пусть готовит моя добрая матушка лютню, готовь и ты, друг мой, литавры встречать избранницу сердца моего на земле отцов и пращуров наших.

Посмертное письмо Вертера

Коза сбежала. Меня судят! Видит мой старый немецкий бог, клянусь именем моей доброй матери, что я не я и кобыла не моя: я ничего такого не делал, я только исполнял приказы начальников моих! Помилуйте меня! Я жить хочу! Я буду целовать сапоги ваши, только даруйте мне жизнь! Я видел много умирающих, но человечество так ограниченно, что не имеет понятия о начале и конце своего существования! Граждане судьи! Слезы не дают мне писать, они льются из глаз и из носа и заливают бумагу! Пощадите! Гитлер капут!

. . . . . .

Повесили молодого Вертера...
Коза радостно мекнула.

1947

Пусть каплет

(Югославская сказка)

I

Седая-седая седина, старая-старая старина!

В одном царстве, в каком-то государстве не жил да был себе, а царствовал да королевствовал себе храбрый король.

И вот напал однажды на то царство-государство лютый ворог.

Храбрый король своим подданным манифест бабахнул:

— Подданные мои верные! Подданные мои любимые! Прет на страну нашу ворог страшный! Бейте того ворога, не давайте на поругание нашу любимую родину. Не жалейте, как не жалею и я, ваш король, для нее последней капли крови.

Бабахнувши такой манифест, храбрый король с храброй королевой и с храбрыми своими министрами «царенулся» на заранее подготовленные позиции километров за три тысячи от того царства-государства.

Храбро и доблестно сражался народ за свою родину, да враг был сильнее, враг был лютее и захватил то царство-государство.

Хоть и захватил враг царство-государство, но народ не покорился, а ушел в леса, ушел в горы, в дебри — объединился, сражался дальше, бился насмерть и с помощью соседей своих благородных начал гнать врага из того царства-государства.

Сидит храбрый король на заранее подготовленных позициях, с министрами заседает, царством-королевством с заранее подготовленных позиций правит.

От той тяжкой работы государственной, от той битвы великой за свое царство-государство начала из храброго короля кровь капать.

Забеспокоились министры, заволновалась королева, и созвали они к королю всех ученых лейб-медиков со всех заранее подготовленных позиций.

— Лейб-медики ученые, поглядите и посоветуйте, что делать: из нашего короля начала кровь капать!

Внимательно и верноподданно осмотрели лейб-медики ученые храброго короля и констатировали:

— У его величества, у храброго короля, по причине великой битвы за свое царство-государство, образовалась страшная кровавая рана — геморрой. Необходима немедленная хирургическая операция!

Упали на колени перед храбрым королем министры его мудрые:

— Ваше величество! Для счастья родины ложитесь на операцию, ибо жизнь в опасности ваша! Кровь же каплет!

Взглянул храбрый король на министров и молвил самодержавно:

— Пусть каплет! За счастье своего царства-государства не пожалею последней капли крови!

II

Бьется с врагом народ того царства-государства, бьется доблестно и самоотверженно.

С помощью союзников своих благородных уже и столицу от лютого врага освободил и гонит врага к границам своим государственным.

Собрались представители народные в освобожденной столице на совещание и решили:

— Поскольку король наш на заранее подготовленных позициях за три тысячи километров от родины сидит, править государством будем мы сами!

И правят...

III

Когда услышал храбрый король о таком решении представителей народных в том царстве-государстве, как вскипит, как запротестует на заранее подготовленных позициях:

— Протестую! Несогласный! Из меня кровь каплет!

IV

Когда услышал о королевском протесте народ в том царстве-государстве, как засмеется да как постановит:

— Пусть каплет! А чтоб не капала, снег прикладывайте.

1952

«Турмерика»

В хозяйстве одного француза или, возможно, англичанина, а то и у турка или грека была корова.

Самая обыкновенная корова, какие и у нас водятся,— с четырьмя ногами, с двумя рогами, с хвостом и выменем... И, конечно же, она, как все коровы, мычала...

Разница только в том, что у нас корову могут Маней назвать, а у французов она — Мари, у англичан — Мери. И турки или греки тоже как-то по-своему называют коров...

Вот, к примеру, у турка была корова, а в Соединенных Штатах Америки был государственный секретарь Маршалл.

Узнал он, что у турка есть корова, пришел к нему и говорит:

— Есть у тебя корова?

— Есть,— отвечает турок.

— Одна?

— Одна.

— Маловато,— вздохнул мистер Маршалл.

— Мы люди бедные,— пожаловался турок.

— А хочешь, чтобы у тебя было две, а то и три коровы?

— Еще как хочу!— воскликнул, подпрыгнув от радости, турок.

— Так я тебе помогу,— пообещал государственный секретарь США.— Мне это раз плюнуть! У меня долларов, золота столько, что я в состоянии закупить коров на всем белом свете! Еще и на быка деньги останутся!

Турок поклонился мистеру Маршаллу, умоляет его:

— Помогите! Хочу, чтоб у меня три коровы было! Ой, как хочу!

— Ол-райт! — воскликнул мистер Маршалл.— Если так, получай доллары! Вот миллиард долларов!

— Ой, спасибо!

— Только уговор: коровы твои, а молоко мое! Если хочешь, то и свиней можешь приобрести. Но опять же таки: свиньи твои, а сало мое! В случае, если коровы будут плохо доиться, а свиньи плохо сало наращивать, не волнуйся. Вернешь миллиард нефтью или углем, или, скажем, хромовой рудой! А чтоб у тебя никто не украл коров или свиней, найми сторожей. Я же своих генералов и офицеров дам, чтобы они теми сторожами командовали... И будет полный порядок!

— От всего сердца благодарю вас, мистер,— вскричал турок, кланяясь.— Ой, как же я вам благодарен!

— И вот еще что,— сказал мистер Маршалл.— Чтобы у тебя не было лишних забот, я помогу и в таком деле, как перевозка молока, свинины или, к примеру, нефти и угля в Америку. Словом, я своими людьми укомплектую железнодорожный состав и команды пароходов. Так что живи, не горюй! Ты беден, а я богат,— почему же не помочь тебе? Если же тебе трудно произносить «мэрхаба», не стесняйся, говори «гуд бай!». Это и короче и, главное, более четко получается. Вот так ты и разбогатеешь, с нами, американцами, породнишься. И со временем вся твоя держава будет называться: «Соединенные Штаты Турмерики»...

— Гуд бай—алейкум! — радостно воскликнул турок.

1947

Ад трещит

Ой, что творится сейчас в аду, что творится!

Все черти в панике, а самый старший дьявол, Вельзевул, сидит в кабинете, заперся, никого не принимает, секретарша ходит на цыпочках, и чуть только какой-нибудь сатана голову в приемную сунет, сразу:

— Ш-шш! Тихо!

— Не принимают?

— Да куда там принимать! Задумались, копыта грызут и сопят.

— А что такое?

— Тихо! Сама не знаю. Иной раз шею дугой изогнут, голову наклонят, хвостом себя по бедрам бьют, да все кого-то рожками словно бы проткнуть собираются!.. Беги лучше!

Сатана тихонько притворил дверь и юркнул в сторону от кабинета, нервозный и напуганный.

Долго-долго так в кабинете сидел в одиночестве дьявол Вельзевул да все думал.

Вдруг резкий звонок секретарше.

Секретарша влетела в кабинет и ужаснулась. Дьявол сидит бледный, глаза красные, рожки заострились, кисточка на хвосте обтрепалась, волосы на животе и на спине начисто поседели — только на голове да на хвосте черные,— лапы оплешивели, копытца обкусаны, и не говорит, а каким-то хриплым голосом блеет:

— Под Новый год сборище всех чертей — младших и старших! Чтобы все были! Собрать всех в сковородном

цеху! Дрова под сковороды в это время не подкладывать, дабы грешники не шкварчали, а то будут мешать...

— Прекратить, значит, пытки грешникам, так, ваша дьявольская экселенция? — робко переспросила секретарша.

— Значит, прекратить! Ничего с ними не сделается! Подумаешь, тоже мне муки! Ну, иди! И сразу же и по телеграфу и по радио передавай приказ об общем сборище!

— Повестка дня какая будет, ваша дьявольская экселенция?

— Сам оглашу!

Секретарша выскочила из кабинета, мгновенно к телефону — передавать приказ и по радио и по телеграфу о предновогоднем всечертячьем сборище.

Волнения в аду начались после того, как стали туда прибывать с виселиц чемпионы Освенцима, Дахау, Бельзена, Майданека и пр.

Появившись в цехах древнего-предревнего ада, они прогуливались между котлов, сковородок, адских печей и костров и иронически усмехались:

— Вот это ад? Ха-ха! Это пытки? Хо-хо! Это адские муки? Хе-хе...

Хохотали они страшно! Прямо за животы держались и хохотали:

— Эх вы! Чертями называетесь?! Сатанята вы наивные! Дьяволята! И это у вас называется печи?! Это у вас называется огонь?! Дети вы, дети! Не видали вы освенцимской печечки!!! Не знаете вы майданековского учрежденьица! Погодите, вот после Нюрнбергского процесса идеологи наши прибудут,— мы вам тогда покажем, каким должен быть ад.

— Так вы же сами и будете мучиться в том аду!

— Ха-ха! — хохотнула медхен Ирма.

— Как это так — «ха-ха»? — вскипел начальник над всеми адскими сковородками, старый, опытный сатана, который за свою жизнь зажарил миллиардов с десять грешников.— Как посажу на сковородку, тогда хохотнешь!

— Увидим, кто кого посадит! — многозначительно прищурила глаза медхен Ирма.

Все сразу поняли: что-то такое затевается.

Немедленно донесли о таких разговорах самому Вельзевулу.

И вот с той минуты Вельзевул призадумался, заперся в кабинете и все думал.

Вельзевул не дурак.

Он прекрасно понимал, что его ад, его адские муки и пытки по сравнению с фашистскими муками на земле ничего не стоят и что теперь с водворением в ад фашистов грешники будут издеваться над ним и над его комбинатом; позор и глумление обрушатся на его старую дьявольскую голову...

Вот он и думал, как бы предотвратить эту катастрофу...

Множество планов роилось в его седой чертовой голове, да старый дьявол знал, с кем имеет дело...

Знал он дела и Геринга, и Риббентропа, и фон Папена, и всех прочих распроканалий и в глубине души сам над собой потешался:

«Ну, куда мне? Разве я смогу?!»

Смотрел на себя в зеркало и печально качал головой:

— Пора, старик, на покой!

А успокоившись, подумал:

«Разве что скинуться по пятаку Скоропадскому, Коновальцу, Бандере и прочим гестаповским предателям из украинцев, может, они вызволят? Попытаюсь! За деньги они все сделают!»

Это, собственно, и послужило основным вопросом повестки дня предновогоднего всечертячьего сборища.

Успокоился немного Вельзевул и повеселел: может, мол, еще поживу!

Но в это время вбежала в кабинет секретарша:

— Несчастье, ваша дьявольская экселенция!

— Что случилось?

— Харон утопился! Привязал к шее камень и бултыхнулся в Стикс. Оставил записку: «Прощайте! Не желаю фашистскую и украинско-немецкую погань в ад перевозить! Пропал ад! Харон».

— Честный старик был. Ад ему подземный! Наш ад, не фашистский!

Очень сильно поразило это событие Вельзевула. Ха-

рон не выдержал! Тысячелетиями перевозил людей в ад, а вот не выдержал!

— Плохо дело! Зловещий признак! — вздохнул Вельзевул.

Дал приказ секретарше:

— Соорудить паром, пусть сами переправляются! Если уж Харон не выдержал, то кто же выдержит?

* * *

Всечертячье сборище как раз происходит. О его результатах известим в полночь 31 декабря 1946 года.

1945

А народ войны не хочет!

У господ руки чешутся: хочется воевать!

И не спится им и не лежится; ворочаются, с боку на бок переворачиваются на своих золотых кроватях. И все им мерещится, что каждый не меньше генерала. И перед ним армии, корпуса, дивизии, артиллерия, кавалерия, авиадивизии, мотодивизии... И, само собой, у каждого в кармане атомная бомба...

Стоят они и командуют:

— Впе-е-ред!

Стреляют пушки, гудят самолеты, рвутся бомбы. И кавалерия рубит. Противник, конечно, врассыпную!

И такое это сражение... Такое сражение, что сам главный мистер не выдержал, в атаку кинулся:

— Ура-а-а-а!

Тут как раз он и проснулся.

Пошарил вокруг себя — пусто! Ни артиллерии, ни кавалерии, ни мото, ни самолетов — только лоскуток шелковой материи, который мистер оторвал от собственной пижамы во сне, когда сражался с противником. Вот и все!

Призрак... грезы...

А как хочется воевать всем этим мистерам!

До боли, до рези в животе!

Уолл-стрит хочет, чтобы весь белый свет, весь земной шар в несгораемом шкафу хранился!

Щелкнет мистер золотым ключом:

— Весь шар земной мой! Мой!

Словом, сиди себе спокойно и подсчитывай барыши! Одну кнопку нажал — золото потекло. В вагонах! На пароходах! В транспортных самолетах!

Другую кнопку нажал — каучук везут!

Еще одну кнопку нажал — урановая руда, пшеница, шерсть, скот потекли в несгораемый шкаф!

Все, все мистеру доставляют. И то, что на земле и под землей, что на воде и под водой, что в атмосфере и в стратосфере!

Все, все его! Все господское!

Он хозяин всего земного шара. Он один! Единый и неделимый!

А зовут его — Доллар!

Мистер Доллар!

* * *

Вот о чем мечтает мистер Доллар!

Наконец он приходит в себя, озирается, всматривается во все, что его окружает, прислушивается...

— А мы не хотим воевать! — доносится с Юга.

— Мы воевать не будем! — раздается и на Юге, и на Севере, и на Востоке, и на Западе.

— Не хотим детей своих в пушечное мясо превращать! — повторяют на всех языках матери всего мира.

И английские шахтеры заявляют:

— Мы не будем уголь добывать, если мистер Доллар нападет на Советский Союз.

— Долой Североатлантический блок! Долой поджигателей войны! — требует все прогрессивное человечество.

И собираются на свои конгрессы представители науки и культуры, трудящиеся всего мира, все прогрессивные люди!

— Долой войну! Да здравствует мир!

Мистер Доллар слышит это и еще пуще бесится...

Но, как говорится, хоть головой вниз ходи, хоть лопни, а народ не хочет войны!

1949

„Понедельник“

ВОСПОМИНАНИЯ
И СТАТЬИ О ПЕЧАТИ,
ИСКУССТВЕ И ХАЛТУРЕ

Гнат Юра

Никогда не видели Гната Юру?

Вот он весь. Низенький, маленький, а волосы длинные, в кружок...

Посмотришь на него и только руками разведешь:

— И в чем там, царица небесная, талант держится... Где он там помещается? Ни за что не поверишь, чтобы в таком маленьком теле сидел такой великий дух. Места мало!

И вот когда ему, этому духу, уж очень, видно, тяжело там становится, тогда он вырывается, рассыпается по мизансценам, ходуном ходит по массовым сценам, брызгами брызжет на ансамбль, а потом прыгает на афишу и, обратившись в обыкновенные буквы, выводит на белой бумаге: «Премьера». И потом, обессиленный, вновь в Гната Юру вскакивает.

Не иначе... Ибо если бы ему, этому духу, не было выхода, рванул бы он своего хозяина, Гната Юру, по белой линии живота, и из главного режиссера Государственного театра имени Франко получились бы одни выжарки.

Таков Гнат Юра...

* * *

Откуда же взялся Гнат Юра?

Гнат Юра родился...

Родился он в селе Федваре, Александровского уезда, на Херсонщине, в 1887 году... Родился, говорят, от родителей.

Родители его были крестьяне, сами на себя работали, сами ели... Не эксплуатировали наемного труда и сами плодили детей. Урожай на детей был у них выше среднего, несмотря на то, что система хлебопашества была у них трехпольная с обязательной толокой.

Когда мать еще носила Гната во чреве, то все, бывало, на одном месте не усидит: то в красном углу присядет, то к печи подойдет, то к полу клонится, то на лежанку приляжет.

А отец, бывало, посмотрит да и скажет:

— Что ты, старуха, мизансцены путаешь?

— Да оно чего-то уж очень неспокойно: все бьется, все возится.

— Ишь ты,— промолвит, бывало, отец...— И что бы это значило?

А это Гнат Петрович еще в утробе матери волновался, что мать его как следует мизансцены не выучила.

Наконец родился...

Посмотрели в лицо — мальчик.

И сразу как взял тон — три месяца в избе окна звенели. И через тулуп куме передавали и иорданской водой брызгали — не берет... С тона не спадает... И только во время антрактов, когда, бывало, к материнской груди присосется, замолкает, сопит только, тяжело дышит, причмокивает и пристально в мать вглядывается, хватая ее за «парик» и нервно подергивая... Словно сказать хочет:

— Не так! Не так! Больше на лоб.

А мать, бывало, посмотрит, переложит от левой к правой и подумает с грустью:

«И что из него будет?!»

* * *

И стал Гнат Юра расти...

Три года Гнату Юре... Пять лет Гнату Юре...

Выйдет, бывало, отец за овин:

— Гнатко! А иди-ка сюда! Что это ты, шельмец, наделал?

— Это, тятя, макеты!

— Ой, смотри мне, чтоб я тебе не намакетил.

Гнатко на палку верхом, хлыстик в руки и вприпрыжку между подсолнухами.

— Н-н-но!

Покачает отец головой:

— Генералом будет!

* * *

Не вышел Гнат Петрович в генералы, не повезло ему... Доскакав до 1905 года, организовывает он в городе Елисаветграде (теперь Кировоград) первый украинский драматический кружок...

С этого и началось.

А в 1907 году, тщательно выгладив пиджак, идет Гнат Юра в украинские артисты-профессионалы и до 1917 года путешествует с украинскими бытовыми труппами, стараясь европеизировать ту самую «горлыцю», которая:

Полола
Лободу, лободу
Да послала селезня
По воду, по воду.

И так до самого 1917 года...

В 1917 году — Молодой театр в Киеве.

Гнат Юра — актер и режиссер...

Развал Молодого театра...

Путешествие по Правобережью...

1920 год — организация в Виннице Театра имени Франко...

Гнат Юра — организатор, главный режиссер и актер.

Театр странствует. Наконец, столица...

Пять лет.

Пять лет Гнат Юра во главе теперь уже столичного Государственного драматического театра имени Франко.

Вот вам и макеты за овином.

* * *

Так в чем же дело? Чем же знаменит Гнат Юра?

Ну, премьерами. Мизансценами этими самыми, массовыми сценами, ансамблем.

А еще чем?

Об этом так просто не расскажешь. Это нужно увидеть. Рассказать, какой именно талант у Гната Юры и откуда он, этот талант, у него выглядывает, трудно. Придите, сами посмотрите.

«Суету» видели? Терешку Сурму? Не видели?! Вот и рассказывай вам после этого...

Посмотрите, тогда сами увидите, где у него этот талант...

Вот выходит на сцену Терешка Сурма с Матюшей, который... эти самые... «Гуси»? Заметили, где у Терешки талант?

В кнуте!

Что?! Странно?

И совсем ничего странного! Именно в кнуте!

Шляпа — как шляпа, свитка — как свитка, лицо — как лицо, и походка походкой...

«Лапэр лапэром» и «ламэр ламэром». Все это так, все это хорошо. Нет, голубчики, вы щелкните так кнутиком, вы крутаните так этим кнутиком, как Гнат Юра им крутит, а потом и скажите:

«Заговорился...»

Сделайте... А тогда я вам скажу, есть ли у вас талант и где именно этот талант у вас сидит.

И если вы это так сделаете, как делает Гнат Юра, тогда радость запрыгает по театру и громкие аплодисменты будут поднимать потолок...

Иначе нет. Иначе не талант...

. . . . . .

А Мусия Копыстку видели в «Девяноста семи» Кулиша?

Ну, как он вам нравится?

Что, думаете:

«Ша, мамаша, я тебе слова не давал»?

Или:

«Пойдем, сынок, увидим еще одну провокацию».

И совсем, голубчики мои, не то...

То Кулиш... То автор...

Нет, вы заметьте, как во втором действии Копыстка выходит, после того, как «Гнат Гиря обновился»...

Видели?

Фигуру его, осанку его видели?

Как он поворачивается к Смыку и на Гиреву хату кивает... Заметили вы это?

А потом, как папироску крутит, незаможницкие глаза прищурив, закуривает папироску и говорит:

— Трогай, братец!

Заметили вы все это?

Заметили, говорите?

Так чего ж вы тогда спрашиваете, где у Гната Юры талант?

В нутре у него талант. В детальном, до мельчайших подробностей знании человеческой психологии у него талант... В художественной обработке каждого типа, в любви к своему делу, в энергии и в сверхчеловеческом труде у него талант.

А вы спрашиваете, «где»...

. . . . . .

А видели вы Гната Юру — идиота?

Короля Карла VII в «Святой Иоанне» Бернарда Шоу?

После:

«Я поручил деве командовать армиями».

Это его:

«Вот!»

И дуля...

Где вы видели идиотистей этого идиота?

Попробуйте кому-нибудь так дулю показать.

Скажут:

— Дурак!

А когда это делает Гнат Юра, говорят:

— Идиот!

А это — наивысшее достижение! И, заметьте,— художественное. Ведь умному человеку изобразить идиота значительно труднее, нежели идиоту — умного...

...Вот вам и Гнат Юра.

. . . . . .

Хотите, чтоб я еще напомнил о типах, какие дает Гнат Юра как актер?

Не буду — я не статистик.

1924

«Аида»

(Рецензия-усмешка)

«Аида» — это эфиопская опера с армейским содержанием на тему о том, что, как бы ты ни влюбился в девушку, даже в царевну, не выдавай врагу военных тайн, не то, несмотря на твой прекрасный драматический тенор, тебя все-таки бросят в «кичу», где ты и будешь страдальчески умирать, а над тобой будет терзаться Амнерис с прекрасным меццо-сопрано.

Радамес, египетский полководец, сильно влюбился в рабыню египетского фараона Аиду, и любовь его безумная застила ему глаза.

Он, «ослепленный», как сказано в программе, любовью к Аиде, забыл свою родину и выдал ей (не родине, а Аиде) военные планы...

А Аида, хоть и была невольницей, на самом деле была дочерью эфиопского царя Амонасро, с которым воевали египтяне.

Ну, как сказано выше, Радамеса бросили в подземелье, там он и умирал. К нему туда пришла Аида и также умирала...

А наверху умирала с горя фараонова дочь Амнерис, так как она сильно любила Радамеса и собиралась вступить с ним в брак, поскольку фараон отдал ему за боевые заслуги свою дочку.

Вот таково содержание.

Имея в виду, что международные хищники и капиталисты не спят, можно признать эту оперу с идеологической стороны вполне уместной, так как она ярко показывает, что с военными тайнами надо быть осторожными.

Музыка — Верди. Музыка очень хорошая.

Начинается музыка, как только Л. П. Штейнберг наденет пенсне, левой рукой укажет на правую сторону, а палочкой махнет в левую сторону...

Начинается музыка очень тоненько... Потом переходит на более толстые ноты, а потом еще на более толстые, и в конце концов играют скрипки, гремят трубы, бренчит арфа и рокочет барабан.

Чередования тонких и толстых нот на самых разнообразнейших инструментах создают так называемую мелодию... А может, и не мелодию...

Палочку все слушаются... Удивительная это палочка... Вот смотришь на контрабаса, на его смычок, и видишь, что ему так хочется взреветь, а поглядит он на палочку и выводит нежно-нежно.

Хорошая палочка... Поют и египтяне и эфиопы очень хорошо...

Аида (М. И. Литвиненко-Вольгемут), несмотря на то, что она, безусловно, женщина африканская, так поет, что прямо удивляешься... Она с горя от любви такие тоненькие берет ноты, и такие чистые, и такие прекрасные, что только ахаешь. Ну что было бы, если бы она не так сильно страдала? Если человек в сильном горе так поет, то как такой человек может запеть на радостях?!

Я не удивляюсь Амнерис (Хорина) — она дочь фараона; были, значит, средства, чтобы развить свое меццо-сопрано, которое звучит у нее прямо по-царски. И руки у нее царские, стильные, точеные... И фигура и все. Одним словом, такая Амнерис, что все отдай... Оно и понятно, делать больше было нечего, ну и пела на нильских берегах.

То же самое и Радамес (Мосин) — полководец, плата хорошая — и выучился петь. Голос у него чистый, свежий и сильный... К тому же человек командовал войском — голос от командования развивается еще сильнее... И развился, на здоровье ему...

И жрец (Сердюков) и фараон (Цынев) «басят» как следует... А вот как уж Амонасро (Любченко) в африканских пустынях такой голос нагулял — не знаю. Сам черный, голос светлый... Сам в пестрой юбочке, голос — баритон... Дивны дела африканские!

Хоры — органы. Декорация — египетская.

1925.

Чей Шевченко?

— Наш Шевченко!

— Нет, наш Шевченко!

— Да нет же, конечно, наш Шевченко!

— Наш!

— Наш!

А как взаправду, чей же Тарас Григорьевич? Наш или ихний?

— Ихний!

Факт! Что факт, то факт, некуда правду девать — ихний...

— Какой там,— говорят они,— Шевченко революционер, ежели он и веру, и церковь, и бога так уважал, так чтил, так славословил!

И что вы на это скажете?

Правда!

Прочтите, как он ко всему этому относился....

Храмы, часовенки, иконы,
И ставники, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны —
За кражу, за войну, за кровь,
Чтоб брата кровь пролилась, просим,
А после в дар тебе приносим
С пожара краденый покров...

Видели?

Пожар, опасность, сгореть можно, погибнуть — раз плюнуть, а мы, не считаясь ни с чем, в огонь, мол, лезем, чтобы свиснуть покров и боженьке в дар принести...

Это ли не любовь, не самопожертвование?
Это ли не почитание религии и церкви?
Но это еще не все...
В поэме «Иван Гус» Тарас Григорьевич прямо кричит за автокефальную церковь:

Аутодафе! Аутодафе!
Толпой заревели...

«Аутодафе» — это так тогда называлась автокефалия.
Можно очень много привести таких примеров из произведений Шевченко, но считаем, что достаточно будет и этих.
Дальше...
Отношение Т. Г. Шевченко к панам. Безусловно, крайне симпатичное. Да иначе и быть не может. Сам крепостной, сызмала воспитанный помещичьей лаской, он всю жизнь о панах вспоминает. Устами героев своих стихов он отдает им почет и благодарность...
Послушайте, с какой любовью Лукия (Ведьма) рассказывает девчатам о том, как она пана любила:

А она их поучала,
Как на свете жить;
Рассказала, как бывало
Дивчиной гуляла,
И как пана полюбила
И покрыткой стала,
И как стриженой ходила,
Близнецов рожала...
С такой болью говорила,
Крестятся девчата,
Ужасаются и плачут,
Будто пан уж в хате...

Вы заметили, с какой любовью население относилось к панам? Простая девушка Лукия настолько любила пана, что родила ему не одного младенца, а сразу двух. И девчатам потом рассказывает. Девчата от радости аж плачут, и в ихнем экстазе им даже пан мерещится («Будто пан уж в хате...»).
Дальше...
Мы считаем Шевченко борцом за свободу. Ошибаемся мы. Шевченко любил неволю. Он ее даже идеализировал.
Вспомните:

Заснули, будто свинья в луже,
в своей неволе...

«Свинья в луже»... Верх блаженства... Мы же все прекрасно знаем, что никто так чудесно себя не чувствует никогда и нигде, как свинья в луже...

Дальше...

Ошибаемся мы также и в том, что Шевченко ненавидел царей. Почему мы приписали это Тарасу Григорьевичу, просто не понимаю. Он же ясно и недвусмысленно говорит:

Все на свете не нам,
Все богам да царям...

Все им! Все им отдавай!

Разве это не почитание царей и богов?

Или, к примеру, вот это:

О люди, люди, горемыки,
Зачем же сдались вам цари...

Прямо умоляет!.. Зачем вам они? Дайте их нам! Ведь он их так страшенно любил...

. . . . . .

Думаю, приведенные примеры убедят, что Шевченко, безусловно, ихний. Панский Тарас Григорьевич.

В «Завещании» особенно красочно проявилась его помещичья идеология, его стремление обладать крупной земельной собственностью:

Чтоб поля необозримы,
Чтобы Днепр и кручи
Было видно...

Видите какой?

Не просит каких-нибудь полдесятины, а целые ланы. с кручами, с Днепром...

С графиней Браницкой поравняться хочет...

. . . . . .

Так чей же он?

Правда, ихний?

1924

Александр Довженко

Об Александре Довженко я поначалу услышал, а потом уже его увидел.

Нет, не так. Сперва я над Александром Довженко хохотал, потом о нем узнал, а уже после увидел.

Как-то в редакции газеты «Вісті» Василь Михайлович Блакитный (был такой прекрасный человек и прекрасный поэт! Молодым и старым писателям и поэтам следовало бы время от времени приходить на его могилу и, посидев возле тяжелого камня с надписью «Василь Блакитный», подумать о прошлом, современном и будущем нашей культуры) протянул мне тетрадь из ватманской бумаги и спросил:

— Видели?

В тетради были карикатуры. Долго я смотрел на одну из карикатур, где люди падают от тогдашних советских спичек («Сперва вонь, потом огонь»...), а потом бросился на диван и начал смеяться.

— Кто это сделал? — спрашиваю.

— Сашко!

— Вот сукин сын! (Величайший у нас, украинцев, комплимент.)

А потом, спустя некоторое время, я увидел на диване в редакции человека в сером пальтеце, с большим кудрявым чубом... Не пальто с чубом, а человек...

Знакомимся.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте. Приехали? — спрашиваю.

— Приехал. Дайте папиросу.

Было это в 1923 году.

Именно тогда Александр Довженко, после дипломатической своей «карьеры», и появился на харьковском горизонте.

А вообще нашему горизонту подарила Александра Довженко сосницкая селянка, середнячка, хлебороб, неграмотная. В 1894 году.

Александр Довженко в автобиографии пишет: «Родился в 1894 году, о чем сожалею и поныне. Следовало бы родиться в 1904 году. Был бы теперь на десять лет моложе».

Довженко сожалеет, что родился в 1894 году.

А я знаю людей, которые сокрушаются, что Александр Довженко родился вообще.

Почему?

Да очень просто. Не будь у нас Александра Довженко, не было б у нас «Звенигоры» [1].

А не было б у нас «Звенигоры», смотрели б люди «Третью Мещанскую» или, скажем, «Поликушку», и не о чем было б им думать.

Нормально бы варил желудок, не стирались бы у них мозговые полушария, и не было бы хлопотно «Киногазете».

А теперь пожалуйста!

«Новый Леф» в № 1 за 1928 год пишет:

«Редакция «Нового Лефа» помещает рецензию т. Перцова на «Звенигору» в первую очередь вот по какой причине.

Тов. Перцов сдал эту рецензию вообще-то в «Киногазету». Секретарь редакции вернул ему рецензию, указав при этом, что печатать ее не представляется возможным. «Звенигора», по мнению редакции,— картина безусловно спорная, и пока еще не известно, как воспримут ее массы. Прежде всего редакция намерена не со статьей выступить, а провести анкету об этом фильме среди ответственных киноработников.

Редакция «Нового Лефа», ценя прежде всего новизну, спорность и дискуссионность картины, считает необходимым говорить о «Звенигоре», не ожидая официальной оценки».

Это горе не одной только кинопрессы — беспомощно

---

[1] «Звенигора» — один из первых фильмов А. Довженко.

оглядываться, когда перед глазами возникает явление, не укладывающееся в рамки штампов и прописных истин.

Вот какие хлопоты доставила кинопрессе простая сосницкая селянка, произведя на свет в 1894 году сына Александра.

А вы говорите!

* * *

Не думайте, что Александр Довженко сразу же после рождения стал знаменитым режиссером.

Нет!

Правда, по «натуре он тогда работал» хорошо, пейзажи видел подходящие, но о монтаже в ту пору даже не помышлял.

Все это пришло значительно позже.

После окончания учительского института Довженко четыре года преподавал — обучал будущих советских граждан физике, естествознанию, гимнастике.

После этого пошел учиться в коммерческий институт.

С его слов, он каждый семестр переходил с экономического факультета на технический, а потом с технического снова на экономический.

Так он года три превращался попеременно то в экономиста, но в технолога, до тех пор, пока не оставил институт вообще.

Сообразительный, как видите, Александр Довженко!

Потом — революция...

Работа в наробразе и в отделе искусств.

С 1921 года — дипломатическая работа. Руководил делами посольства УССР в Польше и секретарствовал в консульском отделе в Берлине.

Бросил дипломатию. Стал учиться рисованию у профессора Эккеля, в 1923 году вернулся на Украину, пришел в «Вісті», попросил папиросу и сертификат (забыли уже про «сертификатишки»?) и остался в «Вістях» художником-карикатуристом.

В этот период его работы он не был Довженко — он был «Сашко».

Кто ж не знает его знаменитых шаржей, его до колик едких карикатур?

До сих пор в письмах иногда спрашивают:

— А куда девался «Сашко»? Почему не видно его рисунков в журнале «Червоний перець»?

Невдомек им, что Сашко уже теперь не Сашко, а кинорежиссер Александр Довженко, который «Звенигорой» своею сбил с «панталыку» всех бардов нашей «унылой, третьемещанской» кинематографии.

* * *

Вы Александра Довженко никогда не видели?

Жаль. Описать его довольно трудно...

Он строен. Он сухощав. У него высокий хороший лоб, прямой нос. У него густые, жесткие и непокорные волосы. Они уже с проседью, но лучше мне об этом не писать.

Он, пожалуй, весь от волос, как Самсон!

Такой непокорный, такой непоседа, какой-то весь устремленный, не умеющий ходить медленно...

Он, вероятно, никогда волов не пас, а если это и случалось, то только в специфически адову жару — «дроковицу» [1], когда, как известно, волы раздражительны, неуемны, и бесятся от нападения оводов, и обычный серый круторогий перенимает повадки по меньшей мере барса!

С Александром Довженко трудно ходить в ногу. За ним не угонишься: он неизменно оказывается впереди.

И всегда он говорит не о том, что было, и не о том, что есть, а о том, что когда-нибудь будет.

Когда он придумывал своего «Васю-реформатора» (первый его киносценарий), он тащил вас в угол редакционной комнаты и говорил страстно:

— Нет, вы подумайте! Маленький Вася связывает громадного дылду!

У него не так, как у всех, чтобы громадный дылда связал маленького Васю, у него наоборот...

И так всегда...

Вот поэтому и «Звенигора». Ведь и «Звенигора» не так, как все.

Теперь говорят:

— Ах! «Звенигору» не все понимают! Ах!

---

[1] «Дроковица» — паническая боязнь слепней у домашних животных.

Ну, конечно же, не все!

А скажите, знаете ли вы кого-нибудь, кто способен сразу понять, чем его внезапно ударили в лоб?

Конечно, если ударят кулаком или шкворнем, так он сразу угадает, потому что такое уже испробовал...

А если это будет не кулак и не шкворень, то он крутнется на одном месте и только глазами захлопает...

Так и со «Звенигорой».

* * *

В «Звенигоре» есть прекрасный кадр.

Плывет по воде «доля девичья», а из густых камышей выходит старый дед и гасит молодую долю девичью...

Поплыла «доля кинематографическая» Александра Довженко по буйным водам украинской советской культуры, на прекрасном венке, из «Звенигоры» сплетенном...

И никаким дедам из киногазетных камышей не потопить ясной доли Александра Довженко.

Не хватит у них пороху, чтобы дунуть и погасить...

1928

«Позорище»

В Баку, азербайджанскую столицу, летал я самолетом.

И вот что:

— Если бы знал, не полетел бы!

И не потому не полетел бы, что плохо там или опасно лететь,— само путешествие нашими пассажирскими самолетами, кроме наслаждения, ничего не дает, а не полетел бы я туда никогда, если бы знал, что встречу там «племя дикарей-людоедов», которые вконец испортили хорошее воздушное настроение.

Встретил я там (даже вспомнить страшно!) «Украинскую труппу имени Т. Г. Шевченко», которая порасклеивала по бакинским заборам свои большие красные афиши.

Руководят этими «шевченковцами» какой-то С. Дорошенко, считающийся у них «главным режиссером и зав. художественной частью», и какой-то М. Сагайдачный, «ответственный» у них «руководитель».

Играют они там в помещении национального рабоче-крестьянского театра.

Ну, знаете... Видел я в своей жизни всякие труппы. Всего доводилось на веку. Но, честное слово, я никогда не мог даже и в мыслях допустить, чтобы нечто подобное было на территории Советского Союза.

Не сумею, пожалуй, обрисовать это чудо-юдо: человеческих слов не хватит, дикарских слов не знаю, а «непечатных» писать нельзя...

Надо, товарищи, увидеть, чтобы поверить.

Ну, конечно же, «№№ пения и гопак по ходу пьесы».

Ну, конечно же, репертуар: «Посланец Богдана Хмельницкого», историческая драма; «Молдавский принц» «с музыкой, пением и танцами»; «Штукарка»; «Мазепа» (по Пушкину); «Ой, не ходи, Грицю», «бытовая драма»...

Ну, разумеется, после каждой пьесы большими буквами приписка:

«По ходу пьесы пение и гопак».

Это все так.

Но какое «пение» и какой «гопак»?!

Ну, давайте, попробую рассказать...

* * *

Вот вам «Посланец Богдана Хмельницкого», историческая драма. Автор на афише не указан. Какой-то там «пан» хотел убить сына вдовы, да не убил, только ранил, и тот куда-то исчез. Вдова, не зная ничего, выходит замуж за того пана. Потом сын возвращается домой из войска Богдана Хмельницкого. Его никто не узнает, он говорит пану, что знает сына вдовы, пан его подкупает убить сына, тот говорит, что он уже его убил, предъявляет доказательства, мать слышит это, хочет убить его, то есть своего сына, так как не знает, что он ее сын, и т. д.

Я не смотрел до конца: сил хватило только на два действия, но с самого начала такая «завязка», что меньше чем четырьмя-пятью трупами дело никак не кончится.

Игра актеров? Давайте лучше об этом не говорить. Видели стадо баранов под электрическим светом? Вот такая и игра! Один мекнет, другой мекнет, а потом — вместе. Масса, значит.

Самый талантливейший из актеров (ну ясно же — комик!) играл роль слуги, на манер Омелька из «Борули»[1]. Талант! Большой восторг у зрителей он вызывал все время тем, что открывал задом двери.

Выставит то место, где у него талант сидит, да как «вжарит» в двери — так двери и рассыпаются на куски!

---

[1] Омелько — герой пьесы И. Тобилевича (Карпенко-Карого) «Мартын Боруля».

Зритель — го-го-го! Го!

Дали «по ходу действия пение и гопак» («гопак» — большими буквами).

Вот это уже — да!

Начинается это «по ходу действия» так.

Выбегает служанка.

— Барыня, там хлопцы и девчата идут. Может, позвать, чтобы спели?

— Да, позови!

Врывается банда в папахах, в красных штанах, девчата в коротких безрукавках, в засиженных мухами цветах и в туфлях-лодочках (модных), а некоторые так прямо в домашних шлепанцах.

Морррды?! Господи, ты же видел, кого ты творил?!

Начинается «пение» под «оркестр под управлением». Поют «Ой на горі василечки сходять». Чередование дикого рева с хриплым пианиссимо. А что меня всегда в лихорадку бросало,— это конец каждой песни в исполнении этаких «хоров». Знаете, когда перед последним аккордом все приостанавливается — застывает музыка, застывает хор... И вдруг все надуваются и рвут последний аккорд. Рвут с выпученными глазами певцы, даже приседают и ревут, режут скрипки, дуют трубы, и гремит барабан. Что-то такое неслыханное творится. Качаются лампы, дрожат окна, открываются двери в фойе.

Рванули!!!

Тогда:

— А давайте повеселее!

— Давайте!

Боже ж мой, господи!

Тут уже смерч, ураган, вихрь.

Масса крутится на заднем плане, а из нее, из массы, вылетают пары. Вылетают с гиком, с воплем, с ревом. «Кавалер» бросает оземь шапку, кричит что-то пронзительное, прыгает вверх, бьет или ногами, или просто задом о землю и... пошел. Он «выделывает» па и ногами, и руками, и спиной, и задом, и животом. Он кричит, орет, визжит, ревет.

А остальные, заложив пальцы в рот, свистят.

«Дама» плывет павой, мотает головой, хлопает в ладоши и визжит:

— Их! Их! Их!

Будто кто-то ее за самое уязвимое место — щип! щип! щип!

Честное слово, не вру.

И так пар восемь или десять подряд.

Я, ей-богу, думал, что такого уже нет.

Я думал: ну, труппа, ну, бытовая, ну, с гопаком, но чтобы такое было,— честное слово, не допускал.

А как вам понравится Гриць («Ой, не ходи, Грицю») в кавказской бурке и в кавказской папахе?

А девчата в «Грице» в кавказских папахах (зима!) и в туфлях-шлепанцах (потому зима!)?!

А Хома, загримированный Мефистофелем?! Чертом?! Ей-богу, правда! Играл Хому Сагайдачный, «ответственный руководитель».

А вихрь, нарезанный большими кусками бумаги?! (Снег!)

Под всем этим написано:

«Постановка С. Г. Дорошенко».

Так и написано «постановка»...

* * *

Товарищи! Все это называется: «Украинская труппа имени Т. Г. Шевченко».

Товарищи! И эти «труппы» представляют нашу театральную культуру в братских нам республиках!

То-ва-ри-щи! Неужели же ничего нельзя сделать? Неужели нельзя пресечь всю эту «гнусь»?

Им же несть числа, этим «украинским труппам», что бродят по Союзу.

Может, мышьяк или цианистый калий поможет, если не могут объясниться между собой главполитпросветы отдельных республик?

Я знаю, что скажут:

— Они члены профсоюза Рабис, они трудящиеся, они, они, они...

Я это знаю.

Но не забывайте, что Украина тоже член союза свободных республик и срамить ее разным Сагайдачным и Дорошенкам позволять нельзя.

P. S. Пусть простит меня А. Г. Шлихтер[1]: я без его разрешения написал через бакинскую газету «ноту» протеста в азербайджанский Политпросвет, что он допускает у себя профанацию театральной культуры Советской Украины. Войны от этого между Азербайджаном и Украиной не будет, да не будет, пожалуй, и пользы. Будут плясать гопак и дальше разные Сагайдачные. Решительные меры нужны.

1927—1946

[1] А. Г. Шлихтер (1868—1940) — советский государственный и партийный деятель.

«Понедельник»

(Моментальная шарж-фотография)

«Вісті» сообщают в воскресенье:

«Завтра в Доме крестьянина очередной вечер «Плуга». Начало в 8 часов. Вход свободный...»

И так — каждое воскресенье.

А каждый понедельник так:

— Сегодня «Плуг»... Вот и хорошо. Я скажу маме, что нам лектор советовал посещать плуговские вечера... Приходи и ты... Там такое иной раз читают!.. Коляда! Непонятное что-то... Да и другие... Немного побудем... А потом пройдемся... Не забудь только семечек захватить....

— Ладно!

. . . . . .

Восьмой час...

— О, о, о! Вон там — Панч! Видишь?

— Вот этот?! А я думала... Так вот он какой... А я думала...

— А вон Тычина... Видишь, вон там, за стол спрятался?!

— Где?

— Да вон! Видишь, вон за ножкой пенсне видно... Это Тычина...

— Так вот он какой! А какие стихи пишет!.. Он женатый?.. Дай семечек...

. . . . . .

— О-го! Председатель! Сейчас начнут!

. . . . . .

— Товарищи! Прошу занять места! (Пауза.) Места, товарищи, занять прошу... (Пауза.) Прошу занять, товарищи, места!.. (Пауза.) Сейчас начинаем! Займите места, товарищи!

— Шшш-шшш!

— Прошу внимания, товарищи! Сегодня у нас такая программа: сначала авторы прочтут свои стихи, а затем мы эти стихи обсудим. Первым читает свои произведения товарищ Коляда Грицко! Пожалуйста...

— Гм! Кхм! «Индустрия». Поэма!

— Как?

— «Индустрия».

— Ага!

Индустрия сверкает голенищами,
Ресницами кокетливо моргает.
И падают, как мамонты, столетние дубы.
Пила, пили!
А песня,
Песня моя,
В граните притаясь,
Вдруг вылети в пространство — и:
Ба-бам!

Все.

— А теперь зачитает свое стихотворение молодой начинающий поэт-подолянин Брунчук!..

— Пожалуйста!..

— Тише, товарищи, закройте дверь!..

В воскресенье мама встала,
Кур из хлева выгоняла.
И я рано-рано встал,
Соловейко щебетал.
Тут и золотое солнце
Заглянуло к нам в оконце.

— Так, товарищи! Сейчас мы обсудим эти произведения. Кажется, поэтов больше нет... Кто возьмет слово? (Пауза). Нет желающих?.. Ну товарищи... Товарищи... Кто возьмет слово? (Пауза).

— Божко, начинай!..

— Э... я подожду...

— Да начинай, Божко!..

— Ну, что ж, придется... Так, вот, значит... Коляда... Слышали мы его здесь уже не раз... Услышали и сегодня... Что же мы услышали?.. Что «индустрия свер-

кает голенищами»... А где это он видел «индустрию в голенищах»?.. «Индустрия ресницами моргает»... Лучше бы Коляда сам ресницами моргал, чем индустрия... Я не понимаю, зачем нам это читать?.. Такой поэзией только слюнтяев-господ развлекать, буржуев вшивых, а не зачитывать ее вот здесь на шестом году революции. Накидают, накидают целую гору каких-то дурацких слов и думают, что дали нам индустриальные стихи... Опротивело все это. Ну вот, значит, Коляда... А второй... Как его?.. Брунчук... Что там у него?.. «В воскресенье мама встала...» Невыразительно как-то... «Мама»... Мамы разные бывают... Если она мама пролетарская или бедняцкая, тогда пусть и встает... А если это типичная индивидуалистка-собственница, можно было бы ей и не вставать... Поэт не отметил, зачем она встала! Ярко это у него не показано... «Кур из хлева выгоняла...» Ну, выгоняла. А для чего? Если для того, чтобы поджарить себе курочку да втихомолочку со своим муженьком-кулачком ее съесть, то нам таких стихов не надо... А вот если она их выгнала для того, чтобы потом с еще большим запалом взяться за классовую борьбу, то это совсем другое дело... А поэт этого не показал... Он прячет почему-то свой взгляд...Значит, тут что-то неправильно... Нет дифференциации крестьянства... Опять же солнце... В чье оконце оно заглянуло? В оконце деклассированного сельского пролетария или в окно мироеда?.. Если к мироеду — нам такого солнца не нужно. Такое стихотворение, по-моему, ни к чему... Ну, вот, кажется, и все...

— Товарищ Шевченко!

— Я скажу коротко. Коляда. На черта нам такие стихи? Пила... пили.. дубы... индустрия... гранит... Ба-бам какой-то... Кому все это нужно? Пролетариату?! Или крестьянству?.. Никому все это не нужно... Автор где-то... в облаках витает... Не место ему в «Плуге»... А что касается второго товарища... Как его... Буркун... Так я с Божко не согласен... Чего этому Божко нужно, я не знаю... Куриной дифференциации какой-то... А мне стихотворение нравится... Правда, там глагольные рифмы, форма старовата немного, но здоровый, полностью понятный стих... Не всем же быть такими умными, как Божко!

— Товарищ Копыленко.

— Я, товарищи, совсем не думал выступать... Но на меня произвели неприятное впечатление слова Божко. Люди пишут, учатся... Мы все учимся... Ищем... Направление ищем... Бьемся, бьемся — куда нам идти... А Божко, он, я не знаю, чего он хочет... Так нельзя... В России вот и Есенин и Пильняк... Все они ищут... Так, товарищи, нельзя...

— Товарищ Верный.

— Относительно Коляды... Конечно, у него все это как-то не так... Есть у него хорошие образы, а если взять все целиком, так что-то такое вроде и без образов... Он, бесспорно, поэт, и талантливый поэт, но стихи у него какие-то... я бы не сказал, что талантливые... Относительно товарища Буркуна... Начинает парень, ищет. Форма старая, но рифма есть. Рифма старая, но форма есть... По-моему, пусть пишет. В члены «Плуга» принять можно.

— Пожалуйста.

— Я с литературой не знаком совсем. Я сам крестьянин. И говорить буду, как от сохи. Для кого это пишется? Для крестьян. Кто пишет? Крестьянские писатели. Да. А разве крестьянин вот это, что написано, поймет? Если даже я не понимаю, то где уж крестьянину понять?! Пишите так, чтобы понятно было...

— Кто еще просит слова?

— Разрешите...

— Пожалуйста!

— Я тоже мало знаком с литературой... Но мне кажется, что не за что ухватиться... Дайте мне за что-нибудь ухватиться, чтобы потащить за собою массу. Хоть за волосок дайте ухватиться, чтобы масса за вами пошла...

— Кто еще хочет высказаться?

— Товарищи! Наш народ темный, веками его угнетали, по тюрьмам таскали, забитый он, несознательный... Так обратитесь же к нему на понятном ему украинском интернациональном языке... Он несчастный, истерзанный, веками его угнетали, он, украинский мужик, забитый, несознательный, он не все понимает, потому что ему запрещали, его истязали, его в темноте держали, а если обратиться к нему на понятном украинском языке, то он, несчастный, истерзанный, веками его угнетали,

пытками пытали, сколько он, несчастный, горя познал, и все ему запрещали, его терзали, над ним издевались... Я кончила...

— Кто еще, товарищи?.. Нет никого. Разрешите резюмировать! Вот что, товарищи! Как подходить к тому или иному произведению? Это — главное! А подходить, по-моему, следует так: для кого произведение написано. На какую аудиторию оно рассчитано... Точно то же самое и здесь... Произведение Коляды... Коляды, говорю, произведение! На какую аудиторию оно рассчитано?

— Ни на какую!

— Не скажите, товарищ! Оно рассчитано... Рассчитано оно, говорю. Так же, как произведение Брунчука... На какую аудиторию рассчитано оно? Если мы ясно себе это представим, тогда и оценку правильную дадим... Правильную оценку... Завтра, товарищи, в одиннадцать часов соберется студия... А сейчас разрешите на этом вечер закончить!..

Вот так в Харькове каждый понедельник. Вот так каждый вторник в Полтаве, каждый четверг в Киеве, каждый... каждый... каждый... Нет, пожалуй, и дней-то на неделе не хватит, чтобы все перечислить.

1924

«Плуг»

I

Плуг...

Думаете, плуг «Сака», однолемешный, тот, за который и по сей день все еще выплачиваете сельскохозяйственному кооперативу?

Нет.

Это другой «Плуг», не имеющий ни ножа, ни лемеха, ни отвала, ни рукоятки и вообще ничего подобного...

Это «Плуг» — и не плуг. И машина — и не машина. И пашет — и не пашет...

Это что-то такое, не совсем даже и понятное...

Человек сто людей. Самых простых людей, как мы все, грешные, а если их собрать воедино, получается «Плуг».

Сидит, значит, на первый взгляд обыкновенная компания.

Но кто мимо ни пройдет, обязательно скажет:

— Гляди! «Плуг»!

Как порознь — люди.

Как вместе — «Плуг»!

И это, видите ли, с 1922 года, с марта месяца.

А начиналось так:

— Что же, ребята, делать будем?

— Кто знает?! Что-то будем!

— Надо что-то делать...

— А что именно?

— Писать.

— Вот и хорошо! А то рассыпались все кто куда, как порошинки. Собрать надо. Может, порох получится! А то, брат, мещанско-собственническая напирает...

— Напирает.

— Напирает.

— Пишите... «Плуг» имеет целью объединить разбросанных крестьянских писателей, которые отстаивают идею...»

— А что такое «идея»?

— Это потом! На вечерах узнаете. Пишите.

— Пишу.

— «...идею союза революционного крестьянства и пролетариата, идут рука об руку с последним к созданию новой, социалистической культуры, пропагандируют и распространяют эту идею в широких крестьянских массах Украины без различия национальностей»... Так?

— Кто знает?! Так!

— Необходимо создать инициативную группу.

— Кто знает?!

— Кто еще пишет? А это кто такой? Здравствуйте! Кто вы такой?

— Я? Семен Любисток!

— Писатель?

— Нет!

— А может, все-таки писатель? Наверно, ведь пишете что-нибудь?

— Пишу. Письмо вот отцу написал, чтобы деньги на марки прислал.

— Ну вот! А говорите, что не пишете... А еще кто-нибудь есть? Чтобы из крестьян?

— Шевченко еще есть... Пишет.

— Давай сюда!

— Коляда есть! Крашеница есть. Сенченко говорил, что писателем хочет быть!

— Давайте! Подписывайте! Вы — инициативная группа! Ходят в одиночку! Собирайтесь, хлопцы! Читайте!

— Нечего читать.

Так вот и родился «Плуг»...

И вот уже в «Вістях», в отделе «Литература и искусство», напечатано:

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР «ПЛУГА»

Вчера состоялся первый вечер «Плуга». Были зачитаны произведения плужан. В дискуссии приняли участие... и тэ-дэ и тэ-пэ.

И пошло... И пошло... И пошло...

... 11-й вечер «Плуга». С гордостью:

«Многочисленная аудитория (более четырнадцати человек) живо обсуждала прочитанные произведения».

... 30-й вечер «Плуга»...

«Присутствовало более шестидесяти человек».

... 61-й вечер «Плуга»...

«Присутствовало более двухсот человек».

... 87-й вечер «Плуга»...

«Многочисленная аудитория (более пятисот человек)».

Появились — как грибы после дождя, один за другим — филиалы.

Филиал в Валках (основатель — Панч). В Полтаве. В Кременчуге. В Миргороде. В Лубнах... Потом на Правобережье: Киев, Умань, Житомир...

Приднепровская Украина заплужилась до отказа.

Летят письма.

«...Пишу стихи. Сообщите, можно ли вступить в «Плуг». Посылаю четырнадцать тетрадей. Если мало, пришлю еще двадцать две. Идеологию разделяю. Пишу, как Шевченко, а дядина жена говорит, что у меня даже и аккуратнее получается...»

«Уважаемые товарищи! Дошел слух и до меня, что есть у вас там какой-то «Плуг» и что помогает он крестьянским писателям. Я умею стихи писать, да вот все недосуг. Не пришлете ли свой «Плуг», чтобы он две мои десятины вспахал, а я уж тем временем стихов бы понаписал. А то как сяду писать, так землю сразу отберут, «нетрудовой элемент», скажут...»

«...Уважающие меня товарищи! Я крестьянский писатель, прямо от плуга. Можно ли мне к вашему «Плугу» приписаться? Отпишите, пожалуйста, освобождает ли это от воинской службы и можно ли будет вернуть отобранную у меня землю. Посылаю для ответа марку. И сколько это будет стоить?..»

«...Я бывший дьякон. В настоящее время священник. Пострадал за революцию: отобрали церковную землю и дом. Пописываю. Благочинный говорит, что пишу, как Пушкин. Если цена подходящая, пришлю. Деньги вперед, ибо многие за Сорокоуст обещают, а отправишь — прячутся. И когда это все кончится?..»

Приходят.

— Здравствуйте!

— Доброго здоровья!

— Вы будете «Плуг»?

— А что такое?

— Да вот пришел. Слышал, что на крестьянских писателей обучаете. Принес — вот он! — целый узел стихов... Отец говорит: «Все пишешь! Все пишешь!.. Идика ты!.. Катись на все четыре стороны!.. Куда бы ни шел, лишь бы ушел... Все равно, говорит, толку от тебя никакого. Взял бы хлеба да и пошел, может, и в самом деле на писателя выучишься».

. . . . . .

— Сюда я попал? Это «Плуг»?

— Допустим!

— Приехал с Донетчины! Стихи привез... Напечатать хочу. Не знаете, почем платят? У меня их, подходященьких, строк этак тысяч на десять. Короткие стихи. Лирика больше. Только я дешево не продам.

— А ну, покажите-ка!

— Вот!

— Не напечатают!

— Как не напечатают?

— Так. Не напечатают. Много очень.

— А вы разве из «Плуга»?

— Нет, я не из «Плуга».

— Так скажите мне, кто там у них главный? Как это так — не напечатают?! Вы что?!

. . . . . .

— Из Сибири я! Писал, писал там, а потом думаю: «Что ж я тут пишу, раз есть Украина?!» Ну вот и прибыл. Поглядите, пожалуйста, как оно там, годится или нет...

— А чем живете?

— А ничем! Живу, да и все! И пишу. Тем и живу.

. . . . . .

— Здрасьте вам, пожалуйста!

— Здравствуйте!

— Где тут этот «Плуг»? Зайди, старуха говорит, погляди, может, там дешевле, чем в кооперативе. Пахал вот, а сатана камень подкинул, отвал так уж както чудно выгнулся, что не нажмешь — огрех, и на-

жмешь — тоже огрех. А ведь это при наших-то достатках!..

Пробудились творческие силы, валом на «Плуг» идут...

— Что?! Расшевелили?!

— И откуда только они берутся?!

II

И заговорили о «Плуге» повсюду и везде, во всех уголках, от Карпат и аж до самой Кубани.

— «Плуг»! «Плуг»! «Плуг»!

Для крестьян пишут! Потому что крестьянские писатели!

Зашевелилось село.

— Да хоть скажите на милость, что вы с ними делать будете?

— Кто знает?! Может, что-нибудь и сделаем!

— Надо что-то, братцы, делать... Так, ей-богу, нельзя... Раз уж начали, назад дороги нет. Придется на чем-то остановиться. Многовато нас — на воз не усядемся. И арба нас, пожалуй, тоже не потащит. Платформу, братцы, целую платформу надо! Потому что без платформы ни-ичегошеньки не получится!

— А какую платформу?

— Какую? Ну скажем, урбанизация села!

— Урбанизация? А не жаль? То ли цветы, то ли телята!

— Жаль?! Ну, ясное дело, жаль. Да ни черта не поделаешь. Надо. Механизация пошла, индустриализация, интенсификация, социализация, материализация, пролетаризация, коммунизация, аллитерация, тракторизация... Про-о-пали телята!

— А вербы как?! А гусята?!

— Да не плачьте, а то и я заплачу... Нужно и гусят урбанизировать. Гусяточки! Каждый такой маленький, беленький, хорошенький... А ведь придется ему, бедненькому, штепсель вставить...

— Пища-а-а-ть бу-у-дет, сердешный...

— Ничего, ничего, мы ему потихонечку... А вы почему, коллега, всхлипываете?

— Да жеребеночка жаль. Такая звездочка у него на лбу... От Мишки он... На Петра нашелся... Нашелся, да только — и-ги-ги-ги! А кнут у меня был какой! Вот хлопал!

— Жеребеночка жаль?! Гусята?! Телята?! Вороны чертовы! Да мы... ядри его налево:

Океанские мускулы вспорем!
Тумбы свернем, как скулы!
Электричеством
надвое
темень рванем!

. . . . . .

Неугомонная индустрия,
сознательный труд
все на свете
победят
и перетрут!
Э-э-эх!..
Словно
утопание в солнечных лучах,
будто
купание в синих морях,
точно
тончайших роз аромат —
труд заводских ребят! [1]

— Ах вот ты какой! Ты Коляда!

— Ну, хватит, братцы! К черту нытье, дело делать надо! Похныкали — и довольно...

— А я вот уже написал!

— А ну-ка!

— «Тихим вечером шел я по ниве...»

— Ну вот и хорошо! Так все и пишите. А сейчас прощаться пора... Ну, хватит, хватит всхлипывать... Не так уж все это страшно... Пока урбанизацию проведем, мать не раз еще орешков поджарит. Поедете домой на урбанизацию — и орешков поедите. Не плачьте, они после урбанизации еще вкуснее... Так вот, значит, будем урбанизировать село... Машины туда, электричество... Приблизить его надо к городу... Чтобы союз рабочих и крестьян...

— А села, что же, совсем уже не будет?

---

[1] Гр. Коляда. Индустрия.— *О. В.*

— Совсем... То есть как? Как же это не будет! Будет! Не горюйте... Мы село урбанизируем, а город селоизируем! Так на так и получится: где город сейчас, там будет село, а где нынче село, там город появится! Идет?

— Идет! Идет!

— Ну вот и начинайте...

— А можно так, чтобы из города в село динамо, а из села в город васильки?.. Хоть один букетик! Очень люблю васильки...

— И чебрец можно...

— Можно и чебрец...

— Так в понедельник, братцы, приходите...

— А... а... критика нет... Как же без критика-то?

— Как нет? Я критик!

— А кто вы такой?

— Спрашиваете?! Божко. Социальная предпосылка должна быть! Классовый подход и чтобы дифференциация! А то расслоение общества и эксплуатация эксплуатации. Опять-таки цена и ценность со сверхстоимостью. И вообще зачем все это и кому это нужно? А вы спрашиваете, кто я!

— Правильно!

—Так вот, братцы, теперь у нас уже все есть. Начинайте! Пишите.

. . . . . .

1924

«Вісті» 1924 года

(Накануне 1000-го номера)

I

Девять тридцать утра.

— И кого там только черти несут?

— На-а-астя! Что вас там, матрацем придавило, что ли?

— Встанут ни свет ни заря и лезут! Ни поспать тебе, ни отдохнуть!

— Да отворяйте же! Десятый час уже!

— «Десятый»! У вас, может, и десятый, а у меня еще и глаза не открываются! Вы что мне, сверхурочные платите, что ли?! День-деньской как белка в колесе, а тут даже выспаться не дадут! Вчера только в семь часов лечь смогла, а они стучат!

— Газеты есть?

— Еще бы! Так вот для вас сразу и напечатали! «Газеты есть?» Да что я вам, на самом-то деле, экспедиция или что?

— Газеты! Газеты! Давайте газеты!

— Да... сейчас!

II

— Здрасьте! Читали «Экономическую жизнь»? Не читали?! Очень жаль. Понимаете, у меня то же самое в сегодняшнем номере, те же самые слова, что и у товарища Пискунова... Только он писал об этом самом две недели тому назад, а я сегодня... Да! Так вот... Иначе и

быть не может... Да! Так вот... О чем это я?! Ага!.. Товарищ секретарь, аванс ик нельзя ли червонцев хоть пять?! Знаете, советский рубль падает, червонец его вытесняет... Я про это писал, помните, в статье «Кризис сбыта и кредитование рабочих»... Очень интересная статья. Послушайте, дайте газеты! Да... Так вот... Интересное, знаете, явление... Вчера в «Деловом клубе»... Проблема наших финансов... Положение все-таки улучшается... Да... Так вот... Я уже написал заявление... Наложите, пожалуйста, резолюцию... Вот здесь!.. «Выдать»! Так и пишите: «Выдать»... И все... Да... Так вот...

— Хай полежить!

— «Хай полежить»! «Хай полежить»!! «Хай полежить»!!! Да... Так вот... Я для вас написал очень интересную статью — «Про червонец»... Я вам ее прочитаю!

— Читайте!

— Так «хай полежить»?

— «Хай полежить»!

— Так я вам быстренько прочитаю, потому что меня ждут в Госплане... Я там уже должен быть...

— Читайте!

— «Мы уже не раз писали, что советский рубль в силу тех или иных объективных причин...»

— Товарищи, гонорар выдают!

— Да! Так вот! Я страшно спешу... Я вам потом прочитаю.

III

— Здорово!

— Здорово, Вася! Ну как?! Что сегодня пишем?

— Да надо бы о Германии. Там интересная обстановка создалась... И об Англии надо бы... Да что-то... Пожалуй, не напишется... Голова, знаешь, как чужая какая-то. Вот тут давит что-то и колет. Я голову все время как-то ощущаю... По утрам так, знаешь, просто встать не могу... Бессонница какая-то, все сплю, сплю, сплю... До часу сплю — встать никак не могу... Аппетит какой-то плохой... Пирожки уже приносили?

— Вон она — с пирожками!

— Послушайте, дайте, пожалуйста, пять с яблоками, три с маком, два со сливами и четыре с мясом... Как-

то, знаешь, сам не свой... Переутомление, наверно... Ты понимаешь, к еде отвращение прямо...Чай уже был?

— Да у тебя, наверно, рак!

— Нет, серьезно! Что-то такое есть... А что — черт его знает... Газеты! Давайте газеты!

— Садитесь, садитесь! Сегодня о Болдуине.

— Да о Германии что-то...

— Садитесь, садитесь!

— Сажусь!

IV

— А-а-а-а! Остап! Ну как? Написали?

— Написал!

— Читайте!

. . . . . .

— Здравствуйте, товарищ Остап!

— Здравствуйте!

— Для нас написали?

— Нет!

— Ну вот! А вы ведь обещали!

— Да не мог я!

— Что значит не мог?!

— Да не могу же я всем...

— Свинство!

. . . . . .

— Товарищ Вишня! Написали?

— Нет!

— Как же так?! Мы ведь завтра выходим!

— Не успел!

— Свинство!

. . . . . .

Дз-з-з-з!

— Алло!

— Остапа!

— Я!

— Написали?!

— Нет!

— Свинство! Черт его знает, как зазнался!

. . . . . .

— Для «Вечерки» есть?

— Сейчас сажусь!

— Садитесь, садитесь! Уже двенадцатый час!

— Ах ты, боже ты мой!

— Садитесь, садитесь! Что же вы запаздываете? Свинство!

. . . . . .

— Слушайте, товарищ, я уже совсем с ума сошел! Нужно к врачу.

— А написали?

— Да нет...

— Ну, садитесь, напишите, а потом можно и с ума сходить!.. Свинство!

V

— Да-а-а! Вот, братцы, вчера... Ария «Рахиль, ты мне дана» — ну ни к черту! Ну ни в какие ворота! Оркестр, правда, ничего... В некоторых местах даже совсем хорошо, но Елизар... Вообще на оперу надо обратить внимание... Вот я и говорю...

— А декреты вы уже сдали?

— Декреты? Вот я и говорю, что у нее не совсем чистое пианиссимо... Чувствуется какая-то детонация...

— А как с хроникой?

— С хроникой? Видите ли, верхнее «си» у нее временами звучит превосходно, но иногда...

— Вообще обратите внимание на то, чтобы декреты не залеживались...

— Да... готовят «Гальку». Не могу себе представить, кто же будет у них петь Йонтека...

— Места для съезда много?

— «Галька» у них есть, но с Йонтеком слабо...

— «Гальку» потом! Потом «Гальку»!.. Что от рабкоров?

— Есть!

— Валяйте, валяйте!

— Даю!

VI

— Репортеры пришли?

— А разве сегодня платят?..

— Да нет, материала нет! Что за черт! Куда они все подевались?

— Здрасьте!

— А-а-а-а! Ну что в ВУЦИКе?

— Скажите, сегодня платят?

— Какой материал из ВУЦИКа?

— Почему вы не хотите платить за неопубликованные статьи?

— Семенюта приехал?

— Единица в «Коммунисте» значительно дороже, чем у нас...

— А что сегодня на президиуме?

— Я полагаю, надо уменьшить фикс. Это ведь невозможно...

— Ну-ну! Об этом потом! Давайте!

— Есть!

— Бегите в Наркомвнудел! Как со съездами? Интервью!

— Но...

— Давайте, давайте!

. . . . . .

— Здрасьте... Очень интересный материал из Наркомзема... Исключительно интересный... На сумской опытной станции поймано четыре беременных суслика... Нет, вы подумайте!..

— Как с Совнаркомом?

— Есть!

— Укрэкономсовет?

— Есть!

— Давайте! На съезд кооперации!

— Иду...

VII

— Нет уж, вы меня извините, товарищи... Это все-таки... тем не менее... однако невозможно... Да должна же быть в конце концов какая-то субординация... У меня аппарат должен быть — как машина! Я не могу так... У меня каждый должен знать, что он делает... Я потребую сатисфакции... Это ведь совершенно немыслимо, чтобы экспедиция не знала, куда идет газета... Да это ведь элементарная вещь! Это же издательство,

это же большое дело. Следовательно, эвентуально я обязан знать, что делает каждый винтик! А то, побойтесь бога, нас куда угодно занесет... Я человек за это отвечающий, и я этого от всех требую! Так или не так?

— Так!

— В таком случае, вы меня уж простите...

— Как с тиражом?

— Десять тысяч! Посылаю на Правобережье! На Екатеринослав посылаю!

— Жарьте, жарьте!

— Жарим!..

VIII

— А, Борис Иванович! Ну, сколько еще колонок нужно?

— Я мерил, и я точно скажу. Четырнадцать столбцов с запасом! Еще надо десять. Четыре на объявления...

— А может быть, меньше?

— Я никогда не ошибаюсь! Сказал десять — и точка! Вот и вчера — сказал: надо двенадцать столбцов...

— Так двенадцать в запасе и осталось!

— Разве?!

— Ну да!

— Ну, знаете, это ошибка! Разве теперь работа? Вот раньше была работа... Я шести лет уже старшим наборщиком был... Бывало, идешь на службу, а мама говорит: «Боря, говорит, ты маленький еще, может, ты в чурки поиграешь?» А я говорю: «Мамочка,— говорю,— старшие наборщики в чурки не играют,— говорю.— Они должны работать,—говорю». Вот как раньше работали...

IX

— Иван Григорьевич! Как там с материалом?

— Да вот коза заболела! И к козлу водил и к ветеринару водил... Не помогает...

— А что с ней такое?

— Нервная какая-то стала... Я ей: «Катька! Катька!» А она: «М-м-ме!» Парочку она мне принесла... Козлика и козочку... Беленькие такие... Маленькие... Забавные...

— Сколько там колонок?
— Да ничего. На «корпус» дайте...
— Давай на «корпус»! Что там на «корпус»?

X

— Завтра есть «Гарт»?
— Когда «Плуг»?
— Где завтра вечер? На паровозостроительном?
— Вы видели эти стихи?
— А вот это читали?!
— Вот тут статья!
— Товарищи! Двадцать пять человек! Да хоть на голову-то не лезьте!
— А это читали?
— Да я еще вчера принес!
— Да что вам редакторский кабинет — клуб, что ли?! А ну-ка в ту хату! Кыш!!! Нет меня! Дыхнуть не дадут... Эй, скажите там: нет меня!

XI

«Камню место!» [1].

1924

[1] Что это значит, не напишу: потерпите! Приходите, кому интересно, в редакцию, расскажу лично.— *О. В.*

Мракобесие

Всемирный Совет Мира, как известно, вынес постановление о повсеместном праздновании столетия со дня рождения великого сына украинского народа поэта-Каменяра Ивана Франко.

Весь культурный мир, все прогрессивное человечество почтит память одного из выдающихся писателей и общественных деятелей нашего народа, всю свою жизнь, свой поэтический гений, всю силу своего титанического ума и горячего сердца отдавшего для счастья людей труда.

Ведь это из его пылких уст услышал павший духом, угнетенный трудящийся человек пламенный клич:

Люди! Дети!
Ко мне! Ведь я люблю вас, всех люблю!
Готов для вас я сделать все на свете!
Коль кровь нужна — я кровь за вас пролью,
А если дело — я силен, и скалы
Я сокрушу, на землю повалю!..

Родина великого Каменяра — Советская Украина — в течение всего юбилейного года будет праздновать знаменательную дату.

Само собой разумеется, что отметят этот торжественный юбилей и земляки великого поэта, по разным причинам вне Украины сущие...

Будут праздновать в Канаде, в Соединенных Штатах Америки, в далекой Австралии, в Аргентине, в Бразилии — везде и повсюду, куда закинула земляков поэта прихотливая судьба.

В самых далеких, в самых глухих уголках земного шара, где не совсем заглохло, где хоть чуть звенит, как во сне, то слово, что «на страже возле них» другой национальный гений поставил,— по всем краям и уголкам к украшенным вышитыми рушниками портретам Франко будут обращены полные уважения благодарные взоры земляков.

Везде... Везде...

...И, нате вам, вдруг слышим:

— А вот и не везде! А вот мы и не будем праздновать.

— Кто это — «мы»? Кто это говорит? — удивляемся мы с вами.

— Мы — высокопреосвященный Кир Константин Богачевский. Вот кто такие мы!

Оказывается, что где-то в Соединенных Штатах Америки плавает католический ежемесячник «Ковчег».

Плавает тот «Ковчег» в Америке на украинском языке под епархиальным руководством и верховным покровительством их экселенции высокопреосвященного Кира Константина Богачевского...

Так вот, в этом «Ковчеге» их экселенция высокопреосвященный Кир Константин Богачевский пустил в плавание воспоминания: «Последние дни жизненного пути Ивана Франко».

Эти «воспоминания» редакция «Ковчега» предварила своим словом, направленным против празднования столетнего юбилея Ивана Франко, ибо Франко, мол, был «панроссийской ориентации, затем под влиянием Драгоманова занимался социалистической деятельностью, редактировал польскую радикальную газету «Львовский курьер», был в конфликте с обществом из-за отрицательных взглядов на религию...»

Особенно «Ковчег» подчеркивает «атеистическое и материалистически-социалистическое отношение» Франко к религии.

«Не удивительно,— пишет «Ковчег»,— что коммунисты считают И. Франко своим «предтечей»... Его призывы не вызволили народ из неволи, а скорее ослабили национальный организм в борьбе с коммунизмом...»

— Вы хотите,— возмущаются все чистые и нечистые

в «Ковчеге»,— чтобы мы его юбилей праздновали? Да ни за что на свете!

А мы, советские люди, и все прогрессивное человечество вместе с нами, именно за это: за интернационализм Франко, за великий его труд на ниве просвещения и просветительства, за борьбу с религиозными предрассудками и поповским клерикализмом, за подвиг его титанический в борьбе за светлое будущее человечества — за все это мы и чтим великого Ивана Франко, потому мы и празднуем его славный юбилей — сто лет со дня рождения!

...А какие такие воспоминания об Иване Франко «накирил» в «Ковчеге» их экселенция высокопреосвященный Кир Константин Богачевский?

Ясно, что у «высокопреосвященного» и воспоминания должны быть «священные»... Называются они, как уже выше сказано, «Последние дни жизненного пути Ивана Франко».

Их экселенция вспоминает, как он и другие грекокатолические приходские попы не хотели хоронить великого поэта. Он пишет:

«Через несколько дней Франко умер. Сразу возник вопрос о похоронах. Покойный жил в районе Софиевки, который принадлежал к Успенскому приходу. О. Давидович не хотел брать на себя ответственности и просил о. официала [1] (Андрея Билецкого) о решении вопроса насчет похорон. Меж тем посетили о. официала о. клирик Туркевич с инспектором д-ром И. Копачем. Настаивали на похоронах по христианскому обряду, так как гимназическая молодежь так или иначе примет участие в похоронах, власти же закроют гимназию, если молодежь примет участие в похоронах без священника. А тогда воинское присутствие призовет учеников на военную службу».

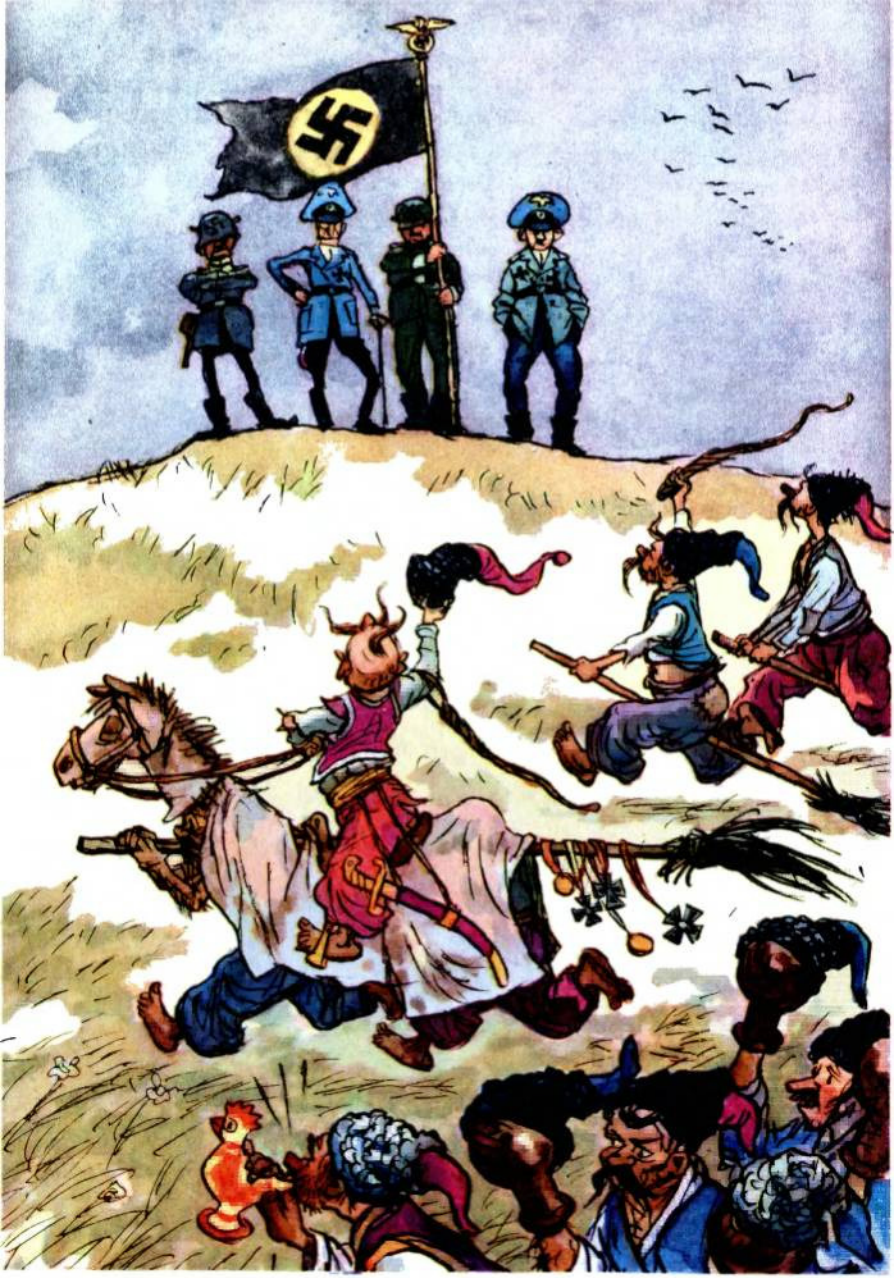
Иван Франко умер 28 мая 1916 г. во время первой мировой войны.

При таких обстоятельствах, как пишет епископ Богачевский, он, о. Дикий и еще один священник пошли к о. официалу по поводу похорон.

---

[1] Официал — священник на административной должности.

«УКРАИНСКО-НЕМЕЦКАЯ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ САМОСТИЙНАЯ ДЫРКА»



«КУРИНЫЙ СМЕХ»

«Мы,— говорит епископ,— пришли к о. официалу хорошо подготовленные, с литературой в руках. Наши тезисы были: отказать в похоронах, ибо покойный не раз писал в атеистическом, материалистическом духе. Никогда не отрекался от этих писаний. Не желал раскаяться. Отвергал все попытки примирения с церковью. Его последний ответ, который он дал о. Галушинскому, был циничным утверждением атеизма. Принимая все это во внимание, мы просили о. официала о соответствующем решении».

Ответ о. официала был краток: «Поступить, как предписано каноном».

«А о. Давидович,— пишет епископ Богачевский,— вышел из положения так: достал свидетельство, что покойный Франко тронулся умом. Из сего вывел, что покойный не отвечал за свои поступки перед смертью. На этом основании Успенская парафия согласилась на приватные похороны».

Так отнеслась к великому Каменяру греко-католическая униатская церковь.

Вот видите: они, приходские попы, были вовсе не прочь поглумиться над мертвым поэтом, да перепугались, потому что, заметьте, молодежь «так или иначе», а примет участие в похоронах. С попами или без попа, народ пойдет за гробом, чтобы воздать последние почести великому своему сыну.

Пришлось хоронить, хотя и тут попы-иезуиты не могли не облить помоями память поэта: «тронулся умом».

Вот вам Кир и его святые сотрудники.

Хитрые, лживые, мстительные...

Это не Кир из наивной народной песенки «Тыр-кир за тот сыр, что баба давала». Это ядовитый тыр-кир!

Не трудитесь, святые отцы, поминать великого Каменяра Ивана Франко — спокойнее ему будет лежать на львовском кладбище, окруженному всеобщей любовью освобожденного народа украинского.

Пишем мы это совсем не для того, чтобы все чистые и нечистые в американском «Ковчеге» в честь славного юбиляра «Вечного революционера» пели. Мы уж как-нибудь и без них обойдемся. Мы это делаем для того, чтобы наш народ знал, что еще плавают, как видите,

по американским морям разные «Ковчеги», набитые тварями, которые называют себя украинцами и пытаются хоть как-нибудь доказать свою причастность к величественной, светлой фигуре великого сына украинского народа Ивана Франко.

Тщетные попытки!

Забыли, как к ним обращался великий юбиляр:

Как ненавижу вас в усердье, вере,
Что подлости всегда служить готовы —
В любой, пусть в доброй или злой манере!

Нет, те, что сами угождают снова,
Мне ненавистны в наибольшей мере,
Как рабства золоченые оковы [1].

1956

[1] Перевод *Вс. Азарова.*

Весенний гром

(Драматический этюд в одном действии)

В Бориспольском районе, Киевской области, из 38 агрономов, прикрепленных к колхозам, 2 агронома вовсе не выезжали в колхозы, а 11 были там по одному дню и, ничего не сделав, возвратились обратно.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

38 агрономов.
20 машинисток.
Старшая машинистка.
Начальник облуправления сельского хозяйства.
Заместитель начальника облуправления сельского хозяйства.

Сцена — большая комната. 20 агрономов диктуют. 20 машинисток печатают. 18 агрономов ждут очереди на печатание. Справа дверь, на которой написано «Начальник облуправления сельского хозяйства. Неприемное время шесть раз в неделю». Слева — кабинет заместителя начальника.

1

Восьмой агроном. Ездили в колхоз?

Двадцатый агроном. Ездил!

Восьмой агроном. Ну и что?

Двадцатый агроном. Ох и борщ у председателя колхоза! Со сметаной! Да с какой сметаной! Вот борщ!

Восьмой агроном (*вздыхает*). Придется и мне поехать!

2

Третий агроном. Так-таки съездили?

Восемнадцатый агроном. Съездил!

Третий агроном. Как там положение?

Восемнадцатый агроном. Чудесное! Кабана как раз закололи! Ох и колбаса! А кишка какая! С пшенной кашей! Давно такой кишки не едал! Надо бы не забыть о просе! До чего же культура хороша: в кишке — прямо-таки мечта!

Пятый агроном *(вмешивается в разговор)*. А я на свадьбу как раз попал! Ну уж и погулял!

Третий агроном. Повезло вам, коллега!

3

Первый агроном. И когда уж тот академик Цицин с пыреем управится? Чтоб многолетние зерновые были!

Четвертый агроном. Так это же только пшеница! Если бы все зерновые были многолетними!

Первый агроном. О! Дай ему только за пшеницу уцепиться. Ты не знаешь Цицина! Все зерновые будут многолетними!

Четвертый агроном. Вот здорово будет!

Шестой агроном. Что зерновые! Вот если б сахарную свеклу многолетнюю придумать!

Первый агроном. Ученые над этим работают! Об этом еще не сообщали, но это факт!

Шестой агроном. Ну как это можно! Это же не пырейная пшеница, которую скосил, а корни остались. Свеклу ж ежегодно выкапывать надо!

Первый агроном. А ты знаешь, как ученые решают эту проблему?

Шестой агроном. А как?

Первый агроном. А так! Ботва будет в земле, в грунте, вместо корня, а свекла сверху. Скосил свеклу, а из ботвы на другой год снова свекла растет! Пока что, слышал я, на пять лет проблему решили. Бьются, чтобы на сто лет! Факт!

Все вместе. Вот здорово! Тогда сиди себе, пиши себе! Позвонил только в колхоз: «Растет?» «Растет!» «Ну и пускай себе растет!»

4

Входит н-к облуправления сельского хозяйства.

Н-к облуправления. Сидите? Ой, хлопцы, я за вас возьмусь! Ой, возьмусь! Еще год, еще два, еще пять, а таки возьмусь! Ну чего вы сидите? Ну почему вы в колхозы не едете? Ну что я с вами делать буду? Да сжальтесь же! *(Рыдает.)*

5

Старшая машинистка *(к машинисткам)*. Девушки! Начальник облуправления плачет! Гос-с-поди! А ну давайте!

Хор машинисток *(фортиссимо)*:

А уж весна,
А уж красна —
Со стрех вода каплет,
Со стрех вода каплет,
Со стре-е-ех вода каплет...

Заместитель начальника облуправления выходит из кабинета и высоким-высоким тенором выводит:

Со стре-е-ех вода каплет...

6

Вдруг сцену пронзает ослепительная молния, и ударяет страшный гром. За громом — густой дождь. Ливень.

Занавес быстро опускается, чтобы дождь не намочил зрителей.

Конец

Примечание для режиссера-постановщика. Гром здесь явление не только зрительно-декоративное, но и символическое. Мол, если уж агрономы облуправления с.-х. не боятся, так, может, хоть грома испугаются. Этого при постановке забывать не следует.

1957

Дер Галушка

I

Двоюродный брат у нас есть.

Очень серьезный брат, высокий, красивый и с усами.

Очень ученый брат, потому как его отец — наш уже как бы дядя — отдали его когда-то в гимназию (тогда еще гимназии были), и он там учился.

Бабушка наша все, бывало, нам говорили:

— На большого человека брат учатся! Либо на судью, либо на аблаката!

Как, бывало, приедет он к нам на каникулы да оденет мундир с серебряными пуговицами, так мы, бывало, стоим, глядим уже, глядим, и каждому хочется, чтоб и у нас такие пуговицы были, да Оксанка, сестричка, было не удержится да как прыснет!

А бабушка ей:

— Чего ты, бесстыжая!

А она:

— Как у пана.

С дедов-прадедов звались мы Салами — Сало и была наша фамилия.

И весь наш угол села так и назывался: Салы.

Бывало, спросит кто:

— А где Оверко Сидорович проживает?

Сразу же всякий и скажет:

— Вон там, за прудом, знаете, где верба-дуплянка! На Салах! Там все Салы испокон веков жили.

Там, на Салах, все мы повырастали и в люди повыходили.

Так я опять про двоюродного брата, того, что в гимназии учился.

Был уже он в восьмом классе или, может, даже в седьмом, да только пришло от него письмо, которое очень удивило его отца, отцова, выходит, брата.

Писал в том письме сын — двоюродный, значит, наш брат,— чтоб не писали ему на конверте: «Кондрату Макаровичу Сало», а чтоб писали так: «Кондрату Макаровичу Салло». Чтобы писали не одно «лы», а чтоб два «лы» писали, ибо одно «лы» его не только унижает, а даже обижает.

Дядя и отец чего-то долго по сему поводу говорили, спорили, качали головами, махали руками, хмыкали...

Отец наш сказали:

— Ерунда! За... того, зазнался!

А дядя трахнули руками по столу и крикнули:

— Не за... того! А, выходит, выучился, уразумел, что одного «лы» для ученого мало, надо, выходит, два «лы»!

Отец махнул как-то так резко рукой, что дядя подпрыгнули да и сказали:

— Твоим по гимназиям дудки! Твои так волам хвосты и будут вертеть, а Кондя (Кондрата они Кондей звали) уже, значит, выучились, образование получили, им уже одного «лы» маловато.

Отец вскочили со скамьи и как-то задрожали.

Мы, малыши, попритихли по углам да только сидим, сопим.

Тут, спасибо им, бабуся бросили куделю да к отцу:

— Ну чего ты, Филипп, прости господи, из... того, как его... изнервничался? Может, оно и в самом деле для ученого одного «лы» маловато?!

Дядя вскочили, за шапку да из хаты...

Вот так когда-то поссорились отец с дядей за то треклятое «лы».

Да только уж потом выяснилось, что то «лы» было не простое «лы».

Брат двоюродный потом как приезжали к нам, то, оказывалось, что не в самом только «лы» дело.

Они как начали было нас поучать, так мы сперва удивлялись, а потом, когда уже подросли, тогда и поня-

ли, в чем нас поучали наш очень ученый двоюродный брат.

Станут, бывало, посреди хаты да и декламируют:

Думи мої, думи мої,
Лихо менї з вами!
Нащо стали на папері
Сумними рядами?..

А мы сразу все и подхватываем:

Чом вас вітер не розвіяв
В степу, як пилину?
Чом вас лихо не приспало,
Як малу дитину?..

А они:

— Тс-с-с-с! Кто написал это?

— Шевченко! Тарас Григорьевич!

Брат, бывало, скривятся да с каким-то даже презрением замотают головой:

— Шевченко! Да знал ли Шевченко, панский крепостной, немецкое слово «папир»? «Дас папир»?

Мы аж глаза, бывало, вытаращим.

— Бумаги не знал?

— Не знал! И не он это стихотворение написал!

— А кто?

— Энгельгардт! Пан Энгельгардт написал! Немец!

Даже руками, бывало, брат по столу тарахнут.

Мы так и поприседаем.

А двоюродный брат нам и рассказывают:

— Вот и до сих пор вы все пишетесь по фамилии «Сало», не ведая о том, что наши пращуры были эмигрантами из Франции и звались «де-Салло», два «лы», а вы и до сих пор «Сало». Куда делось то «де», я еще не выяснил, но я это обязательно выясню — для того я в гимназии учился... Взять хотя бы, к примеру, и такое слово, как «очкур» [1]. Все твердят, что оно будто бы наше, украинское, а как проследить его историю вплоть до сегодняшних критиков, то это не что иное, как англосаксонское слово «о'кэй». Эх вы! Недотепы!..

[1] Очкур — шнурок вместо поясного ремня.

II

Выучились наш двоюродный брат на критика...

На того самого, что рецензии пишут на пьесы всякие, на спектакли...

Отец ихний уже померли, а наши еще живы были.

И вот однажды пришло к нам письмо от нашего двоюродного брата.

Писали они нам, что живут в столице, работают в разных университетах, читают лекции, в газетах пишут. Живут, писали, неплохо, хорошо зарабатывают и уже выкандидатовались в какие-то такие очень научные звания.

Бабушка, отец, мать да и все мы очень обрадовались, что Кондрат Макарович живы и здоровы, живут хорошо, и т. п.

Отец сейчас же решил им отписать, чтобы к нам они погостить приехали из города, ибо дядя наш, Конди отец, и мать Кондрата Макаровича поумирали и наша родня была им, выходит, самой близкой.

Одно лишь очень отца нашего да и всех нас опечалило, это то, что Кондя в письме прописали, что они уже переменили свою фамилию Сало — хоть и с двумя «лы» — на другую, якобы более выдающуюся, на Пилящаговский!!!

Теперь уж ему, дескать, следует писать так: «Кондрату Макаровичу Пилящаговскому».

Отец по этому случаю покачали печально головой, а бабушка заплакали:

— Такую фамилию, как Сало, на такое променял!

Отец махнули рукой:

— Не плачьте, мамо! Кондя же критик, да еще театральный! Так, может, ему новая фамилия больше нравится! Пускай приезжает! Как-никак — родной племянник!

III

И вот этим летом и приехали к нам в гости наш двоюродный брат Кондрат Макарович, бывший Сало, а теперь Пилящаговский.

Плотный, пожилой уже, видно, что живет в достатке.

Мы все к нему: расскажите, дескать, как оно там у вас, в столице!

— Я,— говорит он,— специалист по театрам, по драматургии.

— Ну и как,— мы к нему,— там у вас с пьесами? Идет ли «Суета» или «Хозяин» Карпенка-Карого?

— Идут, как же! — отвечает Кондя.— Еще бы не шли, когда они все списаны с Шекспира или с Шиллера! Конечно, будут идти...

Отца всего как-то передернуло, а у бабушки аж куделя вздрогнула — пряла как раз.

— И «Запорожец за Дунаем» идет?

— И «Запорожец»,— отвечают, уминая колхозную колбасу, Кондрат Макарович,— идет! Музыка же Моцарта!

Ганнуся, комсомолка, племянница моя, вскочила со скамьи, и ее как ветром выдуло в другую комнату.

Притихли все.

Помолчав, отец сурово как-то спросил:

— А новые пьесы есть какие? Слышали мы про «В степях Украины». Идут или не идут они в театре?

Кондя пренебрежительно махнул рукой:

— Разве то пьесы?! Все штампы! Ни характеров, ни типов! Вот заграничные...

Отец резко рванулся со скамьи.

А бабушка подбежали к отцу, обняли его и держат.

— Чего вы, мамо? — встрепенулся отец.

А бабушка растерялись и что-то такое сказали, что мы даже и не поняли:

— Да я, сынку, того... как его... веника никак не найду...

Кондрат Макарович Пилящаговский (бывший Сало) в этот момент громко проглотили кусок колбасы. Нашей, колхозной... И принялись за сало. Колхозное сало, на одно «лы»...

1946

Железный характер

Перед Отечественной войной у украинского советского писателя Ивана Ивановича Эпопейченко был довольно солидный творческий багаж: он издал книгу рассказов, книгу новелл, два романа, несколько пьес...

Разумеется, еще больше произведений он переиздал.

Все имел Иван Иванович: и литературное имя, и уважение, и земные блага.

Разразилась Отечественная война.

Отечественная война породила тьму-тьмущую тем.

Да каких еще тем!

Темы эти стаями летели писателям в окна и двери. Они теснили их в кабинах самолетов, в вагонных купе, в номерах отелей, в плащ-палатках, в окопах и в дзотах.

Они переполняли писателям сердце и легкие и кипами ложились в извилины их мозга.

Налетели темы и на Ивана Ивановича Эпопейченко.

Иван Иванович был человеком спокойного характера и уравновешенной жизни, а как писатель любил «перспективу».

— Тема действительно неплохая, актуальная тема, да, видите ли, перспективы нет. Не дает мыслям простора. Всесторонне ее не охватишь, скользнешь по поверхности, как на катке,— ну, и не произведение, а пшик...

А темы наседали! А темы наседали!

Еще как только из Киева выехали, облепили они Ивана Ивановича, как пчелиный рой.

Здесь и трагедия Львова, и сожженные города и села Западной Украины и Правобережья, и продажность немецко-украинских националистов, и утро партизанского движения.

Уже схватился было Иван Иванович за автоперо, раскрыл перед собой тетрадь, и рука его начала раскачиваться. Но он превозмог себя, закрыл тетрадь, положил в карман авторучку:

— Кто же пишет в таких условиях? Вагон подпрыгивает, освещения никакого, шум, гам...

— Не насилуй себя, Ваня,— заворковала жена,— голова заболеть может, да и на желудок повлияет — он у тебя и так не совсем исправный: всегда после индейки урчит. Пусть уж, как на место приедем, там и начнешь.

Прибыли на место...

От тем нельзя в окно руку высунуть.

Проснувшись однажды утром, Иван Иванович решительно подскочил к столу и ухватился за тетрадь.

Жена подошла к нему, обняла и поцеловала в стерню от шевелюры.

— Ванечка! Писать будешь? Что ты, голубчик?! В доме холодно, прогулялся бы ты лучше да подумал, как бы роман переиздать.

— Да, понимаешь, руки чешутся. Наседают... Темы наседают...

— А ты руки почеши! Чего-то ты, голубчик, грустишь?! Может, желудок? Ты бы развлекся... Ты знаешь, как наш Славик на балалайке играть выучился. Я ему сегодня куплю балалаечку, вот он развлечет тебя...

— Ну купи, только поскорее, а то могу начать писать... А без перспективы писать, можно скомпрометироваться...

— Да не только скомпрометироваться, захворать даже можно... До полуночи ты не привык, сидеть будешь — еще ишиас схватишь или давление повысится. Теперь это часто бывает. А ты должен беречь себя для Родины-страдалицы.

Вечером Славик уже наигрывал Ивану Ивановичу на балалайке «У соседа хата бела».

Иван Иванович притопывал, а в том месте, где: «Скажу, жинка, встань раненько, уберися хорошенько!» — даже подпевал.

Так и пошло. Как только на Ивана Ивановича насядут темы и зачешутся у него руки, он к Славику:

— Славик! А ну-ка врежь!

Славик играет, Иван Иванович притопнет, подтянет— темы и отойдут.

И так без малого три года.

Темы летали, наседали, шелестели, пели, даже ревели, но Иван Иванович отбивался.

И таки отбился. Не написал за три года ничего.

Первое: железный у Ивана Ивановича характер.

Второе: сберег себя Иван Иванович для Родины-страдалицы.

1944

«И живы еще и здоровы все родичи гарбузовы»

Ну зачем меня, скажите на милость, понесло снова на киевский пляж?

Чего я там не видел?

Еще в прошлом году сам себе слово дал, что не поеду я на киевский пляж: уж очень здорово в лодке придавили, а к тому же схватил меня кто-то в воде за трусы.

Я вырвался да и говорю:

— Да я ще не тону! Чего вы меня хватаете?

— Я вас не хватаю,— говорит,— я только прошу посоветовать, как мне квартиру вернуть.

А в этом году и до воды не доехал — в фуникулере начались квартирные дела.

Приехал на пляж.

Иду себе по берегу, ищу место, зацепился ногой за чей-то бюстгальтер, упал на какое-то ожирение сердца, вытянул кто-то меня раскрытым зонтиком, и я раздавил чьи-то модельные туфли.

Не успел на ноги подняться, а меня снова зонтиком:

— Отдай спицу! — кричит.

Выскочил все же кое-как на прогалину.

Гляжу: странная какая-то кучка народа лежит на солнце, выгревается.

Не похожа на киевлян, а вроде бы что-то знакомое.

Я стал, гляжу.

А какой-то такой толстенький человечек спрашивает:

— Чего вы смотрите?

— Да вроде,— говорю,— что-то знакомое. А не узнаю.

— А вот узнайте!

— Да как же голого узнаешь? Голые — они все одинаковы. Никак не отличишь... Если б в одежде, может, и разобрал бы. А кто же вы такой?

— Да я же Шельменко! Денщик! Разве не узнали?

— А-а-а! А кто это возле вас?

— Да все же старые ваши знакомые! То Гриць из «Ой не ходи...», а это Непокрытый Иван из «Дай сердцу волю...». Помните?

— А как же! А тот с батожком?

— То ж Сурма Терешко. Из «Суеты»!

— А Матюша где ж?

— Да пошел искать «предлинную хворостину» для гусей.

— А то кто?

— То Мартын Боруля с Омельком!

— А храпит вон кто так?

— Гриць, толкни его, чего это он так во все завертки? — обратился Шельменко к Грицю.

Гриць толкнул легонько храпуна в бок.

Тот вскочил, чихнул, пригладил волосы, под кружок стриженные, подул в усы, чтобы в рот не лезли, и, не открывая глаз, начал:

Дід рудий [1], баба руда,
Батько рудий, мати руда.

— А-а-а! Здоровы были, дядько Макогоненко! Как поживаете?

— Загораю!

— Ну и как?

— Без свитки печет.

— А вы бы свитку взяли!

— Не дает зав. костюмерным цехом. А мне в трусах вроде как и без ничего. Стесняюсь! Я, как видите, поверх трусов еще и лопухом. Вот довели!

— А жинки, что вот там, за вами, ваши?

— Да наши ж!

---

[1] Рудий — рыжий.

— Кто же то?

— Цыганка Аза, Богуславка Маруся, Бесталанная, Лымеривна...

— Что же вы здесь делаете?

— Да, понимаете, театры же в отпуск пошли, а мы себе отдыхаем, ведь нас так заездили за это время, что с ног падаем. Думали куда-нибудь на курорт — путевок не дают: руководство театров путевки поразбирало. Так мы вот на песочке.

— И ничего?

— Да оно ничего. Да только грустно. Сидишь все да думаешь, когда уже «положение» будет, все «сватанье да сватанье»,— говорит Шельменко.

Терешко Сурма придвинулся, стегает батожком.

— Придется,— говорит,— наверное, и будущий сезон ламерить да ламерить! В этот сезон четыре батога побил, а амортизацию задерживают. Матюша уже вырос, обижается.

— Не буду «катать»,—кричит,—я больше «гусей».— Да оно и не удивительно: парубок уже, женить пора, а за него никто замуж не хочет. Девчата говорят: «Боимся! Брось «предлинную хворостину», а то еще ударишь!»

Мартын Боруля долго на меня глядел, а потом осторожненько так:

— Скажите, будьте ласковы, уважаемый пан, нельзя ли мне уже на пенсию подавать? Я так себе прикидываю: как буду я уже на пенсии, так я тогда сам себе хозяином буду, хочу играю, хочу не играю. Не без того, конечно, чтоб иногда не сыграть, да не год же из году, не день ото дня, как теперь. Да еще и ведущим в театре! Очень тяжело. И как я должен писать в прошении: Беруля или Боруля?

— Пишите, как знаете. В Комитете искусств вряд ли знают, как правильно!

— А мне как,— вмешался в разговор Омелько,— и впредь ломать себе голову, чего пану нужно: коня или кобылу? До каких же пор...

Боруля взорвался:

— Кого пан прикажет, того и запряжешь!

— Да оно, пане, так... Но говорили же, что уж скоро будет современный репертуар, так тогда ж уже машинами ездить будут, тогда уж чи конь, чи кобыла, так

оно уж и не того... Уже ж говорят давно это, как его, антер... онтер... Нет, не вымолвлю!

— Ех ты, мужлан! Энтер... Онтер... И не энтер и не онтер, а унтервью!— Боруля к нему.— За панские слова берешься!

— Ну, а как ты, Иван? — обратился я к Непокрытому из «Дай сердцу волю, заведет в неволю».

— Играю понемногу. Мне что? Я человек тихий, я всех люблю! Мне ничего! Вот только культя моя, деревяшка, немного уже скривилась. Не выдерживает. Истерлась и трет... Нельзя ли мне протез какой сделать? Говорят, теперь алюминиевые делают, легонькие! С таким бы протезом я бы вприсядку танцевал! Убей меня бог, танцевал бы!

— Напишите,—говорю,— заявление.

— Куда?

— Да в Комитет же по делам искусств.

— В тот, что унтервью о современном репертуаре дает?

— Ага.

— А будет?

— Что? Протез?

— Нет! Современный репертуар!

— Должно, будет. Интервью есть, значит, и репертуар будет.

— Ну, спасибо вам! — поклонился мне Иван Непокрытый, печально склонил голову и поковылял. А из глаз у него слезы только — кап! кап! кап!

— А чего ж это ваши девчатки: Аза, Богуславка, Бесталанная, Лымеривна,— чего они аж под кусты попрятались?

— Да, видите, у них купальных костюмов нет. И неудобно! Так они кто корсеткой, кто чепцом прикрылись и отдыхают.

— А можно к ним?

— Почему нельзя? Можно! Только ж они очень усталые, все время спят. Да и сейчас, видите, ни одна не пошевельнется!

— Ну, пускай,— говорю,— когда-нибудь в другой раз!

Вдруг подхватывается Гриць из «Ой не ходи...». Браво так подходит.

— Что я вас хочу спросить, пане-товарищ!
— А что такое?
— Будет ли нам уж когда-нибудь демобилизация?
Не успел я ответить, как из репродуктора:

Ой не ходи, Грицю,
Та й на вечорниці,
Бо на вечорницях
Дівки чарівниці...

— Ой не могу! — воскликнул Гриць и бросился к Днепру.— Вынырну, когда кончит! — да бултых в воду!

1946

Такие себе встречи и беседы

1

Такая себе обыкновенная комната, чистенькая, уютненькая.

Сумерки.

И такой себе печально-спокойный голос моей собеседницы, хозяйки той уютной комнаты, незаслуженной артистки республики Оксаны Платоновны Недопереграй:

— Окончила, помню, я институт имени Лысенко...

— Давно? — спрашиваю.

— Да лет тридцать назад...

— И помните?

— А как же?! Конечно, помню...

— Прекрасная у вас память...

— А, да вы все шутите! Окончила, значит... Считалась в институте очень способной студенткой, подавала, как говорят, большие надежды... Как давали мне диплом по окончании, директор института, прощаясь со мной, сказал: «Работайте, никогда не почивайте на лаврах! Настоящая тогда из вас будет артистка! Все данные для этого вы имеете...» Я поблагодарила и на крыльях радости и надежды полетела искусству служить...

— С какой стороны было крыло радости, а с какой — надежды?

— Это неважно! Слушайте дальше.

— Слушаю,— говорю,— дальше.

— Вот и начала я работать в украинском драматическом театре имени одного из пяти великих наших лю-

дей. В каких только пьесах я не играла! Я не играла в пьесах Старицкого, Карпенко-Карого, Леси Украинки, Корнейчука и Кочерги. Наконец, я не играла ни в одной пьесе классического репертуара и в пьесах русских драматургов! Ах, если б вы знали, как я не играла?!! Вы думаете, что так легко «потрясающе» не сыграть Марусю Богуславку?! Вы думаете легко?!

— Не играть вообще,— говорю,— легко! А не играть «потрясающе», думаю, это очень тяжело!

— А я ее тридцать лет «потрясающе» не играла!

— Так вы же,— говорю,— гениальная не артистка!

— Та то же и оно! И я теперь очень рада, что меня представили к званию заслуженной...

— Не артистки республики! — перебил я.

— А, да вы все шутите!

— Поздравляю вас сердечно! — ответил я.

2

Быстро-быстро идут в театр на спектакль он и она.

Он артист театра. Она артистка.

— Здрасьте! — говорю.

— А, здрасьте! — отвечают.

— Куда так быстро?

— На спектакль спешим! Опаздываем! Извините, надо бежать.

— Сегодня играете?

— Играем!

— Что же вы сегодня играете?

— В «66»!

— ??

— А мы уже двадцать лет в «66» играем! И лишь иногда в «подкидного»!

— И с успехом?— спрашиваю.

— С переменным!

— Ну, успеха вам!

3

Сидит за столиком мрачный гражданин.

Приглядываюсь: знакомый артист государственного драматического и т. д. и т. д. театра.

— Чего это вы так печально на свет белый глядите?— спрашиваю.

— Да так,— говорит,— чего-то на душе невесело!

— Почему же вы сегодня не на спектакле? Разве не играете сегодня? Свободны?

— А я за сорок лет лишь один раз сыграл!

— Один раз?! В какой же пьесе?

— В оркестре на барабане, когда барабанщик заболел!

— Ну и как?!

— Прекрасно! Без единой репетиции, прямо под суфлера, и знаменито!

— Ну что ж,— говорю,— талант всегда талант!

. . . . . .

Такие себе встречи... Такие себе беседы веселые.

1946

Иван Карась, или...

(Интермедия для джаз-оркестра)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

1. Иван Карась.
2. Тарапунька.
3. Композитор.

I

Тарапунька *(к публике)*. Старший сержант милиции Тарапунька, как и полагается каждому культурному милиционеру, любит музыку. Старший сержант милиции Тарапунька, как и полагается каждому культурному милиционеру, кроме того, что он любит музыку, он знает музыку! Старший сержант милиции Тарапунька, кроме того, что он любит и знает музыку, он имеет к музыке тонкий вкус! И вы все в этом сейчас убедитесь! Оригинальный фокстрот с нигде в мире не слыханной мелодией — гениальное творение самого талантливого композитора Дунбланпокрверверкозшинского-Жданго-ренко. Произведение, поразившее своей новизной и оригинальностью не только старшего сержанта милиции Тарапуньку, но и весь музыкальный мир! Маэстро, прошу!

Оркестр играет фокстрот, построенный на популярной арии Ивана Карася «Ой щось дуже загулявся» из «Запорожца за Дунаем».

II

Во время музыки в зале появляется Иван Карась. Он вошел в зал, остановился, прислушался.

Иван Карась *(громко)*. О! *(Оркестр перестает играть. Пауза.)* А ну, хлопцы, еще! Играйте, играйте! Чего ж вы стали, играйте!

Тарапунька *(свистит)*. Что за беспорядки там? Кто нарушает тишину?!

Карась *(Тарапуньке)*. Да подожди, не приставай! Пусть сыграют еще! Что-то вроде оно мне какое-то знакомое. А ну, хлопцы, сыграйте! *(Оркестр играет. Как только зазвучали в музыке ноты Карасевой арии.)* О! Она, она голубушка! Она! Ну, не дают покоя! *(Начинает подпевать.)*

Ой щось дуже загулявся,
Ледве я сюди добрався
и т. д.

(Диалог происходит на фоне этого фокстрота.)

Тарапунька *(свистит)*. Прекратить! Прекратить пение! Гражданин, вы кто такой?

Карась. Вы лучше скажите, откуда у вас эта музыка?

Тарапунька. А вы откуда ее знаете?

Карась. Ой умру! Ой дай запью! *(Долго шарит по карманам, наконец извлекает бутылку. Пародирует известную сцену из «Запорожца».)*

Тарапунька. Где вы слышали, я вас спрашиваю, эту музыку?

Карась *(выпил, переводит дух)*. Где? *(В такт музыке.)*

Третя — осьде, пригодиться,
Щоб було чим похмелиться.

Тарапунька. Старший сержант Тарапунька вторично спрашивает вас: откуда вы знаете эту музыку?

Карась. А запорожец Иван Карась спрашивает у вас: откуда у вас эта музыка?

Тарапунька. У нас?

Карась. У вас!

Тарапунька. Это фокстрот.

Карась. Ой умру!

Тарапунька. Это фокстрот с нигде в мире не слыханной мелодией! Это — гениальное творение самого гениального в мире композитора Дунбланпокрверверкозшинского-Жданговренко! Где вы ее, я вас спрашиваю!— нет, не спрашиваю, а допрашиваю! — где вы ее украли?

Карась *(дразня Тарапуньку, в такт музыке).*

Ой погані такі жарти,
Випив, мабудь, я з дві кварти.

Тарапунька. Прекратить пение! Откуда вы знаете эту новую мелодию?

Карась. Идите-ка сюда, я вам на ушко скажу, чтоб никто не слышал. *(Говорит громко на ухо.)* Я ее знаю еще с 1863 года, когда ее написал Семен Степанович Гулак-Артемовский!

Тарапунька. Подать сюда Гулака-Артемовского! Да это же чистейший плагиат у нашего гениального композитора Дунблан и т. д. аж до енко! Гражданин, как вас там?! Попрошу адрес Гулака-Артемовского!

Карась. Не надувайтесь, а то лопнете! Попались?! Ага! Может, у вас еще что-нибудь есть новенькое? Или все такое, как сейчас играли?

Тарапунька *(композитору).* Маэстро! Доказать этому чубатому, что мы имеем вполне оригинальные произведения! Можем мы доказать?

Композитор. Несомненно!

Тарапунька. Маэстро, прошу!

(Оркестр играет джазовую музыку, на фоне которой ярко вырисовывается мелодия песни Одарки «Ой казала мені мати, ще й наказувала...» из «Запорожца».)

Тарапунька. Ну?!

Карась. Ой умру! Ей же богу, умру! Ой дай запью! *(Ищет бутылку. Пьет.)*

Тарапунька. Старший сержант милиции Тарапунька вторично спрашивает вас: «Ну?!»

Карась *(переводит дух)*. Ой боже мой, боже мой!

Тарапунька. Старший сержант Тарапунька третий раз вас спрашивает: «Ну?!»

Карась *(дразня Тарапуньку, в такт музыке)*.

Ой казала мені мати,
Ще й наказувала,
Щоб я хлопців у садочок
Не принаджувала.

Тарапунька *(свистит)*. Прекратить пение! Откуда вы знаете эту новую оригинальную музыку?! Я вас допрашиваю: откуда?!

Карась *(в такт музыке)*.

Ой мамо, мамо, мамо,
Задивилася.

Тарапунька. Откуда?! Ну?!

Карась. Оттуда! Из того самого адреса! От Семена Степановича! Из 1863 года!

Тарапунька. Так это же не адрес! Это же склад сплагиатированных новых оригинальных мелодий! Подать сюда...

Карась. Стой-стой-стой! Слушай-ка сюда...

(Далее идет пародия на известный монолог Карася из II действия «Запорожца»).

Вот так мы стоим, ждем, что на нас польются новые оригинальные мелодии новых композиторов! А мы слышим: летит Чайковский, мчит Лысенко, за ним Корсаков, Бородин, Берлиоз, Верди, Леонтович, Степовой, Стеценко, Рахманинов! А там глядим: Бетховен, Вагнер, Шуман! Мы притаились! Когда увидели их, кричим: «К нам! К нам! Наши дорогие, к нам!» А за ними тьма-тьмущая чего-то неопределенного! Мы к ней! «Куда

вы?! Почему вашего лица ясно не видно? Давайте так, чтоб мы видели, кто вы такие есть!» Но тут рассвело, и все исчезло! О!

Тарапунька. А что же дальше?

Карась. А дальше, может, вы еще чего-нибудь такого нового да оригинального нам сыграете?

Тарапунька *(композитору)*. Маэстро, можно?

Композитор. Пожалуйста! Сколько угодно!

(Оркестр начинает играть. Прорывается мелодия известной песни Соловьева-Седого: «Прощай, любимый город».)

Карась. Ой не могу! Дай запью! *(Вытаскивает бутылку, пьет. Задумывается, потом встает, смотрит на публику, машет рукой и поет в такт музыке.)*

Прощай любимый город,
и т. д.

(Уходит из зала.)

1957

Привет!
Привет!

**УСМЕШКИ КОЛХОЗНЫЕ,
ПОСЛЕВОЕННЫЕ**

Дылда

Жил на свете этакий Дылда Тимош Иванович.

Такое уж у него прозвище — Дылда.

Когда организовался в его селе колхоз, Дылда Тимош Иванович сильно закрутил носом и сказал своей жене Салимонии Филипповне Дылде:

— Гуртовое — чертовое!

И остался тогда Тимош Иванович Дылда единоличником.

Ну что ж: единоличник, если он честный, если он выполняет все, что требуется от честного советского гражданина,— единоличник у нас все гражданские права имеет.

Не дошло, значит, еще до сознания человека, что коллективный, артельный труд выгоднее, полезнее; что ж, пусть хозяйничает единолично: когда-нибудь поймет, где лучше — в артели или в единоличном хозяйстве.

О Тимоше Дылде мы бы не сказали, что до его сознания что-то не дошло.

Волчьи думы сидели в голове у Тимоша Дылды: «А может, это ненадолго?..»

Колхозы росли, развивались, богатели, а колхозники жили себе да поживали.

Поглядывали колхозники на единоличника Тимоша Ивановича Дылду да посмеивались:

— Ну, живи на здоровье! Нам что, дылдуй дальше.

Получилось, значит, оно не «ненадолго», как думал Дылда, а совсем наоборот — навсегда.

Вот как-то вечером, когда Тимош Иванович Дылда и Салимония Филипповна Дылда (детей у них не было) сели ужинать, Тимош Иванович Дылда и говорит Салимонии Филипповне Дылде:

— Салимония!

— Га?

— Что это, бишь, я хотел тебе сказать? Вот забыл.

— Может, кваску принести?

— Да какой там квас! Не в этом дело.

— Может, где зачесалось?

— Ох, зачесалось! — даже вскрикнул Тимош Иванович Дылда.— Ох, и зачесалось, да только не с той стороны!

Замолчал Тимош Иванович Дылда. Сопела Салимония Филипповна Дылда. В хате было тихо.

— Салимония! — неожиданно промолвил Тимош Иванович Дылда.

— Га?

— Видно, в колхоз записываться надо?!

— Ой! — простонала Салимония Филипповна.

Вскочила с места, подбежала к печи, отскочила от нее, бросилась к горшкам, от горшков в угол, схватила для чего-то ухват и начала ухватом поднимать лежанку... Потом схватила корыто, поставила на квашню, квашню с корытом поставила на помойницу, села в корыто и еще раз:

— Ой!

Тимош Иванович Дылда вскочил и не своим голосом крикнул:

— Салимония, сядь!

— Я уже сижу!

Одним словом, в колхоз Тимош Иванович Дылда и Салимония Филипповна вступили.

Вечерами они сидели друг против друга, глядели друг другу в глаза и кивали головами.

Салимония Филипповна утирала платочком глаза, а Тимош Иванович скрипел зубами.

Посидят вот так друг против друга, потом Тимош Иванович приказывает:

— Стели!

Салимония Филипповна стлала постель.

Потом они ложились спать.

Не спалось.

Салимония Филипповна Дылда спрашивала у Тимоша Ивановича Дылды:

— Чего это ты не спишь, Тимочка?

— Думаю!

— О чем же ты, Тимочка, думаешь?

— Думаю, где бы этих чертовых трудодней раздобыть!

И долго-долго не могли уснуть Тимош Иванович Дылда и Салимония Филипповна Дылда.

Время шло. Колхозы росли, разрастались. И трудодней же было у честных работающих колхозников! Сколько трудодней!

Осенью, бывало, к таким колхозникам, у кого много этих трудодней, громыхая, подкатывал грузовик, а на грузовике мешки, а в мешках зерно.

— Забирай, товарищ честной, забирай трудодни свои! — кричал хозяину шофер.— Распишись в квитанции да пеки пироги.

— Ой, пошли тебе бог доли, счастья! — говорил хозяин.— Помоги хоть выгрузить.

— Подмогнуть можно!

— А на пироги, будь добр, забегай.

— И забежать можно!

Как только Тимош Иванович Дылда и Салимония Филипповна Дылда вступили в колхоз, начали они очень сильно прихварывать.

Невмоготу просто!

Как на работу идти, Тимоша Дылду что-то как схватит за поясницу — ну ни пошевелиться, ни разогнуться.

— Вот здесь! Вот дайте руку, я вам покажу! Вот тут, вот тут! Ага-ага! Ой! Чуть только что потяжелее возьму, вилы ли, лопату, сразу как кольнет! Криком кричу! Бабка Волосиха наказывала: тяжелого — боже сохрани! На что уж хлеб — и тот вредит! Как от целого каравая починаю, да ежели еще с куском сала,— колет! Так колет, что в глазах желтые круги идут. Я уже и не знаю, что делать. Бабка Волосиха — а она баба дош-

лая! — говорила, что это какая-то очень сурьезная мужская болезнь!

Когда Тимоша Ивановича Дылду хватало за поясницу, то Салимонию Филипповну Дылду, наоборот, давило вот тут — под ложечкой.

— Подкатывает, подкатывает под грудь, а потом как придавит. В глазах у меня словно курочка пестренькая, рябит-рябит-рябит, а потом вроде как расплывется... А я и не знаю, жива ли, или мертва! А потом пошло-пошло-пошло — извините — все вниз! Бабка Волосиха — а она баба дошлая! — говорила, что это сурьезная женская болезнь.

Очень сильно хворали Дылды — и Тимош Иванович и Салимония Филипповна.

Отпускало их только тогда, когда надо было в город ехать: яички везти, или масло, или картошку.

Долго держалась у Дылд такая болезнь.

За целый год трудодней у них набиралось порядочно: у Тимоша Ивановича Дылды деньков этак тринадцать, а у Салимонии Филипповны дней не меньше одиннадцати...

Ну и что?

А ничего! Выгнали Дылд из колхоза.

И хорошо сделали.

1948

«КОЧЕВНИКИ»

«СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ»

Привет! Привет!

Полевой стан тракторной бригады одной МТС расположился у небольшого перелеска, где стоял такой-сякой вагон, по правде говоря, обшарпанный вагон, с узкими скамьями, на которых валялись длинноватые, тонковатые лепешки...

Об этих лепешках председатель правления колхоза гордо, самодовольно говорил:

— Колхоз не поскупился и приобрел для трактористов матрацы! О! А вы говорите!! У нас механизаторы, как нигде обслуживаются! О!

Вы интересуетесь, в каком это колхозе и в какой МТС?

Подумайте сами! А лучше всего поезжайте в полевой стан тракторной бригады и посмотрите: может, как раз именно это в вашем колхозе и в вашей МТС...

Зима, говорите, теперь? Полевых станов нет уже на поле?

Тогда поглядите туда, где те лепешки на зиму сложили, вот и убедитесь, у вас ли это или не у вас!

В вагоне стоял мрачный и всегда безмолвный радиоприемник, хоть и торчала над вагоном антенна, потому что батареи у радиоприемника давно уже высохли, серая мышь там гнездышко устроила, и в ночной тишине очень часто слышались оттуда мышиные позывные: пи-пи! пи-пи!

Председатель правления колхоза гордо, самодовольно говорил:

— У нас полевой стан тракторной бригады радиофицирован! А вы говорите?! Чтоб я да поскупился для культурного обслуживания наших механизаторов?! О! У них есть и шахматы, у них есть и домино! Они у меня культурно отдыхают! О! И газеты! И журналы! О!

Шахматную доску насекомые источили, шахматные фигуры мыши погрызли, а от домино остался только один «генерал» (дубль шесть).

Газеты приходят в полевой стан...

Вот и вчера, и третьего дня, и на той неделе.

— А где наши газеты, товарищи?

— А чем я плиту буду растапливать? — кричит Одарка-кухарка.— Дрова сырые, не горят, без обеда будете!

Механизаторы свой культурный отдых ежедневно проводят так:

— Карте место!

— Ты куда шестерку бросаешь?! Семерка идет!

Одарка-кухарка каждый день измывается:

— Давайте я из ваших карт юшки наварю: до того они засалены.

Механизаторы описываемой тракторной бригады работают добросовестно, и урожаи в колхозе неплохие...

— Ну, поговори ты с председателем, до каких пор мы будем вот так тут бедствовать?! — брались за бригадира трактористы и комбайнеры.

— Да у меня от разговоров язык уже распух! — отмахивается бригадир.— Разве вы не знаете нашего председателя?

А председатель тем временем всюду хвастал:

— Вот у меня механизаторы! Они у меня живут, как... Да куда там мне так жить!

Бригадир тракторной бригады и трактористы с комбайнерами думали:

«Ну, приедет кто-нибудь из райкома или из обкома, мы уж все расскажем, мы все покажем, чтобы знали, как заботится о механизаторах наш председатель».

* * *

Однажды заглянул в полевой стан тракторной бригады секретарь по зоне МТС.

— Вот хорошо, что приехали! — кинулись к нему механизаторы.— Вот хорошо!

— Ну, как поживаете? — спросил их, сидя в машине, секретарь по зоне МТС.

— А вот зайдите, посмотрите!

— Работаете вы, товарищи, неплохо! Молодцы!

— Да зайдите же к нам!

— Спешу на заседание в райком! В другой раз как-нибудь! Привет! Привет!

И уехал.

* * *

Вот заглянул в полевой стан тракторной бригады секретарь райкома партии.

— Здравствуйте, товарищи механизаторы! — приветливо крикнул из машины секретарь.— Как живется?

— Вот хорошо, товарищ секретарь, что приехали! Живем мы, по правде говоря, не очень! Да зайдите, сами посмотрите!

— А работаете вы неплохо, товарищи! Молодцы!

— Да работаем! А могли бы и лучше работать, условия у нас, товарищ...

— А какие такие условия? Председатель мне докладывал, что всем обеспечены!

— Да вы зайдите, посмотрите сами!..

— Правильно, товарищи, следует-таки мне с вами поговорить, но, понимаете, бюро через полчаса! В другой раз обязательно поговорим! А темпов не сдавайте! Нет! Нет! Равняйтесь на лучших! Ангелину опередить следует! Гиталова! О! Ну, привет, привет!

Да и уехал.

* * *

Ехал мимо полевого стана тракторной бригады начальник областного управления сельского хозяйства.

— Здравствуйте, товарищи механизаторы! — поздоровался из машины начальник.

— Здравствуйте, товарищ начальник!

— Какой МТС будете?

— Энской.

— Какая бригада?

— Надцатая!

— Кто бригадиром?

— Непытайло!

— О, слыхал-слыхал! Неплохо, товарищи, работаете! Молодцы!

— Так-то оно так, товарищ начальник, да мы могли бы и лучше работать, если бы условия у нас...

— А какие такие условия? Секретарь райкома говорил мне, что ваш колхоз всем вас, товарищи, обеспечивает!

— Да вы зайдите, посмотрите сами...

— Да следовало бы, товарищи, да сегодня как раз я созвал главных агрономов МТС области... Спешу, чтобы не опоздать! Неудобно, знаете! Темпов, товарищи, не сдавайте! Мне очень приятно было вручить вам переходящее Красное знамя обкома и областного совета как лучшей тракторной бригаде в области. Нажимайте, дорогие товарищи! Привет! Привет!

Да и уехал.

* * *

Довелось вот и мне перед Новым годом проезжать мимо энской МТС. Встретил меня бригадир тракторной бригады товарищ Непытайло.

— Ну, как живете? — спрашиваю.

— Да ничего,— отвечает Непытайло.— А можно бы жить намного лучше, если бы наши руководители больше нам, механизаторам, внимания уделяли! Да вы зайдите, мы вам расскажем, а вы их в «Перце»!.. Вот материальчик! Зайдите, поговорим!

— Да оно бы и следовало в самом деле зайти, но сегодня же канун Нового года, внуки ждут, чтобы Новый год встречать, не могу, никак не могу! Уж как-нибудь в другой раз! А тракторы вы ремонтируйте как следует! И темпов не сбавляйте! Привет! Привет! Новогодний!

Да и уехал.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В «Перце» был напечатан фельетон о том, что я будто не заехал в тракторную бригаду энской МТС, несмотря на приглашение бригадира познакомиться с их жизнью и помочь ликвидировать неполадки в их быту. Факты подтвердились. Объявляю себе строгий выговор с последним предупреждением. В случае повторения подобного будут приняты самые решительные меры вплоть до публичного заключения собственной совести в макитру с тертым красным перцем.

О. В.

1955

Гиперболизаторы

Вот уж и не скажу, где именно это произошло — на Волыни, или около Волыни, или к западу от Волыни.... Все-таки, кажется, на Волыни.

Поднимали там в одном районе сельское хозяйство.

Поднимали круто. Комплексно поднимали.

Что такое комплексно?

Ну, это, понимаете, значит, поднимали так, чтобы все оно пошло вверх, все, всеми своими отраслями...

Не так, как говорится: «Хвост вытащил, нос увяз»,— а чтобы все вытащить и чтобы ничто не увязло.

А если конкретно, то это значит примерно не так, что зерно — в гору, а огороды — в нору... Молочное хозяйство — в гору, а свиноводство — в нору... Куры с яйцами, а пчелы без меда и т. д. и т. п.

Чтобы всюду было изобилие и, не краснея, можно было петь: «Щоб через вінця лилося...»

В преобладающем большинстве колхозов того района хозяйство действительно улучшалось, крепло, твердо становилось на ноги, радуя и колхозников и руководство.

Но оказались и такие колхозы, что... Да лучше послушайте.

Поднимают они сельское хозяйство, поднимают, дружно выкрикивая: «Раз-два, взяли!», «Раз-два, взяли!» Пот с них течет, но они не сдаются, и лица у них, так сказать, не очень грустные.

Ну, думают, достигли уже достигнутого.

— Стой, ребята! Перекур с дремотою!

Перекурили.

Тот из них, который за старшего был, и спрашивает:

— Достигнутое схвачено? Остановимся?

— Где вы, товарищи, видели, чтобы мы на достигнутом да останавливались? Да никогда на свете!

Пошли дальше...

В зависимости от обстоятельств они и двигали вперед. И повышали. И обеспечивали. И осваивали. И опирались на достигнутое. И внедряли опыт.

Несмотря на исключительно неблагоприятные условия погоды, а именно: весною — солнце и холодок, летом — жара, осенью — с деревьев падали листья и моросило, а зимой — шел снег, а то еще бывало так, что ливень польет, гром трахнет, молния блеснет, мороз ударит, особенно на крещенье,— несмотря на все это, мобилизовали внутренние ресурсы и, вскрывая недостатки и недочеты, поработали как следует, хорошо, можно сказать, поработали...

— Ну, кажется, передостигли передостигнутое.

И, откровенно говоря, несколько все же утомились.

Сидели, перекуривали. Без дремоты.

Настроение у всех приподнятое, прекрасное, в груди что-то распирало, дышалось глубоко и хотелось петь.

Спели, пора бы разойтись по домам, но радость не пускала, хотелось играть, бодаться, кувыркаться.

Кто-то и предложил:

— Давайте, ребята, развлекаться! Такую работу двинули вперед! Ей-бо, не грех! На радостях чего не захочется? Да и все ж мы свои...

— Давайте! — согласились остальные.

А один, который похитрее, вспомнив, как «круто они подняли хозяйство», предложил:

— Когда-то, в молодые годы, мы играли в такую игру: «Кто лучше соврет». Для развития фантазии! Интересно было! Чего только не повыдумываем! Давайте поиграем — может, отбрешемся.

Все согласились.

— Только не за так просто, не даром. А тот, кто проиграет, тот и купит... ну, немного... мы ж не на банкет собрались тут... Ну, пол-литра, не больше...

— Что, что? Что ты сказал?

— Да нет, товарищи, не подумайте, что я того... За кого вы меня принимаете?! По пол-литра... того... вот из головы вылетела.

— Не часто, должно быть, употребляешь?

— Да нет... Ага... По пол-литра... кефиру! О!

— Кефиру? Кефиру можно!

— Так... Ну, кто первый? Начинай ты, директор!

— А почему я?

— Ты же МТС! А механизация всегда впереди! Бреши!

— Ладно, пусть буду я. Так вот, товарищи! Отремонтировал я все тракторы, все комбайны, весь инвентарь... Механизировал все фермы, выкопал пруды...

— Ой, хватит! Ой, умрем со смеху!

— Дайте же доврать!

— Хватит! Ясно, голосование определит! Ври, Иван Иванович, ты!

— У меня средний надой на фуражную корову одиннадцать тысяч восемьсот сорок девять литров.

— С бугаями или без бугаев?! Го-го-го! Ха-ха-ха!

Сколько хохота было после каждого выступления! Захлебывались, хватались за грудь, за животы, слезы градом катились — так они хохотали.

Рассказ Петра Петровича о том, что он вывез весь навоз в поле, так рассмешил, что все чуть не лопнули со смеху: все знали, что он, дабы избавиться от навоза, приказал весь навоз побросать обратно коровам в загоны...

А Сидор Сидорович поднялся и произнес всего несколько слов:

— А у меня на фуражную корову надоено по двести пятнадцать литров за год!

— И все?

— Все!

— Так это же правда!

— Нет, враки! Да еще какие враки! Грандиозные!

— Какие же это враки?

— А вот угадайте!

Никто не угадал.

— Вот какие это враки! — победно посмотрел на всех Сидор Сидорович.— Я вам сказал, что у меня фуражные коровы. А какие они фуражные, если у меня для

них ни сенца, ни зернышка, ни свеклы, ни силосинки, одна соломинка, да и та несеченая?!

— Ну-ну?! А как же они на свете живут?

— Я и сам удивляюсь! Дохнут, а живут! Крепкая скотинка! Привыкла, втянулась и живет. Да еще и доится!

Первую премию за сверхгиперболизированную брехню единодушным голосованием присудили Сидору Сидоровичу.

— Ну, с нас, Сидор Сидорович, тебе по пол-литра кефиру. Получай деньгами! — бросили ему по полтиннику друзья.— Пей на здоровье! Перегиперболизировал ты нас всех!

— А вы куда?

— Куда? По домам!

Директор МТС моргнул Ивану Ивановичу:

— Заскочишь ко мне! Студень есть! С хреном! Без кефира! Только не мешкай!

. . . . . .

Закусывали, чокались и еще посмеивались: вон, мол, какие мы! Как умеем втирать очки!

И казалось, что краснел за них студень и злился хрен, думая:

«А если вас, лгунов, возьмут за хвост да на солнышко?!»

...Мы за предложение студня с хреном!

1955

Давайте не забывать!

I

В одном колхозе бригадирова жена каждую весну сажала у себя на огороде кукурузу.

И очень она о ней заботилась. Бывало и прорвет, и прополет, и землю разрыхлит, и пропасынкует, и такая у нее каждый год уродит кукуруза, что когда, случалось, бригадир придет домой после трудов праведных (ну, и работы! ну, и работы!) сильно уставши, до того, что не только ноги, а и язык у него заплетается, а жинка бралась за рогач или за скалку,— бригадир прятался в кукурузе.

Зайдет это он в кукурузу — и картуза на голове не видно, такая была кукуруза высокая, да пышная, да густая.

Жинка, бывало, стоит перед кукурузой, скалкой размахивает да надрывается:

— Только потопчи, ирод, мне пшенку, потопчи, я тебе, бабник окаянный, потопчу!

Вот какая каждый год вырастала у бригадира на приусадебном участке кукуруза.

Немного ее и сажали — всего несколько соток, а ведь и детям полные котлы молодых початков частенько варили (пускай детки полакомятся!), хватало и на мамалыгу, и на кукурузную крупу для каши, и на дерть...

И коровка зимой не голодала, и двух кабанов, «как солнце красное», каждый год откармливали.

А как созреет осенью кукуруза, обломают початки, бригадир не забывал напомнить жене:

— Ты же гляди мне, не кидай кукурузу сырую навалом, разложи на крыльце, на крыше, пускай подсохнет, проветрится, а тогда уже в ларь.

— Да что ты меня учишь? Без тебя знаю!

— А на семена отбери лучшие початки, хвостов не обрывай, свяжи пучками да повесь на жерди под стрехой, пусть на ветру подсушиваются, а к зиме на чердаке развесим... Семена — это всё!

— Бабе своей расскажи! — гневалась бригадирова жинка.— Смотрите, какой хозяин нашелся! Профессор! А кто каждый год так делает: ты или я? Взял бы да и сделал, а то только языком молоть умеешь!

— У меня и без твоей кукурузы дел хватает! Мне вон за бригаду отвечать, а ты хочешь, чтоб я еще и дома сам все делал? А ты на что? Барыня какая!

Грызлись-то они грызлись, оно так, однако по хозяйству все было справно, и семенная кукуруза сохранялась до весны початок в початок, зернышко в зернышко, без малейшего изъяна, сухая, звонкая, отборная...

Ну и всходила как полагается! Не было того, чтоб посаженное зерно не взошло весной!

II

Бригада нынешней весной посеяла квадратно-гнездовым способом на ста двадцати гектарах кукурузу.

Посеяли, ждут, как взойдет.

На всхожесть проверить то ли забыли, то ли не успели, то ли просто:

— А чего там ее проверять? Взойдет и так!

А она «так» и не взошла. Там стебель торчит, тут — другой... не кукурузное поле, а рябая корова: сплошь черные пятна.

И началось:

— Подсевай! Подсаживай!

— Я ж говорил, что надо было для подсадки в торфо-перегнойных горшочках кукурузу посадить!

— Говорил, да не посадил!

Бригадир руками размахивает:

— Не проследили с осени, какие початки на семена оставлены!

— А кто должен был проследить?
— Я, что ли?
— А разве я?
— А почему именно я?
— А почему же я? Мне что, больше всех надо?

И пошло, и пошло, и пошло...

Если бы от этих разговоров всходила кукуруза — ой, какая она была б высокая да обильная!

Засуетились:

— Гони, займем семян в «Звезде»!
— Спрашивал, в «Звезде» семян нету!
— Гони в «Победу»!
— Ездил, уже все!

Пока искали семена, ушло время, подсадили поздно...

Ну, а результат?

Что ж, скребли затылки! До того скребли, что рвы на затылках повыскребли.

И каждый:

— Я же говорил!
— Так я и знал!
— А почему не ты, а я?
— ...?!

III

Видите, как оно выходит — если дома, так не забываем:

— А в пучки связала?
— А на жерди развесила?
— А сухой ли в ларь ссыпала?

А если в бригаде, то:

— Я же говорил!
— Почему я? Мне что, больше всех надо?

Если своевременно не приготовить плетенок для кукурузы, одним словом, если кукурузу не просушить и хранить влажной, она утратит всхожесть, испортится...

Загодя надо обо всем этом думать...

И о плетенках для хранения, и о сушилках, и о силосных траншеях, и обо всем...

Чтоб потом рвы на затылке не выскребать!

1956

Р-р-раз!

В селе Пирогово есть колхоз.

Старики в том колхозе уже и не припомнят, когда это у них начали строить свинарник.

— Было оно,— говорят старики,— если память не даст соврать, еще тогда, как родилась Орыся, внучка, а то, может, и раньше. Орыся, внучка, вот и семилетку уже окончила, замуж собирается выходить, а свинарник... Да пускай лучше дед Павло расскажут, они постарше, им лучше знать, потому как они поближе к свинарнику живут... Расскажите, дед Павло, когда у нас взялись этот свинарник строить...

Дед Павло задумывается, попыхивает люлькой, вспоминает:

— Свинарник когда начали строить? Да не так и давно! После революции уже... Да, да, после революции... Уже как пошли это колхозы, так начался среди колхозников разговор, что, мол, неплохо бы для колхозных свиней свинарник построить... Кто тогда у нас за председателя колхоза был, я уже запамятовал... Помню только, что на общем собрании тот председатель стукнул по столу кулаком и сказал как отрезал: «Да я вам этот свинарник — раз-раз! — и готово!» После того председателя еще были председатели, и все они на собраниях говорили еще крепче: «Да я вам этот свинарник!! Да о чем там говорить?!»

— Ну, а дальше, дед Павло, как было дело?

— Да как? Так и было. Настал уже 1952 год, за председателя колхоза тогда был у нас Олекса Григорович. Дюже сурьезный председатель был! Как стукнул ку-

лаком по столу, да как крикнул: «Да я, товарищи колхозники, вам этот свинарник — да в один миг! Р-р-раз! — и свинарник!»

— Ну и как, дед?

— Ну, настал, значит, 1953 год. За председателя колхоза у нас тогда был Иван Дмитрович. Ох, и сурьезный же мужик Иван Дмитрович! Как стукнул он кулаком по столу, да как крикнул: «Свинарник?! Да мне, может, полтораста грамм опрокинуть труднее, нежели тот свинарник построить! Да я как возьмусь, как возьмусь...»

— Ну и как: взялся или не взялся?

— Да он было и взялся, даже вокруг свинарника походил было маленько, да, видите, настал уже 1954 год и председателем у нас в колхозе выбрали Ивана Евдокимовича...

— Ну, а Иван Евдокимович как?

— Иван Евдокимович дюже сурьезный председатель! Он как стукнет кулаком по столу, да как загремит: «Свинарник? Да мне тот свинарник, может, что семечки!! Р-р-раз!»

— И что же, вышло? Есть свинарник?

— Нету!

— Почему же нету?

— Да видите, каждый это председатель, что стучал по столу кулаком и кричал «Р-р-раз!», каждый бы мог построить, так нужно ж для постройки кирпича, нужно лесу...

— А разве кирпича нет?

— Да и кирпичный завод рукой подать, здесь-таки, в Пирогове, и наряды на кирпич есть, и делянка леса для строительства отведена, так надо же, чтоб кто-то этот кирпич привез, чтоб кто-то заготовил! Языком рррразкать каждый может, а надо не языком рррразкать, а дело делать надо!

— Так будет свинарник или не будет?

— Поживем — увидим! Может, найдется все-таки председатель, что не рррразкать будет, а работать!

— Ну, а свиньи как?

— Свиньи? Свиньи не рразкают, а мерзнут. Мерзнут да хрюкают! Сердито хрюкают.

1954

Ой ты, зимушка, зима...

1

Прапрадед мой чумаковал: в Крым за солью ездил. Как оно и надлежит чумаку — на волах. Это о моем прапрадеде в песне поется:

Занедужил чумаченко,
Упал и лежит,
Никто его и не спросит,
Гей, гей, что у него болит...

Мой прапрадед, еще до того как он занедужил, рассказывал своей сводной сестре, а та передала куме моей бабки, а кума — бабке, а бабка — моей тетке, а тетка — уже мне такую «сторию», причем бабка божилась и клялась, что все это чистая правда.

Когда аллах сотворил мир и кончил свою работу, наступила на земле весна, и на всех деревьях в земном раю стали распускаться почки.

И потянулось к побегам все, что только есть живое, на земле сущее: тот — одно хватает, тот — другое. Одним словом, никакого ладу. Аллах видит, что надо навести порядок, созвал он всех к себе и повелел каждому выбрать какое-нибудь дерево или цветок, чтоб потом только им и живиться. Мои предки тогда выбрали вишню...

Пришел и черт.

— Ну, что же ты, черт, выбрал? — спрашивает аллах.

Черт отвечает:

— Кизил.

— Ладно. Бери себе кизил,— усмехнулся аллах.

Обрадовался черт. Всех мол, обошел: кизил первым зацветает, значит, и созреет раньше всех. А первая ягода — дорогая ягода: повезет он свой кизил на базар, хорошо продаст, дороже всех.

Наступило лето. Стали созревать плоды: черешня, вишня, абрикосы, персики, яблоки, а кизил все зеленый. Твердый и зеленый.

Не зреет кизил. Вот уже красный стал, но, как и прежде, твердый и кислый.

— Ну, как твой кизил? — смеются люди.

— Дрянь, а не ягода. Не повезу на базар! Собирайте сами!

И вот поздно осенью, когда в садах сняли все плоды, пошли люди в лес и увидели ягоду, уже черную, очень сладкую и вкусную. Собрали и лакомятся, подсмеиваясь:

— Проворонил!

Черт крепко рассердился и решил отомстить людям.

На другую осень он сделал так, что кизила уродило вдвое, а может быть, и втрое больше, и солнцу, чтоб он дозрел, пришлось послать на землю гораздо больше тепла.

Обрадовались люди, что такой большой урожай кизила, не почуяли каверзы. А солнце обессилело за лето, и наступила такая холодная зима, что повымерзли все сады.

С тех пор осталась примета: если урожай на кизил — будет холодная зима.

2

Праправнуки моего прапрадеда ездят теперь в Крым не на волах.

Они ездят туда на «Победах», на прекрасных автобусах по асфальтовой трассе, в цельнометаллических вагонах по железной дороге либо летят на среброкрылых самолетах...

Ездят они в Крым не за солью, а отдыхать в чудесных санаториях и домах отдыха, набираться сил под целебными лучами животворного крымского солнца на берегу ласкового синего моря...

Да и Крым теперь не тот, каким был в те времена, когда долей людской ведал аллах с чертями. И люди уже не те, и порядки не те. Лучше, одним словом, порядки введены. Несравненно лучше. На расширение садов и виноградников линия взята. На картофель и овощи. На кукурузу. На развитие общественного поголовья скота. Многие председатели колхозов работают с перспективой, вперед то есть глядят. Корма́, к примеру, уже не на один год, а на целых два заготовляют. Лучшие колхозы с полевыми работами до Нового года управились, к весне готовиться начали.

Однако рассказывают нам, что будто бы и теперь еще попадаются среди председателей крымских колхозов люди, которые до сих пор не потеряли веры в великую силу крымского черта.

Такому председателю говорят:

— Товарищ! Зима на носу... А у вас еще кукуруза на поле, а у вас помещения для скота не отремонтированы, не утеплены, корма не подвезены, о силосе вы не позаботились. Как же вы зимовать будете?

А такой председатель отвечает:

— Зима будет теплая. Разве вы не заметили, что в этом году на кизил неурожай? Перезимуем!

И не знает того, что случилось с одним таким суеверным председателем.

Председатель этот, увидев, как мало уродило кизила, решил, что зима будет «сиротская», и к зиме как следует не подготовился.

Перезимуем, мол.

Однажды зашел председатель в закусочную, чтоб на досуге помечтать о перспективах развития хозяйства своего колхоза,— а такие председатели, как мы знаем, больше всего любят мечтать в закусочной. Ну, зашел, значит, он в закусочную, попросил пива — вот уж не скажу вам, просто ли пива или пиво то было для «прицепа»,— выпил кружку, выпил две и замечтался, и задремал, положив на стол голову. Ну, после трудов... Задремал, и привиделось ему, что весь колхозный скот смотрит на него и ревет... И так грустно, так печально ревет... Ревет крепко, однако на средних нотах. А потом бугай — не знаю уж с чего, то ли что-то вспомнил, то ли чего-то испугался — как взревет, точно из пуш-

ки выстрелил. Председатель как подскочит... Подскочил, а не может головы от стола поднять: волосы к столу примерзли; хотел отмочить пивом—пиво в кружке замерзло. Насилу официантка дыханием растопила.

Пришлось бежать в парикмахерскую, голову брить — так повыдергал волосы.

А какие были кудри!

И до сих пор, как вспомнит, трясется весь, сам себя казнит:

— И попутал меня сатана поверить в этот чертов урожай кизила.

Ведь не ограничилось дело потерей кудрей: вскоре, на отчетно-выборном собрании в колхозе, его председателем уже не выбрали.

Так-то на свете бывает...

. . . . . .

К зиме следует готовиться загодя.

1950

Кочевники

Новый год приближался. И январь стоял у порога. И вот-вот должно было состояться отчетно-выборное собрание в колхозе.

Председатель энского колхоза, энского района, энской области готов был встретить Новый год с радостью, с добрыми пожеланиями, с гусем и пирогами, с холодцом и чаркой, с гостями в своей семье, с нетерпением и энтузиазмом.

— Не много ли съедобного приготовили? — спросила его жена, окидывая хозяйским глазом закуски.

— Справимся! — пообещал председатель колхоза.

— И горло промочим! — добавил кладовщик того же колхоза, живший с председателем в одном доме и зашедший, чтобы кое-какие беспокоившие его вопросы выяснить.

А был он, этот кладовщик, нетерпеливым и потому начал нервничать:

— Чего это люди так медлят со встречей Нового года? Нельзя ли встретить его хотя б тридцатого декабря? К чему эти оковы старых традиций? Пора, как во всем, ломать отжившие нормы! Это во-первых! А во-вторых, надо же учесть, что пирогами уже запаслись, холодец застыл как следует! Может, гусь недожарен? Так и он дойдет, пока мы с холодцом справимся! Тридцатого бы нам и начать! Все б убедились, что мы Новый год активно встречаем, не по старинке! Не шалай-балай! Организованно, и с перспективой на будущее! Как по-вашему?

Жена председателя все же не согласилась:

— Нет, будем встречать, как все: тридцать первого декабря! А пока что могу вас огуречным рассолом попотчевать. Бесстыдники! Хоть бы день потерпели. А то ведь горлянки ваши совсем отсырели!

* * *

О предстоящем отчетно-выборном собрании председателю и кладовщику совсем не хотелось говорить,— ждали его без всякого энтузиазма. И никак не хотелось им ломать отжившие нормы...

— А как же все-таки с собранием будет? — высказался в конце концов помрачневший кладовщик.

— Как? — не менее печальным голосом ответил председатель.— А вот как: сначала рождество отпразднуем, Новый год встретим! Потом лошадей в арбу запряжем и все, что в хате — на нее! Да и в район покатим! Потому что вряд ли я после собрания тут удержусь!

— Это понятно! Ведь с мая — ни одного собрания. А ведь хозяйство...

— Не напоминай мне про хозяйство! — отмахнулся председатель.

— А сколько выпито! И чуть ли не весь колхозный склад слопали! А ведь ревизии не миновать,— ныл кладовщик.

— Помалкивай! Без тебя найдутся охотники критиковать!

— Вы — в район. Я ж знаю: район вас опять куда-нибудь порекомендует! Как и в прошлом году. В одном месте провалитесь, в другом всплывете на поверхность. А мне куда податься?

— Устроюсь... к себе заберу!

— Со складом?

— Склад и там найдется!

— А не знаете, в какой колхоз вас повезут?

— Как тут угадаешь? Где примут. Народ сильно почерствел нынче. А все же куда-нибудь пихнут.

— Пихнут непременно. Руководство у нас в районе энергичное!

— В общем, не тужи!

* * *

Написали мы об этом и прочли знакомому колхознику. Случается ли подобное на белом свете? Он сразу:

— Это же вы про голову колхоза «Жовтень», что в Таращанском районе, на Киевщине. Это ж Потеряйко!

— Неужто?

— Факт! Районное руководство именно так и возит его из колхоза в колхоз! Вытурят его из одного колхоза за развал хозяйства,— тут же в другой сватают! Из другого прогонят,— в третий везут! Вот и кочует с места на место. В прошлом году в «Коммунисте» был, а в этом уже в «Жовтне». И живет он у кладовщика, и со склада все без ордеров берет. Прямо не в бровь, а в глаз!

— Так может, в районе ничего про него не знают?

— Знают! Все знают, и сами-то возят его!

* * *

Убедившись, что знакомый колхозник хорошо осведомлен, мы спросили его:

— И в других районах такое бывает?

— Случается. Реже, но, к несчастью, и в других районах такое бывает,— ответил мудрый колхозник.

— Что ж делать?

— Сам о том думаю,— сознался собеседник.— Надо полагать, что народ образумится. Ведь слухи про таких кочевников катятся по селам, как перекати-поле. Перестанут принимать путешествующих колхозных вожаков. Что тогда делать? — Колхозник лукаво усмехнулся.— Надо бы организовать межрайонный обменный пункт для таких председателей! Чтоб район с районом ими обменивался. Можно и в придачу давать...

— Какой вы изобретательный!

— И хорошо будет,— подмигнул колхозник,— если директором такого обменного пункта назначат областного прокурора!

— Ох, и молодчина же вы! — искренне воскликнули мы, пожимая руку мудрому собеседнику.

1949

Несчастная любовь

Иван Федорович Мороз и Вера Ивановна Снежко только что окончили сельскохозяйственный институт, и теперь Иван Федорович Мороз — агроном, а Вера Ивановна — зоотехник.

Здесь как раз уместно было бы описать, какие у Веры Ивановны косы, какие глаза, какая у нее чудесная душа, а у Ивана Федоровича — какие густые и красивые волосы,— они даже вьются! — и какой он, Иван Федорович, стройный, широкоплечий и сильный, какой мужественный, и как они поют на два голоса, и как, одним словом, Ваня любит Веру, а Вера — Ваню,— такую бы симфонию развести, да нельзя их задерживать, им надо в МТС ехать, ведь колхозы ждут специалистов.

Симфонией мы займемся в другой раз, а сейчас ограничимся сообщением, что они, получив дипломы, сразу же отправились в загс, расписались, крепко поцеловались (им, между прочим, и до этого случалось целоваться) и стали упаковывать чемоданы...

Упаковались, еще раз поцеловались и поехали на вокзал. На другой день к полудню они были уже на станции, от которой до МТС пятнадцать километров.

На станции к ним подошел дедок в свитке, с кнутиком (не свитка с кнутиком, а дедок!) и спросил:

— Вы, случаем, не в МТС? Здравствуйте!

— Здравствуйте, дедушка! — отвечали Иван Федорович и Вера Ивановна.— Да, мы в МТС!

— Так скорей садитесь, а то она не стоит!

— Кто не стоит, дедушка?

— Кобыла! Она у нас норовистая.

Иван Федорович и Вера Ивановна живо подхватили чемоданы и — к повозке.

Уселись, дед щелкнул кнутиком:

— Но!

Поехали.

— Так кто ж вы такие будете? — спрашивает дед.

— Я агроном,— отвечает Иван Федорович.

— А я зоотехник,— говорит Вера Ивановна.

— Так мне и сказано! Поедешь, сказано, и заберешь на станции специалистов: агронома и зоотехника. Значит, угадал. Но, ты, мадама! — щелкнул кнутиком дед.— Да... Завертелось у нас теперь! Ох и завертелось! В каждом колхозе, сказано, будет и агроном, и зоотехник, и ветеринар... Культурно, сказано, хозяйничать будем! По науке... Только я вас упреждаю: не знаю, как вам, агроному, у нас будет, а вот вам, зоотехнику, трудновато придется... Да...

— А почему трудновато, дедушка? — вспыхнула Вера Ивановна.

— А потому трудновато, что вы вроде женщина, а бугай у нас дюже строгий. Дьявол, а не бугай!

Вера Ивановна громко рассмеялась.

— А вы не смейтесь! Он, ирод, как сорвался тут в воскресенье с цепи, а я как раз шел к Пилипу, к Кануперу,— кумом он мне доводится, он в субботу кабана заколол,— так бугай, ирод, как выскочит из коровника, как заревет, а потом меня увидел и на меня. Бежит, хвост бубликом, ревет. Ну, думаю, ни печали мне, ни воздыхания... Глядь, а у Олениной хаты лестница стоит — Олена в субботу трубу мазала,— я по лестнице на хату... Он подбежал да лестницу лбом — хрясь! А я уже за трубу держусь... Лестница — пополам, стоит ирод у хаты, передними ногами землю роет и ревет... Часа три я аистом на хате сидел, а Илько, что к бугаям приставлен, куда-то аж на тот конец к дочке ушел. Вот так и сидел я, за трубу уцепившись, до той самой поры, пока Илько не вернулся да не загнал его, ирода, в коровник. Да еще смеху было, когда без лестницы с хаты слезал. А все через ту ребятню. Посбегались и командуют: «Вы, дедусь, надуйте штаны да вроде как на парашюте...» Вредная детвора, все

она теперь знает, что там за парашюты, что там за ракеты, что за атомы... Ничего от них не скроешь... Да... Доплелся это я до Пилипа Канупера, до кума, а там кендюх уже поели, литру выпили, кума спит, а кум сидит да «Ах, не вейтесь, черны кудри» распевает... Вот вам и бугай! А вы смеетесь! Народ у нас в колхозе — хороший народ, с людьми вы сразу столкуетесь, а вот с бугаем — дело серьезное...

— Ничего, дедушка, я и с бугаем как-нибудь договорюсь,— засмеялась Вера Ивановна.

— Договоришься с ним, с дьяволом, когда он ревет, как... У нас когда-то дьякон вот так ревел. Как рявкнет, бывало, апостола, так юбки у молодиц, словно от ветра, хлопают. Ну, дьякон хоть ногами не бил, а этот ревет и ногами землю роет... Черт, прости господи! Одним словом, как говорится, животноводство! Но, ты, замечталась! — крикнул дед на кобылку.— А знаете, как нашу кобылку зовут?

— Как, дедушка?

— Новелла! Был у нас тут один, как бы сказать, не зоотехник, а вроде практикант, все стишки писал. Новеллою лошадку прозвал. А что оно такое, я уж вам и не скажу.

— Это из литературы, дедушка! — объяснил Иван Федорович.

— Могло быть! Дюже норовистая и дороги не держится. Могло быть... Ну, вот и наша МТС... Как бы сказать, и доехали...

В отдалении раскинулась обширная усадьба МТС.

Директор МТС встретил Ивана Федоровича и Веру Ивановну очень приветливо:

— Вот и хорошо, что приехали! Заполняйте анкеты и жарьте в колхоз «Звезда». Там и работать будете вместе. Чтоб вас не разлучать, молодую чету, мы вас обоих в «Звезду» и назначили.

Он тут же сказал деду:

— А вы, дед, подождите! Отвезете специалистов к себе в «Звезду». Они у вас и работать будут.

— Да мне об том уже сказано! — отвечал дед.

До «Звезды» от МТС двенадцать километров.

Председатель колхоза уже поджидал молодых специалистов — директор МТС позвонил ему, что они выехали.

Колхоз тоже очень радушно принял Ивана Федоровича и Веру Ивановну. Их уже ждал отдельный домик из двух комнат.

— Рад приветствовать вас, как говорится, в вашей хате,— сказал им председатель колхоза.— Устраивайтесь. Будем работать. В час добрый. Только вот что, дорогие товарищи, вы приехать не успели, а вас уже ждут телефонограммы — одна из МТС от главного зоотехника, а другая из райсовета. Завтра в десять часов агроному надо быть на совещании в райисполкоме, а зоотехнику в МТС. С утра и выезжайте.

— Да мы же с хозяйством еще не ознакомились...

— Приказ, товарищи, есть приказ!.. Очевидно, там, в районе и в МТС, вам дадут директивы, как вам тут у нас следует хозяйничать.

На другой день Иван Федорович рано утром выехал в район, а Вера Ивановна в МТС.

В районе проходило совещание колхозных агрономов. На повестке стоял вопрос «Подготовка к весенней посевной кампании».

Первое слово председатель предоставил агроному колхоза «Звезда» Ивану Федоровичу Морозу.

— Только вы, товарищ Мороз, докладывайте поподробнее, поделитесь своим опытом.

Иван Федорович поднялся и сказал:

— Я только вчера вечером приехал в колхоз «Звезда», еще не успел и по колхозу пройтись,— вот и весь мой опыт.

— Так... Ну, тогда послушайте других, набирайтесь опыта у товарищей.

Четыре дня заседал Иван Федорович в районе.

А Вера Ивановна в это время работала в МТС.

— Вот и отлично, что приехали,— встретил ее главный зоотехник МТС.— Ну, как там у вас, в «Звезде», с коровами? Обеспечены ли вы племенными производителями?

— Я только вчера приехала в колхоз, еще не успела и на ферме побывать, но слышала, что в колхозе есть какой-то очень строгий бугай. Дед-возница расска-

зывал... Вот и все, что я знаю о производителях в «Звезде»,— ответила Вера Ивановна.

— Ну, ладно! Директив тут и циркуляров разных скопилась целая гора. Садитесь да под копирку и переписывайте, нужно по колхозам разослать...

Пять дней Вера Ивановна переписывала в МТС бумажки.

Когда она возвращалась домой, встретилась с Иваном Федоровичем, которого вызывал в МТС главный агроном.

Встретились в дороге, поздоровались.

— Ты домой? — спросил Иван Федорович.

— Домой! — ответила Вера Ивановна.— А ты?

— А я из дому! В МТС вызывает зачем-то главный агроном.

— Надолго?

— Не знаю.

— Ну, не задерживайся! Возвращайся скорее! А как там у нас на новоселье? — полюбопытствовала Вера Ивановна.

— Ну что я могу сказать? Вчера поздно вечером вернулся из района, а сегодня утром уже вот еду в МТС... Спалось ничего.

Когда Иван Федорович вернулся через несколько дней из МТС, он не застал Веры Ивановны дома, в колхозе «Звезда»: ее вызвали на совещание в район.

А когда возвращалась Вера Ивановна из района, она встретила Ивана Федоровича: теперь он ехал в район на очередное совещание...

А когда вернулся Иван Федорович в «Звезду», Вера Ивановна выехала в МТС: опять все колхозные зоотехники переписывали очередную порцию низвергавшихся потоком директив и циркуляров.

Приехала Вера Ивановна в «Звезду», а Иван Федорович выехал в МТС — по дороге они разминулись.

Вечером Вера Ивановна пошла в правление и позвонила по телефону, вызвала Ивана Федоровича.

— Я слушаю! — подошел к телефону Иван Федорович.

— Это я говорю, Вера!

— Что случилось, Верочка?

— Ваня! Ты меня любишь? Скажи хоть по телефо-

ну. Встретиться нам, очевидно, не придется... Любишь, Ваня?

— Люблю, Веруся, очень люблю! Еще, должно быть, на неделю директив переписывать! Ей-богу, люблю!

Вера Ивановна пришла домой грустная, уселась на крылечко и запела:

Такая уж доля... О боже мой милый,
За что, молодую, караешь ее?

. . . . . .

— Чего ж невеселую? — остановился у ворот дед-возница.— Доброго вам вечера! Председатель просил сказать, что вас завтра в район вызывают! Я вас на Новелле и отвезу. Закручинились? А вы не горюйте. Было и со мною так смолоду. Поженились мы, а я тут и загулял... То на хутор, то на другой конец... Глядела моя Оришка, глядела — да за макогон: «Это ж доколе я одна зорю встречать буду?» Бить, как бы сказать, не била, а раза три здорово промеж лопаток вытянула. Такая потом любовь пошла...

— Тогда, дедусь, циркуляров не было!

— Правда, не было. Чего не было, того не было! Циркулярами не замахивалась! Макогоном было, а циркулярами нет! Что нет, то нет!

Утром Вера Ивановна выехала на Новелле в район...

А вечером вернулся Иван Федорович. Присел на крылечке, да и запел:

Ой, я несчастный,
Что буду я делать?
Полюбил дивчину...

Соединятся ли когда-нибудь наши молодожены — Иван Федорович и Вера Ивановна?

Поживем — увидим...

1954

Как дохнет, так и соврет

I

Когда в колхозе стало известно, что к ним едет ответственный работник из области, руководство колхоза не очень встревожилось.

Председатель в том колхозе был сообразительный, и он сразу уверенно и категорически заявил:

— Выкрутимся! Вы только,— обратился он к членам правления,— не вырывайтесь поперед батька! На все вопросы буду отвечать я сам!

— Интересно знать, зачем он едет? — тяжело вздохнул завхоз.

— Зачем? Зачем? Ты что, не знаешь, зачем к нам из области или из центра ездят?! Перед весною — готовы ли мы к весеннему севу? Летом их беспокоит уборочная! Осенью — корма для скота! Знаем, зачем!

— А если культпросветительной работой поинтересуется? — испуганно спросил секретарь парторганизации.

— Да где ты видел, чтобы культурно-просветительной работой интересовались?! — успокоил его председатель правления.

— А помните, три года назад начальник областного управления сельского хозяйства клубом поинтересовался, а у нас как раз в клубе телята были изолированы?! Такую суматоху поднял...

— Так его же тогда хотели назначить главным агрономом нашей МТС, он и примерялся: подойдет ли клуб ему под квартиру...

— Так-то оно так, но береженого и бог бережет!

— Это правильно! Вот что. Ты на всякий случай скройся: мы скажем, что уехал в соседний колхоз проверять, как идет соцсоревнование!

— Ну, а зачем же все-таки он едет? — не успокаивался завхоз.

— Зачем едет? Зачем едет? За чем нужно, за тем и едет! Не скули! По местам! И — молчок! Выкрутимся! — скомандовал председатель.

II

Представитель из области прежде всего поинтересовался семенными фондами.

— Сколько,— спросил он,— кукурузы вы сеяли в прошлом году?

— Триста! — буркнул председатель.

— Сколько, сколько? — переспросил представитель.

— Двести! — выпалил председатель.

— Так сколько — двести или триста? — не отставал представитель.

— Двести тридцать,— не моргнув глазом, рубанул председатель.

— Так что же это такое? — начал сердиться представитель.— Вы что, не знаете, сколько посеяли в прошлом году кукурузы?!

— Как не знаем?! Да у нас все по плану расписано! И по севообороту! Мы взяли обязательство план выполнить и перевыполнить! Бригада вызвала на соревнование бригаду, звено — звено. Были звенья, что по двести процентов давали с энтузиазмом! План мы перевыполнили с честью! Запланировали посеять триста гектаров в сжатые сроки на высоком агротехническом уровне! Посеяли двести тридцать гектаров квадратно-гнездовым способом, но на достигнутом не остановимся! — тараторил председатель.

— Погоди! Погоди! Значит, вы в прошлом году посеяли кукурузы...— начал было представитель из области.

Председатель его перебил:

— Кукуруза — это сало, мясо, молоко! Молочно-восковой спелости!

— Ну и трудно с вами! — бросил представитель.

— Но мы перед трудностями не пасуем! — перебил его председатель.— Мы хорошо знаем, что только комплекс передовых агротехнических мероприятий, передовой опыт с последними достижениями агрономической науки дадут нам как на сто гектаров пахотной земли, так и на сто гектаров всех угодий! Зябь!

Представитель махнул рукой.

— Где ваши семена? — спросил он.

— Семена? Какие семена? — насторожился председатель.

— Ну, хотя бы кукурузные! — сказал представитель.

— Кукурузные? Семена — основа всякого урожая,— начал председатель.— Семена следует хранить в соответствующих условиях, перед севом протравлять, заблаговременно проверив их на всхожесть! Кукурузу лучше всего сеять гибридными семенами! Гибридные семена — это гибридные семена, а негибридные семена, так они все-таки негибридные семена...— заливался председатель.

— У вас какие семена? — спросил представитель.

— У нас? — переспросил председатель.

— Ну да, у вас! — подтвердил представитель.

— У нас? У нас... Кукурузные у нас семена!

— Гибридные или негибридные? — поинтересовался представитель.

— У нас? — переспросил председатель.

— Ну да, у вас! — подтвердил представитель.

— Гибридные семена дают прекрасные урожаи! Посеянные квадратно-гнездовым способом, с последующим разрыхлением вдоль и поперек, они...— понес председатель.

— А можно поглядеть? — перебил представитель.

— Что? — переспросил председатель.

— Семена! — ответил представитель.

— А вы какими семенами интересуетесь? — спросил председатель.

— Кукурузными! — ответил представитель.

— Гибридными или негибридными? — спросил председатель.

— Какие есть! — ответил представитель.

— Нету...— сказал и сразу осекся председатель.

— Как нету? Вы же сказали...— удивился представитель.

— Я сказал, что тут нет! Поблизости нет! Они у нас хранятся в четвертой бригаде, а бригада далеко, километров...— поспешил председатель.

— Ничего, поедем! — поднялся представитель.

— Не доедем! — замотал головой председатель.— Мостик там через реку разобрали. Как раз исправляем! Машина не пройдет.

— Запрягай лошадей! — приказал представитель.

— Не подкованы! А оно, видите, гололедица. Как бы лошадей на части не разорвало! Лошади горячие! Кукурузные лошади! Молочно-восковой спелости...

Долго глядел представитель на сообразительного председателя, но еще дольше потом записывал что-то себе в блокнот.

III

Но больше всего и мороки и страха испытал председатель, когда дело коснулось откорма свиней на мясо.

— Как у вас с поголовьем свиней? — спросил представитель.

Председатель колхоза начал весело и без остановки:

— План поголовья свиней у нас выполнен и перевыполнен. Свиноматок мы имеем семьдесят, хряков — пять, все свиньи миргородской породы и дают только деловых поросят.

— Сколько? — перебил представитель.

— Чего? — переспросил председатель.

— Поросят! — объяснил представитель.

— Какими вы интересуетесь: свиньями или кабанчиками? — спросил председатель.

— Деловыми! — объяснил представитель.

— Поросята у нас миргородской породы, рябенькие! Свинки рябенькие, и кабанчики рябенькие! Свинка идет на свиноматку, а кабанчик, если его не кастрировать, так он пойдет на хряка... Хряки у нас деловые, очень деловые...

— А про разовых свиноматок слышали? — перебил представитель.— Сколько в этом году будете иметь разовых свиноматок?

— Разовых? — опешил председатель.

— Ну да, разовых! — подтвердил представитель.

Председатель такого не слышал, расстроился, и у него невольно вырвалось:

— Эх, раз! Еще раз! Еще много-много раз!

— Нет, это не то! — улыбнулся представитель.— Разовые свиноматки — это когда молодых маток спаривают один раз, получают приплод, а потом их ставят на откорм. Этим самым вы, расходуя значительно меньше, чем на постоянных свиноматок, увеличиваете выход деловых поросят. Слышали про такое?

— Слышал, слышал, разумеется! — брякнул председатель, хотя и понятия не имел о разовых поросятах.— Но мы считаем, что все-таки многостаночные свиноматки выгоднее...

— Какие, какие свиноматки? Многостаночные? Что это за штука, такого не слыхал! — засмеялся представитель.

Но председатель, увидев, что засыпался уже по самые уши, замолчал...

IV

Председатель наш, как видите, не выкрутился.

Но многие еще выкручиваются! Выкручиваются они там, где контролеры или сами не очень сильны в сельском хозяйстве, или при проверке не докапываются до корня дела, и сообразительные врали, что называется, заговаривают им зубы.

1956

Дедов прогноз

Случилось это в субботу вечером, под воскресенье, а может, в пятницу вечером, под субботу,— это, право, не так и важно. Главное, случилось это зимой.

Немало уже выпало снега, а он все еще идет и идет.

Председатель одного колхоза Махтей Федотович приказал сторожу:

— Позови-ка мне деда Тимоша!

— Которого? — спрашивает сторож.— У нас два деда, и оба Тимоши.

— Глухого.

— Так они ж оба глухие.

— Разве и второй уже оглох?

— Оглох. Еще летом, когда буря была. Вот тогда так страшно громыхнуло, что он и оглох.

— А я и не знал,— говорит председатель.— Ты мне того позови, который уже давно не слышит.

— Так его, пожалуй, и с печи не стащишь. Он никогда с нее и не слезает.

— А ты не тащи, а ладненько к нему, ладненько. Скажи, что председатель, мол, просит в правление пожаловать. Дело, мол, важное есть.

Пошел сторож кликать деда Тимоша. Известно, в хате он только одного его и нашел. Лежит, конечно, дед на печи.

— Доброго здоровья, дедушка!

— Га? — спрашивает дед Тимош.

— Здравствуйте, дедушка! — кричит что есть силы сторож.

— Ага! — отвечает дед Тимош.

— Голова, Махтей Федотыч, просит в правление пожаловать! — надрывается сторож.

— Что скажете? — спрашивает дед Тимош.

— Голова правления кличет. Голова! — кричит сторож, посинев от натуги.

— Голова, говорите? — переспрашивает дед Тимош.

— Эге! Голова, председатель, значит...

— Голова, говорите? Нет, голова не болит. Ноги гудят да в пояснице колики. А голова — нет. Голова у меня — ого!

Долгонько пришлось сторожу разговаривать с дедом Тимошем, покуда тот уразумел, чего от него хотят.

В конце концов спустился дед Тимош с печи, надел все, что дедам полагается надевать зимой, взял палку и вышел из хаты.

— Что это так белеет кругом? — спрашивает дед.

— Снег, дедушка,— отвечает сторож.

— Га? А по-моему, снег. Когда же это насыпало его столько? Я в покров, помню, на завалинке сидел, так никакого снегу еще не было.

— Правда, дедушка, в покров еще не было,— подтвердил сторож.

— Э, ты мне не говори! Я говорю, что не было! Не было, не было! Я все помню. Чтоб я да не помнил? Ого-го!

Председатель правления Махтей Федотович очень приветливо встретил деда Тимоша:

— Здравствуйте, дедушка! Садитесь! Что-то вы давненько к нам не заглядывали!

— А?

— Не заходили, говорю, давненько!

— Так, так, живу помаленьку.

— Заходить к нам, говорю, перестали.

— Да, внуки повырастали, все уже повырастали.

Помолчали.

— Дедушка,— обратился Махтей Федотович к деду Тимошу,— немало вы на свете прожили. Как, по-вашему, ежели вот так снегу выпадет много: к урожаю это или к неурожаю?

— Га? — переспрашивает дед Тимош.

— К урожаю или к неурожаю, ежели снегу много? —

кричит Махтей Федотович в ухо деду Тимошу.— Если много снегу, говорю!

— Снегу, говорите?

— Ага, снегу!

— Про снег, говорите? На покров не было. Что не было, то не было!

— Да я не про то, я про урожай! — надрывается Махтей Федотович.— Ежели снегу много, то к чему это: к урожаю или к неурожаю?

— Га? — снова переспрашивает дед Тимош.

Наконец с помощью всех присутствующих Махтею Федотовичу удается втолковать деду Тимошу, чего от него хотят.

— Ага! Так бы и говорили,— кивнул головой дед Тимош.

— Ну, так как, по-вашему, дедушка?

— К урожаю это, к урожаю, говорю! Потому, как, помнится, когда еще покойный мой батька вернулся домой из-под генерала Скобелева, так снегу было по пояс, если не выше. Ух, и снегу ж того было! Ух, и снегу! Выйдешь, бывало, извиняйте, из хаты, так потом дверь не открыть, хоть плачь, так снегом заваливало! Был у нас пес, Серком прозывался. Злющий был кобель. Таких кобелей нету теперь. На цепи сидел. И покойный батька его к верхушке дерева привязал, чтоб в снегу не утоп. Так, помню, в то лето такие арбузы уродились. Ох, и арбузы! Таких теперь не бывает. Самый меньший, что решето. Ты к нему еще и ножиком не притронулся, а он — хрясь. И как жар! С той поры и покойный батька мой такую примету запомнил и мне сказал, чтоб не забывать, что ежели снегу много, так это беспременно на урожай...

— Ну, спасибо вам, дедушка,— говорит Махтей Федотович,— спасибо за совет. Большое спасибо. Устали, видно, так идите с богом!

— Как говорите?

— Спасибо, говорю, идите с богом.

— Так, так, где боком, а где и прямиком пройду... Будьте здоровы!

Спустя несколько дней Махтей Федотович собрал членов правления и актив колхоза.

Обсуждали план подготовки к весеннему севу. Долго высказывались. В конце заседания Махтей Федотович заявил:

— Словом, нечего вам волноваться. Дед Тимош ясно сказал: ежели снегу много, то это определенно к урожаю. Коли снег есть, значит, выскочим.

А мы Махтею Федотовичу вот что скажем:

— Махтей Федотович! Передайте деду Тимошу низкий поклон за его долгую трудовую жизнь. Постарайтесь, чтобы ему было тепло на печке. И не заставляйте деда без надобности слезать с нее. На приметы иногда обращать внимание надо. Однако наилучшая наша советская примета — настоящая борьба за урожай. Для этого следует своевременно и хорошо провести сев. Для этого нужно... Однако об этом лучше всего сказано в постановлении партии о подъеме сельского хозяйства. Вот на это постановление и обратите внимание и выполняйте его.

Тогда наверняка «выскочите»!

1947

«Спринтер»

Дед Свирид сидит на завалинке весь красный, аж синий. И дышит так это быстро-быстро: ху-ху-ху-ху!

На мое «пошли боже здоровья» ответил как-то так резко, что я невзначай даже назад отступил.

— Дышу, стало быть, здоров!

— Больно шибко дышите-то!

— Задышишь!..

— Что это вы,— спрашиваю,— господь с вами, будто никак и не отдышитесь?

— Деда своего вспомнил!

— Тяжел, видать, дед у вас был, коли при одном лишь воспоминании о нем отдышаться не можете.

— Не тяжел, а правильный.

— Оттого не отдышитесь, что правильный?

— Правильный, потому как... вожжой стегал.

— Кого?

— Бабу!

— Да что с вами?

— «Я,— говорит,— ни в жизнь ей «брешешь» не сказал, а так, каждое утро вожжами огреешь, в хате и тихо».

— Кто? Кого? Какими вожжами?

— Дед мой. Бабу свою. Ременными.

— Ничего не понимаю.

— Пойдите на луга, тогда поймете!

— Нет, дидусю, вы сегодня какой-то не то сердитый, не то озабоченный... Вы мне толком скажите, что случилось?

— Не скажу.

— Секрет?

— Такой секрет, что едва убёг...

— От кого?

— От женщин!

— Ну что ж,— говорю,— человек вы еще не старый, вам же только восемьдесят девять... Природа требует... Однако ж, дидусь, любишь кататься — люби и саночки... того... А от чего же так бежали? Что вас напугало? Ревности какие, али страсти огонь?

— Мантáчка![1]

— Брусочек? Ну, дидусь, час от часу с вами не легче!

— А мне, думаете, легко? Псаломщиково глинище знаете?

— Знаю.

— Перемахнул... Лет с пятьдесят так не прыгал...

— Можно ведь было обминуть!

— Поймали бы! Благодарение богу, юбки нынче узкие пошли! Будь на Ганне широкая юбка, не убёг бы! А то сподничка узкая, разлету мало, не перепрыгнула глинище — упала. А у меня, как говорится, динамика без юбки...

— Нашли с кем любезничать, с Ганной! Ганна — женщина строгая. Бригадир.

— Да что вы мне всё «природа требует», «любезничать»... На лугу были?

— Был.

— Кто косит, видали?

— Видал. Женщины косят.

— Ну, вот и я был! Веками и тысячелетиями косовица — мужское дело. А нынче вишь куда завернуло? Женщина с косой в руках! Не только на голове коса, а и в руках! И при косе — мантáчка. Поняли? Ну, пришел. Подшутить вздумалось. «Здравствуйте,— говорю,— косарики-сударики!» «Здравствуте!»— отвечают.

Сел, закурил. Наблюдаю.

«На пятку,— посмеиваюсь,— налегай на пятку!!!»

А Ганна мне: «Вы бы,— говорит,— диду, чем насмехаться, лучше бы на рядно в садку налегали да на подушку!»

---

[1] Мантáчка — брусок для заточки косы.

А я ей: «Коли уж взялась косить, то и штаны б надела!»

Эх, как вскипит Ганна: «А ну, девчата, мантáчек деду!»

— М-да... Говорю вам, лет уже с пятьдесят так не бегал! Добро, луга от огородов неподалеку...

— На короткую, значит, дидусь, дистанцию бежали... Спринтер вроде...

— Как говорите?

— Спринтер, говорю,— это когда на короткое расстояние.

— Да, не на долгое: сразу, за огородами. А таки не спринтил — убег! Хотя и захекался, не отдышусь...

— Да то они, дидусь, пошутили...

— Э, нет! Косят исправно! Кабы и мантачек так дали, как косят, плохи были бы шутки! Только вы того... Не говорите никому: засмеют...

— Засмеют — это не беда, а вот ежели дознаются, что столь уже прытко бегаете, в футбольную команду заберут. Ну, может, не форвардом, так хоть голкипером.

— Да, теперь так... Сильное нынче движение... Внучка моя Ярина — девятнадцатый ей пошел — в зенитчицах! Все чисто перевернулось. Арба вроде колесами вверх, а грядками по колее. И едет! И как еще едет! Да что там говорить: женщина — хорошая вещь, но при строгости с нею. И чтоб без мантáчки!

— Ну что ж, дидусю, молчок так молчок!

— Вы не подумайте, что я этим, как его, гвалткипером, что ли, не хочу, дезертирую, вроде... Раз надо — так надо! Только сами ж видите, какое движение. Женщина вся в косарях, а если еще и меня заберут, с гусятами тормоз Вестингауза выйдет. Гусята, того и гляди, вылупливаться начнут, а говорил зоотехник, что не просто себе вылупливаться будут, а массированное пойдет вылупление... Выпасу гусят, тогда можно еще какой годочек гвалткипером побегать. Для народу... А пока что ни гугу!

— Молчу, дидусь!

...Молчите и вы!..

1944

«В воскресенье пью, пью...»

В колхозе «Зеленая верба» первое заседание правления совместно с колхозным активом для обсуждения дел подготовки к весенней посевной кампании назначили было на шестое января.

Председатель правления приказал счетоводу:

— Ты ж мне все там приготовь как следует! Чтоб все мне было распланировано, чтоб и цифры мне все были как на ладони! Я сделаю доклад по всему колхозу, а бригадиры доложат каждый по своей бригаде! Дополнят, так сказать, меня! Во! Всем бригадирам до шестого провести побригадные совещания со звеньевыми! Чтобы каждое звено знало, где, на какой делянке и что именно, какую культуру сеять будет! Во! Дело очень важное! Да чтоб навоз на поле возили! Где есть хоть немного снегу, чтоб снегозадержание сделали!

Было это третьего января.

— Думаю,— сказал председатель,— что до шестого и ты и бригадиры успеют все это сделать. А завтра я в район съезжу, надо в районе кое-что там наладить да посоветоваться.

Счетовод начал готовиться к заседанию.

И бригадиры начали готовиться к заседанию.

А председатель правления поехал в район кое-что там наладить да посоветоваться.

Вдруг пятого января председатель звонит по телефону счетоводу:

— Степан Степанович?

— Я, Прохор Прохорович!

— Тю на нас с тобой!

— А что такое?

— На какое число мы заседание по поводу весеннего сева назначили?

— На шестое!

— А свят-вечер у нас когда?

— Ах ты ж! А я и забыл, Прохор Прохорович!

— Ну, пускай я, как председатель, замотался, а тебе следовало бы помнить!

— Да понимаете, Прохор Прохорович, ну как затменье нашло! После встречи Нового года до сих пор рассол пью!

— Отложи!

— А на когда?

— Высчитай! Свят-вечер да три дня праздников... А потом сочельник, крещенье... Выходит, значит, после девятнадцатого! Давай, чтобы уж наверняка и чтобы не откладывать еще раз, на двадцатое!

— Добре, Прохор Прохорович! Ну, как там в районе?

— Ой, тут у Секлеты Федоровны такой первач, что куда нашему?! И сейчас вот трубка из рук выскакивает... Мы так еще не научились! Бывай! Приеду шестого к вечеру, чтоб как раз на кутью!

Откутьевали, отпраздновали и открещеньились зеленовербовцы и начали готовиться к совместному с колхозным активом заседанию двадцатого января.

А девятнадцатого января, как раз на крещенье, заходит к председателю правления кладовщик.

— Здрасьте! С крещеньицем!

— И тебя также!

— Так просю ж вас, Прохор Прохорович, завтра обязательно ко мне на свадьбу!

— Тю! С кем?

— С Ганной Нелатаной из Гусиной Балки!

— Так чего ж до сих пор молчал?

— Да молчал, думал откручусь, не вышло! Надо записуваться, а то того... А девка строга... И по кладовой понимает, что там по ордеру и что без ордера...

— Так у нас же завтра заседание правления вместе с колхозным активом... Отложи свадьбу!

— Нельзя, никак нельзя, Прохор Прохорович, бо кабана заколол, сваты и родичи приедут, а найглав-

нейшее, как бы свадьбу вместе с крестинами гулять не довелось! Никак нельзя, Прохор Прохорович!

— Что ж делать?

— Отложите заседание! Когда там еще сеять! Успеем приготовиться!

— Ну катай к Степану Степановичу, пускай оповестит всех, что заседание откладывается! Постой! А на когда? На двадцать пятое!

— Двадцать пятого Шкандыбиха Ульяну замуж за Петра Перестрибуна отдает! До двадцать пятого у меня, а с двадцать пятого от меня к Шкандыбихе. Там, сами знаете, меньше чем за пять дней не отделаемся! Значит, выходит, тридцатого. А тридцатого крестины у Сильта. Дочка ж у него родилась. Отложил в связи со свадьбой крестины аж на тридцатое! Да ничего, ребеночек здоровехонек, выдержит... Чи выдержим мы? Ну, крестины не больше чем два дня: тридцатое и тридцать первое. Второго февраля храм в Заячьем ключе! Там же ж и ваши сваты, и мои, и Степана Степановича! Разве ж не знаете, что меньше недели они гостей не держат?

— Ну, что ты поделаешь!

— Ну, а далее ж стретенье, зима с летом встречаются, отпразднуем стретенье, сделаем заседание, наметим, что делать! Оно как раз ко времени: весна подойдет, план в голове будет свежий, не забудется...

— Выходит, не раньше, как первого марта?

— Выходит, что так!

— Ну, ладно, скажи счетоводу, что первого марта! А в район пусть позвонит, что заседание состоялось, план намечен, к севу колхоз готов.

— Добре, Прохор Прохорович!

— Ну, а на завтра какого наготовил?

— Горит, Прохор Прохорович!

— Горит? Ей-бо горит?

— Побей меня бог, горит! И как слеза!

Вскоре погорел и сам Прохор Прохорович! Погорел на отчетно-выборном собрании.

И была у него не слеза, а слезы.

1948

«Птицеводство»

— Степан Иванович! — крикнул председателю колхоза бухгалтер.— Вас к телефону! Из района!

— А что там такое? — спросил председатель.

— Да вот про инкубаторы спрашивают, про яйца.

— Про какие такие инкубаторы?

— Да что вы, не знаете, что такое инкубатор? Такое, что цыплят вылупливает. Механизированная наседка.

— А-а! Такое, вроде ящика... Так чего же они хотят?

— Спрашивают, сколько уже яиц сдали на инкубацию и сколько еще должны собрать.

— Так куры ж на долгоносике! Когда ж им нестись?

— Ну, идите, сами говорите! Ждут же!

Взял председатель трубку.

— Слушаю! Председатель правления! Га?! Ничего не слышно! Инкубатор?! Не слышно ничего! Не слышу! Да разряды какие-то в воздухе. Трещит, нечистая сила, а ничего не разберу! Перезвоните, пожалуйста. Что-то, наверное, линии перепутались!

Повесил председатель трубку и к бухгалтеру:

— Где Мотря? Давай быстрей Мотрю!

— Да вот уже бежит.

Прибежала завптицефермой.

— Звали?

— Сколько яиц сдала для инкубатора? Сколько собрала?

— Сдала?! Собрала?! — пожала плечами Мотря.— Вчера яичница, позавчера яичница. Позапозавчера трижды яичница.

— Я тебя не про яичницу спрашиваю, а про яйца для инкубатора... Яиц, спрашиваю, сколько?

— А что я вам — яичницу для инкубатора дам?! Поменьше бы гостей угощали, тогда б и яйца были!

— Не твое дело, кого я угощаю! А ты мне план на яйца выполняй. Вот из района спрашивают.

Телефонный звонок.

— Слушаю! Я. Председатель! Сколько яиц собрали для инкубатора? Так куры ж у меня на долгоносике. Ага... Когда ж им нестись?.. Не могу же я на них такую нагрузку: и долгоносик и яйца!.. Не выдержат. В «Перемоге», говорите, и долгоносика истребляют и несутся?.. И план, говорите, выполнили? Так, может же, в «Перемоге» другая порода! У нас какая порода? Симментальский леггартрок. А петух беркширский плимутхин. Мы скрещиваем! Думаем на искусственное осеменение перейти! О! Слава богу, разъединили! — бросил председатель трубку.

Да к Мотре:

— Ты мне про яичницу не морочь. А чтоб мне яйца были. Сама несись. А то, ей же бо, тебя в инкубатор засуну! Я тебе покажу яичницу!

А тут петух под окном у председателя:

— Ку-ку-ре-ку-у-у!

— Накышкай ты на него, чтоб он сдох! Тут и без него жарко, а он еще дразнится!

1951

Про механизацию

1

Мой давно уже покойный дед Кондрат, лебединский сапожник, рассказывал нам сказки только в летнюю пору и только по субботам.

В субботу под вечер он самолично относил хозяину готовые головки (между прочим, лишь одну пару каждую субботу). Наряжался поверх рубахи в жилетку, подпоясывался ремешком, натягивал сапоги, надевал шапку, брал в руки посошок, головки под мышку — и со двора. Уходил он, когда бабка сворачивала за угол, направляясь через площадь в церковь. Возвращался — бабки еще не было дома,— шапка набекрень, глаза блестят. Каждому из нас он совал по маленькому бубличку.

— Ну, детки, на дерюжку под грушу! Сказочки буду сказывать.

Мы все, бывало, вприпрыжку на рядно, дед вынесет табуретку, сядет и начнет:

— Расскажу я вам, детки, вот что... Не было тогда еще ни неба, ни земли, одни голые пни торчали. Людей еще тоже не было, а на самом страшном пне сидела ваша бабка, одна-одинешенька во всем свете, сидела и ругалась.

Дед замолкал, голова его падала на грудь, и он погружался в сон, не забыв перед тем наказать нам:

— Как бабка подойдет ко двору, толкните меня!

— Ладно, дедушка!

Сидел дед, дремал.

— Дедушка, бабка! — будили мы деда, как только бабка бралась за щеколду.

Дед выпрямлялся и, будто продолжая сказку, произносил громким голосом:

— Вот дьявол и говорит...

Бабка сразу, от ворот, накидывалась:

— Где, ирод, деньги?

— А что же еще дьявол может сказать? — отвечал дед и давал нам еще по бубличку.— Играйте, детки, сами, перебила бабка сказку, пойду-ка я вздремну.

Дед вставал, брал табуретку и шел в хату, выводя в полный голос:

— Начинается смяте-е-е-ние!

Смятение начиналось уже в хате, но нас это не касалось, мы играли на улице или в саду...

И так каждую субботу.

Очень мы эти субботы любили.

Да и теперь, на старости лет, люблю я рассказывать всякую всячину: осталась, выходит, эта любовь от дедовых суббот.

2

Расскажу я вам не сказку, а быль-бывальщину.

Слушайте.

Уже были тогда и небо и земля, были и пеньки, случалось, что и бабки на пеньках сидели и тоже крепко бранились.

А вот панов уже не было. Чего не было, того не было.

Колхозов было еще мало, да и назывались они чаще коммунами.

Не было еще ни Посмитных, ни Дубковецких, то есть на свете-то они были, но не стали еще такими прославленными хозяевами.

Не было тогда ни Паши Ангелиной, не было Александра Гиталова, ни других наших знаменитых механизаторов, не было, само собой, и МТС.

А была ли механизация сельского хозяйства?

Была! Да еще какая механизация!

Как вспомнишь! Как вспомнишь! Сколько этих машин было! Как вспомнишь,— закачаешься!

Тракторы?

Были!

Был трактор в одну лошадиную силу! Был и в две!

А то были еще смешанные: две лошадиные силы и одна коровья! Две воловьи и одна лошадиная.

Были и в две чисто воловьи силы...

Довелось даже видеть «трактор» в одну лошадиную и в одну бычью силу.

И такие бывали.

Пашет — прямо дым идет!

«Двигатель» впереди, «регулятор» сзади.

«Двигатели» были разных «систем»: Оришка, Устя, Ванько, Пилип, Кондрат.

«Регуляторы» назывались примерно так же.

«Регуляторы» славные: нажмет — три вершка вглубь, отпустит — два с половиной.

Вот только на глубокую пахоту «нажать» было трудно: харч слабоват.

«Горючего» для трактора хватало: было твердое «горючее», а было и жидкое,— собственно, не жидкое, а скорее газообразное! Газ!

К твердому относились кнутовище и прут.

Под кнутовищем и прутом и лошадиные, и воловьи, и все прочие такие же силы работали здорово.

Газообразное «горючее», тоже придававшее «трактору» немало прыти, употребялось так:

«Но! Подохла ты, что ли!»

«Цабе! Волк тебя заешь!»

«Цоб сюда! Нет на тебя погибели!»

«Горючего» этого были в деревнях неисчерпаемые залежи.

Пахота, как видите, вполне механизированная.

. . . . . .

Надо вам сеять? Пожалуйста! В каждом дворе сеялка.

На один «севальник».

Когда сеять надо, он — севальник. Когда рожь на мельницу везти, он — мешок. Когда после обеда спать захочется, можно его под грушей разостлать, а не то — укрыться им. Универсальный.

Другой системы «севальники» в промежутках между двумя посевными кампаниями служили и решетом, и подрешетником, и ситом, а весной в таком «севальнике» сажали наседку на яйца.

И лошадей для этой «сеялки» не требовалось.

Подвешивалась она хозяину на шею — и «сею, вею, рассеваю...»

. . . . . .

Косилка? Жнейка?

Сама косила, сама и сбрасывала — «самоскидка».

Только не «лобогрейка», как их называют, а «всегрейка»: «грела» и лоб, и поясницу, и все остальное. С граблями.

«Двигатель» у косилки был тот же, что служил в «тракторе» «регулятором».

За «косилкой» шла «сноповязалка».

В фабричных сноповязалках снопы вяжутся шпагатом, а у нас нет — у нас сноповязалка была усовершенствованная и более дешевая: сама свясла вила, сама и снопы вязала.

Да к тому же еще, бывало, и поет, и ребенка кормит, и галушки варит, и ругается.

Смазывали «косилки» и «сноповязалки» салом, галушками, луком, огурцами, квасом...

До комбайна тогда еще не додумались.

. . . . . .

...Молотилки...

Были в каждом дворе! В одну силу! Исключительно паровые: как застучат, прямо пар идет.

В иных дворах бывали две, три, четыре «молотилки»!

Вот работа, так работа! Даже гудит, бывало!

Только — гуп-гуп! Гуп-гуп! Гуп-гуп!

Отличные молотилки.

У кулаков молотилки бывали еще и конные, да на то ж они кулаки.

А как появилась на селе фабричная молотилка — машиной мы ее звали,— паровик, как свистнет!.. Так сердце и замерло...

Да тут еще бабуся кричит:

— Детоньки! Машина! Все на печь!

И до сих пор страшно.

. . . . . .

...Зерноочистительные машины.

«Триеров» этих штук по семь у каждого хозяина.

Что ни девять месяцев, то новый «триер».

Сидят себе в хате на дерюжке и отбирают чистое зерно.

А весело, весело-то!

Не надо ни ручки у «триера» вертеть, ни решета менять: прошелся прутом или веником по спинам — и работают «триеры».

3

Не только в землепашестве,— были, разумеется, разные «машины» и в животноводстве. Меньше,— однако были.

...Молочное хозяйство... В каждом почти дворе была ферма «крупного рогатого скота», где у яслей по пуп в навозе стояла эта самая крупная рогатая скотина высокопродуктивной породы «Манька».

Автопоилок не было, автодоилок не было: еще не изобрели. Корма в ясли подавались особым аппаратом, носившим название «вилы-тройчатки». При помощи этого же аппарата механизирована была выгребка из-под Маньки навоза. Аппарат этот состоял из трех зубьев и рукоятки. Рукоятка использовалась также в воспитательных целях, как механизм, смягчающий характер крупного рогатого скота, при содействии афоризма: «Стой, чтоб тебе у дьявола столбом стоять!»

Для приемки молока употреблялись подойники, откуда молоко шло в особые «сепараторы», называемые кринками. В кринках молоко сепарировалось на сливки и на снятое. Хранилось в погребе. Сливки шли в употребление ежедневно под отчаянный крик хозяйки:

— Ой, спасите! Опять слизала!

Для выращивания телят самым важным приспособлением была ежиная шкурка. Из ежиной шкурки делался прибор, который привязывался теленку на мордочку, чтоб «теля не высосало». Прибор этот действовал автоматически, и с ежиком «не высасывало», а без ежика в процессе выращивания телят разыгрывались целые трагедии, которые проходили под истерические выкрики:

— Опять высосало!

Рацион крупного рогатого скота состоял из «травки», «ботвицы», «пойлица», «мучицы», из «где его, этого сена, набраться!» и так далее и тому подобное.

Самым калорийным кормом весной была «стреха».

— Уже, соседушка, и стреху пообдирали!

— Да и мы...

. . . . . .

Механизация в свиноводстве была весьма незначительна. Она включала чугун, где свинье варилась картошка с тыквой, пест, которым все это толклось, да еще проволочное кольцо, которое вдевалось поросенку в пятачок, «чтоб, стервец, не рыл».

...Посложнее было с механизацией в овцеводстве. Тут пользовались особым приспособлением, именуемым «фартук». Подвязывался он барану под брюхо, чтоб не лез к чужим овцам.

И когда «фартук» не помогал,— опять трагедия.

— Зарежь! Ой, зарежь барана, а то не выдержу!

— И зачем бы это я стал его резать?

— Тогда меня зарежь! Ой, зарежь!

. . . . . .

Итак, как видите, старая деревня в основном механизирована была неплохо. Были машины...

А больше всего было таких «машин», что ели.

«Машин» по пятнадцать в каждой хате!

Ох, и работали же! Дым столбом! Паровые!

4

Теперь: тракторы (да какие!), комбайны (да какие!), сеялки, веялки, триеры, молотилки... Дизель, пар, электричество. Телефон. Телеграф. Радио. Автомашины (да какие!). Автопоилки... Механическая дойка!

Кормозапарники... Подвесные дороги... Вагонетки...

Вот и говорим: как управиться теперь на селе, сколько надо времени, пока все это изучишь?!

Тяжело!

1923—1954

«Гриць, Гриць, за работу...»

До того времени, пока тетя Дарина не пришла в воскресенье к матери Грицка в гости, у Грицка все было в полном порядке, как и полагается каждому хлопцу, который с детства ест галушки и паслен, сало и тёрн, пироги и кислицы, картошку и сливы, борщ и вишни, вареники и семечки подсолнуха.

Грицко был брюнетом, кепка у него была синяя, синий был на нем и костюмчик, и он уже не очень интересовался обручем, а больше футболом, а если мимо его двора пробегала Галя или Прися, на Грицка нападал кашель:

— К-хи!

Галя или Прися на этот Грицков бронхит отвечала: «Тю!»— и бежала дальше, а у Грицка успокаивался кашель до тех пор, пока мимо двора не проходила Поля или Паша.

И никакими болезнями, кроме этого спорадического бронхита, Грицко не болел...

...Так вот, пришла тетя Дарина к матери Гриця. Было это в воскресенье. Как раз в то время, когда из печки вынимают пироги.

Маму Грицка звали Мария.

Вот вошла тетя Дарина в дом и говорит:

— Здравствуйте, Мария! Здравствуй и ты, Грицко. С воскресеньем вас!

— Здравствуйте, Дарина! Садитесь, прошу вас,— ответила мама Грицка.— И вас с воскресеньем тоже!

Грицко сказал:

— Здравствуйте!

Посмотрела тетя Дарина на Грицка:

— Ого-го! — говорит,— уже выше мамы! Совсем еще недавно птичьи гнезда разорял, а теперь смотри какой парубок! Тьфу, тьфу! — чтобы не сглазить... Сколько это ему?

— Восемнадцатый!

— Значит, в этом году в армию? Дай бог счастья! Чтоб только здоровый был!

И в такую уж минуту тетя Дарина сказала это, что хоть и через плечо сплюнула, а все-таки сглазила — сразу же Грицка схватили колики! Да так схватили, что и седьмой пирог не смог доесть, схватил подушку, рядно, вышел со стоном в садик и лег под сливой.

Мама с тетей Дариной уже наговорились, а Гриць все лежит под сливой. Колет у него «тут» и «тут», а когда «тут» перестанет, так «там» так кольнет, что судороги беднягу сводят. Думал, что сон, может быть, колики утихомирит, часа три подхрапнул, но нет, не помогло: колет.

— Что с тобой, Грицко?— подошла мама.

— Колет!

— Может, съел бы чего?

— Не хочу!

— А может? Съешь, так оно, может, и оттянет?

— Ой, закололо! Ой, не могу! Ой, колет!

— Боже ж ты мой милосердный! Побегу же я к бабе Вёкле, может, она отшепчет?

— Ой, бегите, мама, бегите, голубочка! Потому что не только колики, а и правая нога в этом суставе не сгибается! Ой, что делать?!

Баба Вёкла шептала, молилась, прыскала на раскаленный уголек, прикладывала накрест к пупку и к ноге ржавый ножик — не помогало.

Колики даже усилились, а на правой ноге и второй сустав забуксовал.

Грицко лежал. Становилось ему лучше только поздно вечером, когда все село засыпало.

На предложение взяться за работу Грицко отвечал стоном:

— Где мне! Ходить не могу! Сидячую какую-нибудь работу, может, и смог бы... Кладовщиком в артельной кладовой или в кооперативе... Там, говорят, кондитер-

ские товары нужно перекладывать — вот эта работа по моему здоровью... Варенье, хоть и с трудом, но все-таки переставлял бы, а чего другого — не могу. Не в силах...

Нога не разгибалась...

В одну ночь только и разогнулась. Когда Грицко перед рассветом хотел было проведать на сеновале Галю. И Петру в ту же ночь пришло в голову прийти к Гале с визитом. Заметил Петро, что кто-то лезет через подсолнухи, выломал здоровую дубинку, и только Грицко приблизился, Петро ка-ак тюкнет, дубинка мимо уха как засвистит, у Грицка ноги ка-ак спружинят — так и перескочили через три забора!

А утром снова правая не разгибалась.

Тяжело заболел Гриць.

Галя сказала, что Грицко выздоровеет, потому что она уже была и у врача и в военкомате и рассказала, как нужно лечить Грицка.

1944

Мы готовы!

I

Встретил председателя колхоза знакомого.

Обмолотился уже, хлебопоставки выполнил, озимые посеял, кончает на зябь пахать.

Вообще председатель правильный.

— Трудновато,— говорит,— было, а все же победили. Какие у меня женщины, если б вы знали! Приезжайте, целовать всех будем! И старых и молодых! И где у них та сила берется?! А молодята наши! Четырнадцатилетние барабанщики на молотилке! Слышали когда-нибудь такое? Да как работают! За всю молотьбу ни одной аварии. Вот только на зябь вспашем, а тогда уж все!

— А как с зимой? — спрашиваю.

— С какой зимой?

— А с той, что будет! С холодной зимой! Знаете... снег, мороз, холодно.

— А что же с зимой?

— Подготовились?

— А как же! Кожух у меня еще что надо. Сшил вот штаны теплые. Валенки есть! Хату соломой обложил, дровишек привез. Жене только надо валенки купить и теплую кофточку. Огурцов и помидор насолил, капусты полная бочка. Кабанчика к Новому году заколю. Да перезимуем так, что куда вам! Приезжайте Новый год встречать! На печи спать положу, на просе!

— А как с коровником? И с конюшней? Со свинарником? С птицефермой?

— Все на месте! Стоят!

— А можно ли будет, приехав к вам, выспаться, к примеру, в телятнике, как на печи в просе? Чтоб не замерзнуть?

— Да нет, пожалуй!

— А скажите, товарищ председатель, не будут ли мерзнуть у вас в конюшне лошади, а в коровнике коровы? Не будет ли свистеть там ветер? Утеплили вы и конюшни, и коровники, и свинарник?

— Нет...

— А говорите, подготовились...

— Так того...

— Вот видите, у вас и кожух теплый, и валенки, и хата соломой обложена. Все это хорошо. Да получится так, что зайдете вы в коровник, а бык посмотрит на вас да и подумает: «Вот если бы мне такой кожух! Вот если бы мне и моим коровам стены соломой обложили! Сколько бы молока было».

— Да оно так.

— Так вот, товарищ председатель, сделайте так, чтоб не только вам, а и скотине вашей тепло зимой было. Да и семьи красноармейские у вас есть. Как им будет — тепло или нет? А в школе детвора не будет мерзнуть? А в больнице больные дрожать не будут? А учителя и врачи зубами лязгать не будут? Вот придете домой, зайдете к председателю сельсовета, возьмите его под руку, да и пройдитесь по селу, да загляните всюду-всюду хозяйским своим глазом, как оно, что оно: кому зимой будет тепло, а кому холодно! А надо, чтобы всем было тепло: и людям и скотине. Вот тогда скажете:

— Мы подготовились как следует!

Вот тогда мы приедем и руку крепко вам пожмем.

А если нам с вами на печи в просе будет тепло, а всем остальным холодно — не улежим мы спокойно на просе: колоть будет!

II

Директор одного из киевских заводов бежит как-то по улице Ленина, бежит, аж подпрыгивает:

— Отчего такой веселый, товарищ директор?

— ТЭЦ подключают!

— К заводу?

— Нет, к квартире! Все ломал голову, где те дрова, как те дрова?! Да и печки в квартире нет! В прошлом году с буржуйкой пришлось возиться! До того осточертело, что и не говорите! А теперь зима будет не зима, а радость! Теперь можно считать, что к зиме готов!

— А в цехах как?

— В цехах?

— Ну да, в цехах!

— В цехах, представьте себе, не совсем хорошо! Окон еще не застеклили, да и так не совсем. Все вот думаю, что пора уже что-то подумать...

— Думаете, значит, что пора что-то подумать?

— Ага!

— А когда ж надумаете, что пора уже что-то и делать?

— Да надо подумать.

— А топливо есть?

— Да еще нет.

— А отопление проверили?

— Да думаем.

— Так вы побыстрее думайте, а то зима говорила, что она уже к вашему заводу хорошо подготовилась, чтобы носы у рабочих синели, а вы все еще только думаете, что надо подумать! Спешите, товарищ директор, а то мысли вымерзнут, нечем будет думать!

1945

Скок и Перескок

Петя Скок, комсомолец, молодой паренек — ну, лет ему, наверное, не более семнадцати,— в колхозе «Перемога», Ясного района, Чепурной области, свинофермой заведовал.

Петя Скок, обыкновенный крестьянский парень, окончил семилетку, любил своих колхозных свиней, заботливо ухаживал за ними, частенько посещал зоотехника и ветеринара, советовался с ними, читал специальные по свиноводству книжки, наблюдал, думал...

У Пети крепко беспокоились голубые глаза, когда супоросная свиноматка почему-либо волновалась и нервно хрюкала, из тех же таки голубых глаз через края любовь лилась, когда он глядел, как пятнадцать бело-розовых поросяток подталкивали мордочками какую-нибудь Аиду или Румбу в живот, радостно повизгивая.

Петя был и внешностью хлопец как хлопец: русый, стройный, большие голубые, спокойные глаза. И пел неплохо. И танцевать умел. Носил косоворотку и серенький пиджачок. Воротничков и галстука у него еще не было, хотя он и думал, что, как только поставит свиноферму совсем на ноги и вообще когда колхоз уже отстроится, тогда уж купит и галстук, и воротнички, и новый костюм сошьет, чтобы девчата те, что самые танцовитые, не говорили:

— Хлопец ты, Петя, неплохой, да вот не очень ты интеллигентный!

— А восемнадцать деловых поросят от свиноматки?! — парирует Петя.

— Так то ж поросята, а то ты! — смеются девчата.

«Ничего! — думает себе Петя.— Ничего! Поинтеллигентнею!»

А как приедет кто из области или из столицы, зайдет к Пете на свиноферму, поглядит, поговорит с Петей, так, выезжая, обязательно и бросит председателю колхоза:

— Чудесный хлопец у вас, зав. свинофермой! Какой интеллигентный!

Петя Перескок, молодой парнишка, 18-летний комсомолец из колхоза «Ясные зори» того же Ясного района, Чепурной области, после окончания семилетки учился в городе Чепурном в педтехникуме.

Учился Петя Перескок, как говорится, средне, но учился, и петь и танцевать умел, и девочки ласково на него посматривали, да и он от девочек не отворачивался.

Проучился год, приехал Петя Перескок на каникулы домой.

Ну, само собой разумеется, что был у Пети Перескока галстук — и не один,— и были у него белые воротнички, и галстук он завязывал так, чтобы узел был толстым и пышным.

А костюм у Пети Перескока был темно-синий и, ей-богу, бостоновый, а ботинки блестели и скрипели.

И как пришел Петя Перескок в колхозный клуб, так девочки, те, что потанцовитее, чуть не попадали.

— Ах, какой же ты, Петя, интеллигентный!

Да к Пете Скоку:

— Вот таким, Петя, и ты должен быть интеллигентным!

Петя Скок улыбнулся: буду, мол...

Ну, повеселились, потанцевали в клубе да и разошлись.

Дело было как раз в пору обмолота.

С молотьбой перебои: надо было снопы подвезти, а то молотилка станет.

Комсомольцы — аврал:

«Все — в поле!»

Забежали и к Пете Перескоку:

— Петя! В поле! Молотилка станет!

А Петя:

— На какое на поле, если я студент и я отдыхаю?!

Петя Скок, идя на поле, как раз проходил мимо Перескоковой хаты с областным зоотёхником.

Зоотёхник, услышав Перескоково «рычанье», и говорит:

— А то кто такой?

— То студент Петя Перескок.

— Студент?! Какой же неинтеллигентный! Странно даже! Разве он не знает, что интеллигентность определяется трудом, а не галстуком и воротничками?

А девчата, те, что потанцовитее, услышав это, закачались, да:

— Гляди ты, а мы и не того!

1952

Десятеро

Живет в нашем селе Ганна Остаповна Пригнибеда. Славная такая женщина, честная, работящая, умная и приветливая.

Ганна Остаповна — жена Филиппа Ивановича Пригнибеды, бывшего бригадира артели «Кудрявые вербы».

Филипп Иванович, повторяем, бывший бригадир, поскольку, как нагрянула Отечественная война, Филиппа Ивановича мобилизовали, и он ушел на фронт. Сначала часто писал домой, а потом письма прекратились. Подождав немного, Ганна Остаповна навела справки, и выяснилось, что Филипп Иванович пал смертью храбрых, защищая Харьков.

Крепко убивалась Ганна Остаповна. Филиппа Ивановича она любила, и ни много ни мало — девятерых детей нажили они за те двадцать лет, что прожили вместе в мире и согласии.

Раньше, бывало, и кума Секлета, и кума Пистимья, да и Степанида Кучерова — Тарасикова крестная,— как сойдутся в воскресенье в саду возле колхозного клуба, все в один голос словно запричитают:

— А не хватит ли с тебя, Ганна? Девятерых-то!

А Ганна Остаповна усмехнется:

— Ничего! Пусть растут! Теперь же, знаете: и пособие, и работы где пожелаешь и чего пожелаешь, и учиться! И мне утеха! Лишь бы здоровы росли!

Пытались и над Филиппом Ивановичем посмеяться:

— Да у тебя же, Филипп, детский сад вроде! Да ты хоть имена их помнишь?

Так и жили Ганна Остаповна с Филиппом Ивановичем.

Горевала, конечно, Ганна Остаповна без Филиппа Ивановича. И за него печаль душу терзает, да и с детьми труднее: только трое большеньких помогали, а самый старший, восемнадцать ему в прошлом году на 1 Мая стукнуло, тот в Красную Армию ушел, на танкиста в школе учится.

А тут еще дело такое, что вот-вот и десятого аист принесет!

А что уж соседки головами качали. Подопрет которая из них щеку, печально посмотрит так, да:

— Говорила же я тебе, Ганна, не довольно ли? Вот и достукалась!

Горько, ох, как горько привелось Ганне Остаповне, как нагрянула лютая орда немецкая.

Как орлица, защищала мать деточек своих и от фюреров, и от оберов, и от ефрейторов...

И в синяках ходила, и в бурьянах, и в погребах пряталась. А тут и десятый сыночек о той поре черной на свет явился: в слезах его купала, ресницами вытирала.

Лихолетье минуло.

Вместе с другими возвратился в село и Гнат Черновол, председатель артели, что частенько еще при жизни Филиппа забегал к Пригнибедам о том о сем потолковать да чарочку-другую опрокинуть. И все глядит, бывало, на Ганну Остаповну да шутя и обронит:

— Не такого ты себе, Ганна, мужа выбрала. И как это ты тогда ко мне не приглядела?

— Для меня он такой! — усмехнется, бывало, Ганна Остаповна.

Гнат Черновол возвратился один-одинешенек, без жены. Жена в дороге простудилась и померла.

Зайдет, бывало, к Ганне:

— Нет у тебя Филиппа, нет у меня Маруси.

— Что поделаешь: нет!

— Десятеро?!

— Десятеро!

— Много! Немножко бы меньше если б!

— А по мне если бы еще больше!

Посидит, поговорит, а уж о том, почему Ганна в свое время к нему не присмотрелась,— молчок.

Степанида, встретив как-то Черновола, намекнула:

— Вот бы к Ганне сватов!.. Уж и работящая, уж и чистеха!

— Так-то оно так! Да ведь десятеро!

Всех пугали те «десятеро» — не пугали лишь они Ганну Остаповну. Росли хлопцы — орлы, а девушки — горлицы...

Было, чего греха таить, еле-еле с хлеба на квас перебивались, но никто от Ганны Остаповны не слышал ни слова упрека, никому она не жаловалась, сядет, бывало, то ли на крыльце, то ли в садочке, меньшенького баюкает, а старшенькими любуется.

Только соседи вздыхали:

— Вот бедолажная! Каково ей с ними!

Так и жила Ганна Остаповна. Она жила, а детки подрастали.

И нате вам: Указ Президиума Верховного Совета о многодетных.

Ганне Остаповне и медали и ордена, единовременное и ежемесячное пособие.

А главное — почет! Мать-героиня.

И кума Секлета, и кума Пистимья, и Степанида Кучерова — ох-ох-ох!

Ведь же у одной только трое, у другой двое, а у Степаниды и вовсе нет.

Пистимья своему Кондрату так и ужинать не сготовила.

— Переспишь и без ужина! Муж называется! Вон у Ганны десятеро, а у меня всего двоечко! — да в слезы.

Кондрат к ней и так и сяк:

— Так постараемся же! Может, господь и пошлет еще?

— Постараемся?! Ложись спать без ужина!

Черновол прибежал к Степаниде:

— Степанида! Может бы, ты, того, у Ганны спросила, не пошла бы она... того... за меня?

— А чего это теперь так приспичило? Я же когда-то говорила, так ты... того...

— И работящая и чистеха... И... десятеро...

1944

Рекордсмен

Происходило это не на Советской Украине. Говорим об этом сразу, а то еще кто-нибудь подумает: не обо мне ли, мол, речь идет?

Пришлось недавно мне немного попутешествовать. Вот и заехал я на какую-то такую землю, что и сам не пойму, чья она.

Вроде бы что-то незнакомое: пруды, над прудами вербы, дальше поля, леса, овраги, села, города, сахарные заводы, там где-то горы, а там луга...

Посреди той земли речка течет, название у нее какое-то странное, на наше никак не похоже: спереди «Дне», а сзади «пр».

Ну, садки, вишенки, чернобривцы — это как и у нас.

Люди такие же, как и у нас: две руки, две ноги и узел. Это когда в поезде.

А когда в городе — то две руки, две ноги и что-то в руках плетеное. Как они его зовут, не выговорю: то ли «воська», то ли «фоська».

А когда в поле, так у них в руках (было это весной) либо тракторная баранка, либо рукоятка от сеялки, либо мотыжка, либо лопата, либо поводья от недоуздка, либо шлея, либо ручки плуга...

Угощал меня председатель одной артели.

Выпили мы, значит, закусили. Потом, значит, закусили, выпили.

Петь там народ не умеет, так что хозяин уже щеку подпер и начал было: «Ой ты, Галю», но я его остановил:

— Обожди,— говорю.— Так, как у нас поют, ты,— говорю,— все равно не споешь, давай лучше поговорим.

— Давай,— говорит.

— Как,— спрашиваю,— живете?

Он как-то странно поднял вверх большой палец правой руки, подержал его так немного да и говорит:

— Во!

Что оно значит, объяснить не берусь, потому что у нас так не делают.

Я еще раз переспросил его, как они живут.

Он еще раз поднял большой палец, но уже левой руки, правой рукой сделал жест, вроде он тот левый палец солит.

— С присыпкой! — говорит.

Что значит «жить с присыпкой»?

Ничего не понимаю.

Я к нему еще раз:

— Во с присыпкой?

— Точно! — говорит.

Ну ладно, думаю себе! Пусть будет «во с присыпкой». Пусть уж будет в придачу и «точно».

Дальше разговор пошел на жестах.

— Ну, а конкретнее? — спрашиваю.

— Можно,— говорит,— и конкретнее. Те, у кого котелок варит, живут хорошо, а кто без понятия, живут хуже. Материально, может, и не хуже, так зато их вот тут печет,— сказал мой хозяин.

Сказал «вот тут» и показал на сердце.

— А почему же их «вот там» печет? — спрашиваю.

— Слушай!— говорит.

— Слушаю! — говорю.

— Вот председательствую я в артели. Хозяйство большое, работа большая. Нельзя, чтоб про ту работу не знали на всей земле нашей! Так?

— Так!

— И полеводство, и животноводство, и коневодство, и свиноводство, и птицеводство! Так?

— Так!

— Пшеница чтоб родила! И сахарная свекла чтоб родила! «И рожь и овес», и технические и пропашные! И чтоб молоко! И чтоб скот плодился, и чтоб курица неслась! Так?

— Так! На то ж и сельскохозяйственная артель!

— Понимаем, понимаем! Я ж про то и говорю! Но чтобы как хлеб родил?! Но чтобы как скот плодился?!

— Как?

— А так, чтобы про артель говорили! Чтоб рекорды были! Вот!

— Ну что ж,— говорю,— рекорды — вещь неплохая!

— Я ж про то и говорю! Вот у меня сахарная свекла! Да знаете ли вы, что есть у меня звено, которое дает семьсот центнеров свеклы с гектара?

— Чудесно,— говорю.— А сколько у вас всего свекловодческих звеньев?

— Десять!

— А остальные девять звеньев по скольку центнеров дают?

— Они дают по семь центнеров, но у моей же артели рекорд урожайности свеклы по всему нашему краю! И обо мне говорят! Во!

— Н-да! — хмыкнул я.

— Вот у меня,— продолжал хозяин,— от всех свиней все поросята деловые. Все в дело идут. В райземотдел, в раймилицию... Разве не дела?!

— Дела! — хмыкнул я.

— А знаете ли вы, что наша корова Кармен рекордистка на весь наш край? Девять тысяч литров молока за лактационный период!

— Ну?!

— Вот вам и «ну»! А знаете ли вы, что у меня вообще приходится по девять тысяч литров на фуражную корову на год?

— Что вы говорите? Как же так?! Сколько же у вас коров?

— Сорок!

— Так одна же, вы говорите, Кармен дала девять тысяч литров!

— Да.

— Ну, а остальные — тридцать девять?!

— Остальные не дали ничего. Остальные — яловки!

— Так как же вы говорите, что на фуражную корову приходится по девять тысяч литров?

— Приходится!

— У вас же сорок фуражных коров. Вот и поделите...

— Почему я должен делить, если у меня одна фуражная корова Кармен...

— А остальные тридцать девять?

— Они не фуражные, потому что для них у меня нет фуража. Не заготовили.

— Н-да! — хмыкнул я.

— И живем! И про нас говорят! И мы рекордсмены! А те, что, знаете, добиваются, чтоб везде было кругло,— о тех не заговорят.

Тут уж я рассердился:

— Заговорят! Не только заговорят — закричат! И именно потому закричат, что у них «вот тут» печет! Их печет потому, что у них есть сердце. Они за всю землю болеют! За весь народ! А возле сердца через улочку и совесть живет. Людская совесть. Всенародная совесть!

Как крикнет мой хозяин:

— Совесть?! О совести заговорил?! Жена! — кричит.— Забирай сало, забирай паляницу и гони этого гостя к чертовой матери...

1946

Упрямая Маня

Одного ответственного работника районного масштаба, к которому попала колхозная корова «на предмет лактации молока, сливок, сметаны, масла и вареников с сыром», спросили:

— Петр Петрович! Читали вы постановление правительства о мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах?

— А как же! Конечно, читал! — ответил Петр Петрович.

— Внимательно читали?

— А как же! Очень внимательно! И не только читал, а приказал немедленно выполнить то постановление. И немедленно возвратить колхозам все, что взяли у них незаконным образом...

— Кушайте, прошу вас, вареники! Да сметанки побольше кладите! И масла не жалейте! — просила собеседников жена Петра Петровича.

— Сердечно благодарю! Прекрасные вареники и чудесная сметана! А масло просто ароматное! Из какого колхоза у вас корова, Петр Петрович?

— Хм... хм...— промычал Петр Петрович.— Это, знаете, еще до постановления...

— Я знаю, что до постановления... Но все-таки из колхоза?

— Да, знаете... Оно, конечно, из колхоза... Но ведь она ж еще телкой была... Еще не коровой... Потом мы и не заметили, как она вдруг, через восемь месяцев, отелилась... Ходила, ходила телкой, а тут — глядь! — уже корова. Вы только подумайте! Какие чудеса на свете бывают!

— Выходит, однако, что и ее, вашу корову, как незаконно взятую в колхозе, следует возвратить?

— Я уж и не знаю, что делать? — развел руками

Петр Петрович.— Мы взяли телку, а теперь она корова. Получается так, что мы возвращаем не то, что взяли... Вот я и думаю, подходит ли наша корова под постановление?

— Подходит, Петр Петрович, подходит.

Жена Петра Петровича запротестовала:

— Как же так? За телку корову отдавать? Несправедливо это!

— Да ведь вы же взяли ее в колхозе?

— В колхозе.

— Значит, и возвратить надо в колхоз!

— Так мы ж телку взяли, а это корова.

— Всегда так бывает, что телка в корову превращается. Надо вернуть.

— Она не пойдет! — категорически заявила жена Петра Петровича.

— Не пойдет! — подтвердил Петр Петрович.

— Кто не пойдет?

— Маня. Корова не пойдет.

— Куда не пойдет?

— В колхоз не пойдет.

— Не пойдет! — подтвердил Петр Петрович.

А жена добавила:

— Я уж Маню спрашивала: «Пойдешь, спрашиваю, Маня, в колхоз?» А она: «Му-у-у! Не пойду-у-у!»

— А может быть, Манино «му-у-у» как раз наоборот означает: «Пойду-у-у!»

— Ой нет, я уж знаю ее характер! Я все, что она вымукивает, понимаю! Не пойдет! Не хочет!

— Не пойдет! — подтвердил Петр Петрович.— У нее твердый характер.

— Тогда вы пойдете, Петр Петрович.

— Куда, в колхоз?

— Нет, за невыполнение постановления правительства и за противозаконное действие в колхоз не посылают.

— А куда?

— Не знаю. Только не в колхоз.

Петр Петрович задумался...

Задумалась и жена Петра Петровича.

А виноваты в этом не Мани.

1946

Говорила-балакала

(Сценка)

В ряде колхозов, бригад и звеньев организация практической работы по выполнению постановления Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У подменена проведением многочисленных совещаний, в результате чего подготовка к весеннему севу проходит совсем неудовлетворительно.

Из постановления коллегии Министерства сельского хозяйства УССР от 2 февраля 1948 года.

— Ну, как у вас с подготовкой к весеннему севу?

— Чудесно!

— Что сделано?

— Провели сорок восемь совещаний звеньевых, тридцать семь совещаний бригадных и двадцать шесть колхозных. Приготовились как следует!

— Семена есть?

— Аж пять совещаний было, чтобы были семена!

— А семена будут или не будут?

— Наверное, будут, так как о семенах еще семь совещаний будет!

— А с плугами как?

— С плугами очень хорошо! Четыре постановления было, чтобы плуги отремонтировали!

— Отремонтируете?

— Пускай только не отремонтируют, мы им тогда такое постановление бахнем, что носом вспашут!

— А будет ли из носа просо?

— О просе тоже постановили. В постановлении остро подчеркнули, что, мол, не будет проса — не будет и пшенной каши! Мы этот вопрос ставим резко!

— А с сеялками как?

— Постановили, чтобы сеялки были!

— А будут ли?

— Раз постановили, значит, будут! В постановлении так и сказано: не будет сеялок — не посеем! А сеять надо? Надо! Значит, сеялки будут!

— А если не будут?

— Как не будут, если сеять надо?!

— А где гарантия, что они будут?

— А постановление разве не гарантия?

— А семена у вас до посевных кондиций доведены?

— Вот прицепился! Будет! Все будет, потому что обо всем есть постановление!

— Да что мне ваши постановления! Мне посев нужен, мне урожай нужен, а не постановление!

— Будет! Все будет! Вот Фома-неверующий! Да мы... Да мы... Эх!

В пятницу сеяла,
А в субботу веяла!

Вот какие мы!

1948

«Типа «Фердинанд»

Из села Рута-Мята «высшая раса» драпала в полночь. Бежали пофюрерно: впереди селофюрер, затем улицефюреры, затем переулкофюреры, затем курицефюрер, гусефюрер, индейкофюрер, поросятофюрер...

За фюрерами галопом чесал представитель «низшей расы» Панько Нужник — староста...

И тихо-тихо стало к утру в селе Рута-Мята.

И уж, когда солнце поднялось высоконько, начали появляться люди: они выглядывали из-за сожженных хат, высовывали головы из-за плетней, вылезали из погребов, ям, глинищ.

К полудню возле развалин колхозного клуба собралось с полсотни рутамятян: деды, старухи, женщины, дети...

Они стояли тихо-тихо.

Первым заговорил дед Свирид.

— Скучно! — молвил дед Свирид.

— А отчего вам, деду, скучно? — откликнулась тетка Катря.

— Сбежали!

— Так вам оттого и скучно, что сбежали?

— Скучно. Некого бить. То все ж таки, когда здесь были, хоть вилами кого проткнешь, а теперь поймай их.

— Поймают! — сглотнул слезу дед Иона.

И снова тишина.

Тетка Мокрина не выдержала, заголосила:

— Да где же село величавое, Рута-Мята кудрявая?! Да где же хатки белехонькие, где же вишенки ряснс-

хонькие?! Да где же вербы могучие, где же яблони плодючие?! Да нема же, нема, да и не будет!

Катря подскочила к Мокрине, зажала ей рот ладонью и крикнула:

— Замолчи! Замолчи же!.. Есть село! Есть наша Рута-Мята! Есть и будет!

Она выбежала из толпы, обернулась к людям, лицо ее пылало, и горели глаза.

— Людоньки добрые! Два с половиной года рыданье терзало нам груди. Два с половиной года обливались кровью наши сердца! Так и теперь плакать? Когда врага нет, рыдать? Нет, люди добрые! Пусть руины, пусть одни пепелища, пусть обгорелые садки, но они наши.

Катря подбежала к сожженной хате, прильнула к печной трубе:

— Хаточка моя! Ты у меня закрасуешься, как никогда на свете не красовалась. И ни у кого на селе не будет краше тебя, моя хатонька. Дайте вот только с колхозным добром управиться.

— Ну, положим,— вытирая слезы, проговорила Мокрина.— Еще посмотрим, у кого будет краше!

Дед Свирид толкнул деда Иону:

— Как по-твоему, у кого будет краше?

— У меня!

— А почему именно у тебя?

— А потому, что не у тебя!

— Хвалилася верша...

— Ты мне не того, не вершкай, а то я тебе как вершкну, так «асколки» с тебя полетят.

— «Асколки»? Гляди ты, «типа Фердинанд» какой нашелся!

Поцапались деды.

Была же весна. Да какая весна! Первая весна после фашистского нашествия.

А весной даже у дедов кровь, может, уже и не кипит, а все ж таки хоть понемножку да булькает.

После ремонта и отстройки колхозных зданий, школы и клуба взялись рутамятяне за свои дворы.

Тетка Катря впереди шла. Она свое обещание выполнила. На бывшем пожарище красовалася новая хата, подмазанная, выбеленная.

Вокруг хаты пламенели мальвы, желтели чернобривцы.

От Катри не отставало все село.

Все зорко следили друг за другом, притворяясь, будто и вовсе не интересуются соседской работой, но каждый дрожал, чтобы сделать лучше соседа.

На праздник был назначен смотр всех новых хат, чтобы определить, у кого всех краше. Так постановил сельсовет на категорическое требование тетки Катри.

В канун праздника, перед самым рассветом, когда все крепко спали, дед Иона вышел потихоньку из хаты с жестянкой синей краски в руках. Оглядываясь на все стороны и не дыша, он покрасил снаружи косяки и ставни в своей хате в синий-синий, как синее наше небо, цвет.

Под утро все ахнули: как куколка стояла деда Ионы хата.

Комиссия первую премию присудила деду Ионе.

Тетка Катря обняла деда Иону да и поцеловала.

Подошел дед Иона к деду Свириду:

— «Типа «Фердинанд», говоришь? А?

Дед Свирид покраснел, на лбу у него вздулись жилы, но сдержал себя. Шагнул к деду Ионе, протянул ему руку:

— Беру свои слова назад! Люблю правду! Ты, Иона, обходное движение и внезапный, стремительный удар!

1944

Гибель карьеры

Точно я вам не скажу, где произошла эта страшная история — в Кировоградской или в Винницкой области...

Одни утверждают — на Киевщине, другие — на Черкасщине, а один газетный корреспондент уверенно заявил:

— Да что вы толкуете? Я точно знаю: это было на Херсонщине, сам собирался писать...

Да не так уж и важно, где именно это случилось, страшно то, что такое вообще могло произойти.

Что же случилось?

Долгоносик сожрал четыре или пять карьер.

Не карьеров (от слова «карьер») — открытых разработок полезных ископаемых, а карьер (от слова «карьера») — успешного продвижения вперед, в данном случае в области служебной деятельности.

И так уничтожил, чертова образина, эти карьеры, что ни рожек, ни ножек от них не оставил. От двоих остались только чепчики, от третьей — голубой бант, от четвертой — пудреница и губная помада...

Словом, сожрал долгоносик все карьеры без остатка!

Карьера — это работа человека, его общественная совесть. Эта работа, эта совесть проверяются сейчас — если речь идет о людях сельскохозяйственного, агрономического труда — участием в борьбе за урожай.

Карьеры, о которых мы рассказываем, такого экзамена не выдержали.

Посеяв сахарную свеклу и кукурузу, шефы этих карьер легли немного отдохнуть, а свои карьеры отпустили погулять.

— Пойдите-ка,— сказали они,— пройдитесь немного, проветритесь, в пруду покупайтесь!

Вот лежат себе карьеры под вербою у пруда, в одних купальных костюмах...

Выкупались, поплавали, в водичке поплескались, лежат на солнышке, греются, загорают...

А долгоносик, уничтожив свеклу в одном колхозе, перебрался в другой, да и заметил: лежат у пруда карьеры...

Долгоносик вообще ненасытный, а тут, проголодавшись с дороги, набросился на них лютым тигром...

Карьера, лежавшая крайней у дороги, успела только вскрикнуть:

— Мамочка! Мамуленька! — и упала без чувств.

Летят резинки, пуговички, банты, болтаются бретельки, раздается хруст да чавканье.

Одну карьеру доедает, остальных за руки, за ноги держит.

Только одна и вырвалась, оставив в челюстях у долгоносика модельные босоножки.

Эта карьера умела плавать, она бросилась в пруд, нырнула и стилем баттерфляй махнула на тот берег...

— Окружить пруд! — скомандовал самый главный долгоносик.— Из воды вылезет, никуда не денется...

Не будем описывать тяжких страданий последней карьеры в пруду: она мерзла, нежная кожа ее превратилась в гусиную, она захлебывалась, посинела и щелкала зубами, как машинистка-стенографистка во время расшифровки и перепечатки речи известного энтомолога на конференции по борьбе с вредителями сельскохозяйственных растений.

Очутившись в воде, она вспомнила всю жизнь свою и своих подруг.

Вспомнила, как родилась. Нежная-нежная, точно подснежник, с еще не совсем ясными грезами, желаниями... Потом начала расти, приобретать соответствующие формы. Стали более ясными и пути роста. Родившись у молодого колхозного агронома, она последнее время уже добралась до главного агронома известной МТС... Впереди маячил пост начальника областного сельскохозяйственного управления.

А затем, затем...

Страшно подумать! Кабинет министерства!.. Даже вскрикнула: «Ох, не рррраздражайте грудь мою больную...»

Страшно, но зато как сладостно-приятно мечтать!

Она возмущалась тем, что ее шеф махнул рукой на борьбу с долгоносиком, пустил это дело на самотек...

И вот результаты!

Погибла свекла, погибли ее подруги, чья судьба была так схожа с ее собственной.

И она тоже должна погибнуть...

Спасенья нет, долгоносик стеною окружил пруд, ожидая, когда она выйдет из воды.

— Не будет по-твоему, долгоносище! — вскрикнула карьера.

Нырнула и не вынырнула... Утонула...

Вытащили карьерино тело только через три дня.

Похоронили утонувшую карьеру вместе с останками ее верных подруг: с двумя чепчиками, голубым бантом, пудреницей и губной помадой.

Похороны были довольно скромные. Музыки не было.

Завхуд местного клуба поиграл немного на гребенке, поскольку председатель колхоза еще перед весенней посевной заявил:

— Как услышу во время весеннего сева баян, я из тебя гармонию сделаю. И клапаны понаставлю! Так и знай!

Одну-единственную речь произнесла карьера главного агронома из соседней МТС. Но это была не речь, а причитание:

— Ой, подруженьки-любоньки! Да вы же мои дорогуленьки, да вы же мои еще и миленькие! Да на кого ж вы меня, сиротку, оставляете?! Да на кого ж вы меня покидаете?! Да почему ж я вам да не посоветовала, как сама делала... Прятались бы, как и я, от долгоносика по ямкам и канавкам. Перескакивали бы, как и я, с ручного опрыскивателя на конный, а с конного на тракторный! Да все бы, подруженьки мои, с гексахлора-а-а-ном! Окружили бы себя школьниками и школьницами с бутылками и банками... Собирали бы долгоносика по рублю за килограмм! А потом по выездным курятникам укрылись бы... И были б вы теперь живенькие да здоровень-

кие! Прощайте, мои родненькие, прощайте, мои дорогуленьки! Да будет земля вам пу...

Не могла бедняжечка произнести всего слова «пухом» — разрыдалась.

Так и сошли в могилу погибшие карьеры со странным напутствием:

— Да будет земля вам пу...!

Ничего не поделаешь: «пу» так «пу» — так и быть!

Остались их шефы сиротами.

Есть, однако, надежда, что скоро им дадут по строгачу,— в компании все-таки как-то веселее.

* * *

Заканчивая этот скорбный рассказ, автор не может не произнести с глубокой грустью:

Нет повести печальнее на свете,
Коль долгоносик всю сожрет свеклу!

Рифмы, хоть и нет, но зато правда!

1955

Сорняк

I

Когда районных руководителей спрашивали, как идут дела в колхозе «Луч», они морщились и говорили:

— Не очень! Мы за него, за этот колхоз «Луч», вот-вот возьмемся!

И впрямь урожаи в колхозе «Луч» были, как говорил острый на язык дед Кныш, не очень средние.

— Вон в «Заре»,— говорил дед Кныш,— там урожаи действительно средние, по три килограмма на трудодень, а у нас по семьсот — по восемьсот граммов. Председатель колхоза хоть и говорит, что наш «Луч» — колхоз средний, а я так думаю, что не очень. Может, и средний, только очень уж где-то позади.

И животноводство в «Луче», по терминологии деда Кныша, тоже было не очень средним: до тысячи литров на каждую корову никак не могли дотянуть... И с кормами всегда было туго, и помещения для скота «ребрами светились», да и коровы были, так сказать, беспородной породы.

Правда, полтора года назад колхоз приобрел восьмимесячного бычка симментала Сарданапала, который вырос и превратился в чудесного красавца бугая. Сарданапала зачислили в класс «элита» и записали в соответствующие племенные книги.

Смирный и добродушно-веселый Сарданапал радовал хозяйский глаз колхозников, но он еще не успел облагородить колхозное стадо и стоял в коровнике, как прекрасный принц среди замызганных золушек.

Самым светлым лучом в «Луче» была доярка Харитина Тарасовна Терновая, чернобровая, волоокая молодица-вдовица. Она жила с двенадцатилетней дочкой Галочкой. Ее муж погиб смертью храбрых в Отечественную войну. Она надаивала молока от закрепленных за нею коров больше всех в колхозе, ее коровы отличались и упитанностью и чистотой. Но она одна, понятное дело, не могла поднять животноводство до такого уровня, чтоб не стыдно было, как говорится, людям в глаза смотреть.

За состояние животноводства на ферме доставалось от Харитины Тарасовны и председателю колхоза, и заведующему молочнотоварной фермой, и зоотехнику!

Заведовал молочнотоварной фермой Кузьма Кириллович Сорняк, никчемный, хоть и с большим гонором, завалящий человечишка, попавший на такой пост только благодаря тому, что приходился председателю правления троюродным племянником.

Будучи человеком женатым и имея троих детей, Кузьма Кириллович Сорняк тем не менее решил приволокнуться за Харитиной Тарасовной, но после решительного отпора активное ухаживание оставил.

Кузьма Кириллович любил выражаться по-ученому: и о периоде лактации, и о сухостойном периоде, и о кормовых единицах, и о том, что молоко у коровы на языке.

Харитина Тарасовна на это отвечала довольно едко и язвительно: дескать, наши коровы больше всего пребывают не в периоде лактации, а в сухостойном периоде, и — что верно, то верно — молоко у коровы действительно на языке, но в колхозе «Луч» молоко на языке не у коровы, а у зава молочнотоварной фермой. Да и у правления тоже!

Всех, кто бывал в колхозе «Луч», всегда удивляло: в плохоньких коровниках были и автопоилки, и подвесная дорога для доставки кормов, и механизированная вывозка навоза.

Кузьма Кириллович хвалился:

— Вот я какой! Если бы не я!.. У меня механизация! У меня!..

Колхозники посмеивались, а у Харитины Тарасовны глаза вспыхивали гневом.

В коровник частенько наведывался бригадир тракторной бригады, обслуживающей «Луч», молчаливый, задумчивый, с серыми глазами Карп Иванович Малюта. Он осматривал автопоилки и механизацию и каждый раз спрашивал Харитину Тарасовну:

— Ну, как, Харитина Тарасовна? Крутится?

Харитина Тарасовна краснела, глаза ее смотрели ласковее, и голос ее становился все нежнее, когда она отвечала Карпу Ивановичу:

— Крутится, Карп Иванович! Большое вам спасибо! Так и таскали бы воду ведрами, солому и сено вилами, а навоз на тачках возили, если б не вы!

Карп Иванович улыбался, еще раз заглядывал Харитине Тарасовне в глаза и шел к своим трактористам...

Шел и вспоминал:

«Если бы не вы, Карп Иванович»,— сказала Харитина Тарасовна».

Он останавливался при этом воспоминании и мысленно говорил: «И если б не вы, Харитина Тарасовна!..»

На сердце у него становилось теплее, и ему, такому молчаливому, спокойному, очень хотелось петь...

II

Харитина Тарасовна не давала молочнотоварной ферме окончательно развалиться, ее энергия помогла сохранить ферму. Более того, положение с животноводством хотя и медленно, но все же становилось лучше.

Сам Кузьма Сорняк ничего не делал, только похвалялся:

— Если бы не я!

Работать ему не хотелось. Частенько прикладывался к рюмке.

Правда, он и раньше не отказывался от стопочки, но в последнее время заметно усилил темпы, пил уже по строгому графику — от понедельника до понедельника — и постоянно пребывал в состоянии нижевышесреднего подпития.

— Наш Кузьма Батькович сегодня снова в периоде полной нализации,— с грустной усмешкой констатировала Харитина Тарасовна.— Надо будет сказать его жинке, пусть попробует перевести его на сухостойный период. А то допьется...

Доярки мрачно качали головами, а самая младшая из них, хохотушка Одарочка, захлебываясь от смеха, рассказала, как позавчера Кузьма Кириллович зашел в закусочную и придрался к официантке:

— Где ваша механизация?! Что ты мне водку в стаканах подаешь? Где ваша автопоилка для горилки? Где ваша подвесная дорога для закуски? До каких пор мы будем пить и закусывать вручную?

Вызвали жену. По дороге домой она дала ему такую механизацию, а дома показала такую автопоилку, что губы у него стали похожи на синие вареники.

Но и после этого Кузьма Сорняк не переключился на сухостойный период — пил и дальше.

И допился-таки.

Как-то его, вдрызг пьяного, в недобрый час занесло на стога, откуда сено подавали подвесной дорогой в коровник. Дорога в ту пору работала на полный ход.

Не успели колхозники оглянуться, как он — черт знает как! — очутился в ковше, куда накладывали сено.

И «поехал» Кузьма Кириллович в ковше прямо в коровник.

«Приехал», засопел, задвигался в ковше и выпал в ясли Сарданапала.

Сарданапал, тихий, спокойный бугай, перепугался и отпрянул от яслей, даже цепь затрещала, и грозно-испуганно:

— Ве-е-е!

Сорняк пробормотал из яслей:

— Сарданапальчик! Так это ж я, Кузьма Кириллович! Не узнал? — И полез к Сарданапалу целоваться.

Может, Сарданапал его действительно не узнал, а может, бугая раздразнил спиртной запах, только бугай: «Ввве-е-е!» — еще раз люто векнул и стукнул Кузьму Кирилловича лбом, придавил его к яслям и не пускает.

Поймал, дескать!

Слышат доярки, что Сарданапал дико ревет и кто-то из его денника кричит не «спасите!», а только:

— Спас!.. Спас!.. Спас!..

Прибежали, успокоили Сарданапала, вытащили из яслей Кузьму Кирилловича, положили на вагонетку с навозом и вывезли из коровника.

Когда Кузьму Кирилловича отправили домой, хохотушка Одарочка объявила:

— Наш зав в периоде полной нализации въехал на подвесной дороге в коровник, а выехал оттуда в механизированной вагонетке! Да здравствует механизация!

III

Серьезных повреждений у Кузьмы Кирилловича не обнаружили. Сарданапал слегка только помял его. Больше испугом отделался...

Пришлось Кузьме Кирилловичу поневоле переключиться на сухостойный период.

— Надолго ли? — усмехалась Харитина Тарасовна.

Но вернуться на пост зава молочнотоварной фермой Кузьме Кирилловичу не суждено было: в районе наконец узнали о похождениях троюродного племянника председателя колхоза «Луч» и посоветовали снять его с работы.

Заведующей фермой назначили Харитину Тарасовну Терновую.

А хохотунья Одарочка заливалась:

— Если бы не подвесная дорога, нами и до сих пор командовал бы Сорняк. Да здравствует механизация! Да здравствует Сарданапал!

1954

Думало

Один председатель колхоза ходил и все думал, все думал и думал.

— О чем это ты, Александр, думаешь? — допытывалась жена.

— Эге! Так я тебе и сказал! Не мешай! Раз думаю, значит, нужно! У меня укрупненный колхоз — есть о чем думать! — И снова думал.

Тогда жена с другой стороны стала заходить:

— Александр! У тебя дети малые!

— Ну и что ж из того, что малые! Не выдумали еще такого, чтобы дети сразу взрослыми рождались! А тебе хотелось бы: сегодня дочку родила, а завтра уже и свадебную:

Выкатили, выкатили бочку,
Выманили, выманили дочку.

Так тебе хотелось бы? Сначала надо вскормить, вспоить, а тогда уж и о замужестве думать...

— Об этом я и говорю! О детях я и беспокоюсь, а ты все думаешь! — расходилась жена.— Дырку во лбу себе продумаешь, а тогда что? Кубанкой прикроешь?

— Ах, отстань ты от меня, а то...— гремел председатель колхоза.

И снова думал.

Колхозники волновались.

— Как там Александр Данилович? — жену спрашивали.

— Думает!

— О чем же он так крепко и долго думает?

— Не говорит!

— Что же делать? Тут пора удобрения на поле вывозить, а он все думает, доступа к нему нет! Опять повторится прошлогоднее. Не вывезли удобрения на поле, ну и выкопали свеклу, если считать на десятичные дроби, ноль целых шиш десятых. Да в прошлом году легче было, он тогда об удобрениях не думал, только обещал вывезти их, а теперь вот думает... Хоть плачь!

Наконец одна звеньевая, очень боевая комсомолка, отважилась. Решительно вошла в кабинет:

— Здравствуйте, Александр Данилович!

— Здравствуй!

— Думаете?

— Думаю!

— А удобрения на свеклу когда вывозить?

— Вот я и думаю!

— Что ж вы думаете?

— Думаю, как бы оно такое выдумать, чтоб те удобрения на поле очутились!

— Да что ж тут долго думать? Занарядить подводы, машины, погрузить удобрения — да на поле дружно, с песнями! Вот и все!

— Э! Так каждый сможет! Это старая техника! Теперь надо по-новому браться... Вот я и думаю, что бы такое ну хоть с теми гранулированными удобрениями сделать: как бы их яровизировать или гибридизировать, чтоб у них лапки повырастали и они в один прекрасный день — топ! топ! топ! — и на свекольный участок. Каждая гранулька на пашню прибежала бы, в борозду легла, ноженьки поджала, чтоб не промерзли, да и удобрила бы земельку. Вот это — изобретение! А ты мне: нагрузить на подводы, на машины и вывозить... Фантазии у вас нет!

— Да у нас, Александр Данилович, не только фантазии нет, у нас и сахара нет! Не удобрили в прошлом году свеклу, вот и пьем чай вприглядку!

— Вот то-то оно и есть! — подтвердил Александр Данилович.— А вырастут лапки у гранулированного удобрения, и чай будет слаще! О!

Звеньевая долго-долго смотрела на Александра Даниловича, потом спросила:

— Ну, а дальше что?

— А дальше вот что! Мы все имели дело с микроэлементами в удобрениях, а теперь ученые обнаружили такие микроэлементы, как медь, марганец, цинк, бор, кобальт и т. п. Их для удобрения земли требуется значительно меньше. Вот когда заживем! Надо, к примеру, добавить в виде удобрения меди: набрал в карман медных копеек, разбросал по копейке на делянку — и гуляй себе! А свекла растет! Или бору надо подбавить: взял в мешок борной кислоты и разбросал по чайной ложечке на четверть гектара! Вот тогда сладко заживем!

Звеньевая внимательно посмотрела на Александра Даниловича. Посмотрела и сказала:

— А может, оно с микроэлементами и не так будет, как вы это говорите?

Александр Данилович совсем разгневался:

— Что ты все вздор мелешь? Что ты в этом деле понимаешь? Я уже додумался! Ты считаешь, что я вот хожу и думаю так себе, без результатов? Как бы не так!

Покраснела звеньевая и сказала:

— Если уж вам, Александр Данилович, так нравится думать, знаете, о чем я вам посоветую подумать?

— Ну?

— Подумайте о том, как пить чай с минеральными удобрениями вместо сахара! И сами испытайте на практике. Мы так полагаем, что на стакан чаю достаточно центнера суперфосфата.

Звеньевая из кабинета выскочила и громко хлопнула дверью.

Александр Данилович посмотрел ей вслед и сказал:

— Ишь какая!

И продолжал думать.

1954

Культура на замке

Много культурно-просветительных учреждений у нас на Украине, так много, что пришлось их сетью назвать. Светлая это сеть, нужная, прямо-таки драгоценная. И все входит в нее: театры, кино, клубы, библиотеки, музеи, лекционные бюро, избы-читальни...

Это же факт? Факт!

Сколько таких учреждений уничтожили фашистские варвары — и все же восстановили их, отстроили, а многие вновь заложили. Словом, сеть расширяется...

Это же факт? Факт!

Сотни тысяч экземпляров книг и газет ежедневно плывут в эту сеть. Плывут в города, местечки, села и хутора нашей Советской Отчизны...

Это же факт? Факт! Но...

С этого «но» и начнем. Только условимся, что это, право же, не о вас речь идет.

Ясно же, что у вас всюду полный порядок.

Это о вашем соседе я говорю.

Возьмем, к примеру, район...

Нет, нет, не ваш, а... соседний район.

Как известно, в каждом районе есть свое районное руководство.

Так вот, входит в кабинет к этому руководству самый обыкновенный человек и спрашивает:

— Ну, дорогой товарищ, как же у вас дела в культурно-просветительных учреждениях? Идут?

— Вертятся.

— Как это «вертятся»?

— В общем, идут! Не скажу только, как продвинулись, на сколько процентов, но знаю, что неплохо идут. Ранние зерновые культуры на сто восемь процентов двинули, свеклу — на сто двенадцать! Подсолнух докручиваем. Огородные культуры на мази... Дарья Петровна, на сколько там процентов мы за последнюю пятидневку культуру развернули?

— Минуточку! Сейчас проверю, Иван Иваныч! — отвечает Дарья Петровна, устремляясь в соседнюю комнату, где хранятся папки с последними сводками.

Через минуту она возвращается с растерянным видом.

— Никаких сведений нет, Иван Иваныч!

— Почему нет? Дайте телефонограмму, чтоб немедленно сообщили! Терпеть не могу беспорядка! И в дальнейшем следите, чтоб сообщали своевременно!

— Есть, Иван Иваныч!

— Не помню сейчас точно, но знаю, что культурные дела идут у нас неплохо. Словом, работа завертелась! Вот, к слову сказать, кур вывезли.

— Каких кур?

— Таких... Которые в перьях! Здорово развиваются!

— Да я ведь о культурно-просветительной работе спрашиваю!

— А... понимаю... Так вот, кур, значит, вывезли...

— А как дела в клубах? В домах культуры?

— На сколько процентов? Ей-богу, точно не помню. Но знаю, что в общем-то неплохо. Дарья Петровна! Как там у нас за последнюю пятидневку с клубами и домами культуры?

— Минуточку, Иван Иваныч! Минуточку!

И через минуточку Дарья Петровна опять сообщает:

— Последних сводок еще нету, Иван Иваныч!

— Позовите заведующего клубом. Это же совсем близко. Рядом, можно сказать!

— Минуточку!

Прибежал заведующий клубом. Весь, будто вопросительный знак, изогнулся.

— Как дела в клубе? — спрашивает его Иван Иванович.— В порядке?

— В полном порядке,—отвечает завклубом.—Достал наконец замок! Ах, и замок, Иван Иваныч! Сказка! Чер-

та-с-два такой свернут! А то ведь в субботу молодежь свернула скулы довольно крепкому замочку. Принесли баян и давай танцевать... Теперь я такую болванку повесил, что никакой богатырь не одолеет.

— Не одолеет, говоришь?

— Кишка тонка.

— Ну, смотри! Клуб — дело серьезное!

— Слушаю, Иван Иваныч! Можно идти?

— Валяй!

— Ну, вот видите, следим за порядком. А в избе-читальне еще спокойнее. Там у нас строгий-престрогий дедок сидит. Его шутками-прибаутками не купишь. Такой в случае чего и палкой может огреть. Культурный дед, ничего не скажешь. Молодежь, знаете, любит пошуметь, поспорить на разные темы. Иному читать хочется. А тот требует включить радио... Ну, дед завел железный порядок! Изба-то не простая — читальня, можно сказать. Культуру и чистоту надо блюсти. Долго мы подбирали подходящую кандидатуру на заведующего. И нашли хорошего деда! В других селах культурники разные: и хорошие есть и плохие. У нас дело без скачков движется. Плавно вертится, можно сказать!

— А как с газетами?

— Подшиваются аккуратно! Сам слежу! Как только получат из района — сразу же в подшивку! А то, знаете, дашь кому-нибудь, так ведь зачитают несчастную газетку до дыр! До того, я вам скажу, зачитывают, что и подшивать совестно...

* * *

Замок, дорогие товарищи, полезен на дверях склада или кладовой.

Не мешает иногда и на рот кое-кому повесить замочек.

А вот если двери клуба, избы-читальни или дома культуры такая штуковина украшает — сильно страдает фасад. Да и не только фасад, ручаюсь!

Не заслониться тогда руководству никакими культурами — ни зерновыми, ни огородными!

1952

Сообразительный председатель колхоза

(Новогодняя профилактическая фантазия)

1

Одним колхозом управляет чрезвычайно сообразительный председатель правления. «Голова».

Хозяйничает этот «голова» не очень хорошо, но на всяческие выдумки и фокусы великий мастер.

Если этому «голове» говорят:

— Товарищ «голова»! А вам не совестно, что в соседней артели урожай зерновых по двадцать центнеров с гектара, а у нас и на десять не вытянет?

Председатель весело отвечает:

— Выкрутимся!

— А почему мы, товарищ «голова»,— говорят ему животноводы,—силос для скота не заготавливаем? Соседи уже двести тонн раннего силоса заложили, а мы еще и не брались!

И на это председатель весело ответствует:

— Выкрутимся!

И что вы думаете — выкручивался «голова»: и урожай у него в среднем по сводкам больше чем по четырнадцать центнеров, и силоса у него, опять-таки по сводкам, сотни тонн заготовлено.

Как выкрутился?

Очень просто.

Озимая пшеница у него уродила по пятнадцать центнеров, а овес — по четыре. Что он сделал? Дал распоряжение овес коням скармливать. На бумаге, разуме-

ется... А в сводке показывал, что собрано овса по четырнадцать центнеров с гектара. Вот и получился у него «средневзвешенный» урожай зерновых (без кукурузы) больше, чем по четырнадцать центнеров с гектара.

— А нашему «голове» что? Лишь бы цифра была «справная»!

— Почему нет овса в сусеках?— спрашивали «голову».

— Лошади съели! — отвечал «голова».

Множество гектаров кукурузы колхоз выкосил на зеленые корма.

А в сводках?

В сводках показано, что всю зеленую массу засилосовали. И цифра заготовленного силоса получилась весьма «справная».

— Почему нет силоса в траншеях? — спрашивали «голову».

— Коровы съели! — отвечал «голова».

Колхозные коровы дали молока по тысяче двести литров на фуражную корову. В сводках было показано, что с каждой фуражной коровы надоили по две тысячи литров.

— Почему же так мало молока продано государству? — спрашивали «голову».

— Телята выпили! — отвечал «голова».

Когда в районе возникло дело о нашем сообразительном председателе, в райкоме говорили:

— Не нравится нам этот «голова»!

Представители райисполкома возражали:

— А почему не нравится? У него не хуже, чем у других. А главное, он у нас сообразительный! Выкрутится!

И «голова» выкручивался.

2

Над колхозом, где председательствует наш сообразительный «голова», шефствует коллектив лесхоза.

Дружный коллектив лесхоза во главе со своим молодым, энергичным директором очень заботливо относится к шефским обязанностям и много помогает подшефному колхозу материалами и рабочей силой.

С помощью шефов колхоз построил неплохие коровники, свинарники, птичью ферму. Шефы помогли электрифицировать и радиофицировать колхоз. А когда в колхозе сев, или жатва, или молотьба, «голова» всегда звонил к шефам:

— Дорогие шефы! Беда! Помогите! Зашиваемся!

И уже на следующий день летит в колхоз машина с работниками лесхоза спасать своих подшефных.

И как-то так всегда получается, что шефы работают, ломают, к примеру, кукурузу в поле или копают картошку — нет около них колхозников.

— Где же ваши люди? — спрашивают шефы.

Председатель колхоза, приятно усмехаясь, отвечает:

— Наши люди на иной работе. В том и суть помощи вашей, дорогие шефы, что вы своим трудом дали нам возможность перебросить наших людей на другой узкий участок работы! Вы картошку копаете, а в этот же час наши люди готовят семена для осеннего сева. Мы с озимым севом запоздали и сейчас бросили туда всю нашу рабочую силу! Великое вам, дорогие шефы, спасибо за вашу помощь. Без вас мы никак не справились бы с работой.

Шефы радуются, что их труд в самом деле полезный, что шефствуют они не на бумаге, а так, как полагается, по-настоящему, по-деловому.

Разве им придет в голову, что «голова» с бригадирами уже давно договорились, что, мол, если приедут шефы, свои люди пусть на приусадебных делянках возятся, у кого еще на собственных огородах работа не закончена, а кто с огородами управился,— пусть в город съездит, побазарит,— побездельничает, одним словом.

— А что нам?! Шефы поработают! Шефы у нас — золотой народ! — похваляется «голова».

И о своем «голове» колхозники всегда думают хорошо:

— Вот у нас «голова» так «голова»! Колхоз, вправду, у нас не очень передовой, но жить можно. Хотя трудодень у нас не слишком щедрый, так мы не слишком и налегаем на колхозную работу,— всегда есть время у себя на огороде и посадить, и прополоть, и убрать, и на базаре в городе продать... Живется, одним словом, неплохо!

3

Колхоз имеет нешуточные денежные доходы.

Откуда?

С базара!

В делах базарных наш сообразительный «голова» колхоза — великий комбинатор. О таких когда-то старые люди говорили: «О! Этот таков, что родного батьку продаст!»

Речь идет не о нормальных торговых операциях, в которых каждый колхоз, выполнив государственные поставки, волен поступать, как ему лучше. Нет, мы говорим про всяческие коммерческие комбинации нашего «головы», от которых несет неприкрытой спекуляцией.

Он имеет на базарах свою агентуру, имеет своих «корреспондентов» и, получив информацию о положении на данном базаре, «ловит момент».

Он не прочь продать накануне весеннего сева семена яровых культур, лишь бы хорошо заработать.

— А чем отсеемся? — спрашивают «голову».

— Выкрутимся!

И он выкручивается.

Есть у него повсюду множество дружков-приятелей: у того одолжит, у того прикупит — глядь, и вывернулся—посеял.

Как посеял, какими семенами?

А вы у него и спросите. Получите ответ:

— Как какими семенами? Кондиционными. А как же!!!

Он даже обидится на вас, что вы могли подумать, будто он посеял случайными семенами.

Коммерческие операции дают колхозу изрядные денежные доходы.

Он и выхваляется!

Он способен пристыдить честного председателя передового колхоза, что тот выдал на трудодень меньше денег, чем он, председатель колхоза непередового, а так себе, средненького...

— Как же вы так, товарищ! Передовой колхоз, и так мало грошей на трудодень! У нас — больше! А нам говорят, чтобы мы на вас равнялись!

В канун Нового года председатель ходил озабоченный: где встречать Новый год?

Решил встречать дома и пригласить на встречу шефов.

А тут, кстати, пришел зав. животноводческими фермами.

— Пора силос открывать! Нечем кормить коров!

— Морока с этим силосом: то его заготавливай, теперь его открывай! Ну, заготовить, спасибо им, шефы нам помогли!.. Ага! Вот что. Завтра шефы приедут Новый год встречать, мы их и попросим силосную траншею открыть! Торжественно! Вы, мол, заготовляли, вы и откроете! Еще и речь провозгласим о значении шефской работы! О!

Зав. животноводческими фермами восхищенно смотрел на «голову».

— Вот это голова! Вот голова! Мне бы вместо моей головы да вот такая голова! Сообразительная!

5

Было ли все это взаправду?

Не было!

Так для чего же все пишется?

А для того, чтобы этого не было! В наступающем году!

С Новым годом, товарищи!

1952

Тютя под зонтиком

Вот и жатва началась...

Задождило...

Председатель колхоза Сидор Семенович Гаевой надел сапоги, а поверх пиджака накинул кобеняк[1] с капюшоном.

— Дождит,— вздохнул Сидор Семенович.— Ух, и дождит! И пшеница созреет, и ячмень, и овес... А оно дождит. Дед,— обратился Сидор Семенович к местному барометру Паньку Тодосовичу Стрихе,— как, по-вашему, долго ли оно будет дождить или недолго?

Панько Тодосович Стриха откинул с фуражки мешок, которым он от дождя укрылся, поглядел в небо, затем вынул из кармана кисет, набил табаком трубку, вынул кремень, кресало и трут, высек огонь, затем зажег трубку, затянулся и сплюнул.

— Дождит, говорите? Да, оно-таки действительно дождит,— пыхнул табачным дымом местный барометр Панько Тодосович Стриха.

— А долго ли дождить будет, спрашиваю?

— Долго ли дождить будет, говорите? Когда как. В русско-японскую войну, как скомандовал Куропаткин отступление, сильно задождило...

— Я вас, дед, спрашиваю: перестанет ли дождь когда-нибудь или нет, а вы мне про японцев! — сердито перебил деда Сидор Семенович.

— Перестанет ли дождить, говорите?

---

[1] Кобеняк — верхняя мужская одежда (чапан) из домашнего сукна.

— Ну да!

— Бывает, что и перестает. В ту же самую русско-японскую войну, как скомандовал Куропаткин идти дальше за Мукден, дождь действительно перестал.

— Да что вы мне, дед, все про русско-японскую войну? Тут дождь в самые печенки залез! Ведь ни скошенное молотить нельзя, ни то, что еще не скошено, косить невозможно... А вы мне про Куропаткина.

Слушала этот разговор председателя колхоза с дедом Паньком комсомолка Шура, бригадир, и не вытерпела.

— Обождите, дедушка, про Куропаткина после расскажете. Вот что, Сидор Семенович,— обратилась Шура к председателю,— скажите, пожалуйста: что вы делаете, чтобы вас дождь не намочил?

— Как это — что? В хате сижу, или в коморе, или под навесом! — пожал плечами Сидор Семенович.

— Ну, а если все-таки надо выйти из хаты в дождь, что вы делаете, чтоб вас до нитки не промочило? — допытывалась Шура.

— Ну, как это что? — удивился председатель.— Дождевик надеваю.

— А если нет дождевика?

— Мешком покрываюсь.

— А если и мешка нет?

— Рядно на себя накидываю.

— А если и рядна нет?

— Да что ты прицепилась ко мне, Шура? Нет у меня зонтика от дождя. Когда-нибудь, может, и зонтик куплю, а пока что нет.

— А неплохо было бы стоять под зонтиком и смотреть, как хлеб в копнах перегревается, как чудесная пшеница на корню пропадает,— усмехнулась Шура.

— Да чего ты от меня хочешь? — озлился Сидор Семенович.

— Чего я от вас, Сидор Семенович, хочу? А вот чего я хочу! Выходит, значит, так: чтоб не намочило нашего уважаемого председателя колхоза Сидора Семеновича, он, наш уважаемый председатель, имеет несколько способов: хату, или комору, или навес, где он от дождя прячется. Если нашему уважаемому председателю все-таки надо выйти в дождь, он имеет до-

ждевик, или свитку, или мешок, или рядно, или зонтик, и под ним он от дождя укрывается...

— А ты что ж, хочешь, чтобы меня дождик мочил, что ли?

— Нет, Сидор Семенович, этого я не хочу,— возразила Шура.— А хочу, чтоб хлеб наш под дождем не мок, чтоб наш труд не пропадал зря.

— Что ж, по-твоему, я должен над полями зонтик поставить или рядно раскинуть?

— Нет, Сидор Семенович, не хочу я, чтоб вы зонтик над пшеницей раскрывали или чтоб рядно над рожью развешивали. А я хочу, и все мы хотим, чтоб вы не забывали о правительственных постановлениях, чтобы к агрономическим советам прислушивались.

— А разве я забываю? Разве я не прислушиваюсь?—раздражался председатель.

— Видите, для вас и рядна, и зонтики, и навесы, и коморы, а для нашего урожая, чтоб он от дождя не пропадал, нужны только два крытых тока да одна зерносушилка. Вот и все. Когда постановление партии и правительства было? Задолго до жатвы. А вы что? Руками махали! Выскочим, дескать, может, оно еще и не задождит... А теперь к деду Стрихе пристаете: перестанет дождь или не перестанет?

Даже покраснела комсомолка Шура, бригадир...

Дед Панько Тодосович Стриха пыхнул трубкой, сплюнул и говорит:

— Овин — оно, известное дело, вещь. Еще как скомандовал Куропаткин отступление, капитан наш, что всегда впереди всей роты отступал, от дождя в овин прятался. И завсегда капитан был сухим, а мы мокрые... Овин — это...

— Да убирайтесь вы, дедушка, со своим Куропаткиным ко всем трем вербам! — выпалила Шура.— А вы, Сидор Семенович, не председатель, а тютя. Тютя под зонтиком. Я без вас в своей бригаде крытый ток сегодня строить начну. Еще не поздно. И молотить будем и хлебопоставки своевременно выполнять. Никакой дождь нас не испугает!

1948

Стежки-дорожки

Из района в областной центр выехал председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся.

Выехал по разным делам: доложить областному начальству обо всем, о чем надо докладывать, чтобы его проинформировать и самому проинструктироваться.

В это время председатель исполкома районного Совета депутатов трудящихся другого района уже возвращался из областного центра, доложив областному руководству обо всем, о чем нужно было докладывать, чтобы проинформировать начальство и самому у него проинструктироваться.

А надо сказать, что эти районы расположены по соседству. Вот здесь находится один район, а вон там — другой... И между ними — межа, иначе говоря, кордон, граница.

По меже той путь-дорога пролегла; на пути том — овражек. Глубокий овражек. А через него мосточек, деревянный мосточек.

Деревянный, разрушенный; доски на нем попровалились. Починить мосточек — дело не очень трудное, но кто же должен чинить? Этого никто не знает потому, что он как раз на меже.

Попросят починить мосточек этот район, он отвечает:

— Не наш он, тот район мосточек содержит!

К тому району обратишься с просьбой, слышишь в ответ:

— Да ведь мосточек соседнему району принадлежит.

И никто не чинит мосточек. Ведь можно ехать в объезд, минуя его.

А мосточек не простаивал зря, хотя им и не пользо-

вались, поскольку он был разрушенный: трясогузка на нем гнездышко себе свила...

Птичка, можно сказать, полезная: червей уничтожает и всяких там жучков да букашек. Так что, как видите, от мосточка польза была, хотя он и стоял на ничейной меже разрушенный.

Тут как раз весна ударила.

Весна, значит, ударила, и все вокруг таять начало. Тает все и в том и в этом районе. Грязь к сапогам и колесам липнет. Прилипает она и к тем колесам, что у возов, и к тем, на которых машины держатся. Прилипает, и все тут!

А больше всего донимает она в овражках.

Ведь не просто прилипает — в овражках колеса тонут в той штуке, что липнет к ним.

И уже не только четыре нормальных скорости не помогают,— тут, можно сказать, и пятая, самая злая, та, что с языка шофера срывается, не может помочь.

И вот: ехали вышеупомянутые председатели — один туда, другой — сюда. Ехали как раз весной, перед весенним севом, когда к колесам все, что растаяло и что на дорогах лежит, особенно прилипает.

Ехали они оба на машинах, которые называются «эмками».

Этот председатель кое-как спустился в овражек и... «эмку» его засосало. Рррррр! Стоп! Дернул сюда, дернул туда — ни в какую! Стоп, да и только.

— Приехали! — говорит шофер председателю.

— Мда-а-а! — отзывается председатель.

А как раз в ту же минуту и тот председатель навстречу спускается.

Разогнался — и тоже: рррр! Стоп! Дернул туда, дернул сюда — со стопа никак не сдвинется.

И шофер другого председателя тоже говорит:

— Приехали!

И тот председатель многозначительно произносит:

— Мда-а-а!

Через несколько минут этот председатель обращается к тому председателю:

— А-а-а! Это вы, Иван Иванович! Здравствуйте!

Тот председатель вежливо отвечает этому председателю:

— Доброго здоровья, Петро Петрович! Вы в область?

— В область!

— А я из области!

— Сели?

— Ага, сели!

— Проклятые дороги! А ведь не сели бы, если б мостик кто починил!

— Вредительство!

Тут два колхозника спустились в овражек. Подходят к машинам. Здороваются:

— Здоровеньки булы!

— Здравствуйте!

Колхозники усмехаются:

— Выходит, что уже приехали?

— Ага, приехали!

Колхозники уже серьезно:

— Мда-а-а! А мосточек-то следует все-таки починить!

— Из какого вы района? — любопытствует начальство.

— Я из этого,— говорит один.

— А я из того,— другой говорит.

Председатель этого района спрашивает:

— А из какого колхоза?

— Из «Нового пути».

— Вот как! Ну, а как же у вас там насчет крупного рогатого скота?

— Ничего... План перевыполнили... Коров даже больше, чем до войны.

— Я не про коров, а про бычков спрашиваю!

— Да и с бычками управляемся: сто двадцать процентов плана дали!

— А как того... насчет упитанности?

— Ничего... Бычки подходящие!

— Так... так...

Председатель того района спрашивает другого колхозника:

— А вы откуда?

— Из «Луча».

— Как же у вас с бычками?

— Будто налитые! Сева ждем! Как только погода установится...

— Я не про то...

И вот уже оба председателя обращаются к колхозникам:

— Вот что, товарищи! Очень хорошо, что план развития поголовья крупного рогатого скота выполняется и перевыполняется! Особенно по бычкам! Бычки — это же тягловая сила! Которая... Ну, и так далее... Пойдите же каждый в свой колхоз и пригоните-ка по паре лучших быков. Надо нам посмотреть, какая у них упитанность! Ну, и того... Поняли? Из овражка-то пора нам выбраться! Мда-а-а! И смотрите не успокаивайтесь на достигнутом, потому что крупный рогатый скот не только мясо, молоко, рога да кожа — это же и главная тягловая сила пока... Мда-а-а! Ну идите же, не теряйте времени зря!

— Мы — мигом! Тут же недалеко!

— Ну что ж,— обратился этот председатель к тому председателю.— Пока быков приведут, закусить можно. Соединим усилия!

И закусили. И закурили...

— Скучновато,— говорит этот председатель.

— Да, не очень весело! — соглашается тот.

— А не спеть ли нам?

— Почему бы и нет? — опять соглашается тот председатель и спрашивает шоферов:

— Вы поете, ребята?

— Поем! А как же!

И оказалось, что у одного шофера неплохой первый тенор, а у другого — еще лучше, второй. У этого же председателя — баритон, а у того — довольно сочный бас.

И грянули они дружно:

«Позарастали стежки-дорожки,
Где проходили милого ножки...
Позарастали мохом-травою,
Где мы встречались, милый, с тобою...»

Как раз в эту дивную мелодию и вплелось:

— Цоб — цабэ-э-э!

Колхозники пригнали наконец упитанных быков...

1948

Не в теще дело...

У председателя колхоза имени 30-летия Октября товарища Свистуна теща живет в городе Горьком.

От Сокальского района, Львовской области, где под голубым карпатским небом живет да поживает колхоз имени 30-летия Октября, до города Горького, расположившегося на берегах многоводной матушки Волги и полноводной красавицы Оки, всего каких-то там две тысячи километров с гаком. Это — если только туда! А если и туда и сюда — то километров набежит уже четыре тысячи с гаком.

Так вот эта самая председателева теща, проживающая в городе Горьком, взяла да и устроила однажды пироги.

Случилось это кулинарное событие в декабре 1955 года.

Устроила, значит, теща пироги, они взошли да так запахли, что даже в Сокальском районе аромат от них пошел.

Супруга председателя колхоза товарища Свистуна потянула носом и даже руками о полы ударила:

— Ой! Мамины пироги пахнут! Ей-богу, мамины! Принюхайся, муженек! — обратилась она к своему законному мужу.

— Запах приятный! — согласился товарищ Свистун.

— Ни у кого на свете пироги так не пахнут, как у моей мамы,— похвасталась председателева супруга.

— Ничего не скажешь: аромат! — согласился товарищ Свистун.

— А ты же еще их и не пробовал! — начала соблазнять Свистуна супруга.— У моей мамы пироги, такие пироги, что как возьмешь в рот, прямо тают!

Товарищ Свистун проглотил слюну и произнес:

— Бывают пироги, что так и тают во рту! Редко, а все же бывают.

— У моей мамы всегда такие пироги! Вот бы поехать! — соблазняла председательша.

— Не близкий свет! — вздохнул председатель.

— На «Победе»-то? — загорелась председательша.— Хоть и ненастье, но дорога везде хорошая! Только шесть километров до шоссе грязь — так тут трактор поможет! А интересно. На «Победе» и на тракторе одновременно! А выскочим на шоссе, так уже покатимся: Львов, Киев, Москва, Горький! Не заметим, как доедем!

— Да оно...— заколебался председатель.

— Голубок! — пристала председательша к председателю.— Да ты же маминых пирогов никогда не пробовал! Так во рту и тают, так и тают!

Одним словом, поехали председатель с председательшей на «Победе» из Сокальского района в город Горький к маме на пироги...

До шоссе тащили «Победу» трактором, а через десять дней, когда возвращались, от шоссе до колхоза тащили «Победу» лошадьми.

Пироги были очень вкусные — во рту так и таяли, так и таяли...

Вместе с пирогами таяли колхозные трудодни для двух шоферов, таяли колхозные деньги на горючее для машины, на амортизацию и т. д. и т. п.

Когда об этом намекнули председателю Свистуну, он авторитетно заявил:

— Не ваше дело! Я — хозяин!

* * *

Что и говорить, не дешево обошлись колхозу имени 30-летия Октября тещины пироги, но, чтобы хоть немного успокоить колхозников, должны констатировать, что бывает еще значительно хуже с такими вот тещами, пусть они будут здоровы и не кашляют.

У одного председателя колхоза теща проживала на острове Целебес.

Колхоз был на Полтавщине, а теща — на Целебесе.

А остров Целебес знаете где?

В Индонезии! Как проедете остров Яву, потом остров Борнео, возьмете чуть направо, там уже недалеко и до Целебеса. Это если уже попадете в Индонезию, а ведь еще до Индонезии не близко. Если через Одессу ехать, так Черным морем через Дарданеллы, потом уже всякими проливами — Бабэльмандебским, Суэцким каналом, потом Индийским океаном в самую что ни на есть Индонезию.

И вот загорелось председательше к теще на Целебес. И только на «Победе»!

Что поделаешь?! Захотелось председательше — хоть лопни, захочется и председателю.

В районе отговаривали: мол, далеко и опасно, да и бензину на такой путь не запасешься — не помогло.

— Поедем — и все!

Пугали тайфуном, пассатами, муссонами, крокодилами, удавами,— нет, поедем!

Взялся уговаривать районный энтомолог:

— Там кобры! Очковые гадюки! Гремучие змеи!

Председательша разбила энтомолога вдребезги:

— Мамаша писали,— объяснила председательша,— что действительно сперва, когда они только поселились, там было немало всяких гадюк — и кобры были, и гремучие, и очковые змеи были,— а когда мамаша прошлись по джунглям, гадюки куда-то исчезли! Теперь, пишет мамаша, и смотреть не на что! Мамаша держит полдесятка кенгурих. Кенгурих мамаша доят, а молоко продают, добавив воды, как козье. Мамаша, еще когда жили под Киевом, на этом руку набили: они тогда из козьего молока такое хорошее коровье «парное» молоко делали, что и до сих пор некоторые киевские дамочки вспоминают!

— Поедем! Не уговаривайте! — настаивал председатель.

И поехали!

Мы не будем детально описывать путешествие, было оно довольно трудным; «Победу» пришлось везти и на пароходах и на пирóгах, а уж как доехали до тещи, по-

шли тропические дожди, дорогу развезло, пришлось запрягать в «Победу» слева жирафа, а справа — в ярме носорога, и так дотащились до тещи.

А все же не жалели, что приехали на «Победе»,— пускай знает, мол, теща, что ее зять не на волах ездит...

Что зятю больше всего понравилось у тещи, так это первач из бананов... Ароматный и хваткий. Голова после него свежая, будто и капли во рту не было. И закуска была подходящая: соленые ананасы и шинкованные трепанги с пальмовым маслом...

Погостили хорошо, да окончилось все трауром. Шофер перебрал банановго первача, и председатель — тоже после хорошего завтрака! — сам повез прокатить тещу на «Победе». Ехали над целебесским морем, на крутом повороте в машине открылись дверцы, и теща вылетела из машины прямо в море. Вблизи плавала акула, и тещи не стало.

Поплакали, погоревали, вернулись домой на Полтавщину, а в колхозе уже новый председатель, ибо наш знакомый сильно задержался у тещи...

Народ у нас, как вы знаете, очень ласковый и щедрый: взял все расходы по путешествию на Целебес на артельный счет, а председателю еще и выходные выплатил.

Хорошо, что так! А то пришлось бы председателю довольно долго отрабатывать поездку к теще в гости...

Вот до чего иногда доводят тещи.

. . . . . .

...Тещу, разумеется, надо уважать, но, однако, делать все следует так, как того требует Устав сельскохозяйственной артели.

1956

В ночь под Новый год

I

В одном колхозе, одного района, одной области, приключилось страшное событие...

В ночь под Новый год в этом колхозе украли сторожа!

Был сторож, и вдруг как языком слизнуло.

В этом колхозе по штату всего только восемнадцать сторожей...

Не восемьдесят, а всего только восемнадцать.

Сторожа меж собой живут тихо, мирно, в согласии и дружбе.

Они сторожат, солнце вертится, трудодни идут... Чтобы когда-нибудь среди них, среди сторожей, вспыхнула ссора — да боже сохрани!

Разве когда в подкидного играют и кто-нибудь не ту карту подкинет, но это бывает очень редко, потому что играют они в подкидного так, что и в карты уже не глядят, такие специалисты: дошли до того, что без карт играют, а так — жестами.

Потому и ссориться нет причин.

Бывает иногда, что стеречь, собственно, нечего, так и из этого положения находят выход: стерегут тогда один другого, чтобы не было прогулов.

Словом, хорошие сторожа, квалифицированные, с солидным стажем.

Трое из них уже в преклонном возрасте, старенькие, а остальные — ничего, в добром еще здоровье, и если не играют за амбаром в подкидного, то борются «накрест» или «под силки», а если бороться не хочется, то идут на молочнотоварную ферму:

— А ну, кто бугая подымет?

Бугай в том колхозе — симментал. Красавец бугай. Цезарем называется. Девятьсот восемнадцать килограммов весит. Но характером смирный, поднимать себя дает, только стонет.

Одному, конечно, не поднять, а вдвоем поднимают, как ребенка.

Только кряхтят.

Оленка Кленова, самая лучшая в колхозе звеньевая и самая бойкая на язык комсомолка, как-то на заседании правления бросила:

— Да вы бы нашим сторожам футбольный мяч купили. Они потренируются и «Кубок СССР» нам выиграют! Хватит им бугая поднимать!

Сторожа обиделись на Оленку:

— Ты не очень-то болтай! Хоть мы и сторожа, но не забывай, что я есть тесть, а я свекор, а я дядька, а я кум! Прикуси язык!

И так за дивчину взялись, что если бы не парторг с комсоргом, то, гляди, лишились бы мы звеньевой!

А так вообще, повторяем, сторожа очень хорошие и весьма квалифицированные, просто-таки незаменимые.

И вот одного из них под Новый год что-то схватило и утащило.

Дело было, рассказывают, так.

Под Новый год сторожа вышли на работу уже после встречи Нового года, так как никто до двенадцати часов в колхозе не спал и бояться было нечего, да и воры в эту ночь тоже Новый год встречают, так что можно было не волноваться.

Встретили Новый год и вышли сторожить.

Этой ночью не играли в подкидного, не боролись да и бугая не поднимали — было тяжеловато. Походили, поколотили в колотушки, посидели, подремали, ничего за ночь не случилось; рассвело — разошлись по домам да и легли спать.

И вот на другой день жена одного из сторожей подняла тревогу:

— Пропал муж!

Туда-сюда — нет. Уже и вечер — нет!

Позвонили в район, вызвали из милиции собаку-ищейку Трефа. А той ночью шел снег, следы замело.

Треф побежал по дворам, подбежал к колхозному амбару, понюхал, ринулся к стогу колхозного сена и стал разгребать сено. Греб, греб и выгреб свиной окорок.

Все только:

— Тю!

А завхоз потихоньку:

— Чтоб ты сдох! Откуда ты на мою голову взялся?

А Оленка тут как тут:

— Глядите! Хоть и зарезана, а в сено зарывается! Недаром сказано — свинья!

— Да она с морозу! — усмехнулся милиционер.

II

Кража сторожа в колхозе произвела на всех гнетущее впечатление.

Жена все плачет, родственники и соседи — в печали.

Сторожа ходят тучей:

— Не уберегли!

Созвали экстренное заседание правления, где постановили удвоить штаты колхозных сторожей, чтобы один штат сторожил колхозное добро, а второй — чтобы сторожил первый штат.

* * *

— Могло ли такое случиться? — спросили мы своего знакомого мудрого колхозника.

— Сколько в колхозе сторожей? — спросил он.

— Восемнадцать!

— Могло быть! — поразмыслив немного, сказал мудрый колхозник.— Могли и украсть. Есть кого украсть!

— А что делать, чтобы в колхозе сторожей не крали?

— Единственный способ: избрать на весь колхоз одного хорошего сторожа — председателя колхоза! — посоветовал мудрый колхозник.

— Что же ему сторожить?

— Колхозные трудодни! — твердо заявил мудрый колхозник.— Никто тогда у него сторожа не украдет.

1950

Ох, и Матрена же Карповна!

Много, много в наших районах коллективных хозяйств!

Среди них есть хорошие, есть средние и есть, как их называем теперь, отстающие...

Не плохие, а отстающие...

И это вполне правильное название для таких колхозов — «отстающие», потому что плохих колхозов не бывает, не может быть.

Не колхозы плохие, а есть — будем говорить прямо, люди мы свои! — руководители неважные, а у таких неважных руководителей и колхозы частенько бывают отстающими.

Но в каждом районе обязательно есть один колхоз наилучший из лучших, наипередовой из передовых, гордость целого района, а может, и области, а может быть, даже и республики, и всего Советского Союза.

И частенько бывает так, что какая-нибудь артель кое-как перебивается, лишь бы, как говорится, протянуть день до вечера. Стонет, кряхтит, а из района кричат на нее: «Ты мне весь район назад тянешь!» И земля как будто у этой артели не родит, и скотина неплодящая, и дождь над нею, говорят, идет не весной, в мае, а обязательно во время жатвы и молотьбы. Одним словом, горе мое горькое.

Но вот демобилизовался из армии человек, приехал домой, явился в райком партии, там ему и говорят:

— Вот и хорошо, что вернулся! Будем рекомендовать тебя председателем артели! Она в хвосте плетется! Выведи ее вперед.

Человек отговаривается:

— Да я того... да разве я... да я ж еще не того...

Но, несмотря на то, что он еще «не того», избирают его председателем...

Проходит год-два, и вот не узнать артели.

На работу идут с песнями, дожди выпадают у них как раз в тот момент, когда дедушка Тимош глядит на небо и говорит: «Вот бы теперь дожди!» Коровы чистые и яловыми не ходят, кони весело ржут, кобылы жеребятся, трудодни как трудодни, куры кудахчут, петухи поют, даже индюки бормочут.

А девушки, а девушки в этой артели!..

То, бывало, расчесывались только по субботам, а теперь три раза в день причесываются, в зеркальце смотрятся, и у каждой в уголочке спрятан крем «Снежинка», и Олена потихоньку выпытывает у Галины:

— Ты не знаешь, каким одеколоном от Оксаны пахнет? Я спрашивала — не говорит!

— Либо «Сирень», либо не иначе как «Белая ночь».

— А я узнала еще получше, называется «Манон»! Купим, тогда посмотрим, кто кого перепахнет.

Даже бабка Секлета, что целыми днями на завалинке греется,— очень уж старенькая,— так и бабка Секлета, приглядываясь и принюхиваясь ко всему, что в артели делается, всем сообщает:

— Эх, вот так-то и мне хотелось бы!

А совсем было заскучала артель.

Пришел энергичный человек, встал во главе коммунистов, перевернул все: сплотил актив, собрал, зажег комсомольцев — и завертелось...

И председателю артели приходится уже думать не о том, выйдут или не выйдут сегодня на работу, а о технике, зоотехнике, гибридизации и Мичурине...

И артель уже образцовая, передовая...

Так вот, в нашем районе была не одна такая наипередовая артель, а две. Были когда-то отстающими, а теперь, как стали хозяйничать в них настоящие организаторы и настоящие хозяева, теперь они наипередовые...

И какая из них лучше, никто в районе не мог сказать.

Если в одной из них хорошо одно, то во второй — еще лучше другое.

А в общем, показатели одинаковые...

Почитали и любили в районе обе артели одинаково. И артели любили, и председателей уважали...

В артели «Новая жизнь» председателем был Иван Петрович Клен.

В артели «Счастливая жизнь» председательствовал Петр Иванович Явор.

Поезжайте в район, спросите там, а может быть, даже и в области:

— Ну, как у вас поживает Иван Петрович Клен?

— Из «Новой жизни»? Да это ж наш Посмитный! — И приветливо улыбнется тот, кого вы спрашиваете.

А поинтересуетесь:

— Как Явор Петр Иванович, жив-здоров?

— Из «Счастливой жизни»? А как же! Наш Дубковецкий. — И глаза вашего собеседника ласково улыбнутся.

Ну, а мы уж знаем, что наивысшая похвала для председателя колхоза — это назвать его Посмитным или Дубковецким.

Макар Анисимович Посмитный — прославленный председатель артели имени Буденного, Березовского района, Одесской области, а Федор Иванович Дубковецкий — не менее прославленный председатель колхоза «Здобуток Жовтня», Тальновского района, Киевской области.

Оба зачинатели колхозного движения, оба двадцатипятитысячники и оба такие хозяева на колхозной земле, что куда там всем прежним господам Кенигам да Харитоненкам, Терещенкам да принцам Ольденбургским...

Все про них читают, все про них знают, и все ждут, кто кого перехозяйничает: Федор ли Иванович Дубковецкий «перефедорит» Макара Анисимовича Посмитного, Макар ли Анисимович Посмитный «перемакарит» Федора Ивановича?..

Так что если какого-нибудь председателя артели называют в районе Дубковецким или Посмитным, то так и знайте, что это настоящий хозяин, «как гром».

Зря не назовут...

Соревновались Иван Петрович Клен с Петром Ивановичем Явором.

Собственно, не они соревновались, а артели подписывали между собою договор на социалистическое соревнование...

«Новая жизнь» со «Счастливой жизнью»...

Хотя, положим, если соревнуются артели, то соревнуются и председатели артелей...

Обе артели, еще раз скажем, были образцовыми...

И Иван Петрович Клен, и Петр Иванович Явор, да и все члены артелей «Новая жизнь» и «Счастливая жизнь» прекрасно знали, что на обычных «пунктах» договоров много не выиграешь и выполнением этих пунктов никого не удивишь...

Поля как столы, да еще и чистою, да еще и вышитою скатертью застланные...

Планы перевыполнены: и в полеводстве, и в животноводстве, и в птицеводстве, и в пчеловодстве, и в огородничестве... Во всем...

И клубы в обеих артелях есть, и стенгазеты есть, и агрокружки, и драмкружки, и всякие другие кружки — все это уже вошло в быт...

Как нельзя утром не помыться, так нельзя не пойти в клуб, в агрокружок, не почитать газету, не написать заметку в стенгазету и т. д.

Инвентарь отремонтирован, весь он под навесами, не на дворе,— не ржавеет, не портится...

Скотина в тепле, сыта...

Колхозные кладовые значительно лучше, чем некоторые районные кооперативные универмаги: и чище, и порядка больше...

И в школе тепло, и в больнице тепло, и у учителей тепло, и у врачей тепло...

Сначала Иван Петрович Клен из «Новой жизни» приехал к Петру Ивановичу Явору в «Счастливую жизнь» с целой комиссией своих колхозников прове-

рить выполнение договора на социалистическое соревнование...

Обошли решительно все: везде все ладно, везде полный порядок, ни к чему не придерешься...

Уж на что Матрена Карповна Гнутая, бригадир полеводческой бригады из «Новой жизни», такая, что от нее ничего не спрячешь, такая придирчивая, что про нее Петр Иванович Явор сказал Ивану Петровичу Клену:

— Ты ее замуж выдай, может, она подобреет!

Но и Матрена Карповна Гнутая ничего такого не нашла, к чему бы можно было придраться...

В прошлом году Матрена Карповна, правду говоря, немножко пристыдила «Счастливую жизнь»: открыла рядовую сеялку, а там немного зерна осталось и проросло...

Черти притащили эту сеялку!..

Из-за этой сеялки «Новая жизнь» и оказалась на первом месте, «Счастливая жизнь» — на втором.

Все удивлялись — кругом отлично! Пять!

Поехали и в четвертую бригаду, что была за три километра от села,— и там кругом пять! Отлично!

Ну, хозяева гостей угостили, покормили обедом.

Гости поблагодарили.

— А когда к нам на проверку?

— В воскресенье приедем.

Счастливожизненцы были очень рады, что в этом году даже и сеялка не подвела и Матрена Карповна Гнутая ничего не смогла поделать.

А они знали, что Матрена Карповна не может без того, чтоб не победить ..

А вот, видите, и не победили! Не было к чему придраться!

Через неделю-полторы Явор Петр Иванович со своими колхозниками поехал в «Новую жизнь»...

И тут то же самое: пять!

Один из счастливожизненцев так просто сказал:

— И чего мы будем ходить? Не знаем мы, что ли, как они хозяйничают? Давайте лучше сядем да покурим,

чем зря ноги бить. И будем равны по соревнованию! Ей-бо, правда!

— Э, нет! Нужно все проверить. Как же так? Проверка так проверка!

— Ну, идите, а я покурю.— Да и сел этот «один» возле кладовой.

Ни к чему не придрались и счастливожизневцы у новожизневцев...

А нужно вам знать, что бригада Матрены Карповны Гнутой была тоже за два километра от села, в бывшем небольшом господском имении...

— Ну, пойдем к Матрене Карповне.

— Если уж тут ни к чему не придрались, то у Матрены Карповны — черта лысого!

— А все же поехать надо.

Поехали...

Матрена Карповна приветливо встретила гостей:

— Просим, просим!

— Ну, где тут у тебя огрехи, показывай, Матрена Карповна! — усмехнулся Петр Иванович.

— Глядите!

Поглядели. Дай бог, чтоб во всех бригадах и во всех колхозах было так, как у Матрены Карповны.

— Хорошо хозяйничаешь, Матрена Карповна! Ничего не скажешь! Лучше, чем отлично.

— Как умеем! — поклонилась Матрена Карповна.— А теперь, дорогие гости, зайдите же и в наш красный уголок, отдохните! Угостим вас грушевым квасом!

Зашли гости в красный уголок...

Собрались в красный уголок все, вся бригада: молодые парни, девушки, пожилые... Сидят, беседуют, кваском угощаются.

Матрена Карповна привстала и говорит:

— Может быть, дорогие гости, послушаете, как наша бригада поет?

А девушки и парни, да и пожилые как-то так уже пристроились в углу, как им удобно было.

Матрена Карповна вышла на середину, махнула рукой...

И как грянут парни:

Из-за гор из-за высоких
Сизокрыл орел летит...

Девушки подхватили... И полилось... и полилось...

А потом и «Верба густа», и «Дударик», и «Туманы мои, растуманы»...

Хор, говорю вам, да какой хор!

Гости остолбенели...

— И когда же это вы успели?!

Кончили петь, тогда выходит на середину Наташа Качур — звеньевая, встала и начала декламировать:

Шли солдаты из-за Псла
Двадцать первого числа...

«Солдатскую балладу» Андрея Малышко прочитала... Да как!

Выходили еще девушки и парни, декламировали Пушкина, Шевченко, Тычину, Рыльского...

Гости только головами кивали да аплодировали...

И было записано:

«По культурной работе «Новая жизнь» стоит выше. Особенно бригада Матрены Карповны Гнутой...»

Ох, и Матрена ж Карповна!

Не в том, так в этом, а все-таки первая!

1949

Мечтатели

— Ну что, как? Ест?

— Ест!

— И здорово ест?

— Здорово. Просто-напросто жрет, а не ест!

— Ты смотри, такой маленький, а так здорово ест!

— Ничего-ничего! Вот прилетят самолеты, они ему покажут, как есть!

Такой или приблизительно такой разговор происходил в одном райкоме и в исполкоме одного районного Совета депутатов трудящихся.

А долгоносик тем временем и на самом деле не ел, а попросту пожирал молодые, зеленые всходы сахарной свеклы.

— Может, эти... Может, конные опрыскиватели пустить? Самолеты самолетами, а ведь и конные-то опрыскиватели — тоже вещь неплохая. И их у нас хватает, гексахлорана тоже сколько угодно. Давайте, товарищи, на самом деле запустим опрыскиватели? Конные, а?

— Да что ты мелешь?! При таком развитии авиации, как у нас, станем мы валандаться с конными опрыскивателями! Может, еще скажешь кур выпустить?

— А что вы думаете? Куры, они долгоносика здорово клюют! Помню, в позапрошлом году выпустили мы на плантацию кур, так они как чесанут! Ей-богу, от долгоносика один только дым пошел!

— Так это же в позапрошлом году! Нет, ты уж не тяни нас назад, к старой технике! К курам нас не тяни!

— Да ей же богу, куры бы сразу...

— Куры, куры! Куры, значит, пускай с долгоносиком борются, а самолеты пусть яйца несут? Так? Может, еще заставишь самолет и высиживать яйца? Голова садовая!

— Так ест же! Посевы под угрозой!

— Ест?! Да разве ж только в нашем районе ест! В соседнем районе что — не ест? Еще как ест! И что ж ты думаешь, соседи паникуют? Ничего подобного! Ну, работают у них четыре самолета! А конные опрыскиватели стоят? Стоят! И никакой паники! Районное руководство спокойно на это смотрит. И председатели колхозов не суетятся. А ты мне тут: «Караул! Давай конные опрыскиватели! Кур давай!» Прошу без паники!

На этом разговор прервался: районное руководство задумалось.

Думало-думало районное руководство, а потом и замечталось:

— Вот ведь у нас теперь еще простые самолеты работают по борьбе с вредителями колхозных полей... А дайте срок, скоро и реактивные будут! Только — р-р-р-р! Грохнуло, дернуло, ж-ж-жах! — только стежка тумана осталась! Глядь — а вместо долгоносика один тебе только микроорганизм на пахоте. Да и того не видно! И до этаких времен доживем! И никто тебе тогда всякими дурацкими вопросами голову морочить не станет: «А конные опрыскиватели готовы?», «А кто ремонтировал и почему они плохо работают?», «А что так мало кур на свеклу вывезли?» Ничего подобного и в помине не будет. Сиди себе и командуй в телефон: «Уничтожить долгоносика!» «Есть уничтожить долгоносика!» ...р-р-р-р-р! И долгоносика — как не бывало.

С современными-то самолетами гоже еще не без мороки: бензин запасай, людей для обслуги давай и так далее. А будет одна тебе ракета — и порядок! Доживем! — самодовольно усмехнулось руководство.

* * *

— Ну, как у вас с долгоносиком? — телефонный звонок в колхоз.

— Уничтожил половину посевов!

— Как уничтожил?

— А так!
— Пересева-а-ай!

* * *

Спустя некоторое время — разговор:
— Как боролись с долгоносиком?
— Да больше мечтали...
— А результаты?
— Не очень! Строгий выговор с предупреждением, да там еще прокуратура чегой-то пишет!

1952

Не ссориться!

Шутка

Иван Косило, бригадир полеводческой бригады, поссорился с Иваном Моторенко, механизатором, бригадиром тракторной бригады.

А жили они друг с другом всегда в ладу и согласии, работали дружно,— и вот нате вам: пробежала между ними черная кошка!

Да какая! Не кошка, а прямо-таки целая пантера! Только покажется Иван Косило возле трактора — Иван Моторенко за трактор, чтобы Ивана Косило не видеть, а как подойдет Иван Моторенко к пшенице, Иван Косило — в пшеницу, чтобы с Иваном Моторенко не столкнуться.

А пшеница такая уродилась, что, не сгибаясь, спрятаться можно: шагнул в пшеницу — и нет человека, даже если он и бригадир.

А что случилось-то?

Поговаривают, будто захотелось Ивану Косило над Иваном Моторенко подшутить. Вот он и говорит:

— Ну, что бы ты только со своим комбайном делал, если бы я тебе такую вот пшеницу не вырастил? Ну, скажи-ка по совести!

Да еще, говорят, и захохотал. Да еще и при народе.

Механизатор был человек солидный, трудно было его рассердить, да как уж разгневается — тогда держись. Сперва побледнеет, потом покраснеет, а другой раз еще и заикается...

— Ты это всерьез? — спросил механизатор полевода.

А тот свое, насмехается знай — и все:

— Известное дело, всерьез! А что, я с тобою буду в бирюльки играть?

— Ну?! — насторожился механизатор.

— Живете нашими знаниями, нашей агротехникой! Нашей... нашей... — запнулся Косило, подыскивая словцо.

— Что «нашей, нашей, нашей»?! — передразнил механизатор и побледнел.

— Умом нашим! А потом: «Мы механиза-аторы!»

— Ум-м-м-ом? В-в-в-ашим умом? М-мы в-в-в-ашим умом живем?! — Механизатор застонал, покраснел и начал заикаться.— Да ковырялись бы вы своим голым умом в навозе, если бы не мы!

Тут уж Косило подскочил:

— Что-о?! Мы?! Без вас?! Да что вы такое делаете, скажите на милость? И без вас пшеница родилась! Подумаешь! Механизаторы! Баранка!!!

Моторенко ногами затопал:

— Ба-ра-а-а-нка?! Что делаем? А глубокая вспашка, а культивация, а сев, а комбайны! «Пшеница родилась!» А какая?! А сколько? По два ковша на десятину! А теперь по тридцать центнеров с гектара! Ах ты, заноза ты этакая!

— Кто заноза? Я заноза? — завертелся Косило.

Подошел комбайнер.

Моторенко с комбайнером так взяли Косило в оборот, что и слова ему не дают сказать.

Он только:

— Агр... Мы... Вы...

И побежал. Бежит-бежит, оглянется и кулаком погрозит: я тебе, мол...

Механизатор только рукой махнул...

Задело Ивана Косило за живое:

— Заноза? Я тебе покажу занозу!

И начал бригадир полеводов думать, как бы механизатору насолить.

Было бы это до механизации, знал бы он, что делать: Моторенко этому за эту «занозу» или занозу из ярма в пшеницу закинул бы (пусть поискал бы тогда

свою занозу в такой пшенице!), или дышла повыдергал бы, или колышки из осей повытаскивал бы, чтобы у него все четыре колеса от телеги отвалились!

А в тракторе как на грех ни дышла нет, ни ярма, а колеса хоть и есть, да оси-то у них без колышков!

Вот морока!

Долго думал Косило-бригадир и надумал-таки.

— Я тебе покажу! И тебе и комбайнеру твоему!

Только жатва началась, только пошли комбайны по пшеничному морю гулять, взял Косило да к бестаркам таких лошадей поставил, что еле ноги переставляют.

Повезут бестарки зерно от комбайна к зернохранилищу да и ездят целых два часа, а то и все три.

Комбайн стоит: бункер-то полный! И трактор стоит.

А Косило стоит себе и усмехается:

— Стоишь? Механизация называется! Стоянизация, а не механизация! Я тебе покажу «занозу»!

Воду к трактору возить назначил Косило бабу Секлету ста одиннадцати лет, а горючее подавать — деда Ерусалима ста двенадцати лет.

Стоит трактор: воды нет, горючего нет! И комбайн стоит!

— Механизаторы! — машет Косило кулаком.— Простойзаторы вы, а не механизаторы! Я тебе покажу «занозу»!

. . . . . .

Хорошо, что этого не было, а то, поди, вся пшеница осыпалась бы!

1952

Почему Бугай побледнел

В одном селе одного района, в колхозе, где председателем правления Сидор Бугай, перед Новым годом такое случилось, отчего сам председатель правления Сидор Бугай побледнел как полотно.

В том селе строится новый клуб. Долго, очень долго клуб строится, и нет еще там пола, не готов потолок,— словом, клуб еще строительством не закончили.

Что в таких случаях делают добрые люди?

Достраивают клуб, оборудуют его, торжественно потом открывают, и начинается на селе культурно-массовая работа: лекции, кружки художественной самодеятельности, кино, спектакли.

Люди ходят по селу веселые, культурные и друг другу говорят:

— Вот как теперь у нас на селе культурно! Дай бог здоровья и нашему председателю колхоза и нашему председателю сельсовета! Вот какие они хорошие, и милые, и дорогие!

Это когда клуб достроят. А если делается, как в том селе, тогда происходят странные события, от которых сам председатель правления колхоза бледнеет...

Началось с того, что председатель правления колхоза Бугай решил, что у него должны быть культурными овцы, и превратил клуб в кошару: загнал туда овец.

Ну, загнал так загнал — ему виднее.

Очутившись в клубе, овцы радостно замекали и некоторые пустились в пляс.

Стройный баран сердито мемекнул:

— Тихо, овечки и барашки! Тихо! Это вам не

в хлеву, а это вам в клубе, в культурном учреждении! Прошу вести себя культурно!

Отара замолкла...

— Вот что, дорогие овечки и барашки! Поскольку мы в клубе, не будем терять дорогого времени, а возьмемся за овечью самодеятельность. Я предлагаю начать с деятельности драматической, подготовить спектакль «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці». Грицька буду играть я, Хому — мой старый дядя, который с одним рогом, а Марусю — ты,— обратился баран к молоденькой ярочке, у которой на кончике хвоста бантиком белел клок светлой шерсти, хоть сама она была сугубо черная.— Ты у нас самая нарядная, тебе и гримироваться не нужно!

С этого и началось...

Мы не будем описывать, как проходили репетиции...

И вот однажды, как раз под Новый год, в селе очутился заврайотделом культурно-просветительной работы товарищ Козел. Заночевал тот Козел в селе и проходил вечером мимо клуба-кошары.

Внезапно слышит он, что в клубе кто-то жалобно-жалобно мемекает: «Ой не ходи, Грицю, та й на вечорниці...»

Волосы у Козла стали дыбом, он ворвался к председателю колхоза Бугаю с отчаянным криком:

— Что у тебя в клубе делается? Спа-си-и-те!

Выскочил от председателя и помчался галопом прямо в райцентр.

Председатель Сидор Бугай прибежал в клуб и обалдел.

Из клуба слышалось мелодичное мемеканье:

Ой мамо, мамо,
Нехай же ж він знає,
Нехай же двох разом
Нас він не кохає...

Бугай прискакал домой, задрожал и побледнел...

Овечий спектакль не состоялся: говорят, по распоряжению райисполкома овец из клуба как будто вывели, но достраивать его не собираются, ибо Сидор Бугай и до сих пор никак не может прийти в себя.

1956

Мыши подвели

Приезжала недавно кумушка моя, крестника привозила, чтобы я, крестный, посмотрел на него и посоветовал, по какой дорожке дальше крестника направить.

Кумушка у меня женщина очень приятная, приветливая и довольно дородная, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

Хватает моей кумушки и на Правобережье, и на Левобережье, да и на западные области, и на Закарпатье хватит.

Женщина, одним словом, кругленькая.

Крестник тоже, слава богу, вырос: уже в галифе ходит и «Катюшу» курит. При усах, лысина начинается.

Кумушка и говорит:

— Вот поглядите, какого воспитала! Сорок шестой ему пошел, определить бы его куда-нибудь пора, до каких пор ему при матери быть?!

И наклонилась ко мне, даже припала.

— Председателем колхоза хочу его пристроить! Как вы,— спрашивает,— думаете?

— А почему же,— говорю,— не пристроить? Можно пристроить и председателем колхоза! Должность подходящая! Уважаемая должность!

— Вот если бы... председателем! И ему того, да и мне на старости лет того... А уж председатель был бы — и не говорите! И послушный он у меня и работящий! Да и мне бы лошадка каждое воскресенье была, чтобы в церковь ездить!

— А зернохранилища,— спрашиваю,— умеет ремонтировать? Вот,— говорю,— допустим, управится с уро-

жаем, а куда зерно ссыпать, если зернохранилище не отремонтировано, а там мыши и долгоносик?

— Ивась,— кумушка крестнику,— сможешь зернохранилище отремонтировать?

— Не смогу!

— Почему не сможешь?

— Мышей боюсь!

— Почему же ты их боишься?

— Да я и не боялся, а вот как-то шел мимо нашего зернохранилища, а они, мыши, как повылезли на крыльцо, так крыльцо серым стало. Да на две кучи разделились и пищат, пищат. Одна куча кричит:

«Отремонтируют зернохранилище! Смерть нам!»

А вторая:

«Никогда в жизни не отремонтируют! Председатель артели с осени к нам в зернохранилище не заходил! Когда же они отремонтируют, если о нас забыли?!»

А те снова:

«Отремонтируют!»

«Не отремонтируют!»

А я так перепугался, что не сдвинусь. Стою и топчусь на месте. Вдруг одна, видно, старая мышь выходит вперед и важно так пищит:

«Не отремонтируют, потому что воду далеко возить!»

А другая в ответ:

«Ну что ж, что далеко! Подождут, пока дожди пойдут, и отремонтируют!»

«Э, тогда уже не страшно! Тогда уже и до весны останется не очень далеко, перезимуем!»

Да как поднялась между ними драка — ой мамочка! Очнулся я — и наутек!

Нет, к зернохранилищу и на выстрел не подойду!

— Ну что ж,— говорю,— дорогой крестник, ничего не выйдет, не годишься ты в председатели колхоза. Что же это за председатель, который мышей боится и зернохранилище не ремонтирует?! Это не председатель! Придется,— говорю,— тебя, дорогой крестник, на какую-нибудь другую должность определить.

Думаем мы с кумушкой, пожалуй, в Заготзерно его устроить!

1956

Тяжелая болезнь

I

— Значит, так: через неделю, самое большее дней через десять, и начнем пшеничку! Во как налилась!— поглаживая колоски, говорил Иван Петрович, бригадир.

— Через неделю? — испуганно переспросил Павло Подушка.

— Не позднее! — ответил бригадир.

Было это вечером, а на следующий день утром Павло Подушка, весь съежившись, говорил врачу амбулатории Никите Ивановичу:

— Вот тут у меня, Никита Иванович, жжет. Отсюда начинается, а сюда подкатывает и как под сердцем закрутит, даже в глазах темно. И будто так вот мель-мель, мель-мель и в голову ударяет! Ну, не устоять на ногах — и баста! Особенно если на солнце! Голова кругом, хоть кричи!

— А в холодке, в тени? — спросил врач.

— В холодке не ударяет! Только под сердце подкатывает! А в глазах и в холодке темно!

— Может, потому и темно, что чересчур густой холодок,— усмехнулся врач.

— И аппетита никакого,— продолжал Павло Подушка.— На еду смотреть не могу! Положите меня в районную больницу: мать тревожится, как бы я случаем не помер! И у дедушки, говорит мать, точно так начиналось, дедушка взял да и помер.

— А сколько лет было деду?

— Семьдесят пять! Дедусь был крепкий, двужильный, да и помер. А я еще молодой, неопытный, как бы не помереть! Хоть на комиссию пошлите!

— А тебе сколько лет?

— Девятнадцатый!

— Женатый?

— Осенью, если не помру, женюсь!

— А ты не помирай! Доживи уж как-нибудь до осени; может, и я на твоей свадьбе еще погуляю!

— Пошлите на комиссию! — упрашивал врача Павло.

— Комиссия вряд ли поможет,— сказал врач,— скорее гимнастика, а утром холодное обтирание. Да и работать надо, не залеживаться — и пройдет!

— И это все лекарство?

— И это все лекарство! — подтвердил врач.— Кто следующий?

II

— Ну, что сказал врач? — спросила мать.— В больницу нужно везти?

— Да какие у нас врачи! Разве они что-нибудь понимают? У меня внутри болит, а разве он видит? В районе хоть рентген есть, там бы просветили и увидели. А он мне гимнастику и холодное обтирание!

— На работу пойдешь?

— Где там на работу! На какую работу, если света белого не вижу! В глазах темно...

— Ну, я побегу на ферму к курочкам, на тебе вареников, покушай!

Мать поставила на стол миску с варениками.

— И это все? — поморщился Павло.— А сметана?

— Да забегала Оленка, я ее угостила.

— Ткнут полмиски вареников и хотят, чтоб здоровье было! Сами ешьте! — оттолкнул Павло миску.

— Ну, тогда возьми сала! — сказала мать, уходя.

— Сами сметану ели, а мне сало да сало! А колбасы не осталось?

— Бери колбасу!

III

— Что, заболел? — забежала к Павлу Оксанка, редактор стенгазеты.

— Тошнит...

— И аппетита нет?

— Да какой уж аппетит! — глотая колбасу, произнес Павло.

— Оно и видно!

— Да что видно, когда внутри болит! Вот если бы рентгеном просветили...

— Осветить бы тебя, а не просветить! Это ты в субботу в клубе перетанцевал!

— Если бы перетанцевал, ноги болели бы... А то внутри!..

— А тут еще уборка вот-вот!

— Я и говорю — уборка, а я так заболел!

— Ну, а что Никита Иванович говорит?

— Да разве наши врачи понимают?! Гимнастику, говорит, нужно делать!

— А мы тебя сами вылечим! — бросила Оксанка и убежала.

На другой день в колхозной стенгазете красовалась карикатура: лежит на рядне под грушей Павло Подушка, вместо головы у него макитра с варениками и надпись: «Тяжелая болезнь. У Павло Подушки в голове замакитрилось...»

Павло вышел на работу. С Оксанкою не поздоровался.

Оксанка сама к нему подошла:

— Выздоровел? Сделаешь сто процентов, поместим опровержение...

Павло дал сто тридцать.

Оксана написала: «Газета помогла».

1950

По ревизии

— Опять наревизовал? Снова наревизовался? — громыхала супруга председателя ревизионной комиссии одного колхоза, одного района, одной области.

Председатель ревизионной комиссии сидел у стола на лавке, не очень осмысленно ухмылялся и не совсем твердо произносил:

— Все в п-п-п-п-ппорядке. На п-п-п-п-полный трынн-ндыдень!

Тут председатель ревизионной комиссии узрел кота.

— Кссс! Кссс! — позвал кота председатель.

Кот доверчиво приблизился к хозяину и хотел было ласково потереться о его сапоги, но председатель ревизионной комиссии схватил кота на руки и начал вывязывать ему хвост бантом.

— Я т-т-т-тебе,— бормотал председатель,— б-бантом хвост, как у Маруси!

— У какой еще такой Маруси? — выхватывая кота из рук председателя, вскричала жена.— Я тебе дам Марусю! Ложись спи, горе ты мое ревизионное!

Она толкнула председателя на кровать и заехала ему котом по физиономии.

Председатель упал на подушки, хотел было приподняться, но это ему не удалось, и он хлопнул ладонью по подушке:

— Не дерись котом! Ф-ф-ф-ффуражный кот — она животина! А то я та-та-такой тр-р-р-равопольный оп-ппорос п-п-покажу! По четыре деловых председателя на с-с-свиноматку!

— Ну, понес околесицу! Спи лучше! И когда уже эти перевыборы? — сокрушалась супруга.

Вышеупомянутый председатель ревизионной комиссии отправлялся на ревизию не четыре раза в год, как положено по Уставу сельскохозяйственной артели, а значительно чаще: бывало, что по четыре раза в неделю.

Результаты таких ревизий и для председателя правления колхоза, и для ревизионной комиссии, и для некоторых членов правления получались прекрасные: иногда жареная курица, иногда гусь, иногда утка. Ну, разумеется, кислая капуста, помидоры, соленые огурчики...

А порой попадался и поросенок с хреном из незарегистрированного опороса колхозной свиноматки. Поросенок, ежели говорить правду, рождался без хрена — хрен добавлялся потом.

Колхозники того колхоза поговаривали:

— И когда ж это кончится? У соседей коровы в теплом помещении, сытые, аж лоснятся, а у нас на холодном ветру ребрами светят!

— У соседей одного зерна килограммы на трудодень, а у нас граммы.

Однако судьба все же смилостивилась над ними: председатель правления сел на ту скамью, на которой не очень-то приятно сидеть.

Жаль только, что рядом с ним не сел и председатель ревизионной комиссии.

* * *

Наш знакомый — мудрый колхозник — сразу же сказал:

— Это, очевидно, в колхозе «Совместный труд», Новоселовского сельсовета, Березовского района на Одещине. Знаю, знаю, есть там такой председатель ревизионной комиссии — Захар Нещерет, который весьма озабочен всегда, как бы с кем не поссориться, не попортить добрых отношений. Ну вот и дохозяйничались до того, что председатель правления оказался под судом... В этом,— продолжал мудрый колхозник,— и ревизионная комиссия повинна. Народ выбирает ревизионную ко-

миссию, облекает ее своим доверием отнюдь не для того, чтобы ее председатель после очередной «ревизии» коту бантом хвост завязывал! Большое дело в артели деловая, работящая, ревизионная комиссия! Она и проверит, проревизует, и посоветует, и предотвратит ошибки, и так далее.

— Да... Это верно,— согласились мы.

— Вот вы возьмите ревизионную комиссию в колхозе «Красное знамя», того же самого Березовского района, Одесской области. Председателем там опытный, честный колхозник Михайло Гаврилович Рудковский. Комиссия точно выполняет требования Устава, своевременно проверяет всю хозяйственно-финансовую деятельность артели, следит за правильным учетом, за справедливым начислением трудодней. И налицо прекрасные результаты: колхоз отлично закончил прошедший год и готов к новому хозяйственному году.

— А как же сделать, чтобы все ревизионные комиссии были такими же? — спросили мы.

— А вот на отчетно-выборном собрании надо метлой вымести бездеятельные ревкомиссии и вместо них избрать честных, деловых, активных колхозников. И все!

1950

Дедушки наши и бабушки наши

Семьдесят шесть лет Евмену Петровичу исполнилось, а он все еще Подросток.

Да он и неповинен в том — и отцы его, и деды, и прадеды Подростками были: такое прозвище к ним когда-то прилипло.

Младенец ли ты или, скажем, уже старик, а все равно — Подросток!

Сказать по правде, к делу это не относится, но, чтобы избежать недоразумений, уточняем сразу, чтобы никто не задавал недоуменных вопросов: «Какой же он подросток, если ему уже семьдесят шесть стукнуло?»

Так вот, жил да поживал в нашем селе дед-колхозник, семидесятишестилетний Подросток.

До войны сторожем был. А при оккупантах хоть и вздыхал тяжело, а нароет, бывало, картошки, разделит ее на две кучки и говорит своей жене — бабке Явдохе:

— Это нам, а то — «им»! Отнеси вечером. И положи в зарослях, под дуплистой грушей. Поняла? А язык засвербит, так ты того... не «та-ла-ла», а лучше напильничек ближе!

Когда же наши войска вернулись, дед начал новые хаты строить в селе или чинил полуразрушенные.

И все молчком... все молчком...

Бабка Явдоха допытывалась:

— И чего ты все молчишь?

— Хватит и одного оратора для нашей хаты. Ты ж одна четверых международных докладчиков заткнешь за пояс!

Настала жатва. Дед Евмен первым пришел в колхозный двор — с новенькими граблями и сверкающей на солнце, отточенной, словно бритва, косой.

Появились и другие косари — молодицы, девчата, парубки.

Председатель артели не без удивления посмотрел на старика:

— А вы куда, дед Евмен?

— Будто и не видишь: в фильки играть!

Председатель проинструктировал всех, как косить да сгребать.

Когда вышли в поле, бригадир сказал деду Евмену:

— Вы, дедушка, тут оставайтесь, будете косы острить и мантачить. И других обучите этому!

— Дудки! — ответил дед Евмен.— Пускай которые помоложе косы мантачат, а я косить пойду!

И в самом деле начал косить. Как ни старались молодые косари наступать деду на пятки, ничего у них не вышло. Случалось, что он их оставлял довольно-таки далеко позади.

Они присядут, бывало, отдохнуть, а дед Евмен еще один раз с косой по ниве пройдет, и только тогда отдыхает.

Закончили косьбу, подсчитали, и оказалось, что дед Евмен вышел на первое место,— ведь на сто сорок два процента свой план выполнил!

* * *

И какой же гордый ехал дед Евмен на областной слет, где колхозникам должны были вручить высокую награду — красное знамя Государственного Комитета Обороны, которым правительство наградило область за высокие показатели на сельскохозяйственном фронте.

На одной из станций вошла в вагон старушка. И села как раз против Евмена Петровича. Долго глядела на деда Евмена, а потом как всплеснет руками:

— Евмен! Живой еще?!

— Мертвый. Разве не видишь?

— Сколько ж воды утекло!

— И ты ж, Дарья, жива до сих пор!

— Как видишь, не мертвая!

Словом, встретились друзья детства и молодых лет. И Евмен и Дарья вместе когда-то росли. И не раз, бывало, Евмен выманивал Дарью из хаты, когда очи у нее еще как самоцветы горели. Да отдали ее родители верст за сорок от родного села. (Тогда еще верстами дороги мерили.) Нечасто они после этого встречались. И вот состарились.

— Куда ж это ты, Евмен, собрался?

— Тряхнуть стариной захотелось!

— Ой ли? Гульнуть на старости решил?

— Вот-вот! На санях в летнюю пору прокатиться... А ты куда?

— Да тоже на санках по стерне!

— Ну что ж, кататься куда веселее, чем на печи перья с кур щипать.

— И я той самой думки. Ну, а косьбу закончили?

— Ага! А вы?

— Справились. Ты, наверно, зерно стерег?

— Как раз угадала. Воробьев, в общем, пугал. А ты цыплят пасла?

— Наседок водой обливала, чтоб не квохтали...

— И то дело!

На вокзале, покидая вагон, дед Евмен и бабка Дарья потеряли друг друга, утонув в толпе.

* * *

И вот открылось торжественное собрание. Зал сияет. Оркестр гремит. Оглашают список тех, кого приглашают в президиум. И, между прочим, было такое сказано:

— Подросток Евмен Петрович! Семидесяти шести лет! Косарь! На уборке сто сорок два процента выработал!

Громом прокатились по залу аплодисменты.

И важно, с поднятой головой направляется Евмен Петрович к столу президиума.

А в этот момент опять громкий голос чеканит:

— Острая Дарья Филипповна! Семидесяти пяти

лет! Вязальщица снопов! Сто пятьдесят семь процентов выполнения плана!

И опять буря в зале.

Села Дарья Филипповна рядом с Евменом Петровичем в президиуме.

— Так, значит, воробьев пугал?

— Ага! А ты с наседками воевала, чтобы не квохтали?

— Ага!

— И на пятнадцать процентов меня переквохтала...

— И ты ж не зевал: не только воробьев,— меня напугать хотел. А я, Евмен, не из пугливых!

Поглядел Евмен на Дарью, а Дарья на Евмена — и рассмеялись.

Так весело рассмеялись, как в то время, когда Евмен выманивал Дарью из ее хаты и когда луна щедро поливала своим серебром вишневые садочки и подсолнухи.

1950

«Зоре моя вечірняя...»

В одном селе, одного района, одной области, есть колхоз «Зоря».

В колхозе «Зоря» председатель правления деловой, опытный, бригадиры — отличные.

Есть там партийная и комсомольская организации, есть и колхозный актив. Да не просто актив, а настоящий актив, можно сказать, активный актив.

Хозяйство в колхозе ведется образцово: колхозники ежегодно добиваются высоких урожаев и зерновых и технических культур, хорошо развивается животноводство, все обязательства перед государством выполняются исправно, да и колхозники на оплату трудодня не жалуются, а совсем наоборот...

Скажем прямо: колхоз «Зоря» — хороший колхоз.

Любя и уважая хорошие колхозы в своем районе, районный комитет партии питает еще слабость к институту уполномоченных.

Посевная ли, уборочная ли, поставки ли государству — сразу во все колхозы направляются уполномоченные.

В каждом районе есть разные организации и учреждения; эти районные организации и учреждения посылают, конечно, своих уполномоченных.

И вот однажды в чудесный летний день, когда колосилась рожь, наливалась и дозревала пшеница и ласковое южное солнце заливало золотыми лучами колхозную землю, в колхоз «Зоря» прибыл солидного вида человек и отрекомендовался председателю колхоза:

— Уполномоченный! На жатву!

— Добро пожаловать! — тепло пожал руку председатель.— Вот и поможете нам! Заходите, располагайтесь!

В колхозе «Зоря» довольно приличное помещение для приезжих.

Дня через два приехал еще один солидного вида человек.

— Уполномоченный «Райзаготскот»!

— Добро пожаловать! — пригласил и его председатель.

И вышло как-то так, что в то лето колхозу «Зоря» сильно-таки повезло на уполномоченных.

Прибыли:

уполномоченный «Райкоопяйцо»,
уполномоченный «Райшерсть»,
уполномоченный «Райрыба»,
уполномоченный «Райраки»,
уполномоченный «Райграбли»,
уполномоченный «Райпуговица».

Не будем утруждать читателя, а скажем коротко: наехало туда человек пятнадцать солидных уполномоченных.

Приехал еще один агент страховки, другой — перестраховки и т. д.

Всех их встречал одинаково радушно, любезно и приветливо председатель правления колхоза «Зоря».

— Добро пожаловать, товарищи! Располагайтесь!

Тетя Уля заведовала домом для приезжих и обеды им варила. Борщ такой, что даже уполномоченные с хроническим колитом признавали:

— Не поверите! Дома тарелочку самого легкого супа съешь — жжет! Здесь — три миски борща не спеша выкушаешь — ничего. Правда, первые два часа дышать тяжеловато, а не жжет совсем.

И стали уполномоченные в колхозе «Зоря» жить да поживать.

А колхоз «Зоря», подчеркиваем, был хороший колхоз: все работы выполнял своевременно, агроном — толковый, опытный, зоотехник (комсомолка, выпестованная колхозом) — энергичная. Народ в колхозе дружный, работящий, прекрасно умеющий сочетать государственные и личные интересы.

Одним словом, советский народ!..

Подошел уполномоченный к жнейке.

— Ну, как тут у вас? — интересуется.

— Вечером, вечером, товарищ, расскажу! — отвечает ему Оксана, вязальщица.— Сейчас каждая минута дорога: бьем рекорд вязки снопов.

Началась молотьба. И на молотьбе уполномоченному то же:

— Вечером, вечером, товарищ: у нас часовой график! Все рассчитано. Не мешайте, дорогой товарищ!

Интересуются уполномоченные, а им:

— Поставка яиц выполнена. Молоко — выполнено. Мясо сдаем в счет будущего года.

И жилось уполномоченным привольно. Проснутся — на пруд. Выкупаются, придут позавтракают, полежат в саду, потом погуляют в саду, потом снова полежат в саду, перед обедом опять выкупаются, пообедают, после обеда полежат в саду, потом прогуляются по аллейкам, снова полежат, потом пополдничают. А как солнышко к закату и жара немного спадет, идут погулять в поле; перед ужином опять купаются, после ужина посылают в район телефонограммы:

«Заготовлено сто два процента. На достигнутом не останавливаемся...»

Вечерком соберутся перед сном в садике под дубом, едят, отдыхают, потом ложатся спать.

Уполномоченный «Райраки» знал наизусть «Графа Монте-Кристо». Он рассказывает, а все слушают.

Уполномоченный «Райшерсть» прихвастнул, что знает наизусть «Анну Каренину». Покончили с «Графом Монте-Кристо» и взялись за «Анну Каренину», но скоро обнаружилось, что «Райшерсть» сильно путает «Анну Каренину» с «Очерками бурсы» Помяловского.

Заскучали уполномоченные.

Однажды вечером после трудов праведных сидели уполномоченные под дубом. Сидели, грустили, молчали. Но вот уполномоченный «Райпуговица», глубоко вобрав в себя воздух, потихоньку затянул:

Зоре моя вечірняя,
Зійди над горою...

Песню подхватил «Райрыба», еще кто-то, а потом вступили все хором.

Какие прекрасные голоса были у уполномоченных — басы, баритоны, тенора...

Так запели уполномоченные «Зоре моя вечірняя», что тетя Уля, моя посуду, миску уронила, а Галинка влетела в клуб с криком:

— Ой, девоньки! Голубоньки! К нам Григорий Гурович Веревка приехал. Со своим мужским хором приехал!

А пел это не хор Григория Веревки — уполномоченные пели.

Почин дороже денег...

Аккуратно каждый день пели теперь уполномоченные.

Руководил самодеятельностью «Райпуговица», который, как оказалось, в прошлом дирижировал хором в клубе.

И представьте себе: осенью на областной олимпиаде художественной самодеятельности «хор уполномоченных» из колхоза «Зоря» первую премию получил.

Прослушав все это, старый мудрый колхозник лукаво заметил:

— Вот и выходит, что и уполномоченные в колхозе, где все выполняется как надо, могут немалую пользу принести.

Он говорил, а в его серых прищуренных глазах веселые чертики прыгали...

1950

„Здравствуйте!“

БЫТОВЫЕ УЛЫБКИ
И ГРИМАСЫ

Звонари

I

— Дррр!.. *(Пауза.)* Дррр!.. *(Пауза.)* Дрррррр!— звонит телефон.

— О господи! Снова! — Это говорит сам себе или думает загруженный по горло человек и берет телефонную трубку.

— Ну?!

Потом, встрепенувшись, занятой человек торопится сказать в ту же трубку:

— Простите, не «ну», а я вас слушаю!

Занятому человеку кто-то о чем-то говорит по телефону. Он слушает. Выслушав, сердито бросает:

— Ну?!

Занятой человек слушает еще некоторое время, потом нервно кладет трубку на аппарат.

— С ума спятили!— бормочет загруженный по горло человек.

— ...Дррр!

— Ну?! — взяв трубку, спрашивает снова тот же самый человек.— Простите, я вас слушаю!

— ...Нет, не перебили! Я сам перебил!

— ...Дррр! Дррр! Дррр!

II

Ответственный товарищ, работающий в руководящем учреждении, является ежедневно на работу, как ему и положено, в девять часов утра.

Товарищ этот выполняет ответственную работу, разрешает дела, над которыми следует и подумать, и прочитать немало материалов, просмотреть книги, прикинуть, взвесить, а потом уже и решать.

Это человек умственного труда.

Ну, так вот, значит, ровно в девять часов утра товарищ сел за стол.

Внезапно:

— Дрррр! — телефон.

Ответив на первый звонок, товарищ раскрывает дела, читает.

— Дрррр!

— Я вас слушаю!

После пятнадцатого «дррр!» товарищ берет трубку, но уже говорит не «я вас слушаю», а «ну», потом, спохватившись, поправляется: «Простите, не «ну», а я вас слушаю!»

После семьдесят пятого «дррр!» товарищ долго-долго глядит на телефон, потом, словно вспомнив что-то, восклицает «ага», берет трубку и говорит:

— Вы меня слушаете?

После сто одиннадцатого «дррр!» ответственный товарищ хватает в руку не трубку, а телефонный аппарат, прикладывает его к уху и удивляется:

— Смотри, как отяжелела трубка! Даже неудобно ее к уху прикладывать!

Потом думает, думает, думает и вдруг сам не свой кричит:

— Алло! Алло! Да алло ж на вашу голову!

И падает в кресло.

Затем встает, подходит к окну. На улице весна, на зеленокудрявой липе под окном прыгают, весело чирикая, воробьи.

Товарищ глядит на воробьев и никак не может сообразить, что это такое, какие это такие веселые пташки прыгают...

Потом все же догадывается, что это воробьи, смущается: как это он мог забыть воробьев, его это сердит, и он со злостью говорит:

— Телефон бы вам на липу повесить! Тогда бы не почирикали!

III

А какие такие дела, какие вопросы решал ответственный товарищ, не выпуская весь день из рук телефонной трубки?

Первые звонки, приблизительно с девяти до десяти часов утра, очень интересовались, как себя чувствует ответственный товарищ, как ему спалось, что ему снилось и т. д.

Утренние «звонари» старались всякими такими «наводящими фразами» засвидетельствовать ответственному товарищу, что они уже на работе, что, мол, на работу не запаздывают и приходят точно вовремя, а некоторые, как бы между прочим, давали понять, что для них прийти на работу за пятнадцать — двадцать минут до начала рабочего дня — это не только привычка, но сущая необходимость, которая приносит им не радость, а просто-таки административный восторг!

— Я и детей так воспитываю! — заверял ответственного товарища один из утренних «звонарей» и при этом взволнованно спрашивал: — А ваши детки как? Поговаривают, что скарлатина ходит! Беречь надо! Я своих в детский сад ни-ни! Дети — они дети! А раз мы родители, то мы обязаны быть настоящими родителями!

Бросив еще несколько таких афоризмов, звонарь завершал разговор:

— Всего! Позванивайте!

. . . . . .

...Частенько просят разрешить такие сложные и принципиальные вопросы:

— У нас рядом с дикторской комнатой живет семья с детьми. Дети шумят, мешают дикторам. Можно ли ту семью переселить в другую комнату?

— А свободная комната есть?

— Есть! Только что освободилась!

— Чего же вы спрашиваете?

— Да знаете, оно, как говорится... Хе-хе-хе! На рыбалке не были?

— А я рыбалкой не увлекаюсь!

— И я не увлекаюсь! А кое-кто удит! Хе-хе-хе! Всего!

. . . . . .

— ...Беспокоит вас кандидат филологических наук Иван Иванович Двоеточиев!

— Уже защитили? Поздравляю!

— Защитил, защитил! Тяжеловато было! Тему зато какую поднял! Белинский за такую тему не брался!

— А интересно, какую именно тему вы подняли?

— «Влияние дубовых полок на переплеты «Кобзаря» Т. Г. Шевченко издания тысяча восемьсот семьдесят первого года».

— Интересная тема! Так что же вас тревожит?

— Как вы думаете, не лучше ли нам слово «вйо» писать не просто «вйо», а после буквы «вы» ставить апостола?

— Какого апостола?

— Да вот ту самую запятую, что хвостиком вверх!

— Ага! Это не в моей компетенции... Апостолы — это тема богословская!

— Извините!

. . . . . .

— Привет! Привет!

— Кто это?

— Не узнал? А на войне, помнишь, ты на Эльбе, а я на Дунае?

— Помню! Есть такая Эльба, и Дунай есть! Так что же вас интересует?

— В инструкции сказано, что культивировать междурядье кукурузы надо вдоль и поперек. А колхоз «Зоря» сначала прокультивировал поперек, а уже после того — вдоль... Ставить ли на бюро или нет?

— Ставь! Ставь! Ставь на бюро! — кричит ответственный товарищ.— А потом и сам на бюро становись! Все!

IV

Телефон, говорят, изобрел немецкий учитель Филипп Рейс, а усовершенствовал американец Белл.

Они не виноваты.

Если бы они знали, что появятся такие «звонари», они бы воздержались.

1955

Держите... папашу!

Поглядел один папаша на деточек своих, усмехнулся ласково да мамаше и говорит:

— Качай их, наших малюточек любименьких, наших славных! Качай, голубушка, качай... Возьми вот так за вервечки [1], колыбельную спой:

Ай-люли, люленьки,
Расписны колысоньки,
Серебряны колечки,
Шелковы вервечки.

Покачаешь этак, они, родименькие наши детоньки, и задремлют. А я тем временем прогуляюсь пойду. Что-то душновато мне как-то так... Я тут недалеко буду, ь палисадничке...

Мамаша знай деточек качает, а папаша — в палисадничек, оттуда — на берег, на берег, да не тропкою, а напрямик, а потом поднял полы пальто, оглянулся, да как махнет!

Тут откуда ни возьмись кум.

— Куда это вы, Иван Карпович?

— Кросс, куманек, кросс! Эстафета под лозунгом «Дети — наши цветы!».

— А-а-а! А ребятки как поживают?

— Расту-ут! «Ай-люли, люленьки!»

---

[1] Верве́чки — веревки, на которых подвешена колыбель.

И — дальше ходу. Остановился аж у самой железной дороги. Остановился, сел на пенек, пот со лба отер.

— Уф! И не отдышаться-то никак! Чего только ради деток не сделаешь...

К станции папаша уже шагом подходил, не спеша.

А в вагоне сидя и дух перевел и отдохнул.

А мамаша деточек качает, колыбельные песни поет и... папашу ждет-дожидается.

А папаша в палисадничке вот уж, почитай, десять лет «прогуливается».

«Наши малюточки любименькие» все выросли и в школу ходят, хоть и нелегко им, потому что папаша про них позабыл совсем.

Он все время «на марше».

Но все-таки в конце концов настигла папашу мамаша.

Точнее говоря, не мамаша настигла, потому что ей, наверно, не так уж приятно этакого папашу видеть, а настиг папашу судебный исполнительный лист.

Обнаружили папашу там, где он приземлился.

Тихо-тихо сидит папаша в укромном уголке и даже «ку-ку» деточкам не кукукнет.

Сперва районный прокурор ответил мамаше, что папаша, они, мол, на самом деле у нас притаились, но нигде сейчас не работают...

А как, мол, устроятся на работу, мы им, душа из них...

Затем райпрокурор сообщает мамаше, что папаша уже устроились и будут платить положенную сумму на содержание детей.

«В дополнение к вышеизложенному,— пишет прокурор,— сообщаю, что папаша вызван был в райпрокуратуру, строго предупрежден об ответственности» и тэ дэ и тэ пэ.

Мамаша, получив от прокурора «строгое предупреждение» в адрес папаши, разложила это «предупреждение» на столе да и задумалась: «А выйдут ли из этого «строгого предупреждения» хоть одни штанишки на двоих ребят?»

Мерила-мерила, прикидывала-прикладывала — не получаются штанишки, одна только прорешка выходит...

А от папаши по-прежнему ни гу-гу.

* * *

Может быть, трудновато кое-каким прокурорам за такими папашами «бегать». Неплохо было бы, если б «состояла» при таких прокурорах специальная группа спортсменов-бегунов, которые, так сказать, в порядке общественной работы, помогали бы ловить забывчивых папаш. Черта лысого, и самый наипрытчайший папаша от них удерет!

Но закон возлагает эти обязанности не на спортсменов, а именно на прокуроров. Так что нечего им надеяться на чью-либо помощь.

С такими типами, как наш папаша, разговаривать можно только лишь языком уголовного кодекса.

1952

Соседи злые—враги лихие

I

На дверях, на парадных дверях, которые ведут с лестницы в коммунальную квартиру, на отдельных табличках было написано:

1. т. Передерию — стучать один раз, только крепко.
2. т. Недодерию—стучать два раза, не очень крепко.
3. т. Перекиньчарке — стучать два раза: один раз крепко, второй — потихоньку.
4. т. Ласточке (балерине) — стучать три раза нежно.
5. т. Воробью — стучать четыре раза. Стучите очень, а то не услышу.
6. т. Поведиоко — стучать пять раз.
7. т. Дубине — стучать шесть раз.
8. т. Канделябровой — стучать семь раз. Только точно.

Как видите, в коммунальной квартире было восемь квартирантов. На всех были одни входные двери, одна кухня. В кухне — семь газовых плит, потому что т. Канделяброва заявила:

— Я вообще не питаюсь, и мне ваш газ не газ, а нервы!

Была одна ванна и тому подобное тоже одно.

В прихожей было пять отдельных электрических счетчиков.

Почему?

Передерий заявил, что свет ему вреден, от света набегают на глаза слезы, и ему свет не нужен.

Ласточка объяснила, что она приходит из театра очень поздно, когда уже светает, и сразу ложится спать.

— Зачем же мне свет? — сказала она.

Канделяброва заявила решительно и грозно:

— Освещаю глазами!

— Как это? — спросили соседи.

— А так: освещаю, и все! Мне видно!

— А лампочка у вас зачем?

— Лампочка? — переспросила Канделяброва. Немного подумала и точно выстрелила: — От такой слышу! — И хлопнула дверьми.

Простите, забыл сказать: на дверях в эту коммунальную квартиру были вырезаны ножом разные надписи.

Против фамилии Ласточки было выскоблено: «Стукутуку-стукушечки!»

Против фамилии Воробья написали: «Глухой болтун!»

Против Дубины вопрос: «А чем стучать? Дубиной?»

А около Канделябровой красовалось: «Я б тебя, гадину, стукнул!»

Были еще разные на дверях надписи, но все они были общего и не совсем литературного содержания, только направо чернильным карандашом очень толсто кто-то вывел:

«Кто кого? Недодерий Передерия или Передерий Недодерия передерет? Очень интересуюсь!»

Под дверьми была куча мусора, так как каждый жилец говорил:

— Я же вчера прибирал! Почему все я да я?!

II

Мне нужно было заглянуть по личному делу к товарищу Дубине.

Я и постучал раздельно шесть раз: стук, стук, стук, стук, стук, стук!

Жду. Слышу: вдруг заскрипели в квартире две двери и послышался сердитый женский голос:

— Постучали семь раз! Куда вы претесь?

— Постучали шесть, а не семь раз! Не я, а вы куда претесь?

— А я говорю: семь!

— А я говорю: шесть!

— Семь!

— Шесть!

Строгий мужской голос угрожающе произнес:

— Вот как стукну, будет действительно семь! Только ты уж и сама больше стучать не будешь и на стук не выйдешь!

В ответ женский истерический вопль:

— Семь! Семь! Семь! Семьсот болячек тебе в печенку! Семь!

Тогда я уже рискнул и закричал из-за дверей:

— Шесть! Я стукнул шесть раз! К товарищу Дубине!

— Ага! — агакнул мужской голос.

— Не агакай мне в глаза, не агакай! Ходят к тебе такие же паразиты, как и ты! Стучат, не разберешь: семь или шесть! Геббельс!

— Кто Геббельс? Я Геббельс? Да я тебя су...

Но я так заколотил у парадного входа, что крик утих, в квартире чьи-то двери хлопнули так, что задрожали стены, и передо мной показался Дубина.

— Здравствуйте!

— А, это вы? Заходите, прошу вас,— пригласил меня Дубина.— Давненько что-то вас не было!

— Уезжал... Что у вас за баталия такая? — спросил я.

— Да, знаете, иногда возникает с соседкой дискуссия, сколько раз постучали: семь или шесть. К ней стучать семь раз, а ко мне — шесть. А стуки иногда сливаются: соседка глухая на правое ухо, а я на левое... Вот и дискутируем.

— И часто это у вас случается? — поинтересовался я.

— Не очень! Восемь — десять раз на день, если не считать боев местного значения, с другими соседями...

— Сердитая, видимо, у вас соседка?

— Да как вам сказать? Характер — гибрид кобры с ящерицей! Энергичная дамочка: позавчера девятый муж в окно выпрыгнул!

— Ну, а как же дальше думаете?

— Как? Разве я знаю как! Стараюсь, сдерживаю себя, чтобы седьмой или восьмой раз не стукнуть. Не в двери, разумеется...

— Ну, это вы оставьте! Из-за такой особы идти в дальние лагеря! Что вы!

— А вы думаете, там будет хуже? Там люди работают, им некогда с соседями скандалить!

— А ваша соседка чем занимается?

— Спец по швейным машинам! Она столько швейных машин за эти годы приобрела, что можно составить швейный комбинат «от Кавказа до Алтая, от Амура до Днепра...». Ну, и все такое прочее, которое дефицитное... Живет, как Клеопатра, только что последний Антоний в окно прыгнул... Да она не печалится: еще какой-нибудь местный Кай Юлий Цезарь или Жора Плюньглаз появится...

— Ну-ну! — поддакнул я.

...Вдруг снова стук во входные двери. Стук, стук, стук, стук, стук! Пять раз.

Рванули двери, и Клеопатрин голос резанул:

— Семь?

Из других дверей крикнули:

— Пять!

Клеопатра наложила резолюцию:

— Стучат! Чтоб у них в голове стучало!

Я сидел и думал:

«Нет! Коммунальные квартиры нужно строить так, чтобы для каждого жильца был отдельный вход».

III

Я заглянул к Дубине приблизительно в двенадцать дня.

Пока мы разговаривали, в коммунальной квартире, в единственной, хоть и просторной кухне началось приготовление обедов. Почувствовался легкий запах газа, зазвенели тарелки, кастрюли, застучали ножи...

Скрипнули чьи-то шаги, и послышалось:

— Соседка, у вас молоко сбежало!

— Как сбежало, когда я огонь привернула так, что еле мерцал?! Не могло сбежать.

— Но все же сбежало!

— Это ты, паразитка, нарочно огонь отвернула!

— Тю на вас! Что вы мелете!

— Не тюкай на меня, не тюкай! На отца своего тюкай!

— Да при чем тут отец?

— А при том! Пускай твой Петька не пишет на стенах в коридоре глупостные слова! А еще интеллигентка! Книжки выписывает! За детьми следить нужно, а не за книжками!

— Я бы просила вас, Екатерина Михайловна, не учить меня, как воспитывать детей, потому еще вопрос, кто пишет!

— Кто пишет?! Я пишу?!

— Я не сказала, что именно вы пишете, а только говорю, что есть люди, которые пишут!..

— Подумаешь, у нее муж — главный бюстгальтер, так уже я пишу!

— Прошу вас меня в кухонные дела не вмешивать, я бухгалтер — это факт, и главный — это два, но это еще не значит, что жена всякого шофера может говорить, что мой Петька пишет...

— ...А-а-а! Так я жена всякого шофера?! Да я из тебя дебет-кредит изделаю!

— Граждане! Да будьте же сознательны! Граждане!

— Пусть она будет сознательная! Если у меня муж — шофер, так я должна быть сознательная, а если у нее — бюстгальтер, так она нет!

...Я сидел и думал:

«В коммунальной квартире нужно строить для каждого жильца отдельную кухню...»

IV

Сидим, говорим.

Как вдруг крик:

— Кто это воду в ванну напустил?

— Я напустила! Купаться буду!

— Вы напустили?

— Я напустила!

— Она напустила! Видели?!

— Я напустила!

— Разве вы не знали, что сегодня купаюсь я?

— Почему вы?

— А почему вы?
— Нет, вы скажите, почему вы, а не я?!
— Купаться буду я!
— Вы?
— Я!
— Ну, так купайся, купайся, купайся!
— Граждане! Спасите! Топят!
А я думал:
«В коммунальной квартире для каждого жильца должна быть отдельная ванна!»

. . . . . .

— Ироды! Кто в мой борщ мышонка бросил?!
— Боже мой! Кто в раковине моего котенка утопил?!

. . . . . .

Я не выдержал, выскочил из коммунальной квартиры и подался домой...
Шел и думал:
«Отдельные двери, отдельные кухни, отдельные ванны... Отдельное и тому подобное... Как это трудно все переделывать!»
Может, легче переделать характеры некоторых наших жильцов?
Как вы полагаете? Давайте попробуем!

1925—1955

Помазок

— Бриться тебе, отец, нужно,— говорит мне как-то Женя Корж,— а то уже борода торчит у тебя, как колючки у ежа.

— А я сейчас побреюсь! Гляди, вот какой помазок купил. Колодочка хоть и деревянная, да это ничего, зато щетина мягонькая и длинненькая. Мылить будет хорошо, как по-твоему?

— Намылимся — увидим,— отвечает Женя.— Я тоже и помылюсь и побреюсь.

— Тебе, Женя,— говорю я Коржу,— может, еще немного и рановато и мылиться и бриться. Ты присматривайся, как это делается, лет через пятнадцать и ты уже будешь бриться, вот оно и пригодится. Беги к матери, чтоб горячей воды дала!

«Приготовились, начали»...

Сначала надо помылиться.

— Гляди,— говорю,— Женя. Помазок окунается в горячую воду, а в это время насыпается вот в эту чашечку мыльный порошок. Потом помазок из горячей воды вынимается и в чашечку с мыльным порошком опускается, а потом ты помазком мыльный порошок вот так растираешь-растираешь-растираешь — получается мыльная пена. Ты ту мыльную пену берешь на помазок и в бороду, в виски и под носом вот так втираешь-втираешь-втираешь... Вот втер, а теперь берешь бритву...

Эх, как подскочит Корж, как захохочет да как закричит:

— Мама! Беги сюда, погляди, у нашего отца на лице щетина выросла. Он теперь, как грифон. Знаешь, в соседнем дворе собачка такая есть, с колючей мордой!

— Я тебе дам собачку! Этак на отца?!

А Женя заливается, чуть ли не падает.

— Вот это,— кричит,— побрился! В сто раз больше теперь на лице щетины!

Глянул я в зеркало и обомлел. Все лицо в щетине. Торчит щетина из носа, изо рта, из глаз, из ушей.

Глядь на помазок — одна колодочка.

Со злости убрал рукой с лица щетину и на пол.

Подбежал котенок, ткнул морду в пену на полу и:

— Апчхи!

— Будь здорова, кисанька! — кричит Женя. Он у нас воспитанный мальчик.

И у меня полон нос щетины.

И я:

— Апчхи!

— Будь здоров, отец!

Вот так мы с котенком один за другим:

— Апчхи!

А Корж подскакивает и каждый раз:

— Будь здорова, кошечка! Будь здоров, отец!

Глаза полны слез, ничего не вижу.

— Ведите,— кричу,— меня к крану! Смывайте с меня,— кричу,— щетину!

Повели меня к крану, наклонили голову, смыли щетину...

Отошел немного. Пошел в парикмахерскую, побрился.

За обедом ели вареники с вишнями.

Женя как закричит:

— Отец, у вареника щетина выросла! Понесу я в парикмахерскую, пускай побреют!

— Да не балуй,— говорю,— Женя, и так муторно!

Потом пили чай со щетиной, носили к ветеринару котенка, чтобы щетину изо рта вытащил, ели кисель со щетиной.

И все из одного помазка.

— Что же это за помазок такой, что столько бед нам натворил? — спрашивает Женя.

— Это,— говорю,— не помазок.

— А что?

— Это,— говорю,— «ширпотреб».

— Ага! Страшное какое! — говорит Женя.— Ты, отец, больше его в дом не приноси.

1945

Кабы моя бабуся встали...

Давненько это было. Лет сорок назад.

Учился я тогда в славном городе Киеве. Да и поехал на каникулы домой, на благословенную Полтавщину...

Бабушка моя тогда еще живы были.

Как-то сидим мы с ней вдвоем в саду: бабуся, как специалист по промышленности, перья дерет. Возле нее, значит, производственное оборудование: два сита, в одном — целое перо, а в другом — драное.

А я больше по культурной, значит, части: лежу на рядне под вишней и «Камышами уток гнала» пою.

Вот бабуся мне и говорят:

— Едешь уже, сыночек, скоро?

— Еду,— отвечаю,— бабушка.

— Снова в Киев?

— В Киев,— говорю,— бабушка.

Призадумались моя бабуся да тяжко вздохнули. А потом и говорят:

— А я в Киеве так и не была. И святой Лавры не видела. Всю свою жизнь собиралась-собиралась, да так и не собралась. Поначалу — дети, а после — внуки.

— Так чего ж, бабушка, давайте поедем вдвоем. Поездом — быстренько. За полтора дня и там. А я в городе уже себе и знакомых завел: будет где и день пробыть и переночевать. Поедем, бабушка! Я отца и мать упрошу — они отпустят. Вот хорошо! И мне будет веселее! Да и Киев посмотрите, и Днепр, и Лавру. Все, все я вам, бабушка, покажу и обо всем поведаю.

— А назад же как я без тебя?

— Да и назад так же. Посажу вас на поезд, попро-

шу кондуктора, чтобы предупредил, на какой станции вам высаживаться. А перед тем бахнем домой телеграмму, батько выедет на станцию и заберет вас. И готово. Поедем!

— Да боязно как-то.

Уговорил я все-таки бабушку поехать в Киев.

Отец с матерью хоть и долго колебались, однако согласие дали.

Поехали мы в город, на станцию. А до станции было верст с тридцать.

Бабуся никогда в городе не были и поезда в глаза не видели.

Как увидели паровоз, да тут еще он, мимо станции пробегая, как закричит, бабушка, закрыв глаза руками, так и присели:

— Не поеду! — И в слезы.

— Да чего ж это не поедете? Ничего страшного нет. Это он свистит, чтобы на пути не стояли, чтоб ни на кого не наехать.

— Да чтоб это я лезла на вон то черное да ехала! Да ни в жизнь! За что же я там держаться буду? Беги, пускай батько возвращается и забирает меня домой.

— Как же мне догнать отца,— говорю,— коли они уже, небось, верст за десять отъехали?

— Не полезу я на то черное, что шипит да свистит!

— Да нет, бабуся,— уговариваю я,— вам туда и не нужно лезть; не там люди ездят, а в вагонах. Вот сейчас подадут вагоны, сядем и поедем.

— Не сяду, бо упаду.

— Не упадете. Вот увидите. Будете сидеть, как дома на лавке.

Подали состав, я и говорю бабушке:

— Ну, идемте. Садиться уже пора.

Подошли мы с бабушкой к вагону.

— Не полезу,— плачут бабуся.— Пусти меня, лучше я дома помру.

Тут уж я рассердился и накричал на бабушку, как ни любил ее.

— Да не срамитесь,— говорю,— бабушка! И так на нас все глядят.

Посмотрели на меня бабуся такими глазами, что я даже отвернулся, а потом и молвят:

— Завяжи мне хоть очи, чтоб не видала я, куда лезу.

Завязывать глаза бабушке я не завязывал, стыдно было, а руками пришлось-таки закрыть, пока усаживал ее в вагон.

Сели и дрожат...

А как дернет паровоз, и: «Ой, лышечко!» и «Спаси, царица небесная!»— всего было...

Потом бабуся успокоились, только подпрыгивали при каждом свистке паровоза.

Доехали мы благополучно.

В Киеве побывали везде-везде.

Очень довольные ходили моя бабуся по Киеву, да и сами иногда посмеивались:

— И чего я так боялась!

И все было бы хорошо да ладно, если б я не привел бабушку в театр.

Долго они сопротивлялись, а я все же уговорил:

— Хоть раз в жизни поглядите. Узнаете, что такое театр.

Согласились бабуся.

Билеты я взял на второй ярус, да еще в первом ряду.

Шли туда — ничего. Сели. Только как глянули бабуся вниз, в партер, как вскричали «ой» и вцепились в меня:

— Держи меня, сыночек! Ой, держи! Не долечу я туда живою.

— Что с вами, бабушка?

— Выведи меня, ой, выведи! Высоко больно!

И дрожит вся и трясется.

Пришлось уйти из театра. Так и не увидали моя бабуся ни одного представления за всю жизнь.

На другой день усадил я бабусю в поезд, попросил кондуктора, чтобы помог высадиться им на станции.

Доехали бабушка домой в добром здравии.

А потом, как я еще приехал домой, все благодарили меня за Киев.

— Все,— говорят,— ничего, кабы только не тот театр. До того уж высоко, голова кружится, вот-вот вниз полечу. Очень страшно!

Теперь, когда я вижу, как женщина-машинист уверенно и решительно ведет огромные железнодорожные составы, мне хочется подойти к ней и спросить:

— Тетя! А вам не страшно, когда паровоз так шибко закричит? А не завязываете ли вы себе платком глаза, когда на свой паровоз влезаете? А моя бабуся завязывали...

А вот где-то в поднебесье, высоко-высоко, где-то там, прямо вон где, за облаками, ревет на ястребке мотор. А в ястребке сидит, может, белявая, а может, русая, а может, чернявая дивчина и мертво петляет, улыбаясь. И была она грозой для разбойников — немецких захватчиков, эта белявочка или там чернявочка, а то и русая девушка.

И хочется у нее спросить:

— Девушка! А не кружится ли у тебя голова, когда с этакой высоты на землю взглянешь? У моей бабуси кружилась, когда она на второй ярус в театр попала.

Да и думается мне:

«А может, и моя покойная бабушка теперь бы мертвые петли делали, если б они в наше чудесное время жили. Внуки или правнуки видите же как делают!»

Пусть мирно почивает моя бабуся!

Да здравствует, да славится советская женщина, женщина свободная, женщина-созидатель, женщина-мать!

1948

«Здравствуйте!»

I

Если бы редакция нашей газеты обратилась ко всем читателям с самым простым словом-приветом:

— Здравствуйте, дорогие товарищи!

Что бы мы в ответ услышали?

У нас нет ни малейшего сомнения, что мы услышали бы:

— Доброго здоровья!

А как же иначе?

Мы с вами хорошо знаем наш народный обычай, когда, встречаясь на улице самого глухого села, друг друга обязательно приветствуют:

— Добрый день!

И в ответ:

— День добрый! Спасибо!

И совсем не обязательно быть знакомым! Нет! Это просто такой, как бы сказать, всенародный обычай, который выражает взаимное уважение граждан друг к другу. И это уважение, эта любовь не только к твоему земляку — гордость, что он твой земляк, а это самогордость, самолюбовь, что тебе повезло иметь такого земляка и выпала счастливая возможность его поприветствовать.

Ясное дело, что в городе невозможно здороваться со всеми, кто попадается тебе навстречу, потому что и всего «здравствуйте» не успеешь выговорить, а получится только:

«МАТЧ НАЧИНАЕТСЯ В ШЕСТЬ НОЛЬ-НОЛЬ...»

«СОЛИСТ».

— Здр! Здр! Здр!

Впрочем, что касается города, то хочется поговорить о другом...

II

В городе есть много государственных, гражданских и других учреждений.

Вот вы заходите в учреждение.

Сидит себе этакий человек. Солидный, безусловно, человек, потому что он в очках или в перманенте, а может, ни очков, ни перманента нет, а тем не менее человек внушительный.

Тут хочется подчеркнуть, что я лично не против очков и не против перманента.

Очки у меня самого есть, а если бы было на чем накрутить перманент, то я бы обязательно накрутил, чтобы доказать, что я не против перманента. Но так как, ей-богу, уже не на что накручивать, то поверьте мне, прошу вас, на слово.

Так вот, сидит себе этакий человек.

Вы заходите и говорите, как с давних пор привыкли:

— Здравствуйте!

В ответ ни чичирк!

Только муха на окне вам отвечает:

— Дз-з-з-з!

Вы еще раз, только немного тише и боязливее:

— Здравствуйте!

А в ответ уже совсем гробовое молчание.

Даже муха, и та не жужжит.

Раз, мол, уже прожужжала? Что же мне, больше всех нужно, что ли?

Тогда вы уже садитесь, если есть на что сесть, и, поджидая своей очереди, мечтаете...

III

О чем же вы мечтаете?

Мечтаете вы, например, ну... хотя бы о загсе.

О том, как в загсе регистрируются те, которые друг друга любят.

Мне лично, сказать правду, об этом только мечтать и можно, так как вряд ли уже регистрироваться придется.

Так позвольте хоть за других помечтать, вроде той бабы, которая увидела в вишневом саду, как молодята целовались. Увидела, сама себя чмокнула, обтерлась и вздохнула:

— Вот бы и мне так хотелось!

Так вот, приходят в загс те самые, что друг друга любят, молодята, одним словом.

Счастливейший день в их жизни.

Заходят. Очередь.

Как в каждой очереди, сразу же поднимается настроение.

— Куда претесь?..

Что на такой вопрос вы ответите, если вы жених, да к тому же еще влюбленный?

— «Прусь в любовь» или что?

Неудобно как-то.

Да разве же вы «претесь»?

Вы же бережно привели сюда свое самое дорогое, самое нежное, а вам:

— Куда претесь?

А потом, когда вы наконец и себя и свою голубоньку «доперли» к тому столу, где узаконят вашу любовь, вам, как из пулемета:

— Документы! Район! На какую фамилию? Так... С законным браком! Пятнадцать рублей!

Выскочили молодые.

А вы смотрите им вслед и мечтаете...

IV

О чем же вы мечтаете?

Вы мечтаете о том, чтобы не было очередей.

Как это сделать?

Очень просто: нужно умело организовать работу в тех местах, где могут возникнуть очереди.

Вот магазин, например.

В одном его отделе — очередь, в других отделах стоят продавцы и зевают.

Почему же нельзя свободным продавцам подойти к тому отделу, где много людей, и помочь своему товарищу быстренько ликвидировать очередь?

Можно?

По-нашему, можно.

А если можно, значит, нужно так сделать.

Ну, а если возникла очередь, то мечтается о такой картинке.

Вот подходит человек к очереди, а ему говорят:

— Пожалуйста, становитесь впереди! Очень прошу!

— Нет, нет, ни за что! Вы будете впереди, а я стану сзади!

— Ну, я вас умоляю, станьте вперед!

— И не просите и не умоляйте! Я так счастлив, что стою за вами. Не лишайте меня этой радости! Давайте познакомимся!

— Какой вы симпатичный!

— А вы просто ангел!

Такие картины в кино бы показывать.

Нет, лучше не показывать, а то и в кино будет очередь.

V

О чем же вы дальше мечтаете?

Вы мечтаете о том, чтобы граждане, когда садятся в трамвай или троллейбус, не тянули друг друга за ноги, не спихивали друг друга с подножки.

Особенно сильно хочется, чтоб не хватали за штаны.

Ногу еще не так легко оторвать, а брюки, вы же знаете, вещь деликатная и идти домой без левой штанины немного неприлично.

Сами подумайте: правая нога в штанах, а левая в трусиках.

Неинтересно!

А нельзя ли так: стоят люди и ждут трамвая. Подходит трамвай. Граждане друг к другу с поклонами:

— Пожалуйста, прошу.

— Нет, я вас прошу, садитесь вы первый!

— Я вас очень прошу, садитесь сперва вы!

Ну, конечно, тут с вежливостью долго задерживаться нельзя, потому что трамвай может уйти пустой.

VI

Вот вы сели в трамвай, настроение у вас прекрасное, на лицах пассажиров добродушные улыбки, старушки и

женщины сидят, мужчины стоят, кондукторша продает билеты и напевает веселую песенку.

Вы едете и мечтаете.

Вы еще раз мечтаете о наших государственных, гражданских, кооперативных и других учреждениях и о служащих, работающих в этих учреждениях.

Служащие приветливые, вежливые, добросовестные...

Дела не задерживаются, на всякие письма, вопросы и т. д. немедленно даются ответы.

Чистота, порядок, согласие.

А как же иначе?

Это же не чиновники недоброй памяти царского правительства!

Это же служащие нашего всенародного правительства, значит, народные служащие! Народные слуги!

А быть слугой своего народа — это не только обязанность, это великая честь!

Им народ поручил работать в своих народных учреждениях!

А народ никогда не бывает невежливым, черствым или равнодушным.

Народ жизни своей не жалел, чтобы защитить свою честь, свою свободу, свое правительство, свою державу.

Какое же мы имеем право жалеть для народа свой труд, свою энергию, талант, знания?

И тогда радостью и приветом зазвучит для нас народное:

— Здравствуйте, дорогие товарищи наши служащие!

И еще радостнее раздастся в ответ:

— Доброго здоровья!

1946

Матч начинается
в шесть ноль-ноль...

А муки начинаются со страшного объявления, красующегося над кассой: «Билетов нет».

— Как так нет?

— Проданы — вот и нет! Все билеты проданы — ясно?

— Не может быть! Что же это получается: значит, я не попаду на матч? Э, нет!

И начинается:

— Товарищ, у вас нет лишнего билетика?

— Нет! Нет! Нет!

Тут уж приходится выкрикивать громко, как на митинге:

— То-ва-ри-щи! У кого есть лишний билет? У кого билет?

Так или иначе, а билет в конце концов находится, и, осчастливленный, бежит болельщик на свое место...

Никакое ненастье не может стать препятствием для того, чтобы посмотреть матч, «поболеть»... Можно под зонтиком, а можно и так: ботинки долой, шляпа или кепка тоже побоку — и хлещи меня дождь, сколько хочешь, а я себе «болею». Обсохну потом!..

Те, у кого нет надежды достать билет на матч, с самого утра сидят на трибунах, ждут... Когда перед матчем начнут выпроваживать зайцев со стадиона, они спрячутся! А матч все-таки посмотрят!..

Около пяти несметной толпою продвигается зритель к стадиону...

Мужчины и женщины, старые и молодые, мальчишки и девчонки.

Счастливы мальчуганы, которым папа или мама дали на билет.

Но много ведь и несчастных: нет билета!

И тогда:

— Дяденька, проведите! Я вас очень прошу, проведите, пожалуйста!

— Так у меня ведь один билет!

— Скажите, что сын! Я ведь на вас похож!

И сколько приходит на стадион таких вот новоиспеченных «папаш» с сыновьями в возрасте от восьми до двенадцати лет!

Дочерей нет: девочки стесняются приобретать себе новых родителей на время матча.

И вот шесть ноль-ноль. Началось!..

Как трудно следить за игрой, когда в матче участвуют двадцать два человека на поле и сорок тысяч человек на трибунах!

— Паша! Па-аш-а! Давай, давай!..

Паша, словно по команде, берет мяч и гонит его.

— Да бей же! Бе-ей!..

Паша бьет.

Но каждый болельщик убежден, что Паша пасует не так и что, будь на месте Паши он сам, давно бы уже был мяч в воротах противника: «пушечный» удар — и:

— Р-р-раз!..

А если гол?

Такого накала страстей, такого восторга и упоения вы не увидите больше нигде!

Все, решительно все летит вверх: шляпы, кепки, зонтики, платки!

И — крики! Не крики, а гром победы!

И — жалобные вопли. Не вопли, а стон поражения!

Футбол в Советском Союзе — игра всенародная.

Начав свой путь в городах, дошел он до самых отдаленных уголков нашей Родины.

Там, где когда-то всесильны были чурки и только чурки, там стал теперь хозяином футбольный мяч...

Завоевал он сердца и старых и малых!

Ну и что?

Ну и на здоровье! Нашему народу на здоровье!

1952

Физ-культ-ура!

Есть приятели у всякого человека...

И у меня они есть и у вас.

Но не это приятно, не это важно — приятно и важно то, что среди ваших и моих приятелей с каждым днем увеличивается число физкультурников.

Неужто не замечали?

Так присмотритесь!

Раньше и я этого не замечал, а как только приглядел ся,— ахнул! Мать честная: тот футболист, тот штангист, тот прыгун, тот снайпер, а тот спринтер или же стайер...

Ежели все эти мастера спорта — наши сыновья, дочери, зятья, внуки,— куда ни шло! Молодежь!

Но ведь и ваши приятели — пожилые люди, можно сказать,— зафизкультурили!

Только не думайте, что я намерен подтрунить над ними, посмеяться. Отнюдь!

Больше того: меня все это радует! Ведь я-то думал, что один на всем белом свете встаю в семь утра и приплясываю перед репродуктором:

— Раз-два-три! Раз-два-три!

Семейство мое первоначально сердилось, переворачиваясь с боку на бок, ворчало:

— И чего он кочевряжится! Господи, хотя б ногами не топал!

Нынче все молчат: привыкли!

И случается, что кто-нибудь не выдержит, присоеди-

нится ко мне. Тоже начинает прыгать перед репродуктором...

Словом, зажигательная это штуковина — спорт!

Захватывает он и малого, и старого, и слабенького!

Теперь, когда спорт у нас организован как следует и поднят на небывалую высоту, вполне понятно, что каждая семья имеет своего прыгуна или бегуна, штангиста или вратаря, крайне правого или крайне левого футболиста...

Спорт приобрел общественно-государственное значение, развивается на научной основе, по всей форме. И вполне понятно, стал всенародным явлением!

* * *

Футбол...

Вы не могли не заметить, что и в городах и в селах на каждом пусть самом маленьком пустыре мальчишки мячи гоняют.

Выбежали из школы и сразу же начали строить ворота из своих сумок, фуражек, портфелей. Еще секунда — и вот вам первый «тайм»!

Неужто вы никогда не останавливались, чтобы послушать и поглядеть, что делается на такой самодельной спортивной площадке?

Мальчишке, скажем, восемь, или девять, или десять лет, но с каким задором и как серьезно он забивает мяч в ворота противника!

Мячик-то маленький, из черной резины! Где уж им, мальчишкам, достать настоящий футбольный мяч?

Но вы только посмотрите на того вон вратаря!

Разве он из костей и мяса? Он олицетворенное напряжение!

Прыгает, падает, кувыркается! И то ястребом налетит на мяч, то схватит его с бешенством!

Только одно ему мешает — собственные штанишки. Они, клятые, спадают потому, что пуговички давно отлетели, еще в первые минуты первого «тайма»!.. Он хитро палочкой их закрепил на себе, а она выскочила как раз в тот момент, когда левый полусредний прорвался к воротам — и трах! Словом, бьет снайперским ударом. Что делать? Бросил юный вратарь предательские

штанишки и тигровым броском — на мяч! И что ж вы думаете: успевает отразить снайперский удар!

Не повезло левому полусреднему, хотя он и пытался воспользоваться тем, что вратарь отражает атаки без штанишек.

Можете ли вы предположить, что из такого вратаря выйдет впоследствии Зубрицкий, Хомич или Никаноров? А возможно, что и получше этих мастеров футбола!

Такой не пропустит в свои ворота ни одного мяча от лондонского «Арсенала»!

Вы только прислушайтесь к ним, к этим мальчуганам.

Ведь у них и «офсайт», и «корнер», и «пенальти», и «аут»,— все-все, как на настоящем стадионе.

Тут и свисток судьи и отчаянные вопли:

— Долой с поля! С поля до-о-олой!

* * *

Футбол!

Какая это прекрасная игра!

Есть в чем воплотиться силе народной! И сила эта от постоянных физкультурных упражнений и состязаний крепнет, развивается, закаляя нашу молодежь, делая наш народ ловким, здоровым, проворным, сильным...

Словом, да здравствует физкультура! Да здравствует футбол!

Но что делать, если ты уже не способен забивать гол, или прыгать, или бегать, или поднимать гири, плавать, бороться? Тебе достается еще один вид спорта, доступный, в сущности, каждому. Это — «боление». Ты становишься «болельщиком»!

Не думайте, однако, что это самый легкий вид спорта.

Он, правда, и не очень тяжелый... Но он, как бы это получше вам пояснить? Он мучительный!

Если, к примеру, футболист за время состязания теряет, как кое-кто утверждает, килограмм, а то и более в весе, то и энтузиаст-болельщик лишается минимум девятисот граммов.

И случается, что футболист возвращается после состязания, весело подпрыгивая, а иного болельщика ведут домой под руки или несут на носилках.

Правда, таких случаев зарегистрировано не так уж много.

* * *

Так вот, сегодня футбольное состязание.

Боже мой, с каким нетерпением ждут его и физкультурники и болельщики!

Пойдемте же и мы с вами на матч!

Но пойдем пораньше, чтобы не опоздать. Иначе не проберемся на самые удобные места. И тогда... Ах, даже и подумать страшно, что произойдет тогда!

До стадиона еще квартала два, но вы уже в толпе веселого народа. Тут и там раздаются шутки, остроты, уверенные восклицания:

— Наша возьмет!

— Возьмет ли? Страшновато! Ведь противник-то сильный!

— А наши разве слабые? Молодежи прибавили! И у нас нынче команда крепкая!

Вдруг подбегает к вам мальчонка и просит, глядя на вас умоляющими глазами:

— Дяденька, проведите!

— Как же я тебя проведу? У самого один-единственный билет!

— Скажите, что я ваш сын! Может, пропустят? Проведите!

Мальчонка смотрит на вас такими глазами, что вы не в состоянии отказать ему.

Да как же не взять с собой такого энтузиаста, если он, возможно, уже и сам «центр нападения» на том самом пустыре, где трава вытюжена его коленями, животом, лбом, спиной, словом, всем его детским упругим тельцем.

— Ну, идем!

Тогда к нам подбегают еще пятеро, семеро или десятеро маленьких «крайних правых», «крайних левых», «вратарей» и т. п.

— И нас возьмите, дяденька! Проведите!

— Да не пропустят же нас, дорогие ребятки!

— А может, и пропустят? Возьмите!

И направляетесь вы к контролеру с десятью или двенадцатью своими «сыновьями».

Убеждаете контролера, что это все ваши сыновья, что жена, дескать, мать-героиня, что их всех надо обязательно пропустить...

Контролер хохочет и, между прочим, резонно рассуждает:

— Вполне возможно, что жена ваша «мать-героиня»! Но, ей-богу, не верится, что она одна родила стольких сынов-соколов! Не верится! И пропустить не могу. Нельзя!

— Так хоть одного!

Одного все-таки пропускают. Смилостивились. И не успели вы пройти на стадион, как ваш «сын» молнией перелетает через головы расположившихся на своих местах болельщиков, забыв про «отца», но не забыв показать язык тем, кому не удалось под видом «сыновей» проникнуть туда, где уже в разгаре футбольное состязание.

Еще раз напоминаем: не опаздывайте! Иначе услышите не очень приятные для вашего слуха восклицания, когда будете пробираться к своему месту:

— А нельзя ли было сегодня пораньше встать?

— Проспал?!

— Долго обедаешь!

С каким трудом пробиваетесь вы на свое место, хотя пришли, собственно, за полчаса до начала матча.

* * *

Итак, начали!

Капитаны футбольных команд пожимают друг другу руку, хотя они противники; всех оглушает свисток судьи. И вот по футбольному полю катится мяч, мелькают тут и там разноцветные майки...

Первый тайм.

Не стану описывать ни матч, ни отдельные его моменты, пусть самые интересные, ведь, говоря по правде, я в этом деле отнюдь не специалист-футболист; даже не очень болеющий болельщик. Признаться, я только сегодня решил «заболеть». По сути, это мой дебют— дебют болельщика...

Еще только «кольнуло» меня, слегка, так сказать, залихорадило, но полностью не затрясло...

Поначалу было впечатление, что страшно трудно, почти невозможно следить за игрой.

Движение мяча можно проследить, но попробуй-ка сосредоточиться на отдельном игроке.

Говорят, что во время состязаний играют двадцать два человека. Я в это не верю. По-моему, в каждом матче принимают участие двадцать два футболиста и сорок тысяч зрителей.

А кто же уследит за таким количеством участников?

Никогда в жизни никто с этим не справится!

Вот, к примеру, взял мяч Паша (так по крайней мере называют футболиста все эти тысячи...).

Взял, значит, Паша мяч и повел короткими пасовками к воротам противника.

Я слышу, как около меня, справа и слева, вокруг меня, надо мной и подо мной вопят:

— Паша! Па-а-аша взял!

Паша мяч катит по футбольному полю, а надо мной кто-то орет:

— Паша! Па-аша! Паша-а-а-а! Ой, Паша! Ай-да Паша! Бей-бей, Паша! Да бей же! Бей, Па-а-ашенька!

Но у Паши мяч вдруг забрали.

Тогда из сотен уст вырываются звуки разочарования и скорби:

— Эх, Паша-Паша...

Тут как раз Федя мяч перехватил и погнал.

И опять вопли:

— Федя! Фе-е-едя! Федя! Дай им как следует! Дай! Дай, Федя!

И мой сосед справа начинает «гнать» своим коленом мое правое колено:

— Так! Так его! Так!

Федя пока что гонит мяч короткими пасовками. Его подстегивают:

— Дай, Федя! Дай!

Я обращаюсь к соседу:

— Дорогуша, это же не мяч, а мое колено! Если б и вы гнали его хотя бы короткими пасовками, а то... Да не забивайте гол! Ведь может случиться, что вы не в сетку, а в штангу врежете!

...Немного дальше от нас сидит «вратарь».

Гляжу на него и вижу, что он в точности повторяет движения подлинного вратаря-футболиста. Он то вправо бросается, то влево. То вдруг подпрыгнет. И когда настоящий вратарь-футболист, принимая мяч, бросается вперед и падает на него, вратарь-болельщик падает на своих соседей...

— Ага, взял! Взял!

В него тычут зонтиками, лупят его кепками, но он этого не замечает: он взял мяч и торжествует!

Внезапно раздается свист, да какой свист! Этак и соловей-разбойник не в состоянии был засвистеть.

Это свистят «судьи»-болельщики. Из тысячи ртов вырывается страшный свист!

Конечно, это «судьи» не всесоюзной и даже не республиканской категории. Но все же они судьи. И такие судьи, сказать по правде, страшнее всесоюзных и республиканских.

А означает это, что на футбольном поле произошло что-то невероятное: нарушено какое-то правило игры... Кто-то вышел за пределы дозволенного. И болельщики протестуют своим страшным свистом.

Подлинный судья, пусть даже всесоюзный, свистнул раз-два — и все. А «судьи»-болельщики свистят минимум две-три минуты. И свистят непрерывно.

Суровые судьи! Неумолимо-суровые и жестокие!

...Наблюдая матч, убеждаешься, что мастерство футбола достигло у нас необыкновенного уровня, стало искусством: так интересны сложные и хитроумные комбинации, которые разыгрываются на зеленом поле.

Какой же это крепкий и физически закаленный народ — физкультурники!

* * *

Гол!!!

Это явление, дорогие читатели, я просто не в состоянии описать. Боже мой, что тут творится!

Все мы видели и в кинохронике и в художественных фильмах зафиксированные матчи. Да, мы видели все в обычном и замедленном движении. Но то, что нам удалось видеть, лишь ничтожная частичка того, что на самом деле происходит во время футбольного матча.

Кепки летят! Зонтики летят!

Да все летит: газеты, перчатки, коробки вместе с папиросами и спичками, носовые платки!

И все кричат!

Мы с вами знаем, что такое крик, на что это похоже, когда люди визжат и вопят. Но то, что творится, когда забивают гол, не поддается никакому описанию.

Около меня, с левой стороны, сидела молодая женщина. Симпатичная блондинка в очках. В общем-то, чудесная женщина...

И вот — гол!!!

Она так вскочила, так вдруг заметалась, что мне почудилось, будто ее буря сорвала с места. Я бросился от нее вправо. А в этот момент очки ее, сорвавшись с носа, взмыли в небо. Не скажу, что она не усидела на своем месте или что она куда-то побежала. Нет, и не шла, и не бежала, и не топталась на месте. Нет, она винтом завертелась. Но не ввинчивалась в свое место, а, наоборот, вывинчивалась из него! И что-то звенело у нее во рту. Впрочем, не звенело, а рокотало! Даже и не рокотало — скорее всего ревело! Это был крик? Нет! Вопль? Отнюдь! Я не знаю, как вам объяснить то, что с ней происходило, но это было необыкновенное зрелище! Это было неслыханное выражение радости удовлетворенного таким голом человека!

Смеетесь? А вы не смейтесь. Ибо это действительно невиданная радость, радость нашей молодости!

* * *

Вот вам и футбол!

И каждый из нас — в роли болельщика!

Позвольте же напоследок дать несколько советов, как надо играть нам всем, чтобы выиграть матч.

Первое: надо играть хорошо!

Второе: играть надо культурно!

Третье: по возможности не следует ломать противникам руки, ноги и т. п. Не доводить их до такого состояния, когда уже необходимо выносить футболиста с поля на санитарных носилках... Нехорошо, когда у вас вся команда остается на месте, а у противника один толь-

ко вратарь. Ей-богу, это как-то не очень культурно получается...

Четвертое: если до конца матча остается каких-нибудь десять минут, побеждающая команда обязана:

а) Забивать мячи только в «аут»!

б) Посылать мячи зрителям, а они, симпатизирующие вам зрители, должны придержать у себя мяч, а то и совсем спрятать его...

Время пролетит, и вы, конечно, выиграете!

в) Если же вы играете в Киеве, на стадионе «Динамо», бейте по мячу так, чтобы он перелетел через головы всех зрителей и очутился где-нибудь на Трухановом острове...

г) Если на другом стадионе происходит футбольный матч, можно бить так, чтобы мяч долетел до Черниговской области. Вот тогда вы определенно выиграете!

И вправе будете кричать: физ-культ-ура!

1949

«Солист»

Ну, скажем, сидите вы в Пролетарском саду в Киеве, когда уже близится вечер, сидите, любуетесь заднепровской сизой далью, индустриальным Подолом, сидите, отдыхаете.

На душе у вас спокойно и радостно.

Спокойно и радостно потому, что вы чувствуете, как на необъятных просторах великой нашей Родины могуче дышит великий творческий труд: вертятся маховики, стучат топоры и молоты, ворочаются блюминги, высятся здания в строительных лесах, расстилаются гудроновые дороги, ржут племенные жеребята, жуют жвачку волы и коровы, по жнитву и пашне ходят тракторы, золотым зерном наполняются элеваторы, растут деревья, юным задором звенят голоса миллионов школьников...

Сидите вы...

И неожиданно подходит к вам незнакомый человек, грузно так подходит, тяжело и глубоко вздыхает и садится рядом с вами...

Сидите вы, сидит около вас незнакомый...

Сидите и молчите.

Вдруг незнакомец обращается к вам:

— Нет ли закурить?

— Пожалуйста! — отвечаете вы.

Курите вы, курит незнакомец, молчание, но вы чувствуете, что незнакомого так и распирает от желания с вами заговорить.

«ХОРОШАЯ-ХОРОШАЯ ДЕВУШКА»

«ЗАПОРОЖЦЫ»

И в самом деле.

— Простите,— обращается он к вам,— хочу вас кое о чем спросить.

— Пожалуйста! — отвечаете вы.

— Извините меня за несколько странный вопрос... Скажите, вы в своей жизни когда-нибудь что-нибудь крали? — озадачивает вас незнакомец.

Вы пожимаете плечами и усмехаетесь.

— Действительно, странный вопрос... Крал ли я когда-нибудь что-нибудь! Как вам сказать? Приходилось... В детстве яблоки в панском саду крал! Арбузы на баштане. Попадало за это и от деда-баштанщика и от матери, когда, бывало, без картуза домой прибежишь, запыхавшись...

— Ну, что это за кражи? — поморщился незнакомый.

— В бытность свою парубком хотел было невесту— жену мою нынешнюю — у родителей выкрасть, да не пришлось... Ночью намеревался выкрасть, а вечером приходит теща с криком: «Если в воскресенье,— кричит,— не повенчаетесь, то я, трясця вашей матери, лепешек из вас понаделаю!..»

Так «умыкания» невесты у меня и не получилось: сама теща привела.

— Нет, я не об этом. Вот на работе будучи, не приходилось? Не имели, как нынче говорят, неделовых связей с кем-нибудь?

— А почему это вас так интересует?

—Да настроение у меня в последнее время какое-то тревожное.

— А вы где работаете? — спрашиваете вы.

— Да работаю в одном месте.

— Так чего ж тревожное настроение? Хапанули, что ли?

— Было дело.

— Понадеялись, значит, что пронесет?

— Понадеялся, грешным делом, а сейчас вижу, не пронесет... Строгий нынче народ пошел. Не пронесет! На всех картах у всех гадалок казенный дом выходил и трефовый король.

— Вот почему вы такой грустный...

— Загрустишь...

Вам становится противно, вы отворачиваетесь от хапуги.

— А скажите,— не отстает от вас незнакомец,— как лучше: ждать, пока поведут, или, может, самому явиться в нарсуд да по-честному: «Судите, мол. Тянул!» По секрету вам скажу, что я уже понемногу приучаю себя к отсидке. Кладовка у меня в квартире есть, так я в двери глазок прорезал, прихожу домой, сажусь в кладовку и приучаюсь понемногу. Изменил и пищу. Вареников со сметаной там, говорят, не дают, так я, чтоб охоту отбить, в воскресенье две макитры вареников сразу съел. Едва откачали... Теперь о варениках и думать тошно. Понемногу так от всех любимых блюд и отвыкну перееданием. Так что туда приду совсем подготовленным.

И тяжко-тяжко вздыхает хапуга.

— Намурыжили вы тут меня! — говорите вы незнакомому.— Хватит нудить-то! А уж если хапанули — умейте ответ держать! Вечер-то какой! В такой вечер петь охота, а не скулить!

— А я умею петь! У меня тенор ничего себе. Я в нашем самодеятельном хоре солистом был!

«Солист» откашлялся и потихоньку затянул:

Сижу за решеткой
В темнице сырой...

Вы чуть не подпрыгиваете:

— Да отстаньте вы наконец от меня! Тут о звездах, о луне, о солнце петь хочется, а он...

— Простите! О солнце говорите? Могу и о солнце!..

Незнакомый чуточку подумал, еще раз откашлялся и запел:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...

Вы срываетесь с места и бросаете яростно хапуге:

— А, будь ты проклят!

И уходите от него прочь.

1948

«Чудило»

В одном советском учреждении работал человек.

Хороший советский человек, добросовестный и честный, работал отлично в должности заведующего отделом, и все в его отделе шло так, как полагается в хорошем советском учреждении, где и кадры подобраны как следует и обязанности распределены как следует...

Одним словом, все было хорошо и в порядке.

А возглавлял то советское учреждение человек немного другого, так сказать, характера, немножечко чванливый, немножечко заносчивый, немного задиристый и крикливый.

И все, может, было бы ничего, но он — тот человек, учреждение возглавлявший,— и дела своего не знал.

Ясно, что вышло: учреждение плана не выполняло, и человека, который возглавлял учреждение, с работы сняли.

Бывает...

А если человека с какой-то должности снимают, то на его место другого назначают.

Так было и тут.

Вот призвали в высшее учреждение того самого вышеназванного завотделом и говорят ему:

— Иван Федорович! А мы хотим вас назначить на должность управляющего учреждением! Как вы на это?

Иван Федорович поблагодарил за доверие к нему да и говорит:

— А справлюсь ли я с такой ответственной работой? Не слишком ли рано мне идти на такую работу, потому

что человек я еще молодой и не очень в этом деле искушен!

— Да вы же,— говорят ему,— блестяще ведете свой отдел!

— Благодарю за оценку, но отдел — это не все учреждение! Работу отдела я знаю, изучил ее и работаю, как вы говорите, неплохо! Боюсь я, товарищи, чтобы не вышло конфуза, лучше бы я еще некоторое время заведовал отделом и присматривался и изучал работу всего учреждения... А тогда, может, с вашей помощью и взялся бы возглавить...

— А вы подумайте! — сказали Ивану Федоровичу.

— Хорошо, я подумаю...

Думал-думал Иван Федорович и решил посоветоваться с руководителем отдела снабжения, с очень хватким человеком, у которого в работе все горит... И сам он доволен, и учреждение довольно, и все на свете довольны.

— Посоветуйте,— обратился к нему Иван Федорович,— что делать? Хотят меня назначить руководителем нашего учреждения. А я колеблюсь, боюсь, что не справлюсь с работой!

Руководитель отдела снабжения подскочил к Ивану Федоровичу, и руку ему пожал, и присесть пригласил:

— Садитесь, садитесь, голубчик! Садитесь. Ну чего вы стоите? Садитесь!

Иван Федорович сел.

— Ну что вы посоветуете мне? — спросил Иван Федорович у руководителя отдела снабжения.

А тот, в свою очередь, спросил:

— Колеблетесь?

— Колеблюсь!

— А почему?

— Работа ведь серьезная, а я еще мало в ней разбираюсь!

Начальник еще веселее расхохотался:

— Вот чудило! У вас простой арифметический расчет, черт побери, уважаемый Иван Федорович!

— Какой расчет?

— А такой! Вас назначают. Дела идут скверно. Но вы сидите на ответственной должности, и к вам присмат-

риваются как к новичку. Это вам минимум один год. Дальше у вас дела, допустим, не улучшаются, все изучают и анализируют, в чем дело, почему именно работа не идет как следует. Этим вам обеспечен второй год. Третий год тоже обеспечен: пока вас снимут и найдут нового начальника! Еще раз говорю: чудило, вам обеспечены три года ответственной работы! А вы колеблетесь! Трижды чудило!

Иван Федорович хотел ударить снабженца чернильным прибором из пластмассы, но пожалел прибор, повернулся, вышел из кабинета и произнес какое-то слово, но сего слова никто не услышал, а услышали только первую букву «ссс...».

* * *

Мы не знаем, согласился ли Иван Федорович возглавить учреждение, но смело можем сказать, что из него получится хороший руководитель.

1947

Эх вы, кони, кони вороные...

Когда Петра Сидоровича выдвинули кандидатом в областной Совет депутатов трудящихся, он этому очень обрадовался и даже загордился.

Избирателям своим он говорил очень задушевным и очень убедительным голосом:

— Товарищи избиратели! Сердечное вам спасибо за большую для меня честь и большое ко мне доверие. Даю вам, товарищи, слово и торжественное обещание, что доверие я ваше оправдаю и что наименьшее ваше требование, наименьшая ваша просьба и все ваши желания не останутся без моего внимания, как не обошли вы, мои избиратели, меня своим вниманием, своим уважением и своим доверием.

Речь, одним словом, была у Петра Сидоровича на предвыборном собрании очень сердечной и очень деловой.

Избрали Петра Сидоровича в депутаты единогласно, хотя кое-кто поговаривал:

— А будет ли работать так же ладно, как ладно речи произносил?

Избрали, значит.

Записался Петр Сидорович в Совете в комиссию народного просвещения.

Основная его работа была в совхозе — директорствовал там.

Что же было дальше?

Дальше было такое, что за все время своего депутатства он только один раз поговорил о просветитель-

ских делах с председателем комиссии по просвещению: встретились как-то на улице в областном центре, зашли пива выпить.

— Ну, как там дела? — спрашивает Петр Сидорович.

— Да ничего! Ремонтируем! Восстанавливаем! — отвечает председатель комиссии.

— Надо! Надо! Надо и восстанавливать и ремонтировать! Для того нас народ и избирал, чтобы все было в порядке! Просвещение, оно, брат, просвещение!

— А почему на заседания комиссии никогда не заглянете? — спрашивает председатель комиссии.

— Да некогда! Так уж некогда, что и не говорите! И сев, и уборка, и молотьба, и долгоносики!

— Да-да! — поддакнул председатель комиссии.

Что же было дальше?

Дальше, когда приблизились выборы советских органов, само собой разумеется, в дело «впутались» вороные кони-огни, на которых со свистом и прокатили избиратели Петра Сидоровича!

Петр Сидорович такому конфузу был, правду сказать, не очень рад и не очень гордился...

Он замолчал и лишь как-то так интенсивно сопел.

Когда кто из подчиненных приходил по делам, жена потихоньку говорила:

— Пришли бы лучше завтра!

— А что, сопят?

— Сопят!

В такое время Петр Сидорович очень были тверды на резолюции.

Как придавят перо, надписывая резолюцию, так даже бумага рвется!

Да и это еще не все. Это все мелочи!

А вот что потом стряслось, так и сейчас еще старший конюх бледнеет, как вспомнит.

Позвал как-то Петр Сидорович старшего конюха.

— Сколько у нас в совхозе вороных коней? — спрашивает.

— Да сколько же?! Васька — один, Сокол — второй, Быстрый — третий. Вам как,— спрашивает старший конюх,— чисто вороных или и темно-гнедых и карих считать?

— Одних лишь чисто вороных!

— Ну, значит, вот трое! Из кобыл, значит, Воля, Звездочка и Капризная. Выходит, шестеро! А вот куда причислить Резеду? Круп у нее чисто черный, а перед гнедоватый. Куда ее?

— А чего в ней больше? Гнедого или вороного?

— Да вороного, пожалуй, больше!

— К вороным!

— Тогда, выходит, семеро!

— Так вот что,— приказал Петр Сидорович.— Приготовь их всех, подбери документы и в совхоз «Степной» отведи! Я уже договорился с директором: обменяет на таких же, только другой масти! Вороных не бери!

— А дадут ли таких же? Кони же все справные!

— Дадут! Я договорился! Вороные кони — то несчастье!

Когда старший конюх повел вороных в совхоз «Степной», Петр Сидорович глядел им вслед и посмеивался:

— Пусть берет вороных! Пусть берет! Его теперь в облсовет избрали. Пусть берет!

1946

Зенитка

НЕМНОЖКО О ВОЙНЕ

Зенитка

Сидит дед Свирид на завалинке. Сидит и лозинку стругает.

— Как дела, дедусь? Здравствуйте!

— Здравствуйте! Дела? Дела — ничего! Дела, как говорили эти песьиголовые,— гут!

— О, вы и по-немецки, дедусь, выучились?

— А как же! В соприкосновении с врагом был — вот и научился!

— И долго, дедусь, соприкасались?

— Да не так, чтобы дюже и долго, однако трое и от моей руки в соприкосновение с землей пошли. Закопали троих вон там, на выгоне. И могилу, нехристи, было насыпали и крест поставили. А только наши воротились, я и крест порубал и могилу по ветру развеял. Чтоб и следа от погани не осталось.

Рассказать, говорите? Ну, слушайте...

Подступили фашисты, обезлюдело наше село. Несколько старых баб только и осталось. Очутился и я по ту сторону реки в лесу, в партизанах... Обед хлопцам варил, коней пас. Да и приспичило мне поглядеть, кто ж нынче в моей хатенке за хозяина правит. Ведь один-одинешенек я жил, как палец!

Вот однажды подошел я к речке — а уже крепко смеркалось,— вытащил из камышей старую ладью, сел, поплыл да и высадился десантом на своем же берегу. Высадился десантом, а потом перебежками, перебежками промеж подсолнухами да за хлевом в лопухах и замаскиро-

вался. Замаскировался и сижу. А в хате, вижу, свет горит, гомонят, чую, кто-то голос пробует — петь собрался.

Я сижу, дожидаюсь: пускай, думаю себе, поснут, тогда уже я приму решение. Долгонько довелось ждать. Как вдруг дверь на крыльце — рип! — выходят трое; двое, слышу, фашисты, а третий, Панько Нужник, старостой они его назначили. Батько его лавчонку у нас держал, а оно, сопливое, выплакало, чтобы его в колхоз приняли. А нынче, вишь,— староста! Вышли и прямехонько к хлеву. А в хлеву у меня на горище малость сенца было припасено... Так вот Панько их, значит, туда ночевать ведет: в хате-то душно. Влезли они на горище, поукладывались. Чую — храпят! Я из лопухов потихонечку на цыпочках — и в хлев! В руках у меня железные вилы-тройчатки. Я как размахнусь, да сквозь настил вилами — раз, два, три!

Как заверещат они там, как завопят:

— Вас ист дас?!

А Нужник:

— Ой, рятуйте! Кто-то с земли из зенитки бьет!

Ага, думаю, сукины вы сыны, уже мои вилы вам за зенитку мерещатся? Погодите, еще не то будет! И с тем снова перебежками на берег, в челн, да на ту сторону. За три дня посдыхали они все трое, так передавали потом из села. Я им вилами животы продыркнул. Вот такое мое с врагом соприкосновение вышло.

— Сколько ж вам, диду, лет?

— Да кто ж его знает? То ли семьдесят девять, то ли восемьдесят девять. Разве сочтешь? Знаю, что девять, а каких девять, уже и не смекну.

— И не боязно вам было — одному супротив трех?

— Боязно? Да ведь, человек божий, война — это ж мое кровное дело. Я же весь свой век воевал с... бабою! Лукерьи моей не знавали? Да разве ж с нею у меня такие сражения были, как с теми поганцами на горище? Да я их, как крысят, передавил! А покойница моя — царствие ей небесное,— да она б одна с рогачом на дивизию ринулась! На что уж мы с кумом — и ему царствие небесное, уважливый человек! — бывало, самдруг... Да куда там!.. Сижу, бывало, под поветью, зубцы к граблям тешу, а она выйдет на крыльцо да как стрельнет:

— Свирид!

Верите, топор у меня из рук только — скок! скок! скок! Как на теперешнюю технику, так чистая тебе «катюша». С нею, с бабой своей, я так напрактиковался, что любая мне нынче война нипочем. Наступать на Лукерку, правду сказать, не наступал, больше отбивал атаки, а воевать доводилось каждый день. Однажды в воскресенье мы сам-друг с кумом — еще и к «Достойно» не звонили — не удержались. Хватили! И добренько-таки хватили. А тут Лукерка из церкви!

— Держись,— говорю,— куме, нагрянула беда — бой ожидается! Ежели в одиночку — будем биты. Давай сгуртуемся в войсковое соединение, иначе разгром! Перемелет живую силу и технику!

Сотворили мы соединение. Только это она на крыльцо, я сразу вроде как на «ура»:

— Ты что ж это по церквам до полудня толчешься? Поп, небось, медом потчует?

А кум с правого фланга заходит. Но тут у нас ошибка организационная вышла: рогачей мы не попрятали. Эх! Она за рогач — да в контратаку. Прорвала фронт. Мы с кумом на заранее подготовленные позиции — в погребню. Опорный вроде пункт.

Уже и пироги захолонули, а она нас в погребище в окружении держит. Сижу я за бочкой с квасом, носом клюю.

Кум и говорит:

— Как знаешь,— говорит,— Свирид, а я к своим пробиваться буду. У моей Христи тоже сегодня пироги.

— Гляди,— говорю,— кум, тебе виднее. А лучше на риск не брать, пущай смеркнется.

— Что ты, Свирид, смеркнется? Да кто ж это к ночи пирогами завтракает?

Перекрестился кум и рванулся в н-ском направлении. И-таки пробился в расположение своей Христи. Что правда, рогачом его контузило, но с ног не сбило!

А я до самого вечера в окружении за бочкой с квасом просидел. Лишь к вечеру только смилостивилась маленько Лукерка, подходит, открывает погребище.

— Сидишь? — говорит.

— Сижу,— говорю.

— Иди уже, хоть галушек поешь, а то охлянешь!

— Кинь,— говорю,— ухват, тогда выйду!

Боевая была покойница!

Доводилось с ней и стратегии и тактики. Где мы с кумом только не маскировались: и в картошке, и в коноплях. Обнаружит, бывало, враз. Обнаружит — и вытеснит. И теснит, бывало, до водного рубежа, до речки. А мы с кумом плавать не умели, стоим у водного рубежа на дистанции, чтоб рогачом не достала. Стоим, мокнем. А она:

— Мокнете?! А бодай бы вымокли, иродовы души, я б из вас конопли натрепала!

Да после такой практики мне с этими гнидами и делать-то было нечего. Жаль — кума нету: сам-друг... Мы бы с ним в соединении не то б еще сотворили!

Кум и летчик крепкий был. Ас!

Трясем мы с кумом как-то кислицы. Влезли на дерево и трясем. А яблонька высокая была, разлогая. Фашисты проклятые срубили. Лукерка в подол кислицы собирает. Трясли, трясли, эх, думаем, засмалить бы! Трубки в зубы — кум огонь высекает.

Лукерка опять как стрельнет:

— Снова за табак?

Так мы с кумом враз с яблоньки — в пике. Кум таки приземлился, хоть и скапотировал, а я из пике — в штопор, из штопора не вышел, протаранил Лукерьин подол и врезался в землю! Через полчаса только очухался, захлопал глазами — гляжу: слева кум стоит, аварию свою почесывает, а справа Лукерка с ведром воды. Шевельнулся — рули поворота ни в руках, ни в ногах не действуют, кабина и весь фюзеляж мокрым-мокрехоньки...

— Живой, слава богу! — кум молвит.

А Лукерка:

— Был бы,— говорит,— он живой, кабы не моя кубовая сподница! Пускай скажет спасибо, что задержала,— вгруз бы в землю по самехонький руль глубины! Эх, летчики,— говорит,— молодчики!

А вы спрашиваете, не испугался ли я трех гитлеровцев?

После такой практики! Такое выдумаете!

— А что теперь поделываете, дидусю?

— Пришли наши — я демобилизовался. Очень уж прытко немцы удирают, не догоню. Пусть уж те, что помоложе, гонят. А я вот детишкам в детский сад свистульки мастерю. До того ж утешные ребятки! Ну и колхозную череду из эвакуации все выглядаю — придется на выпас — надо восстанавливать после фашистской погани! Эх, кума б это мне, мы бы с ним самдруг... Хотите, может, «зенитку» мою поглядеть? Вот она.

И погладил нежно дед Свирид свои вилы-тройчатку.

1944

Хорошая-хорошая девушка

Для таких девушек, маленьких и нежных блондиночек, с голубыми глазами, с румянцем на щеках и стыдливым взглядом, мелодичным голосом и длинными ресницами, наши поэты пишут хорошие-хорошие стихи:

У моей подруги синие глаза.
А твои, как небо, голубые...

Учились они, эти девушки, в советских школах, кончали десятилетки, шли в вузы, мечтали быть врачами, инженерами, педагогами, агрономами...

Зимой они сидели за книгами в общежитии, а может, и в отдельных квартирах с папами и мамами, наспех бегали в кино и театр, а летом, сдав экзамены, немного утомленные и бледноватые, ехали в деревню. Там у них снова краснели щеки и появлялся блеск в глазах.

И какие же они пели песни, сидя в лодках на прозрачных речках своей Родины или под вербами, склонившимися над задумчивыми колхозными прудами!..

Хорошие-хорошие девушки!

Будущие матери будущих внуков и правнуков наших.

И вот война! И вот враг терзает землю любимой Родины!

Тогда эти девушки складывают книги на полки, ленты в коробочки, подстригают длинные прекрасные косы, вешают в шкаф шелковые платья, надевают ватники и бушлаты и идут в военный комиссариат.

— Запишите добровольцем! Я хочу защищать свою Советскую Родину! Как солдат!

Тысячи-тысячи, десятки, сотни тысяч наших хороших-хороших девушек, голубоглазых и нежных.

И теперь они солдаты и командиры, лейтенанты, капитаны и майоры, летчики и зенитчики, пулеметчики и разведчики, снайперы и кавалеристы, аэростатчики и медсестры.

Вот перед нами аэростатчик — командир поста.

Она такая же, как и тогда, когда была студенткой химического института, голубоглазая и с длинными ресницами, но не пальто на ней с котиковым воротником, а серая шинель солдатская, и не модельные туфли на ней, а начищенные до блеска солдатские сапожки.

И на нежных ее плечах не лисья горжетка, а зеленые погоны с тремя красными нашивками.

Сержант! Командир поста «N» «Отдельного отряда аэростатов заграждения»...

Она была бы уже химиком, потому что пошла защищать Родину со второго курса химического института, и уже три года в армии. Улавливала бы она какие-нибудь газы — может быть, газы коксовых печей,— а теперь она солдат, командир поста, аэростатчик и ловит немецких хищников, которые смертоносными бомбами хотят уничтожить прекрасные города нашей прекрасной Отчизны.

И она горда этим!

Она горда, потому что стоит на боевом посту и не дает фашистскому стервятнику разрушить ее город и ее ВУЗ!

Она знает, что придет конец войне, и она вернется домой, и снова будет студенткой химического института, и, окончив его, станет инженером-химиком, потому что химию она очень любит.

А теперь она каждую ночь, послав свой аэростат высоко-высоко вверх, следит за ним, приглядывается к аппаратуре, прислушиваясь, следит и ловит летающего врага.

И она действительно его поймала!

Когда в мае 1944 года табун «юнкерсов», «фокке-вульфов», «хейнкелей» и других фашистских стальных

воронов налетел на Киев и его окрестности, ее аэростат был высоко-высоко в небе.

Висели слепящие фонари, били зенитки и пулеметы, трассирующие пули протягивали в небо золотые шнуры, матери с детьми прятались в бомбоубежища, а голубоглазая девушка — командир авиапоста — стояла рядом со своей лебедкой и следила, следила, следила...

Внезапно рывок, лебедка сорвалась с места и... поехала...

И может, долго бы она ехала, если бы не зацепилась за эстакаду.

Трос оборван... Падает... Аэростат сорвался...

А на другой день, недалеко от отряда, нашли разбитый «хейнкель» с намотанным на винт тросом, а под обломками его труп фашистского захватчика.

Хорошая-хорошая голубоглазая девушка поймала хищника.

Почему же ей не гордиться, как же ей не радоваться?

Она защитила свою землю, свою Отчизну!

И теперь для нее поэты другие стихи пишут:

Вот такому молодцу
И погоны к лицу!

К лицу хорошей-хорошей девушке!
Голубоглазой и нежной.

1945

«Блиц-криг»

Сидели мы как-то с дедом Свиридом на чурбанах, беседу вели. С запада надвигалась иссиня-черная туча, пахло дождем, вдали гремело, и разрезали небо молнии.

— Глядите,— говорю,— дед Свирид, на небе блись-блись выходит, а у Гитлера не вышло. А сколько тех воплей было: «Блиц-криг», «блиц-криг»! А на деле вышло: «пшик-криг»! Почему это так, дед Свирид, а?!

— Как не вышло? Вышло, еще и как вышло! У Гитлера еще покрепче вышло, чем у цыгана.

— Какого цыгана?

— У Михея.

— У какого Михея?

— Михея не знали?

— Нет.

— Тю! Что же вы тогда знали?! Было это давненько, еще и на первую мировую войну не завязывалось. Молодым я тогда был, не более как лет, может, шестьдесят пять. Стерег я в тот год баштан. В нашем селе тогда цыган жил. Михей. Всем цыганам цыган. Летит, бывало, на коне, так не разбери-бери: не то конь его мчит, не то он коня ногами несет. Частенько наведывался ко мне на бахчу. Ходит, бывало, приглядывается.

— Арбузы,— говорит,— у тебя, Свирид, отменные.

— Арбузы,— говорю,— неплохие.

Созрели арбузы.

Однажды по ночи, вот точно как сейчас, очень нахмурило. Началась буря... Гром, дождь, молния... Я в сторожке укрылся, а сам с баштана глаз не спускаю.

Как блеснет молния — на баштане, ровно на ладони, все видать. Блеснуло — я и помечаю: кто-то из ярка в арбузы полез. Я за вилы да по-над ярком и сам туда. Блеснет молния — пригнусь, стемнеет — подбегаю. Подбежал, присел в полынь на меже. Блеснуло — вижу: кто-то в чувал арбузы собирает. Я — ближе. А оно гремит, а оно гремит! Приблизился я прямехонько к вору... В эту секунду как блеснет,— я его тройчаткой — шасть! — а он только — вé! — да в ярок, что твой вихрь! И мешок забыл. Я, по правде, и не приметил, кого благословил. Увидал только спину, да и то на миг один...

На другой день приходит ко мне Михей. Гляжу— невесел.

— А нет ли у тебя,— спрашивает,— Свирид, шкипидару или чего другого? Поясницу здорово ломит. Давеча,— говорит,— буря лютовала, так молнией меня как шарахнуло!.. И что это,— говорит,— за сила божья: раз блеснула, а на пояснице целых три кровавых полосы...

— А ты,— говорю,— Михей, может, арбуза бы съел? От поясницы, бабы, брешут, куда как пользительно.

— Сгнить бы им,— отвечает,— арбузам твоим!

Вот такое было...

— А при чем тут, дед Свирид, Гитлер? И к чему «блиц-криг»?

— А к тому Гитлер и к тому «блись-криг», что Гитлер этот с чувалами по Советскому Союзу блицал-блицал, а Красная Армия как блицнула — вон сколько кровавых полос на спине у Гитлера... Считай: Волга — одна, Дон — вторая, Днепро — третья, Буг — четвертая, Днестр — пятая. Это большие полосы, а сколько малых? Да не простые полосы, а с «бубликами». На Волге — бублик, у Кривого Рога — бублик, у Корсуня — бублик, у Тернополя — бублик, в Крыму — бублик. Это большие бублики, с маком, а сушек сколько! Так как, по-твоему, не вышло «блись-крига»? Вышло! А сколько еще выйдет! Дай только, боже, здравствовать Красной нашей Армии, а она еще не так «блицнет»...

1944

Прямой наводкой

Одна б одинешенька осталась бабуся, если бы не Ивасик.

И у Ивасика ни отца, ни матери, одна только бабуся.

Выходила бабуня Ивасика, выпестовала. И сорочечка всегда у Ивасика беленькая, выстирана чистенько и красным узором в крестик вышита. И волосики у Ивасика причесаны, и ножки у него каждый вечер теплой водицей омыты...

И как заснет, бывало, Ивасик вечером, становится на колени бабуня перед царицей небесной:

— Царица небесная, спаси и охрани моего Ивасика от недуга тяжкого, от сглаза дурного. Спаси и помилуй. И присноблаженная и пренепорочная. Аминь.

Рос Ивасик...

Вырос Ивасик...

Уже и десятилетку Ивасик заканчивает, и в драмкружке он в клубе колхозном, но более всего по сердцу Ивасику военный кружок, и самым старательным образом осваивает Ивасик орудийное дело, артиллерию.

А вечерами, бывало, сидит за столом Ивасик и вслух читает о разных пушках: и о тяжелых, и о полевых, и о зенитных...

А бабуся рядышком сидит, на Ивасика смотрит, слушает...

— Ой, бабуся,— Ивасик улыбается.— Слушайте и учитесь. Чтобы знали вы у меня про артиллерию все,

потому что стану я, бабуня, артиллеристом, и неловко мне будет, что моя бабушка в орудийном деле не разбирается. Чтоб, если спросит кто-нибудь у вас про пушку, чтоб вы ему все как из пушки!

— Да где уж мне, Ивасик, где уж мне, голубчик! Читай, читай, миленький! А мне уж одно то сердце веселит, что возле тебя я, Ивасик!

— Вот слушайте, бабуня! Прямая наводка — это когда прицел на объекте. Лезет враг, а вы орудие прямехонько на него. Бах! И ваших нет!

— Кого, Ивасику, ваших?

— Ваших? Врага нет! Бах! — и враг на куски. В клочья! Поняли, бабуся? Повторите!

— Да бог с тобой, Ивасик! Что мне, воевать?

— Повторите, повторите!

— Прямая наводка — это когда бах! — и ваших нет. На куски. В клочья.

Прижмет Ивасик бабуню к себе, обнимет:

— Ах вы ж, наводчик мой! — и заливается.

* * *

Загремела Великая война Отечественная.

Когда уходил Ивасик в Красную Армию, обнимал бабусю, к груди прижимал, целовал...

— Не жалей, Ивасик, врага, а жалей себя! Не береги, Ивасик, врага, а себя береги!

— Э, бабуся, разве ж артиллеристы плачут?

— Не буду, Ивасик, не буду!

— Артиллеристы: бах! — и ваших нет! Помните?

— Да убережет тебя царица небесная!

— Меня, бабуся, «катюша» убережет!

Железным сапогом поганым топчет фашист землю Украины Советской.

Уже и в бабусином дворе по курятнику да по хлевам гитлеровец шарит.

Уже нет у бабуси пары ее овечек, нет подсвинка, нет и пяти курочек, один только петушок остался: спрятала его бабуся в подпечек, соломой заложила.

Побелела бабуся, налилися тоской ее очи...

Припадает вечерами бабуся к царице небесной, молит:

— Охрани же его, моего Ивасика! И присноблаженная и пренепорочная...

Да и задумается, задумается...

Положит поклон глубокий да, задумавшись, на царицу небесную глядя, замест аминя произнесет:

— Бах! — и ваших нет! В клочья!

* * *

Грустные, тоскливые, черные два года фашистского господства.

Придавили они бабусю, ошарашили, и даже как-то меньше ростом стала она, согнулась.

Два года черного тумана.

И вдруг светлый луч:

— Наши приближаются! Немцев бьют! Немцы бегут!

Разгорелись бабусины глаза, просветлело лицо, распрямляться начал сгорбленный бабусин стан.

Ближе, ближе наши...

Заметалось фашистское воронье в селе: бегают, людей в немецкую неволю хватают. Пытки... Расстрелы...

Но вот наши уже в соседнем селе.

Удирают немцы из бабусиного села.

Напоследок по хатам носятся, грабят, убивают, жгут...

Ворвался и к бабусе в хату ефрейтор. Хищными глазами по хате так и бегает... Шарит под половицами, на печи, в печи...

Сунул винтовку в подпечек — вылетел с криком оттуда бабушкин петушок...

— А-а-а! Доннер-веттер!

Схватил петушка и давай душить...

Терла бабуся соль в макитре, запекло у бабуси под сердцем, защемило... Прямо задрожала вся!

Промелькнуло в мыслях: «Прямая наводка — это когда прицел прямехонько на врага. Бах! — и ваших нет!»

Размахнулась макогоном и прямо по лбу — бац!

Он только:

— Вас-вас-вас-вас...

Да и свалился под скамью. Дважды вздохнул и затих.

. . . . . .

Вошли в село наши.

Осмотрел в бабусиной хате мертвого фашиста врач, осмотрел да и говорит:

— Смерть от пролома головы тупым орудием.

А бабуся:

— И доктор, а не угадали. Не от пролома головы, а от макогона, прямой наводкой. А орудия и вправду не дюже острая. Тупая орудия — макогон!

1944

Самая нужная артиллерия

В древние времена, еще когда Александр Македонский в Иране учил тогдашних саедов, как с соседями в согласии жить, греки придумали первые артиллерийские орудия — баллисту и катапульту.

Орудия те не очень были похожи на теперешние гаубицы, зенитки и самоходки, однако дело свое делали.

Порохом служили им бычьи кишки, дулом — большой такой «уполовник», а снарядами — обыкновеннейший тебе горбыль или увесистая каменюка.

Баллиста заряжалась таким способом: брался большой горбыль, укладывался в лоток, накручивались до отказа кишки, потом кишки отпускались, раскручивались и швыряли горбыль на врага, в осажденный город.

В катапульту — в «уполовник» — вкладывалась каменюка, натягивались кишки, отпускались, и каменюку орудие швыряло во врага.

Со временем орудия те совершенствовались и превратились в очень сложные и очень страшные машины, которые мы имеем теперь.

Артиллерия стала «богом войны».

Следует сказать, что еще со времен Александра Македонского применялись в катапульте «газовые снаряды».

«Снаряды» те были весьма оригинальны, а именно, вместо каменюки в «уполовник» клали дохлую собаку или кошку и швыряли во врага.

Такие «газовые снаряды» попахивали не фиалкой, и врагу было не очень приятно от таких гостинцев.

Вот и теперь, когда Гитлера загнали в его звериное логово, не мешало бы применить к нему старинную артиллерию.

Всех дохлых собак и кошек при помощи катапульты швырнуть ему в столицу Третьей империи.

То будет «гостинец», достойный фюрера, достойный его культуры, его цивилизации, достойный культурного уровня «высшей арийской расы».

1944

«Шершень»

Сидели мы с Домахой Петровной в садике под грушей. Сидели мы на бугорке, виден был за садиком конопляник, на нем зеленел конопляный ковер, за конопляником голубела речушка.

Наступал вечер, заливался соловей, буйным цветом цвела груша, отцветали вишни, выбивалась на огороде из мягкого чернозема картошка, в гнезде, что вознеслось на колесе, надетом на столб, грела аистиха будущих аистят, ласково под плетнем квохтала наседка, сзывая желтеньких цыплят, еще только позавчера скинувших с себя яичную скорлупу, мычал в загончике время от времени теленок, скучая без мамы, задержавшейся на пастбище... Прогрохотал по улице трактор, прогудел в небе «дуглас», направляясь на Киев, а мы с Домахой Петровной сидели, беседовали.

Каждый, значит, занимался своим делом.

Услышав «дуглас», Домаха Петровна молвила:

— Не летала! Сроду не летала!

— А вы,— говорю,— полетите!

— Боюсь! Очень высоко! Если б немножко ниже, полетела бы.

Домаха Петровна достигла уже того возраста, когда:

— Э! Уже не вижу нитку в иглу продеть! Если кто проденет, то еще штанишки Ваське полатаю. Ну, и рвет, ну, и рвет, вредный хлопец, горит на нем все! А как поругаю, так ни за что не смолчит. Сейчас же мне:

— Когда такой,— говорит,— буду, бабуся, как вы, то и у меня штаны целы будут, как у вас,— говорит,— юбка.

— Вот какие теперь внуки пошли! И в кого оно уродилось?! Я сроду такой не была.

— То,— говорю,— бабуся, такие внуки, что на самолетах так летать будут, как мы с вами сейчас пешком ходим.

— Васька такой! Тот полетит! Как только оно загудит вверху, так он как упрется взглядом, ну, с места его не сдвинешь. Глядит, глядит, а потом аж подпрыгнет на месте — так его туда вверх тянет!

— Полетит, бабуся, полетит!

— Ох, и хлопец! «Я,— говорит,— фашистам ни папки, ни мамки никогда не прощу!» А недавно прибежал домой да ко мне.

— Снова,— говорит,— бабуся, Шершень загудел. По радио только что в сельсовете слышал. Да вы,— говорит,—бабуся, не бойтесь, мы тому Шершню крылья пообобьем!

Я сразу не понял и переспрашиваю Домаху Петровну.

— Что,— спрашиваю,— за Шершень?

— Да разве ж вы не слыхали, что ли? Аглицкий тот Шершень. Тот, что к нам в войну приезжал. Да слышали вы о нем!

— А-а-а! Слышал, слышал!

— Так, говорят, снова загудел. Тогда, как война шла, так не гудел, а только ласково крылышками трепыхал, а теперь, видишь, гудит, да,— говорят,— сердито гудит. Аж жужжит! Чего ему надо?

— Шершень,— говорю.— Вот и гудит.

— И это оно думает, что если оно Шершень, так оно нас и перепугает. Да вы только гляньте! Год же всего без той проклятой войны живем, а и у меня уже хата новенькая. Да и везде по селу хатки новенькие белеют. И грушка моя, ишь, как принарядилась, а при немцах никогда так не цвела. И вишенки мои как молоком облиты... И дерево знает, для кого оно растет, для кого оно цветет, для кого оно родит. Не для немцев, а для нас оно родит. И не для Шершня оно родить будет. Не так ли?

— Так, бабуся, так!

— А на конопляник мой поглядите! К коноплям меня определили. Видите, какие: как щетка! И прополю и присмотрю. И посконь выберу и матерочку. И намочу и вытереблю. Да навьем крепких-крепких ниточек, да наплетем сеточек, да всех Шершней и выловим. Чтоб сердито не гудели! Не вырвутся. Нитка у меня крепкая будет!

А я глядел на Домаху Петровну, и было у меня на душе спокойно.

Шершни гудят, а мы День Победы празднуем.

Празднуем в радости и в творческом труде.

Пусть гудят!

А как догудятся—ну что ж?—придется день второй победы праздновать.

Если не нам, то бабусиному Ваське, что так пристально к самолетам приглядывается.

1946

Доисторический инструмент

Юрко Лоза, машинист врубовой машины и комсомолец, русый и веселый парень, встречая, бывало, пенсионера Ивана Федоровича Вернигору, потомственного и почетного забойщика, который «всего только» 54 года проработал на шахте, подбрасывал шапку и весело кричал:

— Старикам почет!

— Здоров, здоров! — отвечал Иван Федорович и приветливо улыбался.

Юрко подбегал к нему, жал ему крепко руку и переходил в наступление:

— Нет, что вы там себе ни говорите, дедушка, а врубовая машина не обушок... Пока вы со своим обушком тяп-ляп, я со своею врубовой тонну да тонну, тонну да тонну. Так или не так?

— Так-то оно так, а все же не пренебрегай, Юрко, и обушком. Обушок свое дело сделал... Да еще кое-где и сейчас работает... Только вы, молодежь, чтобы с обушком справиться — слаба у вас гайка...

— Ну, уж и слаба?

— А что скажешь, не слаба?

— Доисторический инструмент!..

— Историк какой нашелся! А попробуй доисторическим инструментом, как оно у тебя выйдет?!

Вот так, бывало, Юрко с Иваном Федоровичем при встрече обязательно сцепятся...

А надо вам по секрету сказать, что Иван Федорович очень любил Юрка, а Юрко, если не повидает дня

два Ивана Федоровича, обязательно постучит в его окно:

— Почему вас не видно, дедушка? Обушок оттачиваете или что?

— Нет, с твоею врубовкою целуюсь!

Так это было до войны...

А когда враг захватил шахту, Юрко Лоза уничтожал фашистскую нечисть, был комсоргом в партизанском отряде, а Иван Федорович целыми днями сидел у окна, печально глядел на улицу, и, когда мимо его дома проходила рогатая каска, кулаки сами гневно сжимались...

И всегда рядом с ним на скамейке лежал его старый и верный товарищ — обушок.

Анна Петровна, жена Ивана Федоровича, возилась у печи, прибирала в хате. И все молча, все молча. Иногда только глубоко вздыхала.

Мрачная, черная завеса окутала весь Донбасс, а вместе с ним и ту шахту, где целую жизнь проработал Иван Федорович Вернигора и где ставил рекорды машинист врубовой машины комсомолец Юрко Лоза...

Однажды осенним вечером в хату Ивана Федоровича вскочил запыхавшийся Юрко:

— Упрячьте!

Иван Федорович мигом открыл в присеннике чулан и толкнул туда Юрка.

Анна Петровна придвинула к дверям чулана кадку с водой.

Только лишь они упрятали Юрка — стук в двери...

В хату влетел разъяренный солдат:

— Где партизан?

— Нету у нас никакого партизана,— ответил Иван Федорович.

Солдат оттолкнул Ивана Федоровича и ударил прикладом Анну Петровну...

Осмотрев хату, он выскочил в присенник, опрокинул кадку с водой и рванул дверь в чуланчик.

Иван Федорович, схватив обушок, вышел в сени и, когда враг, нацелившись, собирался выбить прикладом дверь, махнул обушком так, как он размахивал им в забое пятьдесят четыре года подряд...

Был живым когда-то вражеский солдат...

Когда после фашистского нашествия восстановили шахту, Ивана Федоровича каждое утро можно было видеть у проходной — 73 года его не пугали, и обушок на его плече блестел...

Юрко Лоза подходил к Ивану Федоровичу и жал ему руку:

— Доброго утра, дедушка!

— Здоров, Юрко! Как здоровье?

— Спасибо! Пошли судьба вашему обушку многие лета!

— А врубовая?

— А врубовая, дедушка, в забое, слов нет, дорогая машина, а у чулана ею размахиваться не совсем удобно...

— Так, говоришь, инструмент доисторический?

— Ой, дедушка, исторический! Да еще же история хорошая!

— То-то оно и есть!

1944

Шутки шутками...

ГОРОДСКИЕ «РЕПЬЯШКИ»

Наша Москва

В энциклопедии сказано:

«Климат Москвы умеренно-континентальный. Средняя температура плюс 4°...»

Смотря для кого...

Для нас, украинцев,— и это за последнее время подтверждается множеством примеров — климат Москвы теплый, полезный, а температура в Москве для украинцев не плюс четыре градуса, а во много раз выше.

В 1812 году наполеоновскому войску в пылающей Москве было не очень тепло, ему даже было чересчур холодно, и многие наполеоновские маршалы и генералы никак не смогли отогреться от горячего дыхания народных мстителей.

И, наоборот, гитлеровским псарям-рыцарям, когда они сунулись было в 1941 году к Москве, им, несмотря на холодную осень, было очень жарко. И бежали они, как ошпаренные...

Да это и понятно: температура — она меняется в зависимости от всяких там атмосферных и иных явлений... Одно слово — синоптика!

...Автор этих строк вырос на Украине, когда Украина еще была Россией, а Россия была царскою, и в Москву впервые он попал тогда, когда Россия была РСФСР, а Украина — УССР.

Было это в году 1923-м.

Что больше всего поразило автора этих строк, когда он впервые ступил на московскую землю, впервые вдохнул московский воздух в свою полтавскую грудь?

Ну, разумеется, просторы могучего города, водоворот московской жизни, старинный Кремль — все это так...

Но что все-таки больше всего удивило и покорило, просто очаровало его?

Русская речь! Московский говор!

Вскормленный полтавскими галушками и пампушками, толчениками и варениками, автор учился, конечно, в русской сельской школе (украинских школ при царизме не было), но русская речь для него была тогда весьма трудной и непонятной.

С русским языком он сталкивался только в книге, да на русском языке еще говорили солдаты, возвращавшиеся домой из армии. Девчатам было явно не по себе, когда такой вот кавалер, сидя на завалинке, начинал изъясняться «по-русскому»:

— Девушки, я вас, канешно, не узнаю!

Так что в обыденной жизни, так сказать, в обиходе, автору не доводилось слышать настоящей русской речи. Он читал книжки, слушал лекции, на прекрасном литературном русском языке произнесенные. Но хорошей, настоящей русской речи, да еще московской, ему не случалось слышать.

И вот автор в Москве, на Ленинских, тогда еще Воробьевых, горах.

Автор поехал туда просто для того, чтобы поглядеть на Москву сверху...

Тогда, насколько помнится, еще не было там высотного здания Московского университета имени М. В. Ломоносова, а были там довольно простенькие одноэтажные домики с палисадниками, с цветами, с геранью на окнах, с лавочками у ворот.

Автор сел на одну из таких лавочек, а у ворот резвилась целая стайка маленьких москвичей, дошколят.

Было тепло, над Москвой светило солнце. Город был весь в легкой прозрачной дымке, и оттуда, из Москвы, докатывался неумолчный гул, как это бывает в пчелином улье, если приложить к нему ухо.

Ребятишки бегали, играли «в классы», прыгали через скакалки, копошились в песочке, лепили из песочка «куличики», домики, крепости...

И говорили, говорили, говорили, словно воробышки чирикали.

Автор прислушался и.... оторопел.

Детишки говорят по-русски! Да как! Чисто-чисто! Да с таким произношением! Точно поют какую-то песенку-считалочку!

А надо вам знать, что до того автору приходилось видеть и слышать детей, которые говорили только по-украински. А если и случалось, что дети говорили по-русски, то одно слово действительно было русское, три слова украинских, а остальные — полурусские и полуукраинские...

А тут чистейшая русская — да еще московская! — речь!

Прислушиваясь, автор так и прирос к лавочке.

Потом он стал с детьми играть и разговорился с ними: ему так хотелось вдоволь насладиться московской речью...

Иногда, услышав из детских уст какое-нибудь слово, автор долго соображал, что̀ же оно обозначает! Сразу не разберешь...

Вот беленькая курносенькая девочка выскочила из двора с криком:

— Ички! Ички! Ички!

«Что же оно такое эти «ички»?»— напряженно задумался автор.

А у девочки в руках разноцветные деревянные яички: она их вынесла только что из дому.

Оказывается вот что:

— Яички! Яички! Яички!

А девчушка быстро-быстро-быстро:

— Ички! Ички! Ички!

Автор сидел долго, все слушал и любовался маленькими москвичами и думал:

«Гляди! Вот какие маленькие, а как по-русски чешут! А ты дожил уже до послепризывного возраста, а никак до сих пор себя не приучишь, к примеру, произнести чисто̀ по-русски:

— Я же вам г(к)аварил!

Хоть убейся, а у тебя выходит:

— Я вам г(х)оворив!

И в Москве любой собеседник тебя сразу узнает:

— Вы из Киева?

— А разве у меня на лбу написано?

— На языке! Каллиграфически выведено!

А в Москве, видите, даже маленькие детишки чудесно да как красиво говорят по-русски!»

* * *

Матушка Москва.

Да, матушка... Для многих народов во всех смыслах Москва — матушка.

Даже для Киева она матушка, хоть Киев и сам, как известно, мать городов русских.

Единственный в мире, всеми признанный случай, когда мужчина — Киев — считается матерью.

И никого это не удивляет. Ибо так оно и есть! Истории не изменишь.

Мы, украинцы, любим Москву, и любовь наша все больше крепчает, так как мы убедились, что вместе с Москвою мы никогда не уподобимся той воспетой кобзарями чайке, «которая вывела чаеняток при битой дороге...»

Но мы убедились и в том, что и Москва очень любит нас, украинцев.

Во время декады украинской литературы и искусства в Москве наши женщины, осматривая достопримечательные московские памятники, разумеется, не миновали ГУМа, и, чего правду скрывать, ГУМ им очень по сердцу пришелся...

Москвичкам ГУМ тоже нравится, и в некоторых особенно интересных местах там даже образуются очереди желающих ознакомиться с теми или иными гумовскими экспонатами.

Москвички, как убедились, очень строго оберегают законность очереди.

Чтобы познакомиться с каким-то особенно примечательным гумовским экспонатом, наши женщины стали в очередь и заговорили между собой. Заговорили, естественно, по-украински.

И можно представить себе их удивление: москвички, стоявшие перед ними, обернулись и спросили:

— Украинцы?

— Да, украинцы!

И москвички, не сговариваясь, наперебой им предложили:

— Просим вас! Становитесь впереди, а мы — за вами!

И очутились наши женщины прямо перед экспонатами первыми!

А когда они вернулись в гостиницу, размахивая перед удивленными мужчинами гумовскими экспонатами, мужчины просто не поверили:

— Неужели? Как?

Женщины, перебивая друг друга, рассказывали о том, какое внимание, любезность и любовь проявили к ним очаровательные москвички.

— Да! Это настоящая-таки любовь! С самопожертвованием! — согласились мужчины.

* * *

Москвичи любят украинский язык.

Когда автор этих строк и поэт Платон Воронько читали в одном из московских парков культуры и отдыха свои произведения, они спросили слушателей, все ли им понятно и не нужно ли перевести на русский.

— Что вы?! Что вы?! — раздалось отовсюду.— Мы прекрасно понимаем ваш чудесный язык.

Когда-то мы, украинцы, побаивались так называемой русификации на Украине...

Мы должны констатировать, что русификация нам теперь и во сне не снится, а вот Москва на наших же глазах, пожалуй, украинизируется.

Судите сами...

Московские девушки, да и не только московские,— все русские девушки, процентов, должно быть, так примерно на семьдесят пять уже называют себя «девчатами».

Имя Остап было только у Гоголя в «Тарасе Бульбе» и у Остапа Бендера. А теперь оно очень часто стало

появляться и в прозаических и в драматургических произведениях русских беллетристов и драматургов.

Русское имя Николай все больше заменяется украинским Микола. Пока что остался Николай Матвеевич Грибачев, но и он под угрозой. Ксения переключается на Оксану, Петр — на Петро, Павел — на Павло.

А чудесно нежная:

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла...—

все чаще и чаще перекликается с раздольной, как украинская степь:

Розпря-гаа-а-а-йте, хло-о-оопці, коні...

И от всего этого русская культура становится все краше — древняя, хорошая, глубокая культура нашего великого брата!

. . . . . .

Нашей Москве, нашей матушке Москве, низкий, сердечный поклон от вечного и щирого друга и брата!

1954

Львов

Так вот он какой, этот гордый красавец город, это княжеское Данилово дитя, названное основателем своим — Львов.

Теперь понятно, почему на протяжении многих веков переименовывали это Данилово дитя то в Лемберг, то во Львув, то снова в Лемберг, то снова во Львув.

А он стоял, гордый, непоколебимый, могучий и кудрявый. Стоял, как скала, не шевелясь, когда на его каменной груди вытанцовывали его временные хозяева то немецкий вальс, то шляхетскую мазурку.

Он стоял и ждал. И он дождался.

В 1939 году пришла воля. Пришла Красная Армия.

Великий Советский Союз протянул руку освобождения украинцам западных областей и соединил их с братьями великой Советской Украины в единой семье народов Советского Союза. Он возвратил Львову его настоящее имя, которое на протяжении многих веков городу приходилось слышать только от немногих людей, да и те произносили его шепотом, оглядываясь во все стороны.

Народ страдал и, страдая, молчал.

Лучшие его представители, во главе с великим Каменяром Иваном Франко и Василем Стефаником, погибли в неравной борьбе.

И вот народ свободен, а Львов снова Львов.

Два года великого торжества и всенародной радости.

Но в 1941 году фашистско-немецкий боа-констриктор обвился вокруг тела красавца города Львова.

И снова он Лемберг.

Но уже не на века и многовековья, нет!

Красная Армия снова вырвала его из страшных «объятий» удава, и снова он Львов.

И теперь уже навсегда, на веки веков.

Еще раз: теперь понятно, почему его так переименовывали, почему к нему так тянулись и австрийские, и угорские, и немецкие, и шляхетские руки, почему так немилосердно и кроваво обрубали руки и головы его действительному хозяину — украинскому народу.

Теперь понятно, почему так любил его ватиканский папа, и габсбургская мама, и гогенцоллернский дядя, и собецко-потоцко-шептицкая тетя, и даже угорский дедушка с бабушкой и почему король Ян III так гордо скачет на бульваре Легионов на копии с коня Богдана Хмельницкого и указывает копией с Богдановой булавы прямо на Киев!

Еще бы!

Прибрать к рукам такой лакомый кусочек — прекрасный город, да еще руками чужого народа построенный,— кто, скажите на милость, откажется?

Львов изранен военными боями, но не с каждым днем, а с каждым часом его раны заживают, лица у жителей Львова яснеют, вода в водопроводе шумит, электрический ток по проводам бежит, красноармейские песни звучат, школьники толпой несутся в школу и из школы, степенно шествуют на работу служащие, мчатся автомобили, дворники чистят и подметают улицы, театры и кино открыты.

Город дышит полной грудью.

Но если вы следите за движением на львовских улицах, вы можете заметить многое, не похожее на наши, хотя бы киевские улицы.

Вот идут двое. В черных мантиях, на голове большие

черные платки, которые спускаются своими концами до пояса, а то и ниже. Платок над лицом обшит белой-белой каймой, а под подбородком широкий, гофрированный белый-белый воротник. Это монахини.

Немало во Львове монастырей — и мужских и женских.

Есть тут бернардинцы, доминиканцы, францисканцы, бенедиктинцы и т. д.

Советский народ с уважением относится ко всякой религии, а что касается меня лично, то, тоже относясь с уважением ко всем монашеским орденам и особенно к бенедиктинцам, я абрикотинец.

1946

«Ли-2»

«Ли-2» (для незнакомых с этой штукой) — это то, что летит: не воробей, а самолет.

Самолет теперь все знают, поэтому пояснять не будем.

А «Ли-2» — это конструкторская марка советского самолета.

Прекрасный самолет «Ли-2»: два мотора, крылья, пропеллер, рули туда и сюда, удобные мягкие кресла, летчики, механики, пассажиры, чемоданы, портфели, пакеты, почта и другой всяческий багаж, билеты, командировки.

Вот это и есть самолет «Ли-2».

Он летит во Львов.

Когда все, кому нужно лететь во Львов, сели в самолет, «Ли-2» разгоняется, незаметно для вас отрывается от земли, поднимается вверх и ложится на курс.

Что такое «курс», на который ложится каждый самолет?

По правде сказать, я не очень разбираюсь в аэронавигационной науке, и так как все мои пояснения к летному делу основаны частью на наблюдениях, частью на догадках, они не обязательны ни для пассажиров, ни тем паче для летчиков.

Что же такое «курс»?

Поскольку на курс самолеты ложатся, то, очевидно, это нечто вроде воздушной кровати для самолетов. Если бы это было воздушное кресло, то говорили бы, что «самолет сел на курс».

А «лег» — значит, кровать!

Для одномоторных самолетов — «односпальный» курс.

Для двухмоторных — «двуспальный»...

И т. д. и т. п.

«Ли-2», значит, лег на двуспальный курс.

Вместе с ним легли на курс и мы.

Легли — лежим...

Ничего — лежать можно.

Лежим мы, значит, на курсе, осматриваемся.

Прекрасная у «Ли-2» пассажирская кабина: комфортабельная, чистая, просторная; чудесные, как мы уже сказали, кресла, мягкие, удобные.

Пассажиры... Ну, про присутствующих, как водится, не говорят.

Надпись: «Застегните ремни».

Посмотрели на ремни — не застегнули.

Смотрим дальше.

Надпись: «Не курите».

Прочитали — закурили...

Кто-то из пассажиров подошел к кабине пилотов, прочитал вывешенный на дверях приказ:

«Пассажирам категорически воспрещается заходить в пилотскую кабину».

Прочитал, открыл двери, зашел в пилотскую кабину.

Зашел, очевидно, с целью убедиться, что же оно там такое интересное, что ходить туда запрещается.

Вскорости вышел разочарованный — не нашел, вероятно, ничего необыкновенного и сел, удивленный, почему же все-таки туда ходить запрещают.

Лежим дальше.

Окошки...

Смотрите в окно, и земля под вами плывет, леса плывут, речки, перелески, села...

Значительно меньше все, чем в натуре, но тем не менее вы все узнаете, и, знаете, когда видишь все не в натуральном, как бог сотворил, виде, даже интереснее.

Первые впечатления, значит, вы получили, первые обязанности пассажира выполнили.

Что же дальше?

Дальше можно делать три дела.

Первое дело: дремать. Как это делать, каждому ясно, и никаких советов не требуется.

Второе дело: смотреть в окно и отгадывать, где именно вы летите. Особенно это интересно и полезно для географов, топографов, и если хотите, то и для писателей.

Один из пассажиров, географ, который знает всю Украину как свои пять пальцев, все время любезно «чичеронил» для всех, кто интересовался местностью.

— Вот это,— говорит,— Соломенка! Вот это уже немного дальше за Соломенкой! Вот это то! Вот это то!

Все пассажиры были ему бесконечно благодарны, и, как мы заметили, буквально все завидовали его осведомленности.

— Вот что значит географ,— сказал мне мой сосед.— Обязательно своего сына сделаю географом.

— Житомир, товарищи! — крикнул географ.

Все пассажиры бросились к окнам.

— А сверху он не такой, как внизу. Я в нем жил,— сказал пассажир в кожаном пальто.

В этот момент вышел из пилотской кабины бортмеханик.

— Проходим, товарищи, Шепетовку! — объявил он.

— Будет мой сын географом,— прошептал мне на ухо мой сосед.— Он у меня еще маленький, а в доме все так перевернет, что ничего не разберешь.

Как потом выяснилось, географ не ошибся только

в двух пунктах: на Соломенке и немного дальше за Соломенкой.

Географ чувствовал себя неловко, потому что он географ, а не специалист по древней истории.

Древний историк не растерялся бы. Он бы объяснил все это научно.

— Во время Калистрата Второзванного на этом месте был Житомир! — сказал бы он.

Пойди поспорь с ним.

А вообще смотреть в окошко, и наблюдать, и отгадывать очень и очень интересно.

Третье дело: думать.

Навязывать каждому, о чем ему думать, мы, ясное дело, не рискуем: каждый имеет право думать, о чем он хочет.

Но если бы кто-нибудь поинтересовался, о чем, сидя в «Ли-2», полезно думать, мы бы ему несколько советов дали.

Ну вот, например, разве не интересно подумать о том, почему, когда вы летите над территорией восточных областей Украины, вы видите огромные сплошные просторы земли, широкие, как море, свободные и бескрайние, а когда перелетаете в западные ее области, проплывают под вами узенькие земельные полосочки?

Почему это так?

Разве об этом не интересно подумать?

Дам вам, если хотите, еще одну мысль на слова Тараса Григорьевича Шевченка:

Обніміте, брати мої,
Найменшого брата...

Так вот, когда «Ли-2» с красными звездами на своих могучих крыльях будет лететь над землями «найменшого брата» — веками обиженного, подневольного, обманутого,— думайте о том, что старшие братья уже обняли «найменшого брата», прижали его к своей груди и приняли в свое могучее семейство.

Подумайте об этом — и вы радостно улыбнетесь.
...Стук! Сели.
Львов! Древний украинский город!
Привет тебе!

От автора. Тот, кто летел на «Ли-2» от Львова до Киева, может читать эту «усмешку» с конца до начала.

1946

Музыкальная история

Даже писать страшно.

Случилось это в городе Львове.

Есть во Львове фабрика музыкальных инструментов.

По плану она к концу года должна сделать тысячу мандолин.

Пока что ей «удалось» сделать всего пять мандолин.

Конечно, это еще не полное выполнение плана, однако 0,05 процента.

Согласно музыкальной терминологии, это называется про-ми-ля плана.

Но какие это инструменты?

Кто бы ни взял в руки одну из этих пяти мандолин, на четвертом аккорде уже кричит:

— Дайте закусить! Больше не могу.

Начали все приходить в ужас: всего лишь пять инструментов — не так уж много людей на них играет,— а во Львове закуски не напасешься.

Да и закуска не помогает.

Возьмется кто «Розпрягайте, хлопці, коні» играть, не успеет даже «в сад зеленый» до «криниченьки» дойти — возле криниченьки падает замертво.

Пьян как пробка.

Где уж там «копать криниченьку», встать не может!

Долго доискивались, в чем дело, наконец доискались.

На посту директора на фабрике работает Тимонин-Нельский.

Так этот директор ухитрился израсходовать на полировку пяти мандолин сто сорок один литр чистого спирта.

По двадцать восемь с гаком литров спирта на одну мандолину.

Какой, скажите мне, музыкант выдержит, даже при хорошей закуске?

Что же тогда придумал Тимонин-Нельский?

Он бросил, спасибо ему, изготовлять мандолины и начал делать табуретки.

Хватит, мол, народ спаивать!

Но и тут опять же необычайные явления.

Как сядет кто на такую табуретку, начинает на ней в тустеп срываться.

Как-никак, музыкальный инструмент.

Управляющему Укрмузтрестом не стоит на ту фабрику ездить, так как на закуску потребуется много денег.

Что, как говорят, и случалось.

Попадется вот человеку такая мандолина, он возьмет, по-честному поиграет, придет домой, а ему сразу:

— Опять нализался?

Или на такую табуретку сядет и услышит:

— Чего тебе черти покою не дают? Усидеть не можешь.

Страшно.

1946

«Судьба»

Сидели мы как-то с Евгением Тимофеевичем Коржем и пели романс «Мой костер».

Когда дошли до места, где поется: «Кто-то мне судьбу предскажет»,— остановились и задумались.

— Кто же мне судьбу предскажет? — спрашиваю я у Евгения Тимофеевича.

Евгений Тимофеевич Корж, подумав немного, ответил:

— Поскольку,— говорит,— мне еще не полных шесть лет, меня, отец, судьба мало интересует. Интересует меня больше курятина, огурцы и кахветы.

Кахветами Евгений Тимофеевич на полтавский манер называет конфеты.

— Так вот, отец,— говорит дальше Корж,— если тебя интересует твоя судьба, возьми тридцать рублей и иди на Галицкий рынок, там сидят люди, которые очень верно разрешают самую запутанную человеческую судьбу. Да возьми еще пять рублей и купи мне сладкого петушка. Вот и все!

Я так и сделал. Взял тридцать рублей на судьбу, пять рублей на сладкого петушка и помчался на Галицкий базар.

Евгений Тимофеевич не ошибался: действительно, на Галицком базаре сидит много людей и с картами и с книгами, людей, заправляющих судьбой человеческой.

Толпятся около тех людей и девчата, и молодые женщины, и старушки.

Сидит, опершись на щеку, перед оракулом молодка и слушает гнусаво-монотонное:

— И родились вы, гражданочка, под планетой Венерой. Жизнь ваша была, гражданочка, и с удачами и неудачами. Червонный король, о котором вы думаете, что его нет, но, наоборот, гражданочка, он есть. Перед спасом, за два дня, получите неожиданное известие, которое известие будет расширяться аж до покрова. И если за это время вы не получите известия, что его нет, то август — сентябрь, эти два месяца, все разъяснят. А несчастливые ваши дни — вторник и пятница. Этих дней берегитесь. И будет вам дорога, может, длинная, может, короткая, но будет.

Гражданочка плачет, плачет.

— Если что непонятно, спрашивай, гражданочка,— говорит оракул.

Из-за слез ничего не может спросить гражданочка.

Слезы эти, может, от горя, что его нет, может, от надежды, что он придет.

Много-много слез капает на мостовую возле тех мест, где сидят слепые, в темных очках, люди со страшными, непонятными, мудрыми, все знающими книгами в руках.

«Вершители судеб...»

Долгонько постоявши в очереди за судьбой, присел и я...

— Год и месяц вашего рождения? — спрашивает.

«Единственное место,— мелькнула у меня мысль,— где могу пройти за двадцатипятилетнего парубка».

Потому что, ей-богу, ну так хочется быть двадцатипятилетним! Опротивело мне уже такое состояние, что, когда доходишь до Оперного театра, так мыслью поворачиваешь на Владимирскую горку, а ноги сами собой тянут в противоположном направлении, к Байковскому кладбищу.

— Двадцатого года рождения, в октябре,— говорю.

Родился я, значит, под планетой «Палладой».

Планета, выходит, подходящая, потому что и до сих пор позволяет пребывать мне в молодости, ничего неприятного не сделала и не собирается. Что правда, то правда,—мне нужно остерегаться трефового короля в казенном доме, потому что этот король готовит мне что-то страшноватое.

Но от трефового короля меня будут охранять целых два благородных короля — червонный и бубновый — и в обиду трефовому не дадут.

Счастливых дней у меня на неделе целых четыре: вторник, четверг, суббота и воскресенье.

Путешествовать мне нужно только на восток, север и юг. На запад — ни в коем случае, потому что запад для меня несчастливый.

Остерегаться нужно простуды и плохой еды, потому что, когда сильно простужусь или объемся, то это может повредить моему здоровью.

По железной дороге могу ехать без всякого страха, только не нужно ложиться на рельсы перед тем, как должен пройти поезд.

На самолетах тоже можно летать безбоязненно, только не рекомендуется прыгать с самолета, пока он не приземлился.

Если так буду жить, проживу пятьдесят четыре года.

В августе или в сентябре (не позднее мая) меня ждет денежный интерес.

Тут уж я не знаю, сколько этого «интереса» будет: хочется, чтобы побольше и поскорее...

Женюсь через год, на 26-м году своей молодой жизни.

Детей будет двое: мальчик и девочка.

На сердце у меня червонная дама.

Вот тут уж я растерялся, потому что А. А. Чайка, известный профессор, говорил мне, что у меня в сердце миокардит.

А в самом деле, видите, это не так: не миокардит, а червонная дама...

Схватишься иногда за сердце и думаешь: «Что это там жмет?»

А оно, видите, что: сидит в левом желудочке червонная дама, красит губки и за венозную артерию сердце дергает. Вот и перебои.

— Понятно? — спрашивает оракул.

— Очень,— говорю,— понятно.

— А теперь можете спрашивать, что вас еще интересует?

— Скажите, пожалуйста, сколько трудодней затрачивают на базар — ну, хотя бы на вот этот Галицкий базар — разные спекулянты, мошенники и всякие такие подозрительные людишки? И сколько гектаров пшеницы, ржи или буряков можно было бы убрать, если бы они поработали это горячее время на жатве?

Второй вопрос:

— Почему на базаре можно купить газету за пять рублей, даже «Правду» в день ее выхода, а в киосках «Союзпечати» ничего нет, а если что-то и появляется, перед этими киосками собираются длиннющие очереди?

Третий вопрос:

— Кто следит на базаре за санитарным состоянием местных «ресторацій»? Кто отгоняет мух от еды и где моют руки «рестораторы»?

Четвертый вопрос:

— Отберет ли еще что-нибудь у ветеринарного врача секретарь Димеровского райпарткома Волков, потому что, заездив свою кобылу, коня он от врача уже отобрал?

Пятый вопрос:

— Почему в некоторых драмах молодую героиню убивают в конце пьесы, а не перед спектаклем?

Шестой вопрос:

— Какая планета ведает изданием наших периодических журналов, и будут ли они выходить своевременно, то есть в том году, которым они помечены?

Седьмой вопрос:

— Когда, наконец, наведут порядок в скверике на Софиевской площади? Была там трава, была детская площадка. Перерыли, перекопали, недокопали и так оставили. Детям негде играть, пыль, грязь. А сколько всегда экскурсантов возле памятника Богдану? И кто перед ними и перед детьми будет краснеть?

И, наконец, последний вопрос:

— Спасибо вам за предсказанную мне неплохую судьбу, но скажите на милость, долго ли еще вы будете людям морочить голову? Я понимаю, что и оракулам нужно есть, но разве вы не знаете, какие прекрасные ширпотребовские вещи вырабатывают незрячие люди? Разве вы не знаете, что они работают на заводах, прекрасно управляют станками и т. д.? Зачем же сидеть на базарах и обманывать доверчивых женщин? Кому все это нужно?

Не ответил мне оракул на все эти вопросы.

— Планета «Паллада»,— говорит он,— всем этим не заведует. Этим всем руководит,— говорит,— другая планета, а может, не планета, а планет... К ним,— говорит,— и обращайтесь...

Придется...

1945

Про красные ноготки

(К сожалению, не сказка)

Жили себе да были себе сердобольный папаша да сердобольная мамаша.

А у того сердобольного папаши и у той сердобольной мамаши да была себе доченька — да такая красивенькая да такая славненькая доченька, что ни в сказке сказать, ни даже самопишущим пером описать.

Лицо у той доченьки было не молоко с кровью, а сливки с самыми что ни есть красными кровяными шариками, глаза — тернинки, брови — стрелочки, а волосы — сплошной перманент, черные-черные, аж белые, а ноготки красные-красные.

Вот какая была доченька у сердобольного папаши и сердобольной мамаши!

И училась та доченька в одном институте, а в каком именно, не скажу, а то все побежите в тот высший институт глядеть на ту доченьку да еще — сохрани господь! — сглазите.

Жила, значит, доченька.

Папаша жил, мамаша жила, и доченька жила.

Да...

И уродился в той республике, где жили папаша, мамаша и доченька, урожай.

Да не простой себе урожай.

Богатый урожай и солидный урожай!

И надо было тот урожай собрать.

Вот и обратились к студенческой молодежи, чтоб поехала она на село да и помогла собрать урожай победы,

так как людей после Отечественной войны в селах было мало.

И к той студенческой молодежи обратились, где училась и науки высшие постигала красивенькая и славненькая доченька сердобольного папаши и сердобольной мамаши.

Загрустила доченька, опечалились и папаша и мамаша.

И плакали все втроем.

— Как же это так,— всхлипывали и папаша и мамаша.— И рученьки о стерню поколешь, и ноженьки о стерню поколешь. И солнце тебя палить будет, и дождь поливать будет! Ой, боже наш, боже наш!

А доченька голосила:

— И перманент расперманентится, и личико мое поблекнет, отрастут стрелочки-брови, и красные ноготки пооблезают.

Сильная очень в тихом семействе драма произошла...

Головы у папаши и мамаши от дум ломились:

— Да неужели же никак нельзя, чтоб урожай да без нашей доченьки убрался.

Горькие слезы лились из глаз у доченьки:

— Так неужели же ехать?!

В конце концов решился сердобольный папаша и решилась хорошенькая да славненькая доченька,— да и ударили они челом руководству того высшего института.

— А нельзя ли как-нибудь, чтоб не того?

И — о радость! — руководство того института тоже из «сердобольных» оказалось:

— А почему нельзя?! Можно! Шестьсот рублей на... ремонт института — и доченька о стерню ножек колоть не будет, и не расперманентится у доченьки перманент, и не облезут красные ноготки!

— Да бож-же мой! Семисот не пожалею!

Утешились сердобольные папаша и мамаша, успокоилась доченька, и еще ярче покраснели у нее ноготки.

В каком это институте, спрашиваете, было?

Так я вам и скажу! Чтобы сразу все туда побежали?!

Дудки! Пусть сам скажет!

1945

Шутки шутками...

Однажды в нашей газете был напечатан мой фельетон «Здрасьте!».

В том фельетоне помечтал я немного о том, какими должны быть в отношениях между собой наши граждане и в учреждениях и на улице (в трамваях, троллейбусах и т. п.).

Коснулись мои мечты и загсов.

И вот получил я на тот фельетон от читателей несколько ответов.

Очень интересный отзыв поступил от гражданки Зинаиды Андреевны К.

Зинаида Андреевна пишет, какие мечты у нее вызвали мои мечты о загсе.

«Представим себе,— пишет З. А.,— светлое, красивое здание. Чудесные к нему ступени. Подъезжает машина, выходят шафера: военные в мундирах, с орденами, в белых перчатках, штатские в черных костюмах и тоже в белых перчатках, дру́жки в нарядных платьях, с букетами живых цветов. Жених и невеста торжественно входят в брачный зал, хор или оркестр встречают их кантатой, специально для этого написанной нашими композиторами. Может быть, не кантата, а туш, марш или что-то другое. Их встречает и торжественно проводит регистрацию солидный гражданин, депутат городского Совета, тоже соответственно одетый, хороший оратор, который произносит не стереотипную приветственную фразу, а речь, соответствующую положению, возрасту и т. д. жениха и невесты. Чтобы было весело, остроумно и чтобы отвечало духу нашего времени. Снова — музыка или хор,

и гости поздравляют жениха и невесту. Народу полно. Все торжественно идут по ступеням к машинам...

...Эх,— добавляет с грустью Зинаида Андреевна,— если бы можно было вернуть годы, «повенчалась» бы снова со своим мужем, хоть и прожила уже с ним двадцать пять лет, лишь бы снова пережить это торжество!»

Согласен, уважаемая Зинаида Андреевна! Подписываюсь под этим обеими руками!

День брака в человеческой жизни — один из самых торжественных и самых памятных дней, день начала новой жизни, и его надо делать и внешне приметным и торжественным.

С некоторыми отличиями, но так же торжественно надо проводить и регистрацию рождения: ведь регистрируется же новый гражданин Советского Союза!

Своим письмом, Зинаида Андреевна, вы и меня взволновали.

Были бы у нас такие, рожденные вашей мечтой, загсы, и я бы, наверное, не прочь еще раз «перевенчаться». Чтобы и шафера, и дружки, и музыка, и туш, и кантата!

Только не говорите об этом моей жене, а то она мне покажет загс!

* * *

Другой «мечтатель» тоже приблизительно представляет себе загсы так же, как и Зинаида Андреевна К., но добавляет к этому еще одну интересную деталь.

Он мечтает о том, чтобы при загсах были устроены буфеты, а то и рестораны, где молодые могли бы себе заказать свадебный обед или просто пройти в буфет, и чтобы депутат, устраивающий им регистрацию, поздравил их бокалом шампанского!

Неплохо!

Только в этом случае надо иметь запасного депутата, потому что если, к примеру, регистрировать одну за другой пар пять-шесть, то уж для седьмой пары одного депутата не хватит...

Он может такую речь после шести бокалов шампанского сказануть, что невесте фатой придется закрываться.

Все это мечты...

Хотя у меня нет никаких сомнений в том, что эти мечты в той или иной мере вскоре осуществятся.

* * *

А пока что...

А пока что такое письмо:

«Задумал я жениться. Вот уже четыре раза ходим в загс и возвращаемся ни с чем. Дело в том, что я и моя невеста работаем. Наш свободный день воскресенье. Пошли, а загс тоже выходной. В другие дни загс работает до 5-ти часов, а мы тоже работаем до 5-ти часов. Наконец мы отпросились в загс в 4-м часу, дошли до него, а уже было без двадцати пять, и не пустили даже в помещение. Возле загса стояло еще таких незадачливых три пары. В загсе Ленинского района очень грязно и т. д. и т. п.».

Таковы пока что наши загсы! К сожалению!

Справедливые нарекания.

Такое учреждение, как загс, безусловно, должно работать в воскресенье, поскольку есть много таких людей, как автор вышеприведенного письма.

* * *

Ну, когда же мы все-таки свои загсы упорядочим?

А может, нам нужно председателем горсовета избрать холостяка?

А когда он выберет себе невесту, обратиться к той невесте с петицией:

— Не иди, голубушка, с ним регистрироваться, пока загс не упорядочат!

1946

Двадцать тысяч тонн

Герасим Запорожец, прославленный механик врубовой машины шахты № 27 «Снежнянантрацита», принял у себя корреспондента американской газеты.

Конечно, можно было бы и так вот начать повествование и рассказать о беседе Герасима Запорожца с иностранным корреспондентом, только вряд ли Герасим Запорожец захочет разговаривать с корреспондентом иностранной газеты, да еще такой, от которой пахнет Херстом.

Но давайте уж допустим, что он принял и побеседовал.

Не очень приятным было это дело для товарища Запорожца, но он принял.

Иностранный корреспондент и говорит товарищу Запорожцу:

— Рекорды бьете? 14 500 тонн угля в месяц на одну врубовую машину даете? Вместо 4 тысяч?!

— Даю,— говорит товарищ Герасим Запорожец.— Да разве только один я это делаю? Вон и Ференчук, и Иван Изотов, и Безчеревный, и Стойчук, и Чабанов, и Решетняк...

— Любители рекордов? — бросил херстовец.

— Почему рекордов? Не рекордов, а новая организация работы, основанная на опыте, новый подход к использованию механизмов и шахтной техники... И вовсе не рекорды, а планомерное увеличение добычи угля на основе рационализации производства — все! — отмахнулся товарищ Запорожец.

— И 20 тысяч тонн хотите дать?

— Хотим — значит, дадим!

— Скажите, мистер Запорожец, а что вас принуждает так работать? — спросил херстовец.

— Принуждает? — пожал плечами товарищ Запорожец.

— Ну, возможно, я не так выразился? — залопотал газетчик.

— А вы и в самом деле не так выразились,— усмехнулся Запорожец,— что не так, то не так! А ну-ка, пусть бы вас принудили спуститься в шахту, да попробуйте под принуждением дать 20 тысяч тонн угля на врубовую машину! Попробуйте!

— Большие заработки? — бросил херстовец.

— От заработков не отказываемся, да не в одних заработках дело!

— А в чем же?

— Не поймете вы, господин, как бы я вам ни растолковывал...

— Почему же?— удивился херстовец.

— Разве вы поймете, что такое право на труд, право на отдых, на образование, на обеспечение,— права, которые дает нам наша конституция? Разве вы поймете, что такое любовь к Родине и желание видеть свою Родину могучей, цветущей, счастливой? Разве вы поймете стремление наше выполнить план великих работ пятилетки?

— У нас тоже есть конституция! И у нас тоже есть права! — вспыхнул херстовец.

— Знаем мы вашу конституцию и ваши права!.. Право на безработицу, право на пресмыкание перед долларом! Право доллара! Право за доллар клеветать на Советский Союз, на его людей! Это мы знаем! Зачем вы ко мне приехали? Вас интересует наша работа? Нет! Вам за это длинные доллары платят! А дам ли я 20 тысяч тонн угля на врубовую машину или не дам—вам все равно! Для вас лучше, чтобы я не дал! Тогда уголь ваших угольных королей дороже будет и вам больше платить будут! А я дам, потому что это дело моей чести, дело чести всех шахтеров наших! За моей работой следит вся моя Родина, я голос ее слышу: «Герасим Запорожец! Давай! Стране уголь нужен!» И я дам! А если

я и дам, вы же все равно что-нибудь в своих газетах наврете! Идите с богом, не мешайте работать!

. . . . . .

Херстовец не ушел.

Не ушел, потому что херстовца у Герасима Запорожца не было и Герасим Запорожец с ним не беседовал.

И прекрасно!

Герасим Запорожец 20 тысяч тонн угля на врубовую машину в месяц даст.

А херстовец все равно набрешет на товарища Запорожца — видел ли он его или не видел, беседовал ли он с ним или не беседовал.

Потому что такая уж у них конституция и такая уж у них свобода слова.

1946

Космическая катастрофа

Вчера, в шесть часов утра, внезапно в двери: «Стук-стук!»

Это на меня не очень подействовало.

Как вдруг снова в двери, и уже не «стук-стук», а «хлоп-хлоп!».

И так нервно и даже как-то осатанело.

Пришлось вскочить с постели и бежать босиком к дверям, потому что у кровати не было ночных туфель, которые еще в прошлом году обещал вырабатывать Кожпромтрест, или Промкожтрест, или еще какое-то такое очень важное объединение из породы «ширпотреба».

— Кто там?

Из-за дверей послышалось хрипловато-перепуганное:

— Я!

— Кто я?

— Агриппина Титовна!

— Что случилось?

— Оторвалось!

— Заходите, прошу вас,— говорю,— только простите, что пуговицы нет там, где ей положено, поскольку пуговицы,— говорю,— еще в плане «ширпотреба», и я не могу пожать вашу благородную руку своей рукой, поскольку моя,— говорю,— рука держит за то место, где положено быть пуговице! Иначе...

— Здравствуйте! — влетела Агриппина Титовна.— Оторвалось! Боже ж мой!

— Что,— спрашиваю,— оторвалось? Откуда оторвалось? И почему именно оторвалось?

— Солнце оторвалось!

— Солнце оторвалось?

— Оторвалось!

— Полностью оторвалось?

— Нет, не все, а лишь кусок! Только не маленький кусок, а большой кусок! И летит!

— Куда летит?

— На землю летит!

— Зачем летит?

— Все испепелит! Страшный суд! Простите мне все, чем я, может, против вас согрешила!

— Прощаю,— говорю.

— И вторично?

— И второй раз прощаю!

— И в третий раз?

— И в третий раз,— говорю,— прощаю!

— Да как станем на страшном суде перед всемогущим, скажите, что я хорошая. Клянусь, только раз три полена дров у вас взяла да раз у прокурора показала, что вы тут, в этой квартире, никогда не жили, хотя и жили вы тут еще до войны двенадцать лет. Простите, умоляю вас, испугалась я, да управдом обещал теплые рейтузы купить.

Крепко меня обняла Агриппина Титовна и поцеловала.

— До свидания,— говорит,— на том свете! А пока что побегу на базар, продам шесть авосек, а то теперь они уже не нужны. Придется же чего-нибудь Харону сунуть, чтобы через речку Стикс не перевозил, а прямо к Петру бы направил. Да и Петру, чтобы в рай как-нибудь пропихнул, тоже не обойдется без того, чтобы не сунуть. Будьте!

И побежала.

Выскочил и я из дому.

С криком «Оторвалось и летит!» бегу через двор.

Встречаю управдома.

— Летит! — кричу.

— Пускай,— говорит управдом,— летит! Ведь через три года долетит, а за три года еще и выселим кого не нужно, еще и переселим кого не нужно.

— Да,— кричу,— может же быстрее долететь, чем грозится! Оно такое!

— А кто,— говорит управдом,— ему поверит, что оно долетит без моей справки? Пускай попробует!

Вижу, что управдома не убедишь,— побежал дальше.

— Летит! — кричу.— Солнце летит! Целый кусок!

А какой-то старичок стоит и скептически бросает:

— На зябь, должно быть, не вспахали, а авансом за трудодни получили, вырвались и летят!

— Пр-рилетят и не пропишутся!

— Такое скажете — «не пропишутся»?! С вызовом — это действительно не пропишутся, а без вызова сколько угодно! Прилетят, скажут, что прорвали фронт между Марсом и Венерой, что на Млечном Пути ансамблем песни и пляски вражескую группировку уничтожили и по ту сторону Сатурна демобилизовались!

— Не поверят! — говорю.

— Поверят. Поверят, потому что документов тьма: сорок аккордеонов, полтораста ручных часов и еще какие-то там подарки из Одессы.

— Где Одесса, а где Млечный Путь?

— Как раз по дороге! Около Марса свернуть налево — и прямая дорога на Одессу. Никуда не сворачивая, прямо в Лондонскую гостиницу.

— Да слушайте,— кричу,— катастрофа! Космическая катастрофа! Что вы себе думаете?

А один завбазой мне и говорит:

— А что мне думать, если оно аж три года будет лететь? Пускай летит!

Вижу, что никого, кроме Агриппины Титовны, это не беспокоит — я тогда на базар.

Прибежал.

— Летит,— кричу,— кусок солнца! Испепелит, — кричу,— всех вас тут!

Какая-то тетя с очень кровавыми губами на лице и с очень заграничными трусами в руках на меня посмотрела так, что я поймал себя на мысли, что у меня сын двадцати трех лет... И говорит та тетя:

— Начмилиции все свистки уже высвистел, а нас отсюда никогда не выкурит!

Я поглядел на ту тетю и подумал: «Где же тот кусок от солнца?.. И почему он три года будет лететь?.. И почему только кусок, почему не все солнце падает, что-

бы действительно таких испепелить?.. И чтоб не через три года, а чтоб сегодня?»

С этими мыслями побежал я к профессору Всехсвятскому, директору Киевской обсерватории.

— Профессор! Что такое? Что за катастрофа?

Профессор Всехсвятский навел телескоп и пригласил меня взглянуть собственными глазами. Припал я, смотрю, как ученый. И ничего не вижу. Одни тени и пятна. Все мелькает. Я моргаю. А солнца нет. Тогда я как закричу:

— Солнце куда дели?

— А вы не туда настроились,— ответил спокойно профессор.

Я еще раз глядь, но уже не в трубу, а за телескоп, потом в выпуклое стекло впился и вижу, как на ладони, базар...

Профессор засмеялся.

Лишь тогда я уразумел, что такое астрономы и гастрономы (базарные). Это они и спланировали космическую катастрофу. Я теперь убежденно утверждаю:

— Упадет непременно, упадет кусок солнца и угодит со всего размаху прямехонько на базар. Ей-ей, правду говорю...

1945

Я еду в Москву

Ой, да неужели в Москву?.. Всю жизнь мечтала в Москве побывать, а теперь как-то даже боязно стало. И все же поеду. Не поеду, а полечу. Посмотрим, какова та Москва, какие звезды на Кремле! Думала ли я, гадала ли, что в Москву поеду! Простите, вы же не знаете, кто я такая.

Оленой меня звать. А как по фамилии? Левадная. Вдова. Здоровье, спрашиваете, как?

Не жалуюсь. Когда на морозе, так еще и румяная. Когда на работе в звене — трудодней обильно.

Да еще признаюсь вам — только вы никому не говорите,— меня сватают.

Дед Микола, вот тот, что в чайной в районе за сторожа, все приговаривает:

— Ты одна, да я один. А если бы вдвоем, мы бы одни, мол, не были.

А я как вспомню своего покойного Павла да кину взгляд на Миколу, то хоть и говорили когда-то старые люди: «Лучше семь раз гореть, чем один раз вдоветь»,— а Миколе на его ухаживание отвечаю:

— Кашляй уже один около своей чайной, а я без твоего кашля как-нибудь проживу...

Однажды в воскресенье приплелся.

— На смотрины? — спрашиваю.

Молчал-молчал, а потом затогокал:

— Да я того... этого... того...

Не дала ему дотогокать.

— Идите,— говорю,— дедушка, поищите себе ба-

бушку, а я для вдовьих своих дней уже имею семьсот трудодней.

Рассердился дед.

— Ты,— говорит,— еще меня вспомнишь!

— А чего же,— говорю,— не вспомнить. Частенько,— говорю,— буду вспоминать, как вы ко мне на смотрины приходили.

Он думает, что если у меня нет мужа, так я за него, старого, замуж пойду,— что я, у бога телку съела? Хоть бы в зеркало на себя поглядел, как он ходит. Левой ногой загребает, а правой забрасывает. Кажется, что левая нога сама по себе, а правая сама по себе, а дед посредине, и ногам будто никакого дела нет до их хозяина.

Хоть и не следовало бы над стариком подтрунивать, но посудите: сначала — я, мол, еще парубок о-го-го! А потом — кхэ-кхэ-кхэ. Если бы был помоложе, я бы еще того... подумала, а так — нет, доживу уже одна.

Детки повырастали... Галинка в Донбасс уехала, в шахте работает, пишет, что в вечернем техникуме учится... «Инженером, мама,— пишет,— буду». Сынка в Советскую Армию проводила — и сын пишет: «Не грусти, мама, генералом приеду». А он такой, что до генерала достукается... Чисто тебе батько. Внуков дождусь — внуки будут развлекать... Я и дочке и сыну наказала: будут внуки — всех ко мне.

Вдова... Доля моя, доля, сколько, бывало, беды-горя изведает женщина, овдовев... Хоть с моста в воду.

Вдоветь — горе терпеть... У вдовы выплаканная доля...

А колхозной вдове плакать не дадут... Не голодная я и не холодная, и детки людьми повырастали.

По мужу печалюсь, да что поделаешь? Не одна я такая, много вдов война оставила.

А чтобы бедствовать — так уж нет. Полны закрома пшеницы, и сахара, и чего хотите. И обута и одета.

В этом году уродило у нас хорошо. И для гостей и для будущих внучат полна у меня кладовка...

Вспоминается, как Павло меня когда-то в колхоз залучал. И плакала, и проклинала, и чуть ли не дралась... Прижму, бывало, деток к груди и как завою: «Ой, куда же ваш батько вас, бедных, и меня с вами тащит? Ой,

погибнем мы с вами, любы мои, дорогие мои, погибнем». Упаду перед ним на коленки, а лбом об землю бьюсь и причитаю: «Муженек мой милый, муженек мой дорогой, да не веди ты меня в тот колхоз, да не веди ты меня в тот гурт! Если меня не жалеешь, так хоть детишек пожалей». И плачу я и плачу. А потом — к детям: «Плачьте и вы, молите отца, чтобы не губил нас». И детки перед Павлом на колени становятся и чуть не заливаются: «Ой, таточко родименький, не обобщай нас, не делай из нас общественных!»

Кобыла у нас была с жеребенком, так я, когда Павло должен был увести кобылу в колхозную конюшню, жеребенка упрятала. В клуне за сеном...

Утром Павло за кобылой — лошака нет.

— Где жеребенок? — спрашивает.

— Волки, должно быть, съели,— я ему,— что-то ночью у хлева выло.

— Выло, говоришь?

— Выло,— говорю.

Посмотрел на меня Павло, покачал головой.

— Ты уже вот две недели,— говорит,— воешь. Опомнись,— говорит,— Олена, ты умная женщина. Неужели же я тебя в пропасть поведу? Не слушай ты кулаков и подкулачников. К лучшей жизни, к светлой доле партия ведет, а ты... Очнись!..

А я все плачу и плачу...

А церковный староста, что жил около нас, бывало, шипит:

— Отвел Павло кобылу в коммунию?

— Отвел.

— А жеребенка отвел?

— Нет. Жеребенка я в клуне, как вы говорили, упрятала.

— Не отдавай жеребенка, кобыла за жеребенком прибежит, а Павло — за кобылой. Так и будете жить, как жили.

А когда уже в колхоз записались и хозяйство наладилось, смеялся Павло, вспоминая историю с жеребенком.

Тихий был у меня Павло да приветливый. Было такое и минуло. А теперь вот в Москву...

И вот, скажу я вам, не знаю уже, что со мной делается: и радостно, и боязно, и сердце колотится, и места себе не нахожу, как бы не опозориться...

Прибежала сегодня утром ко мне Оксана, звеньевая наша, комсомолочка — люблю я ее, как свою дочку,— обнимает меня, целует:

— Ой, тетенька Оленочка, радость какая вам выпала! Наше звено самый большой урожай вырастило, и москвичи к себе в гости приглашают. Приезжайте, пишут, дорогие наши сестры, к нам в Москву, мы вам свои фабрики покажем... Погостите, пишут, у нас, да посоветуемся, как нам дальше вместе работать. Поедем, тетенька Оленочка, собирайтесь,— целует меня наша щебетуха.

А я даже испугалась.

— А разве и я,— спрашиваю,— поеду?

— А как же! Вы же в нашем звене, тетенька Оленочка, самая старшая, вы и приветственную речь от нашего звена москвичкам скажете.

— Ой, боже мой,— говорю,— я же никогда речей не говорила! Да я испугаюсь и слова не выговорю!

А Оксана заливается:

— Скажете. Мы всем звеном будем подсказывать...

— А что же им говорить?

— Вы, тетенька Оленочка, выйдете, поклонитесь и скажете: «Дорогие наши сестры. Родные нашему сердцу москвички! Мы привезли вам от цветущей Советской Украины наш горячий, солнечный привет. Нашу к вам сестринскую любовь да ласку...» Вот так и скажете. Готовьтесь, тетенька Оленочка.— И побежала.

— Я так и скажу...

Я так и сказала.

1951

«Она взяла Гриця и очаровала»

Пригласили меня на одну свадьбу.

Пришел.

Свадьба как свадьба: жених, невеста, дружки, шафера, гости, патефон.

И веселое настроение: и у невесты, и у жениха, и у всех присутствующих.

Последнее меня очень удивило, так как я редко наблюдал в таких случаях веселое настроение, особенно у жениха.

Зовут иногда тебя на свадьбу.

— Не пойду,— сам себе говоришь.— Не очень интересно смотреть на счастливого жениха, когда он в перерывах между выкриками «горько» смотрит печальными глазами на крюк в потолке: мол, выдержит ли?

А здесь, представьте себе, все по-хорошему: по-настоящему все веселы, по-настоящему счастливы глаза у жениха, счастливо-лучисты у невесты, и по-настоящему сияют радостью гости.

Невеста удивительно проста, как-то особенно очаровательна.

Даже теща — мама, значит, невестина — симпатичная бабуся, не шипит, а как-то так по-матерински ласково глядит на молодых (и на жениха тоже!), окутывая их своими материнскими добрыми глазами.

Что, думаю, за чудеса?

Ну, как обычно, ужин, бесконечное «горько», все, одним словом, как и следует быть.

Выпили. Изрядно выпили.

Жду, что вот-вот кто-нибудь все же сорвется: то ли по зеркалу трахнет, то ли, может, молодой зять начнет теще косы расплетать, то ли гости тарелками футболить начнут (свадебное «Динамо» — «Челси»)...

Ничего подобного: все чинно, все благородно, весело, спокойно, интеллигентно.

Патефон играет, молодые гости танцуют, старшие сидят, беседуют.

Потом запели...

Сижу и глазам своим не верю! Ей-богу, правда!

Улучил я такую минуту, когда невесту позвала по какому-то делу ее мамаша, да и подсел к жениху.

И рассказал мне жених историю своей счастливой женитьбы.

— Работаю я,— говорит мне жених,— в учреждении на такой работе, которая требует посещения множества разных учреждений: и центральных, и областных, и всяких других. Там, гляди, надо увидеться и поговорить с руководителем, или с начальником, или с директором, там с заместителем или еще с кем другим. Сам я по натуре человек смирный, тихий, воспитанный (я не хвастаюсь, а говорю то, что есть, чтобы вам все было понятнее). Голос у меня тихий, кожаного пальто не ношу, хожу в костюме не в полувоенном, а в обычном, и даже военной фуражки не ношу, а такую себе скромную шляпу. Ну, приходишь в учреждение. У каждого начальника, как вы знаете, есть секретарша. Ну, конечно, к ней. Если бы вы знали, чего только я за время своей работы не наслышался! Боже ж ты мой! Подходишь и так вежливенько:

— Товарищ! Нельзя ли мне видеть директора?

На вас из глаз молния и на высокой ноте:

— Вы не видите, что я собираюсь по телефону говорить?! Вы же видите, что я уже хотела руку протянуть! А п-р-рете!!

Отскочишь и сядешь.

Ждешь минут десять, пока секретарша руку к телефону протянет. Протянула, поговорила. Снова я робко к ней:

— Можно видеть...

— Нельзя! Пять минут тому назад прием окончился!

В другом каком-нибудь учреждении нарвешься:

— Черти их тут носят! Ну никакого от них покоя!

А там, гляди, вам поднесут:

— Вам русским языком сказано! Не понимаете? Научитесь понимать!

Или:

— По двадцать раз говорить я не буду! Слушать надо! Вас много, а я одна!

Скажешь ей умоляюще:

— Товарищ, я спешу! Пожалуйста, доложите директору!

— Не велика персона, подождете!

А сколько раз приходилось выслушивать стереотипное:

— Вам сказано: приходите завтра!

Или такое:

— Перерыв! Вы понимаете, перерыв?! А что я здесь сижу, значит, сижу! Но перерыв, и говорить во время перерыва я с вами не буду!

Бывает и такое:

— Товарищ, да еще же пятнадцать минут до конца работы!

— Без вас знаю! А вы что же, хотите, чтобы я через вас в кино опоздала?! По-о-о-д-д-думаешь!

И вот однажды захожу в учреждение. Сидит девушка. Я к ней.

— Товарищ...

А она мне:

— Садитесь, пожалуйста! Что вы хотели?

Я рассказал. Она мне:

— К сожалению, сейчас директора нет! Терять время вам нет смысла. Телефон у вас есть? Я запишу! Директор будет через час, я ему доложу и позвоню вам! Зачем вам бить ноги, терять время?!

Я глядел на нее, признаюсь вам, буквально оторопело и думал:

«Не с Марса ли упала?!»

А она продолжает:

— Очевидно, вам частенько придется к нам приходить по разным делам. Запишите мой телефон и звоните, когда понадобится. Я доложу своему руководству,

вам отвечу! А если надо будет, чтобы вы лично зашли, скажу. Зовут меня Валентина Петровна, мне и звоните!

Подошел другой посетитель, она и с тем так... Так я вам скажу, что после такого разговора я не очень злоупотреблял телефоном. Я лично наведывался чаще.

В это время пришла невеста и к жениху:

— Извини, — говорит, — Гриша, что задержалась! Не скучал?

— Нет, Валюша, мы здесь заговорились!

— Угу...— я про себя сказал.

* * *

Придя со свадьбы домой, я подумал:

«Выполнять директивы правительства о вежливом обслуживании граждан, может, не так уж и хочется, но можно хоть замуж за порядочного посетителя выйти! А если в качестве секретаря мужчина заправляет, то такую при «вежливом обхождении» можно блондинку отхватить: с перманентом, брови тонкие вразлет и ноготки, как кровь!»

1955

«Расти, расти ты, клен-дерево!»

Зеленые насаждения, водоемы, пруды... Степи и леса... Буйно-зеленая пшеница разлилась бескрайним озером. Вместо обрывов, оврагов, балок задумчивые вербы над водой. Развесистые, кудрявые ветви висят над водоемом, где дородная карасиха прихорашивается перед зеркальным карпом...

Словно сон, словно сказка... Но это и не сон и не сказка,— действительность нашей эпохи!

* * *

И весь народ верит, что природа отступит перед разумом человеческим, перед энергией человека-творца. Все злые силы отступят перед ним.

Но отступит ли когда-нибудь дьявольская коза перед разумом и энергией заведующего районным (а может быть, и областным) коммунхозом в городе Лысогорске?

Умышленно не уточняем город, чтобы каждый завкоммунхозом с гордостью мог сказать:

— Это не у меня! У Кузьмы Петровича, по всей вероятности, так и было. Только не у меня. Нет, нет, не у меня!

Так вот: в городе Лысогорске чуть ли не каждый год закладывается городской парк.

То ли в газете о том напишут, то ли кто-нибудь из приятелей похвастается в письме:

«А у нас парк заложили. Там, за рекой. Чудесное, знаете, местечко выбрали. Высоко над рекой. И вид такой, что дух захватывает, когда посмотришь. А как прекрасно все распланировано: аллеи, площадки!.. Это — за городом. И от парка до самого центра города тянется прекрасная аллея. Ей-богу, она не хуже киевского бульвара Шевченко! А ведь вы, наверное, помните, что там было — на месте нового парка? Свалка была! Приедете, так не узнаете нынешний Лысогорск...»

И такое письмо приводит вас в восторг. Вы радуетесь, думаете: каким же чудесным стал нынче Лысогорск!

Проходит год, и вы опять получаете письмо из того же города, от того же приятеля:

«А у нас парк заложили! Знаете, там — за рекой. Чудесное место выбрали. Высоко...» и т. д. и т. п.

Прочтя письмо, вы размышляете:

«Опять парк? А ведь и в прошлом году приятель писал о зеленых насаждениях. Вот как дело-то развивается!»

Отыскав прошлогоднее письмо приятеля, вы сравниваете тексты, вызвавшие радость в вашем сердце. И уже вслух думаете:

— Вот это здорово! В прошлом году парк заложили. И в этом году... Выходит, что нынче в Лысогорске два парка заложено? Вот это да!

И вы отвечаете своему приятелю:

«Дорогой Кондратий Маркович! Неужто и в самом деле вы два парка выращиваете? Уточните же, пожалуйста, где именно второй парк заложен?»

Вам отвечают:

«Да не два парка у нас заложено, дорогой друг, а всего лишь один! Прошлогодний козы сожрали. И после войны мы это уже третий парк закладываем. Как назло, чертовы козы пожирают все наши зеленые насаждения. Что ты с ними поделаешь? Ученые специалисты предполагают, что козы и этот парк, который мы в нынешнем году заложили, тоже сожрут!»

И завязывается у вас с приятелем оживленная переписка.

«Почему же вы не охраняете зеленые насаждения? — пишете вы ему.— И куда же смотрит завкоммунхозом?»

Вам в ответ:

«Куда завкоммунхозом смотрит? В окно! Ведь у него самого есть коза. Ух, какая молочная! Метис. Смесь ангорской с брабансоновской! «Я,— говорит завкоммунхозом,— план озеленения города выполнил, все кредиты использовал! А если парк не растет, так это уже не на моей ответственности! Что, я буду каждое дерево за уши тянуть, чтоб росло? И что касается коз, то я ведь не пастух. Что вы ко мне придираетесь?» Вот и закладываем наш парк ежегодно! Подле школы учителя с учениками садик вырастили своими силами,— так там вишни и яблони уже первый урожай дали! Там дети деревья берегут. А мы ведь не дети; слава богу, мы уже взрослые! Использовали кредиты и отчитались. Конец — делу венец...»

Ах, эти чертовы козы, как они любят зеленые насаждения! Как довольны, когда и планы выполняются и кредиты используются!

* * *

Отличный весенний день... Солнце... Вот-вот распустятся каштаны! Почки, набухая, просто стонут: «Пустите на белый свет! Мы распускаемся!» И настал день: лопнули они! Зазеленели каштаны. И цветут, наслаждаясь свежим весенним воздухом!

На улицах детворы, как маку в хорошем огороде.

Вот идет мама со своим дитятком. Дитятке лет шесть, но это он, а не она,— мальчишка! Маме, конечно, больше,— она, так сказать, взрослая.

Подходит дитятко к только что посаженному кустику и выламывает из него прутик.

— Гражданка! Зачем вы позволяете ребенку зеленые насаждения портить?

— Надо же малышу чем-нибудь забавляться! Подумаешь... Ведь всего один прутик!

— Ваш — один, другой — еще один. Глядишь, и нет куста!

— Да что вы ко мне пристали?!

И разгневанная мама уже ругает дядю за то, что он сделал ей замечание.

Дядя идет к себе и думает:

«Принесет дитятко прутик домой. И хорошо было бы, если бы папа спросил маму: «Откуда этот прут?» — «Да это, знаешь, наше дитятко на бульваре выломало». И еще лучше было бы, если бы папа взял тот прутик и... Впрочем, пусть он не жасминовым, а хотя бы «моральным» прутиком проучит маму, чтобы не потакала таким «дитяткам»...

Ведь надо же беречь зеленые насаждения!

Чтобы зеленели улицы в наших городах, поселках, селах! Чтобы всюду цветами пестрел веселый май!

1949

Запорожцы

Говорят, что Запорожской Сечи уже нет на Запорожье. Переименовали ее в «Запорожскую сталь». А сокращенно называется она «Запорожсталь».

Это завод-гигант, гордость наших пятилеток или, если хотите, жемчужина советской металлургии.

Гитлеровцы сильно, очень сильно разрушили завод в дни войны, и пришлось восстанавливать его мощной строительной организации — Запорожскому строительно-монтажному тресту. «Запорожстрою».

Но что же это такое, если получше вглядеться?

Во-первых, это большой город Новое Запорожье, где живут запорожстроевцы и запорожстальцы с добрыми своими соседями — днепростроевцами.

Во-вторых, это город с широкими, прямыми улицами, которые блестят асфальтом, кудрявятся прекрасными бульварами и аллеями пирамидальных и серебристых тополей, акаций, кленов и всяких прочих представителей зеленокудрой растительности.

По улицам бегают автобусы, снуют легковые автомобили и грузовики, ходят трамваи.

Само собой, торгуют магазины, киоски, чайные.

А вечером ослепительно сияет полный кинотеатр. И улицы полны народа, шумны, оживленны, вокруг множество детей и подростков...

Несколько десятков поселков Нового Запорожья жмутся к своим любимцам — «Запорожстали» и Днепрогэсу.

И каждый поселок похож на отдельный город, а все

они соединены между собой чудесными асфальтовыми или мощенными брусчаткой дорогами.

Днепр перегородила сказочная плотина Днепрогэса, на огромной территории раскинулась «Запорожсталь». И шумит, гремит, гудит «Запорожстрой».

Туда и сюда спешит весьма занятой рабочий люд Нового Запорожья...

Только запорожский трамвай ходит не спеша, и у него вид философски настроенного человека: «Пускай, мол, земля себе вертится, солнце светит, а волы идут помаленьку...»

— Куда же это вы, дяденька, на волах, да еще и на арбе?

— Письмо нужно отвезти на почту. Гей, аге-ей!

* * *

И сильно захотелось нам узнать мнение знаменитого кошевого атамана Ивана Сирко о том, что же теперь происходит на земле запорожской.

— Сходим,— говорю,— пан атаман, поглядим, какая она нынче — Сечь Запорожская? И какие нынче они— запорожцы?

— Пойдем, пойдем,— охотно согласился славный кошевой, закидывая за ухо упругий ус и пряча под шапкой свой длинный оселедец.— Давай сходим!

И пошли...

— Покажи-ка мне первый курень,— сказал кошевой атаман.— Где он нынче? И каков он?

— Первый,— говорю,— курень, пан атаман, называется теперь «Теплоэлектроцентраль».

— Как? Как? — недоумевал кошевой, пристально глядя на меня.

— «Теплоэлектроцентраль». ТЭЦ!

— Тепло... центро... Да я и не вымолвлю такое слово!— пожал плечами атаман.— Что ж она делает?

— Жмет,— говорю,— на тридцать две атмосферы.

— Кого жмет?

— Пар дает. И паром жмет. Словом, дает давление.

— Только жмет? И больше ничего? Делать ей больше нечего, что ли? А кто ж командует?

— Воеводин,— говорю,— и Рогачев!

— Куренные?

— Инженеры!

— Сменить их немедля! Уж коли она, эта центораль, или как там ее звать, жмет, то пускай знает, кого жать полагается. Пусть басурмана жмет — за нашу Отчизну, за братьев-запорожцев! А то жмет бог весть кого! И зачем жмет, тоже неизвестно! Черт знает, что такое творится! Смените!

Кошевой атаман потупился, сердито ус подергал.

— Ну, а еще какой тут курень есть? И где он?

— Второй курень называется нынче «домна номер три».

— Домаха?

— Не Домаха, а домна, пан атаман!

— Баба? Это на Сечи-то? До какого позора довели нашу славную Запорожскую Сечь! Баба, да еще и «номер три». Выходит, что она не одна, она — третья, всего-то, значит, аж три?

— Четыре!

— Целых четыре?! И все Домахи? А кто разрешил? Кто тут нынче за кошевого?

— Дымшиц. Начальник треста — так нынче называют его.

— А где ж его курень?

— На территории «Металлургстроя».

— Там и знамена?

— Да, и переходящее красное знамя там.

— Надо бы мне повидаться с этим новым кошевым.

— Ничего не выйдет, пан атаман. У него как раз сейчас много всяких хлопот. Надо пускать ТЭЦ и домну номер три. В эту ночь он спал всего сорок минут. Не стоит беспокоить!

— Не выспался, значит? А что ж мешало? Комары кусают? Ох, эти чертовы комары! Они и меня донимали. Когда я тут атаманил, приходилось на лодке кизяковый костер разжигать, чтоб дымом комаров отгонять. Иначе и задремать невозможно было! Так что ты и новому кошевому посоветуй: пусть кизяков не жалеет! Мошкара дыму боится!

— Нет в том надобности! Вот уже дымит ТЭЦ. Дым вьется и над домной номер три, которую нынче на сушку поставили!

— Домаху сушат? Почему ж она мокрая? Стирала, что ли? Вот чертова баба! Как видно, сорочки полоскала, да вся и забрызгалась. Я ж говорю, что нельзя баб на Сечь пускать. Хлопот с ними не оберешься! То горшки кочергой перебьет, то промокнет,— сушить приходится!

— Домна, пан атаман, сорочек не стирает. И сушат ее по другой причине. Из нее вот-вот огненный поток чугуна польется!

— Чугуна, говоришь? Чугун — нужная вещь. Без него борщ и галушки не сваришь. А какой это полезный предмет в походе! Не бьется, не трескается! Плохо запорожцу без чугуна. Так что пускай работает! — Иван Сирко повернулся в другую сторону.— А вон тем куренем кто командует?

— Щербаков! Да и начальниками он назначил славных казаков: Светлицкого, Бутовецкого, Сыроватку, Лыська, Шевченка, Каленка...

— Есаулы они?

— Нет, начальники смен, мастера, бригадиры!

— Ну и Домаха! За ней одной столько казаков ухаживает?

— Так ведь она, домна-то, вещь, пан атаман, серьезная! Нужно много знаний, мастерства, внимания и умения проявить, чтоб она исправно хороший чугун давала!

— А они умеют такое?

— Умеют! Еще и как умеют, пан атаман! А главное — любят домну свою! Так и говорит каждый: «Домну свою люблю сильней, чем жену».

— Ишь ты, какие! — Кошевой атаман подкрутил усы, крякнул и тут же вздохнул.

Долго ходили мы с ним вокруг да по самой домне номер три, восстановленной после войны; рудный двор осмотрели, подъемник, сложное цеховое хозяйство. Само собой, электрооборудование, разливочную машину. И убедились, что все к пуску готово...

Подле одной машины кошевой задержался.

— А это что такое? — спрашивает.

— Пушка Брозиуса,— говорю.

— Стреляет?

— Стрелять-то стреляет, но не так, как запорожские пушки.

— А как?

— Это вот какая пушка,— говорю.— В ее дуло загружают массу из огнеупорной глины, потом наводят на то отверстие в доменной печи, которое называется леткой, включают ток. Пушка стреляет огнеупорной массой и замуровывает летку, чтобы металл не вытекал оттуда... Вот какая это пушка!

Долго смотрел на пушку Брозиуса пан атаман. Ощупывал ее и гладил, приговаривая:

— Так... так...

Затем мы дальше пошли. Атаман спрашивает:

— А где ж курени?

— Вот,— говорю. — Этот курень называется мартеном.

— Мартыном? Может, еще и с балалайкой? —усмехнулся в усы кошевой.

— Не Мартын это, а мартен. Здесь будут сталь варить. Гитлеровцы и его разрушили. Будет с ним еще много хлопот и товарищу Чудану, начальнику «Стальконструкции», и товарищу Недужко, начальнику сварочных и монтажных работ.

— Куренные?

— Берите выше! Это специалисты-новаторы! Гордость «Запорожстроя»! Лауреаты государственной премии!

— Никак я не раскумекаю, что тут и к чему,— огорчился атаман.— Люди не те. И штаны не похожие! Где наши-то широкие штаны, спрашиваю?

— Да ведь неудобно нынче в широких штанах тут ходить. Зацепятся за конструкцию непременно! Это ж вам не курганы в степи!

— И оселедцев не видно,— вздохнул кошевой.

— Селедку можно в гастрономе купить.

— Да я не про селедку!— разгневался атаман.— Про чубы казацкие говорю!

— Сбрили чубы. Как же электросварщику с казацким оселедцем работать? Сгорит немедля!

— Охо-хо-хо,— сердито махнул рукой кошевой.— А еще запорожцами прозываются! И что ж это за запорожцы без оселедцев? Черт его знает что, а не казаки! Есть еще курени?

— Есть! Вон там, чуть подальше, «слябинг»!

— Слабый?

— Нет, не слабый! Стопудовые «слябы» катает!

— Чудеса в решете! — засмеялся атаман.— И не слабый, говоришь, а «слябингом» называется. Уж коли ты «слябинг», то нужно к бабке-знахарке обратиться. Пускай пошепчет...

— Тут и без такой бабки пошепчут. Вот-вот загудит рольгангами!

— Слова-то какие у тебя! Центро и тепло... Слабинг... Рольганг... Язык заплетается... Да и ничего я тут не раскумекаю. Нынче Сечь какая-то не такая! — Атаман задумался, потом сказал: — Пойду-ка да прилягу, пожалуй!

— Идите,— говорю,— пан атаман, ложитесь и спите спокойно. Тут и без вас пылать будут домны и мартены, загудят рольганги и прокатные станы. Холодный и горячий прокат развернется. И тысячами тонн пойдет высококачественный и тонкий стальной лист... Так что отдыхайте в свое удовольствие!

* * *

Вечереет...

На «Запорожстрое» как будто затихает шум... Тишина явственнее...

А воздух свежий, душистый,— ведь вчера над Запорожьем ливень прошел.

Весело зеленеют деревья, поля, огороды...

За столиком, около киоска, сидят человек десять рабочих.

Один из них неожиданно запел:

Ой там Василь сіно косить,
Ой там Ва-а-а-си-иль...

А в это время то тут, то там вспыхивают ослепительные электроискры, рядом ТЭЦ дает давление в тридцать две атмосферы... И вдруг это самое: «Ой там Василь сіно косить...»

Как же умело сочетает наш советский народ творческий трудовой пыл с песней, книжкой, с тягой к культуре...

Таков наш прекрасный народ!

Василь, как и в далеком прошлом, где-то сено косит, а тут восстанавливают гигантские заводы... И поют про Василя! А на сенокосе песнями славят бригадира Румянцева или Щербинкина, которые выполняют свои нормы на триста процентов...

Так пусть же льются песни про таких людей на всех просторах нашей Родины!

Наши люди достойны песен!

1947

О курах, индюках, директорах и пр.

Как свидетельствуют древние легенды, один популярный человек, живший не до рождества Христова и не после рождества, а явившийся как раз во время самого рождества, творил чудеса.

Чудеса эти были в области медицины (воскресение мертвых), в области речного транспорта (хождение по воде, как по суше) и т. д.

Сотворил этот человек якобы одно чудо и в области пищепрома: накормил пятью хлебами и пятью тараньками пять тысяч человек.

Ужиная как-то в одной столовой, разговорились мы с директором этой столовой.

Директор все нам доказывал, что за последнее время на его предприятии не порции уменьшились, как жалуются клиенты, а у клиентов аппетиты увеличились.

— Не могу я,— горячо говорил директор,— следить за аппетитами своей клиентуры! За порциями смотреть — это мое дело, и я заверяю вас, что порции у меня в норме, такие, как им и положено быть, а за аппетитами пусть следят те, кому это надлежит.

Мы доказывали директору, что усиление аппетитов у клиентов столовой и вообще у всех «клиентов» — явление вполне закономерное. Жизнь после войны наладилась, народ повеселел, и, понятно, ему хочется есть вкуснее.

— Ну, знаете,— разгорячился директор,— так мож-

но дойти до того, что мне никакими порциями своих клиентов не удовлетворить!

— Удовлетворите! — настаивали мы. — Должны удовлетворить! Нужно только следить за тем, чтобы телятина попадала в кастрюлю, а не мимо нее, а свиные отбивные отбивались на столе, а не на клиентуре.

В разговоре с директором мы шутя и рассказали ему легенду о чуде с пятью хлебами и пятью тараньками.

Директор даже подскочил:

— Адрес!

— Какой адрес?

— Того человека!

— Умер,— усмехнулись мы,— тот человек, так что придется вам самому кормить людей, и кормить не чудесами, а хорошими блюдами.

— Ай, какая жалость!— опечалился директор.— Такой неоценимый для нашего дела человек! Три ставки дал бы ему! Пять ставок дал бы! Ей-богу, дал бы!

И директор крепко задумался.

Думал-думал директор и сказал девушке-официантке:

— А позовите-ка мне старшего повара!

Подошел старший повар, пожилой уже человек, солидный, хороший, видать, специалист в кулинарии...

— Знакомьтесь,— познакомил нас директор.—Старший наш повар. Герасим Петрович Бефстроганенко! Сорок лет производственного стажа! Прекрасный специалист!

Герасим Петрович скромно присел к столу.

— Что прикажете, товарищ директор? — спросил старший повар.

— Слыхали вы, Герасим Петрович, легенду о том, как один человек пятью хлебами накормил пять тысяч человек?

— Да, слыхал когда-то, еще в детстве, будто было когда-то такое чудо. Вот не помню только, наелись ли те люди, или не наелись.

— Говорят, вроде наелись, потому что еще осталось несколько коробов хлеба и рыбы!

— Байка, разумеется,— закуривая, сказал старший повар,— однако такое чудо бывает и на моей работе.

И старший повар как-то печально вздохнул.

— Почему вы так тяжко вздыхаете, Герасим Петрович? — поинтересовались мы.

— Да так...— нехотя ответил Герасим Петрович.

— Скажите, будьте добры,— обратились мы к старшему повару,— если, конечно, это не секрет вашего производства, как вам удается делить, к примеру, хотя бы жареную курицу, чтобы все порции были более или менее одинаковые и по вкусу и по калорийности и т. д.? Чтобы клиент был доволен!

— Сложная математика! — усмехнулся Герасим Петрович.

— А все-таки? Дома, например, когда случается делить курицу, и то не обходится без недоразумений... У курицы, к сожалению, только две лапки, а за столом сидят четыре человека и каждому хочется лапку... Ну, и бывает, что мать, разрезая курицу, одному дает лапку, другому дает лапку, а третьему, чересчур уже настойчиво-визгливому, дает ложкой по лбу. Но это мать! А вам хлопнуть беспокойного клиента уполовником по кепке не очень-то рекомендуется... Как же вы выходите из положения? Расскажите, пожалуйста!

Герасим Петрович посмотрел на директора и начал.

— Ну вот... Привозят нам с базы, к примеру, двадцать куриц. Из каждой курицы я должен сделать определенное число порций, потому что в меню на сегодня, скажем, жареная курица с гарниром... Так... Выдают, значит, мне из кладовой пятнадцать кур, я их жарю...

— Позвольте, Герасим Петрович! Вы сказали, что с базы вам привезли двадцать кур, а жарите вы почему-то пятнадцать...

Директор столовой заерзал на стуле.

— Обмолвились, Герасим Петрович! — подсказал директор.— Двадцать привезли с базы, двадцать вы и жарите...

— Бывает и так! — согласился Герасим Петрович.— Жарю, значит, я двадцать штук кур, потом беру, значит, пятнадцать кур и делю их на равные порции...

— Позвольте, Герасим Петрович! Опять у вас ошибка: зажарили, говорите, двадцать штук кур, а делите на порции пятнадцать... Обмолвились...

— Делю я, значит,—продолжал свое старший повар,— пятнадцать штук, потому что в данном случае захотелось не сырых, а жареных...

Директор столовой еще сильнее заерзал на стуле.

Герасим Петрович не обратил внимания на «ерзанье» директора и рассказывал дальше:

— Или возьмите свиные отбивные котлеты... Привозят мне с базы двести, к примеру, котлет... Я беру сто восемьдесят и жарю...

— Опять обмолвились...

Но старший повар не обращал внимания на реплики и говорил, говорил, говорил...

— Привозят с базы картошки примерно сто килограммов. Я беру семьдесят пять килограммов, чищу и варю или жарю...

Тогда мы уже не выдержали:

— Что это за математика?! — крикнули мы.

— А такая, как и в том чуде-юде,— повысил голос и Герасим Петрович.— Пятнадцатью курами кормим клиентов, когда нужно кормить двадцатью... Да и с котлетами... Да и с картошкой... А бывает и так, что в меню индюшка, а на тарелке — курица... Ну, это, по правде говоря, было еще при том директоре...

— Ну и что же? — спросили мы.

— Ничего. Был директором Савва Кузьмич, а стал Кузьма Саввич!

— А где же Кузьма Саввич?

— Там, где и Савва Кузьмич!

— Текучесть в директорах?

— Текучесть в индюшках всегда вызывает текучесть в директорах! Закон! И что характерно: индюшки текут по вертикали вверх, а директора по горизонтали в

народный суд... То ли нашей столовой так не везет, то ли она на таком месте стоит, я и сам не знаю,— пожал плечами Герасим Петрович.— По другим столовым и среди кур и индюшек, и среди директоров никакого движения,— мертвый штиль, а у нас этого мутного потока «бурно и много».

— Это, может, у вас, Герасим Петрович, индюки такие «резвые» и подвижные?

— Может, может... Только осточертело мне проделывать «чудеса» на манер пяти хлебов с пятью таранками. Пора прекратить! — решительно произнес Герасим Петрович.

— Прекратить!— сказали и мы не менее решительно...

1947

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Политические памфлеты времен Отечественной войны и послевоенные

Великомученик Остап Вишня. *Перевод Т. Стах* 5
Брехней свет пройдешь, да назад не вернешься... *Перевод Ф. Кравченко* 10
Иван Явор. *Перевод Б. Силина* 16
Челом. *Перевод его же* 20
Концепция ограниченного разума. *Перевод И. Кузьминой* . . 24
Самостийная свалка. *Перевод ее же* 27
Украинско-немецкая националистическая самостийная дырка. *Перевод ее же* 33
Министерство финансов. *Перевод ее же* 35
Предки и потомки. *Перевод ее же* 37
«Премьер-министр». *Перевод ее же* 41
Самостийная экономика. *Перевод ее же* 44
Кто за кого? *Перевод ее же* 46
Самостийная вылупливается. *Перевод ее же* 48
Очень самостийный гимн. *Перевод ее же* 51
Прошлое и настоящее. *Перевод ее же* 54
Куриный смех. *Перевод ее же* 56
Тристан на Крещатике. *Перевод ее же* 59
Освободители из самостийной дырки. *Перевод ее же* . . . 61
Хлюст. *Перевод Б. Силина* 63
И черт отказался... *Перевод его же* 67
Два сапога — пара. *Перевод его же* 70
Слава, морген, байл *Перевод его же* 72
Одни тебе румыны. *Перевод его же* 75
И про веревочки и про атомную бомбу. *Перевод его же* . . 78
Наша земля! Советская земля! *Перевод Т. Стах* 81
«Земельная рента». *Перевод Б. Силина* 86
«На пятке перстень». *Перевод Т. Стах* 88
Радиореферат по-английски. *Перевод ее же* 91

Дела не наши — дела монаршьи. *Перевод ее же* 94
Сутана и тиара. *Перевод Е. Весенина* 96
«Страдания молодого Вертера». *Перевод Б. Силина* 101
Пусть каплет. *Перевод его же* 106
«Турмерика». *Перевод Ф. Кравченко* 109
Ад трещит. *Перевод Т. Стах* 111
А народ войны не хочет! *Перевод Ф. Кравченко* 115

«ПОНЕДЕЛЬНИК»

Воспоминания и статьи о печати, искусстве и халтуре

Гнат Юра. *Перевод И. Собчука* 119
«Аида». *Перевод Е. Весенина* 124
Чей Шевченко? *Перевод И. Собчука* 126
Александр Довженко. *Перевод Т. Стах* 129
«Позорище». *Перевод Е. Весенина* 134
«Понедельник». *Перевод А. Тверского* 139
«Плуг». *Перевод его же* 144
«Вісті» 1924 года. *Перевод его же* 151
Мракобесие. *Перевод А. и З. Островских* 158
Весенний гром. *Перевод Б. Силина* 163
Дер Галушка. *Перевод его же* 166
Железный характер. *Перевод его же* 171
«И живы еще и здоровы все родичи гарбузовы». *Перевод его же* 174
Такие себе встречи и беседы. *Перевод его же* 179
Иван Карась, или... *Перевод его же* 182

ПРИВЕТ! ПРИВЕТ!

Усмешки колхозные, послевоенные

Дылда. *Перевод Ф. Кравченко* 189
Привет! Привет! *Перевод Е. Весенина* 193
Гиперболизаторы. *Перевод его же* 198
Давайте не забывать! *Перевод А. и З. Островских* . . . 202
Р-р-раз! *Перевод их же* 205
Ой ты, зимушка, зима... *Перевод их же* 207
Кочевники. *Перевод Ф. Кравченко* 211
Несчастная любовь. *Перевод А. и З. Островских* 214
Как дохнет, так и соврет. *Перевод Е. Весенина* 220
Дедов прогноз. *Перевод Ф. Кравченко* 225
«Спринтер». *Перевод Т. Стах* 229
«В воскресенье пью, пью...» *Перевод Б. Силина* 232
«Птицеводство». *Перевод его же* 235
Про механизацию. *Перевод А. и З. Островских* 237
«Гриць, Гриць, за работу...» *Перевод И. Кузьминой* . . . 243
Мы готовы! *Перевод Б. Силина* 246
Скок и Перескок. *Перевод его же* 249

Десятеро. *Перевод его же* 252
Рекордсмен. *Перевод его же* 255
Упрямая Маня. *Перевод Ф. Кравченко* 259
Говорила-балакала. *Перевод Е. Весенина* 261
«Типа «Фердинанд». *Перевод Б. Силина* 263
Гибель карьеры. *Перевод Е. Весенина* 266
Сорняк. *Перевод его же* 270
Думало. *Перевод его же* 275
Культура на замке. *Перевод Ф. Кравченко* 278
Сообразительный председатель колхоза. *Перевод И. Собчука* 281
Тютя под зонтиком. *Перевод Ф. Кравченко* 286
Стежки-дорожки. *Перевод его же* 289
Не в теще дело... *Перевод Е. Весенина* 293
В ночь под Новый год. *Перевод его же* 297
Ох, и Матрена же Карповна! *Перевод Ф. Кравченко* . . 300
Мечтатели. *Перевод А. Тверского* 307
Не ссориться! *Перевод его же* 310
Почему Бугай побледнел. *Перевод Е. Весенина* 313
Мыши подвели. *Перевод его же* 315
Тяжелая болезнь. *Перевод его же* 317
По ревизии. *Перевод Т. Стах* 320
Дедушки наши и бабушки наши. *Перевод Ф. Кравченко* . . 323
«Зоре моя, вечірняя...» *Перевод его же* 327

«ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

Бытовые улыбки и гримасы

Звонари. *Перевод Е. Весенина* 333
Держите... папашу! *Перевод А. Тверского* 337
Соседи злые — враги лихие. *Перевод Е. Весенина* 340
Помазок. *Перевод его же* 346
Кабы моя бабуся встали... *Перевод Т. Стах* 348
«Здравствуйте!» *Перевод И. Кузьминой* 352
Матч начинается в шесть ноль-ноль... *Перевод А. Тверского* 357
Физ-культ-ура! *Перевод Ф. Кравченко* 359
«Солист». *Перевод Т. Стах* 368
«Чудило». *Перевод Е. Весенина* 371
Эх вы, кони, кони вороные... *Перевод Б. Силина* 374

ЗЕНИТКА

Немножко о войне

Зенитка. *Перевод Т. Стах* 379
Хорошая-хорошая девушка. *Перевод И. Кузьминой* 384
«Блиц-криг». *Перевод Т. Стах* 387
Прямой наводкой. *Перевод ее же* 389
Самая нужная артиллерия. *Перевод Б. Силина* 393
«Шершень». *Перевод его же* 395
Доисторический инструмент. *Перевод Е. Весенина* 398

ШУТКИ ШУТКАМИ...

Городские «репьяшки»

Наша Москва. *Перевод Е. Весенина* 403
Львов. *Перевод И. Кузьминой* 409
«Ли-2». *Перевод ее же* 412
Музыкальная история. *Перевод Б. Силина* 417
«Судьба». *Перевод И. Кузьминой* 419
Про красные ноготки. *Перевод Б. Силина* 424
Шутки шутками... *Перевод его же* 426
Двадцать тысяч тонн. *Перевод его же* 429
Космическая катастрофа. *Перевод Е. Весенина* 432
Я еду в Москву. *Перевод его же* 436
«Она взяла Гриця и очаровала». *Перевод Б. Силина* . . . 440
«Расти, расти ты, клен-дерево!» *Перевод Ф. Кравченко* . . 444
Запорожцы. *Перевод его же* 448
О курах, индюках, директорах и пр. *Перевод Е. Весенина* 455

Остап ВИШНЯ
Избранные произведения в 3 томах.
Том II.

Оформление художника
Г. Фишера.

Технический редактор
А. Шагарина.

А 00340. Подписано к печати 17/I 1968 г.
Форм. бумаги 84×108¹/₃₂. Объем 24,78 печ. л.
20,43 уч.-изд. л. Тираж 240 000 экз. Изд. № 2355.
Заказ № 3018. Цена 90 коп.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типогр. «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16. Заказ № 1167.

Индекс 70679